

**ПОЖАР МОСКВЫ И ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ
1812 ГОД.**

Воспоминания сержанта Бургоня

(Memoires du sergent Bourgogne)

перевод с французского
Л. Г.

С-Петербург Издание А.С. Суворина 1898 Г.

Дозволено цензурою 11 сентября 1898 г. С-Петербург

Типография А.С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.

«Правда»– Пресс»
Москва 2005 год

Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год.

Воспоминания сержанта Бургоня. — Библиотека мемуаров. —

"Правда—Пресс", 2005. — 288 с.

Составитель Сергей Владимирович Кочнов.

Воспоминания сержанта Бургоня продолжают тему Отечественной войны 1812 года. Глазами сержанта армии Наполеона рассказывается о трагических днях позорного бегства самой сильной армии в Европе. Не морозы, а грубые просчеты Наполеона, решившегося на агрессию против России, погубили его войска. Армия Кутузова лишь довершила разгром врага и изгнала его с территории России.

ISBN — 5 — 85024-146-9

© Составление С.В. Кочнова

© "Правда—Пресс", 2005 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сентября 2-го (14-го), в час пополудни, пройдя через большой лес, мы увидели вдаль возвышенность, и через полчаса достигли её. Передовые солдаты, уже взобравшиеся на холм, делали знаки отставшим, крича им: «Москва! Москва!» Действительно впереди показался великий город; там, мы рассчитывали отдохнуть от утомительного похода, так как мы, императорская гвардия, сделали более 1 200 лье, нигде не отдыхая.

Был прекрасный летний день; солнце играло на куполах, колокольнях, раззолоченных дворцах. Многие, виденные мною столицы, Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня впечатление заурядное; здесь же другое дело: в этом зрелище, для меня, как и для всех других, заключалось что-то магическое.

В эту минуту было забыто всё — опасности, труды, усталость, лишения, и думалось только об удовольствии вступить в Москву, устроиться на удобных квартирах на зиму и заняться победами другого рода — таков уж характер французского воина: от сражения к любви, от любви к сражению.

В то время, как мы любовались городом, пришло распоряжение одеться в парадную форму.

В этот день я был в авангарде ещё с пятнадцатью товарищами и мне поручили стеречь нескольких офицеров, оставшихся в плену после большого Бородинского сражения. Многие из них говорили по-французски. Между ними находился, между прочим, и православный поп, вероятно полковой священник, также очень хорошо говоривший по-французски; он казался более печальным и озабоченным, чем все его товарищи по несчастью. Я заметил, как и многие другие, что когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знаменем. Я подошёл к священнику и осведомился, что означает эта манифестация. «Сударь, отвечал он — гора, на которой мы находимся, называется «Поклонной» и всякий добрый москвич, при виде святынь города, обязан

перекреститься». Через минуту мы уже спускались с горы, а ещё через четверть часа пути очутились у ворот города.

Император уже находился там со своим генеральным штабом. Мы сделали привал; тем временем я заметил, что под самым городом, по левой руке раскинулось обширное кладбище. Немного погодя, маршал Дюрок, незадолго перед тем вступил в город, вернулся и представился императору вместе с несколькими жителями, говорившими по-французски. Император обратился к ним с вопросами; затем маршал доложил императору, что в Кремле собралось множество вооружённых людей — большей частью преступников, выпущенных из тюрем, и что они стреляют в кавалерию Мюрата, составляющую авангард. Несмотря на многократные требования, они отказывались отпереть ворота. «Все эти негодяи — шьяны, — добавил маршал, — и не хотят слушать никаких резонов». — «Пусть же выбьют ворота пушками!» — Отвечал император, — и выгонят оттуда всё, что там засело».

Так и сделали; король Мюрат взял на себя эту обязанность, два пушечных выстрела — и весь сброд рассыпался по городу. После того король Мюрат двинулся дальше по городу, преследуя русский арьергард.

Послышались раскаты всех барабанов, затем раздалась команда: *Garde a vous!* То был сигнал вступления в город. В половине четвёртого по полудни мы вступили колонной, тесно сплочённой по взводам. Авангард, в составе которого входил и я, состоял из тридцати человек, командовал им Цезарис, поручик нашей роты.

Только что вступили мы в предместье, как увидели идущих на нас тех самых негодяев, которых выгнали из Кремля, у всех были убийственные рожи и вооружены они были ружьями, пиками, вилами. Едва перешли мы через мост, отделявший предместье от города, как из-под моста выскочил какой-то субъект и направился на встречу войскам, он был в овчинном полушубке, стянутом ремнём, длинные седые волосы развивались у него по плечам, густая белая борода спускалась по пояс. Он был вооружён вилами о трёх зубьях, точь в точь, как рисуют Нептуна, вышедшего из вод.

Он гордо двинулся на тамбур-мажора, собираясь первый нанести ему удар; видя, что тот в парадном мундире, в галунах, он вероятно принял его за генерала. Он нанёс ему удар своими вилами, но тамбур-мажор успел uklonиться и, вырвав у него смертоносное оружие, взял его за плечи и спустил с моста в воду, откуда он только что перед тем вылез; он скрылся в воде и уже не появлялся, его унесло течением, больше мы его и не видали.

Далее нам встретились и другие русские, стрелявшие в нас; но так они никого не ранили, то у них просто вырывали ружья, разбивали, а их самих спроваживали, ударяя прикладами в зад. Часть оружия была взята нами из арсенала в Кремле; оттуда же были взяты ружья с трупом вместо кремней, труп кладут всегда, когда ружья новы и стоят в козлах. Мы узнали, между

прочим, что эти несчастные покушались убить одного офицера из генерального штаба короля Мюрата.

Пройдя мост, мы продолжали путь по широкой прекрасной улице. Нам удивило, что не видно было ни души, даже ни одной женщины и некому было слушать музыку, игравшую «Победа за нами!» Мы не знали, чему приписать такое полное безлюдье. Мы воображали, что жители, не смея показываться, смотрели на нас сквозь щелки оконных ставень. Кое-где попадались лакеи в ливреях, да несколько русских солдат.

После перехода, длившегося около часа, мы очутились перед первой оградой Кремля. Но нас заставили круто повернуть налево и мы вступили в улицу ещё лучше и шире первой; она привела нас на Губернаторскую площадь. В ту минуту, как остановилась колонна, мы увидели трёх дам, выглядывающих из окна нижнего этажа.

Я очутился на тротуаре, вблизи одной из этих дам; она подала мне кусок хлеба, чёрного, как уголь, и перемешенного с мякиной. Я поблагодарил её и в свою очередь подал ей кусок белого хлеба, полученный мной от тётки Дюбуа, маркитантки нашего полка. Дама покраснела, а я засмеялся; тогда она, не знаю зачем, тронула меня за рукав и я продолжал путь.

Наконец пришли мы на Губернаторскую площадь; мы сомкнулись в массу, против дворца Ростопчина, губернатора города, того самого, который распорядился поджечь его. Нам объявили, что весь наш полк назначен пикетом и что никто ни под каким видом не смеет отлучаться. Но, несмотря на это, через полчаса вся площадь была покрыта всякой всячиной, чего только душе угодно; тут были разных сортов вина, водка, варенье, громадное количество сахарных голов, немного муки, но хлеба не было. Солдаты входили в дома на площади, чтобы потребовать еды и питья, но, не находили ни души, сами брали, что им было нужно. Вот почему накопилось столько добра.

Мы расположили наш пост под главными воротами дворца, где направо находилась комната, довольно обширная для помещения караула и нескольких пленных русских офицеров, которых привели к нам, найдя их в городе. Что касается первых офицеров, приведённых нами вплоть от Москвы, то мы всех их, по приказанию начальства оставили у входа в город.

Дворец губернатора был довольно велик и совершенно европейской конструкции. В глубине входа помещались справа две прекраснейших лестницы; они сходят в бель-этаж, где имеется большой зал, с овальным столом посередине; в глубине висит большая картина, изображающая русского императора Александра на коне. Позади дворца обширный двор, окружённый зданиями, предназначенными для прислуги.

Час спустя после нашего прибытия начался пожар, на правой стороне показался густой дым, потом взвился вихрь пламени; никто однако не

знал, откуда это происходит. Вскоре нам сообщили, что горит базар, квартал купцов. «Вероятно, — объясняли некоторые, — это мародёры армии по неосторожности заронили огонь, входя в лавки за продовольствием.»

Многие, не участвовавшие в этой кампании, говорят, что пожар Москвы был гибелью армии; что касается меня и многих других, то я думаю, наоборот, что русские могли бы и не поджигать города, а просто увезти с собой или побросать в Москву реку всё продовольствие, опустошить край на десять лье в окружности — что было не трудно, так как часть края пустынна — и тогда нам, по прошествии двух недель, поневоле пришлось бы убраться.

После пожара все ещё оставалось достаточно жилищ, чтобы поместить всю армию, и даже если допустить, что все жилища сгорели — и тогда оставались бы подвалы.

В семь часов заторелось за губернаторским домом: полковник сейчас же пришёл к нам в караул и приказал немедленно выслать патруль в 15 человек; в том числе был и я. Цезарис отправился с нами, во главе патруля. Мы двинулись в ту сторону, где горело, но едва сделали мы шагов триста, как нас салютовали ружейными выстрелами справа и слева. В первую минуту мы не придали этому значения, всё ещё думая, что это пьяные солдаты армии. Но пятьдесят шагов дальше из какого-то тупика опять раздаются выстрелы, направленные прямо в нас.

В ту же минуту возле меня послышался крик и я убедился, что один из солдат ранен. Действительно, пуля попала ему в ляжку, но рана была не опасна, так как не мешала ему идти. Решено было тотчас же вернуться к месту стоянки полка; но едва успели мы повернуть, как ещё два выстрела из того же закоулка заставили нас изменить намерения. Решили поближе рассмотреть, в чём дело. Мы подошли к дому, откуда заметили выстрелы, выломали ворота и очутились лицом к лицу с девятью дюжины молодых, вооружёнными копьями и ружьями — они не пускали нас войти.

Тотчас же завязался во дворе бой, довольно неравный, так как нас было девятнадцать человек против девяти; но думая, что их там больше, мы первым делом уложили на месте троих, первых подвернувшихся нам под руку. В одного капрала попал удар пикой между кожаной амуницией и одеждой; не чувствуя себя раненым, он схватил пику своего противника, бывшего несравненно сильнее, так как у капрала только рука была свободна, в другой он принуждён был держать ружьё; поэтому он с силой был отброшен к двери подвала, не выпуская, однако, из руки древко пик. В эту минуту русский упал, сражённый двумя ударами штыком. Офицер своей саблей отсек кисть руки у другого русского, чтобы заставить его выпустить пику, но так как тот ещё угрожал, то его живо усмирили пулей в бок и отправили к Плутону.

Тем временем я с пятью солдатами держал остальных четверых, ещё остававшихся у нас противников (трое улизнули) до того тесно прижатыми к стене, что они не в состоянии были пустить в дело своих пик, при малейшем движении мы могли проткнуть их нашими штыками, скрещенными у их груди, по которой они били себя кулаками, как бы для того, чтобы бравоировать нас. Надо прибавить, что эти несчастные были пьяны, — напившись водки, которую предоставили им в волю, так что они были точно бешенные. Наконец, чтобы покончить скорее, мы принуждены были поставить их в невозможность сражаться.

Мы поспешили осмотреть дом; в одной из комнат мы застали двоих из бежавших людей: увидев нас, они были так поражены, что не успели схватить своё оружие, которое мы забрали себе; тем временем они спрыгнули с балкона.

Так как мы отыскиали всего двоих людей, а ружей было на лицо три, то мы стали искать третьего и нашли его под кроватью; он вышел к нам, не заставляя себя просить и крича: «Боже! Боже!» Мы не сделали ему никакого вреда, но удержали при себе, чтобы он мог нам служить проводником. Он был, как и другие, отвратителен и безобразен, — каторжник, как и прочие; на нём был овчинный тулуп, подпоясанный ремнём. Мы вышли из дома. На улице мы увидали тех двух колодников, что выскочили из окна, один был мёртв, разбив себе голову о мостовую; у другого были сломаны обе ноги.

Мы оставили их, а сами решили вернуться на Губернаторскую площадь. Но каково было наше изумление, когда мы увидели, что это невыполнимо, настолько распространился пожар: пламя справа и слева образовало сплошной свод, под которым нам приходилось идти, а это было невозможно, при сильно дувшем ветре и в виду того, что некоторые крыши стали проваливаться. Мы принуждены были избрать иную дорогу и направиться в ту сторону, откуда раздались другие ружейные выстрелы; к несчастью, мы не умели ничего втолковать нашему проводнику.

Пройдя шагов двести, мы увидели по правую руку какую-то улицу; но прежде чем войти в неё, мы, ради любопытства, пожелали осмотреть дом, откуда раздавались ружейные выстрелы, — с виду он показался нам очень красивым. Мы пропустили вперёд нашего пленного и сами шли за ним; но вдруг раздались тревожные крики и выскочило несколько человек с зажжёнными факелами в руках; пройдя через большой двор, мы убедились, что место, где мы находимся, не простой дом, а великолепный дворец. Раньше чем войти в него, мы оставили у ворот двух часовых, с распоряжением предупредить нас в случае нападения врасплох. У нас были свечи, мы зажгли их несколько и вошли: от роду я не видывал жилища с такой роскошной мебелировкой, как-то, что представилось нашим глазам; в особенности поражала коллекция картин голландской и итальянской школы.

Между прочими богатствами особенно привлек наше внимание большой сундук, наполненный оружием замечательной красоты, которое мы и растащили. Я взял себе пару пистолетов в оправе, украшенной жемчугом; да ещё взял себе также снаряд, употребляемый для испытания силы пороха (пробная мортирка).

Уже около часу мы бродили по обширным, роскошным хоромам, в стиле для нас совершенно новом, как вдруг раздался страшный взрыв: он шел откуда-то снизу из-под того места, где мы находились. Сотрясение было страшно сильное: мы думали, что будем под развалинами дворца. Мы проворно спустились вниз, со всякой осторожностью, но были поражены, не застав наших двух солдат, поставленных на часах у дверей. Довольно долго проискали мы их, наконец, нашли на улице, они сказали нам, что в момент взрыва они поскорее убежали, думая что весь дом обрушится на нас. Перед уходом мы хотели узнать причину напугавшей нас катастрофы; оказывается, в обширной столовой обрушился потолок, хрустальная люстра разлетелась вдребезги и всё это произошло от того, что нарочно были положены ядра в большую изразцовую печь. Русские рассудили, что для того, чтобы истреблять нас, всякое средство годится.

Пока мы были в доме, размышляя о многих вещах, которых ещё не понимали, мы услышали крики: «Горим! горим!» Это наши часовые заметили, что дворец загорелся. Действительно, из многих мест повалили клубы дыма, сперва чёрного, потом багрового, и в один миг всё здание очутилось в огне. По прошествии четверти часа, крыша из крашеного глянцевитого тол рухнула с страшным треском и увлекла за собой три четверти всего здания.

Сделав несколько кругов, мы попали в довольно широкую и длинную улицу, где направо и налево возвышались великолепные дворцы. Она должна была привести нас в ту сторону, откуда мы пришли, но каторжник, служивший нам проводником, ничего не мог сообщить нам; он был полезен нам лишь на то, чтобы по временам тащить нашего раненого: ему стало трудно идти. Во время нашего странствия мы встречали проходивших мимо людей с длинными бородами и зловещими лицами; при свете факелов, которые они несли в руках, они казались ещё страшнее; не подозревая их намерений, мы пропускали их.

Дальше мы встретили гвардейских егерей и от них узнали, что это сами русские поджигают город и что встреченным нами людям поручено выполнять этот замысел. Действительно, минутой спустя, мы увидели троих русских, поджигавших православную церковь. Заметив нас, двое побросали свои факелы и убежали; мы подошли к третьему — тот не бросил факела, а, напротив, старался привести в исполнение своё намерение; но удар прикладом в затылок сломил его упрямство. В ту же минуту мы встретили патруль егерей, заблудившихся точно также, как и мы. Командовавший ими

сержант рассказал мне, что они видели каторжников, поджигавших несколько домов, и что одному из них он принужден был отсечь кисть руки саблей, чтобы заставить его бросить факел, но когда факел выпал у него из правой руки, он поднял его левой, с намерением продолжать поджоги; они принуждены были убить его.

Немного дальше мы услышали голоса женщин, звавших на помощь по-французски; мы вошли в дом, откуда слышались крики, думая, что это маркитантки армии в драке с русскими. Войдя, мы увидели разбросанные в беспорядке разнообразные костюмы, показавшиеся нам очень богатыми, и навстречу нам вышли две дамы, взволнованные и растрёпанные. При них был мальчик лет 12-15; они умоляли нас оказать им покровительство против солдат русской полиции, которые хотели поджечь их жилище, не дав им времени унести свои пожитки, между коими была одежда Цезаря, шлем Брута, латы Жанны д'Арк; дамы объяснили нам, что они актрисы, что мужья их поневоле должны были уйти в поход вместе с русскими. Мы воспрепятствовали пока поджогу дома, забрав с собой русских полицейских; их было четверо; мы увели их к своему полку, все ещё стоявшему на Губернаторской площади; прибыли мы туда с немалыми затруднениями, не раньше двух часов ночи и со стороны противоположной той, откуда пришли.

Полковник узнав о нашем возвращении, явился к нам, чтобы выразить своё неудовольствие и допросить нас, где это мы пропадали с 7-ми часов вчерашнего дня. Но когда он увидел наших пленников и нашего раненого товарища и когда мы рассказали ему про испытанные нами опасности, он объявил, что рад нашему возвращению и что мы доставили ему сильное беспокойство.

Бросив взгляд на площадь, где расположился на бивуаках полк, мне представилось, что я вижу перед собой сборище разноплеменных народов мира, — наши солдаты были одеты, кто калмыком, кто казаком, кто татарин, персиянином или турком, а другие щёголяли в дорогих мехах. Некоторые нарядились в придворные костюмы во французском вкусе, со шпагами при бедре, с блестящими, как алмазы, стальными рукоятками. Вдобавок, вся площадь была усеяна лакомствами, каких только душе угодно — винами, ликёрами, в большом количестве; был небольшой запас свежего мяса, много окороков и крупной рыбы, немного муки, — а хлеба не было.

На другой день после нашего прибытия, 3 (15-го) сентября, в 9 часов утра, полк покинул Губернаторскую площадь, чтобы перенестись в окрестности Кремля, где поместился император, а так как ещё не прошло двадцати четырёх часов моего дежурства, то я с 15-тью товарищами был оставлен во дворце губернатора.

Около десяти часов я видал генерала, подъехавшего верхом; кажется, это был генерал Пернетти, он привёл с собой человека, ещё молодого, в овчин-

ном тулупе, подпоясанном красным шерстяным кушаком. Генерал спросил меня, не я ли начальник поста, и на мой утвердительный ответ сказал: «Хорошо, заберите этого человека и убейте его штыками, — я застал его с факелом в руках поджигающим дворец, где я квартирую.»

Я тотчас же отрядил четырёх солдат для выполнения приказа генерала. Но французский солдат мало склонен к подобным хладнокровным экзекуциям: удары, которые они наносили ему, не проникали сквозь овчину; мы вероятно пощадили бы его жизнь, если бы не генерал, который, желая удостовериться, исполнят ли его приказание, не уезжал до тех пор, пока несчастный не упал замертво, сражённый выстрелом, который один солдат нанёс ему в бок, чтобы не заставлять его страдать от штыков. Мы так и оставили его на площади.

Вскоре явился другой субъект, житель Москвы, француз по происхождению, парижанин, выдававший себя за владельца бань. Он пришёл просить у нас защиты, так как его дом собираются поджечь. Я дал ему четырёх солдат, но они вскоре вернулись говоря, что уже поздно — обширное здание бань всё объято пламенем.

Несколько часов спустя после нашей злополучной экзекуции солдаты поста пришли доложить им, что какая-то женщина, проходившая по площади, бросилась на безжизненное тело несчастного молодого человека. Я пошёл посмотреть; она старалась дать нам понять, что это её муж или родственник. Она сидела на земле, держа на коленях голову убитого, проводила рукой по его лицу, по временам целовала его, но не проливая ни одной слезы. Наконец, утомившись смотреть на сцену, раздиравшую мне душу, я заставил её войти в караульную; я подал ей рюмку водки, которую она выпила с удовольствием; за этой рюмкой последовала вторая, третья и ещё другая, — сколько бы ей ни предлагали. Она старалась объяснить нам, что не уйдёт отсюда три дня, дожидаясь пока мёртвый не воскреснет; очевидно, она думала, как всё русское простонародье, что по прошествии трёх дней покойник является своим близким; в конце концов она заснула на диване.

В пять часов наша рота вернулась на площадь; она снова была потряжена пикетом, так что моя надежда отдохнуть не осуществилась — я опять был назначен в дежурство на сутки. Остальная часть полка, точно также, как часть гвардии, были заняты тушением пожаров, приближающихся к Кремлю; временно удалось остановить распространение огня, но вслед затем он опять вспыхнул сильнее прежнего.

После того как рота вернулась на площадь капитан разослал патрули в разные кварталы, между прочим, один был отправлен в квартал бань, но он тотчас же вернулся и командовавший им капрал рассказал нам, что в ту минуту, как они подходили, крыша бань обрушилась с страшным треском, и искры, разлетевшиеся кругом, подожгли другие здания во многих местах.

Весь вечер и всю ночь наши патрули только и делали, что приводили нам русских солдат, которых находили в разных частях города — пожар заставлял их вылезать из своих сокровенных убежищ. Между ними было два офицера, один из армии, другой из ополчения; первый беспрекословно позволил себя обезоружить, т.е. отдал свою саблю без возражений и попросил только, чтобы ему оставили золотую медальку, висевшую у него на груди; но второй, человек совсем ещё молодой и имевший на себе кроме сабли пояс с патронами, на за что не соглашался дать себя обезоружить, и так как он очень хорошо говорил по-французски, то объяснил нам, в виде довода, что принадлежит к ополчению; но в конце концов мы убедили его повиноваться.

В полночь опять вспыхнул пожар по близости от Кремля; удалось ограничить его распространение.

Но в 3 часа утра, он возобновился с новой силой и уже не прекращался.

В эту ночь, с 3(15-го) на 4-е (16-е), мне пришла охота, и ещё двоим моим товарищам, пройтись по городу и посетить Кремль, о котором мы так много наслушались. И вот мы отправились; для освещения пути нам не понадобилось факелов, но собираясь посетить жилища и подвалы русских бояр, мы захватили себе в провожатые каждый по человеку из роты, снабжённых свечами.

Мои товарищи уже немного знали дорогу, так как ходили по ней два раза, но кругом все ежеминутно менялось в следствии обрушившихся зданий, и мы скоро заблудились. Пробродив несколько времени без всякого толка, смотря по тому, как позволял нам огонь, мы к счастью встретили еврея, который рвал на себе волосы и бороду, глядя, как горела его синагога, где он состоял раввином. Он говорил по-немецки и мог поведать нам своё горе: оказывается, он и его соплеменники сложили в синагогу всё, что у них было самого драгоценного, и вот теперь всё погибло. Мы пытались утешить сына Израиля, взяли его за руку и велели вести нас в Кремль.

Не могу без смеха вспомнить, что еврей, среди такой-то суматохи, стал спрашивать нас, не имеем ли мы что продать или выменять. Я полагаю, он задавал нам эти вопросы просто по привычке — разве в подобный момент мыслима была какая-нибудь торговля? Пройдя по нескольким кварталам, и в большинстве объятых пламенем, и заметив много прекрасных улиц, ещё не тронутых, мы прибыли на маленькую площадь, слегка возвышенную, неподалёку от Москвы реки, и оттуда еврей указал нам на башни Кремля, ясно видневшиеся, как среди бела дня, при свете окрестных пожаров; на минуту мы остановились в квартале, чтобы осмотреть подвал, откуда выходило несколько улан гвардии. Мы забрали оттуда вина, сахару и много варенья; все это мы нагрузили на еврея, состоящего под нашим покровительством. Уже рассвело, когда мы прибыли к первой ограде Кремля; мы прошли под воротами из серого камня, увенчанными маленькой колокольней

с колоколом в честь св. Николая; под воротами, в углублении, находилось изображение этого святого в богатых ризах, и, проходя мимо, каждый русский набожно кланялся ему, даже каторжники — то был святой, покровитель России.

Очутившись за первой оградой, мы повернули вправо и, пройдя вдоль улицы, где нам очень трудно было пробираться из-за суматохи, царившей там вследствие пожаров, вспыхнувших в разных домах, занятых марки-тантками гвардии, мы не без усилий добрались до стены, увенчанной высокими башнями. Местами на верхушках башен виднелись большие золочёные орлы. Пройдя ещё под одни ворота, мы очутились на площади, против самого дворца. Со вчерашнего дня там поселился император; ночь со 2-го (14-го) на 3-е (15-е) сентября он провёл в предместье.

По прибытии в Кремль мы застали там товарищей из 1-го полка егерей, которые были назначены пикетом, и они пригласили нас завтракать. Нас угостили хорошим мясом, чего давно с нами не бывало, и превосходными винами. Еврей, которого мы все держали при себе, принуждён был, несмотря на своё отвращение, есть с нами и отведать ветчины. Правда, егеря, у которых оказалось много слитков серебра из казначейства, обещали ему купить у него что-нибудь: этих слитков, величиною с кирпич и такой же формы, было много.

Около полудни мы все ещё сидели за столом с нашими друзьями, прислонившись спинами к исполинским пушкам, стоявшим по обе стороны оружейной палаты, напротив дворца, как вдруг раздался крик: «К оружию!» Загорелось в Кремле. Не прошло минуты, как горящие головни полетели во двор, где находилась артиллерийская часть гвардии; тут лежало большое количество пакли, оставленной русскими, и часть её уже загорелась. Опасения взрыва вызвало некоторою суматоху, в особенности в виду присутствия там императора, и его, так сказать, насильно заставили покинуть Кремль.

Тем временем мы распрощались с нашими друзьями и отправились к своему полку. Нашему проводнику объяснили, где стоит полк, и он заставил нас взять такое направление, которое, по его словам, будет короче. Но не было возможности идти этой дорогой, пламя мешало нам подвигаться. Пришлось выждать, чтобы очистился проход — в эту минуту вокруг Кремля всё пылало, и силой ветра, неистово дувшего с некоторых пор, нам кидало в ноги горящие головни; пришлось приютиться в подвале, где уже засело много людей. Там мы оставались довольно долго, и когда вышли, то повстречали полки гвардии, идущие на стоянку в загородный Петровский дворец, куда уже перенёс своё пребывание император. Один только батальон, первый 2-го полка, остался в Кремле: он охранял дворец от поджога, и 6 (18-го) сентября поутру император снова туда вернулся. Я забыл рассказать, что принц Невшательский, желая взглянуть на пожар, свирепствующую

ший вокруг Кремля, поднялся вместе с одним офицером на одну из террас дворца, но их обоих чуть не снесло оттуда порывом ветра.

Ветер и пламя продолжали бушевать, но один проход оставался свободным, тот, откуда прошёл император. Мы пошли за ним следом, и через минуту очутились на берегу Москвы реки. Мы держались вдоль набережной до тех пор, пока не увидели улицу, не так сильно объятую пламенем, или же другую, уже совершенно погоревшую, так как по той улице, где только что прошёл император, многие дома обрушились после его прохождения и мешали нам туда проникнуть.

Наконец мы очутились в квартале, совершенно обращённом в пепел, и наш еврей старался узнать в нём улицу, которая должна была привести нас на Губернаторскую площадь; но ему очень трудно было отыскать какие-либо следы.

В этом новом направлении, какое мы приняли, Кремль оставался у нас по левую руку. Пока мы шли ветер гнал на нас горячий пепел, залеплявший нам глаза; мы углубились в улицы, не встречая никаких приключений, только слегка обжигая себе ноги, — приходилось ступать на листья, упавшие с крыш, и на горячую золу, засыпавшую все улицы.

Мы уже прошли порядочное расстояние, как вдруг увидели по правую руку совершенно оголённое пространство: то был еврейский квартал; маленькие домишки, выстроенные из дерева, сгорели до тла: при таком зрелище наш проводник пронзительно закричал и упал без чувств. Мы постыжились освободить его от ноши, вынули бутылку с водкой, заставили его проглотить несколько капель и плеснули ему в лицо той же водкой. Он открыл глаза. Мы стали спрашивать, что с ним такое? Он объяснил нам, что его дом сделался жертвой пламени и что, вероятно, его семейство всё погибло. С этими словами он снова лишился чувств, так что нам поневоле пришлось оставить его, хотя мы не знали, как выпутаться из такого лабиринта. Надо было однако на что-нибудь решиться, мы навьючили нашу ношу на одного из солдат и продолжали путь; но, по прошествии нескольких минут, принуждены были остановиться, встретив препятствие на пути.

Чтобы добраться до другой, нетронутой улицы, надо было пройти расстояние шагов в триста; мы не решались пройти это расстояние, опасаясь горячей золы, которая могла ослепить нас. Пока мы совещались, один из моих приятелей предложил пробежать это расстояние бегом. Я советовал подождать ещё, остальные разделяли моё мнение. Но тот, который внёс первое предложение, видя, что мы в нерешимости и, не дав нам времени одуматься, крикнул:

— Кто меня любит, тот за мной!

И бросился бежать. Трое из нас пустились за ним следом, а я с остался с тем солдатом, что нёс нашу поклажу, все ещё состоящую из трёх бутылок вина, пяти бутылок водки и варенья.

Не успели они сделать и тридцати шагов, как исчезли с наших глаз, первый упал в растяжку: следовавший за ним кое-как помог ему встать. Остальные двое закрыли себе лица руками и таким образом избегли опасности быть ослеплёнными, как первый, который ничего не видел — они попали в вихрь горячей золы. Первый, лишившись зрения, кричал и ругался напропалую, другие принуждены были поддержать его, но не могли ни привести его назад, ни сами вернуться туда, где находился я и солдат с ношей. Я тоже не решался пойти к ним, так как проход становился с каждой минутой всё опаснее. Более часу пришлось мне ждать прежде чем я мог присоединиться к товарищам. Тем временем тот, что почти ослеп, для того, чтобы промыть себе глаза, принужден был смочить платок уриной, пока не удалось промыть глаза вином, которое было со мной, а покуда я с солдатом, оставшимся при мне, осушили одну из бутылок.

Сойдясь опять, мы убедились, что дальше нет никакой возможности подвигаться, не подвергаясь опасности. И вот мы решили вернуться назад, но перед тем как повернуть, мы вздумали взять каждый по большому листу железа, покрыть ими себе головы, придерживая их с той стороны, откуда летела зола и головни; согнув лист в виде щита, каждый из нас приложил его у левому плечу, держа обеими руками, чтобы защитить голову и левый бок. Прижавшись тесно друг к другу и принимая все предосторожности, чтобы не быть раздавленными мы двинулись в путь. Впереди шёл один солдат, потом я, держа за руку почти ослепшего товарища, а остальные следовали сзади. Наконец, мы с трудом перешли через опасное место, хотя несколько раз рисковали быть сбитыми с ног.

Мы очутились в новой улице, где застали несколько еврейских семейств. Они казались удивлёнными при виде нас, вероятно, они ещё не видали французов в этом квартале.

Мы подошли к одному иудею и постарались ему втолковать, чтобы нас проводили на Губернаторскую площадь. Вызвался один отец с сыном и так как в этом огненном лабиринте путь местами заграждался развалинами обрушившихся или горящих домов, то лишь после многих обходов, затруднений и неоднократных остановок для отдыха мы вернулись в 11 часов вечера на то место, откуда вышли накануне.

С тех пор, как мы прибыли в Москву, я собственно ещё ни разу не отдыхал; зато теперь я улёгся на прекрасных мехах, принесённых нашими солдатами во множестве, и проспал до семи часов утра.

Рота ещё не была освобождена от дежурства в виду того, что все полки, фузелёры и даже молодая гвардия, состоявшие в распоряжении маршала Мортье, назначенного губернатором города, были заняты за последние 36 часов тушением пожаров, — потушат огонь с одной стороны, а он вспыхивает с другой. Однако всё-таки удалось спасти достаточно жилищ, даже сверх того, что нужно было для расквартирования войск; но это стоило не

мало труда — Ростопчин приказал увезти все пожарные трубы. Немногие оставшиеся трубы оказались негодными к употреблению.

4 (16-го) числа был отдан приказ расстреливать всех тех, кто будет уличен в поджогах. Этот приказ начали немедленно приводить в исполнение. Неподдалёку от Губернской площади находилась другая небольшая площадь, где было расстреляно несколько поджигателей и потом повешено на деревьях; это место навсегда сохранило прозвище, «Площади повешенных».

В самый день нашего вступления император отдал маршалу Мортье распоряжение запретить разграбление города. Этот приказ был сообщён в каждом полку, но когда узнали, что сами русские поджигают город, то уже не было возможности более удерживать нашего солдата, всякий тащил, что ему требовалось, и даже то, чего ему вовсе не было нужно.

В ночь на 5 (17-е) число капитан разрешил мне взять десятерых солдат, вооружённых саблями, и отправиться на добывание продовольствия. Ещё двадцать человек он отрядил в другую сторону, потому, что мародёрство или разграбление — как угодно — были разрешены, но приказано было производить как можно меньше беспорядка. И вот я отправился в третью ночную экспедицию.

Мы прошли по большой улице, прилегавшей к площади, где мы стояли. Хотя там два раза производились поджоги, но удавалось ограничить распространение огня и в конце концов посчастливилось эту улицу отстоять совсем. Поэтому там поселились многие из высших офицеров и чиновников армии. Мы проходили ещё по нескольким другим улицам, где от домов оставались только пустые места, намеченные железными листами с крыш; ветер предыдущих дней развеял самый пепел с пожарами.

Наконец мы добрались до квартала, где всё было ещё цело; между прочим, мы увидели несколько экипажей, но без лошадей. Кругом царила глубокая тишина. Мы осмотрели экипажи и ничего в них не нашли. Но едва успели мы отойти, как раздался позади яростный крик и повторился вслед затем ещё в нескольких местах. Мы стали прислушиваться, но более уже ничего не слышали. Тогда мы решили зайти в два дома, в один — я с пятерыми солдатами, а в другой — капрал с остальными пятью. Мы зажгли фонари, принесённые с собой, и с саблями в руках собрались войти в дома, надеясь найти там что-нибудь для себя полезное.

Дом, куда я хотел войти, был заперт и ворота забиты железными болтами. Это сильно меня раздосадовало, нам не хотелось шуметь, выбивая ворота. Но заметив, что открыт подвал, выходящий на улицу, двое людей спустились туда. Там находилась лестница, сообщавшаяся с внутренностью дома, и нашим людям ничего не стоило отпереть нам ворота. Мы вошли и очутились в бакалейной лавке; всё было в целости, только в одной комнате — в столовой, замечался некоторый беспорядок. На столе виднелись ос-

татки варёного мяса, на сундуке лежало несколько мешков с крупной медной монетой; может быть, ими пренебрегли или просто не могли забрать их с собой.

Осмотрев весь дом, мы расположились унести провизию, — там оказалось большое количество муки, масла сахару, кофе, а также большая бочка, полная яиц, уложенных слоями на овсяной соломе. Пока мы выбирали предметы продовольствия, не торгуясь, считая себя вправе захватить всё, раз это добро оставлено владельцами и с минуты на минуту может сделаться добычей огня, капрал, вошедший в дом с другой стороны, прислал мне сказать, что это дом каретника, где находится до тридцати маленьких элегантных экипажей, называемых дрожками. Он также велел сообщить мне, что в одной из комнат несколько русских солдат лежат на соломенных тюфяках и что, удивлённые появлением французов, они бросились на колени, скрестив руки на груди, моля о пощаде; наши, увидав, что они ранены, оказали им помощь и подали воды; сами они были не в силах принести себе напиток, так тяжки были их раны; по той же причине они лишены были возможности вредить нам.

Я тотчас же отправился к каретнику выбирать два хорошеньких экипажа, очень удобных, чтобы сложить туда все свои запасы, какие мы найдём, и с большей ловкостью перевезти их на место стоянки. Я увидал и раненых, между ними находилось пять канониров гвардии с раздробленными ногами. Всех их было семнадцать человек, многие были азиаты, — их легко было отличить по манере кланяться.

Выезжая из дома со своими экипажами, я видал троих каких-то людей, вооружённых один пикой, другой — саблей; третий с зажжённым факелом собирался поджечь дом бакалейщика, причём оставленные там мною люди этого не подозревали, усердно занятые выбором и упаковкой съестных припасов, найденных в лавке. Увидав это, мы пронзительно вскрикнули, чтобы испугать троих негодяев, но, к нашему удивлению, ни один не двинулся с места; они спокойно смотрели, как мы подходили, и тот, что был вооружён пикой, встал в горделивую позу с намерением защищаться. Но подойти нам было довольно трудно; с нами не было сабель. Капрал подошёл, однако, с двумя пистолетами, найденными в комнате у раненых. Он дал мне один из пистолетов, а другим собирался уложить человека с пикой.

Но я пока остановил его, избегая поднимать шум, из опасения, чтобы нам не пришлось навязать себе на шею ещё большее число противников.

Тогда один бретонец из числа наших людей схватил небольшое дышло от экипажа и, вертя его в руке, как тросточку, пошёл на противника; тот, не умея сражаться таким способом, скоро свалился с перешибленными ногами. Падая, он испустил пронзительный крик; расходившийся бретонец не дал ему времени вскрикнуть ещё раз и нанёс ему в голову удар до того сильный, что пушечное ядро не могло бы оказать большего действия. То же са-

мое он собирался с двумя другими, но мы остановили его. Человек, державший в руках зажжённый факел, ни за что не хотел его выпускать, он побежал со своей горевшей головнёй во внутрь дома, двое наших людей бросились за ним. Потребовалось не меньше двух ударов саблей, чтобы вразумить его. Что касается третьего поджигателя, то он покорился охотно и немедленно был впряжён в нагруженную повозку, вместе с другим русским, схваченным на улице.

Наконец мы собрались в путь. В наши два экипажа было свалено всё, что только нашлось в лавке, на первый, самый нагруженный, куда мы запрягли двоих русских, мы взвалили бочку с яйцами, а чтобы наши кони не вздумали убежать, мы предусмотрительно прикрутили их поперёк тела крепкой верёвкой и двойными узлами; второй экипаж принуждены были везти четверо наших людей, пока не найдётся другой упряжи такой же, как первая.

Нов самый момент отъезда мы вдруг увидели, что огонь охватил дом капретника. Мысль, что несчастные раненые должны погибнуть в мучительных страданиях, заставила нас остановиться и поспешить к ним на помощь. Немедленно мы отправились туда, оставив всего троих людей стеречь экипажи. Мы перетащили бедных раненых в сарай, стоявший отдельно от главного здания. Вот всё, что мы могли для них сделать. Исполнив это дело человеколюбия, мы как можно скорее уехали, чтобы нам не помешал на пути пожар, ибо огонь занялся во многих местах и как раз в той стороне, куда мы должны были направиться.

Не успели мы сделать и двадцати пяти шагов, как несчастные раненые, которых мы только что перетащили на новое место, завопили благим матом. Опять пришлось остановиться и узнать, в чём дело. Капрал отправился с четырьмя людьми. Оказывается, загорелась солома, сваленная кучами во дворе; огонь уже добрался до того места, где лежали несчастные. Капрал со своими людьми сделал всё возможное, чтобы предохранить их, но, по всей вероятности, они так и погибли.

Мы двинулись дальше и, боясь, чтобы нас не застиг огонь, погоняли свою упряжь ударами саблей плашмя; однако пожара так и не избегли. Очутившись в квартале Губернаторской площади, мы увидели, что улица, где разместились многие из начальствующих офицеров армии, вся объята пламенем. Это был третий поджог в этой улице, но уже последний.

Когда мы очутились у входа в улицу, мы заметили, что подожжено было в нескольких местах на известном расстоянии, и что если пуститься бегом, то можно было миновать те места, где свирепствовал огонь. Первые дома улицы уже горели. Приблизившись к горевшим зданиям, мы остановились, чтобы убедиться, можно ли пройти. Уже многие здания рухнули; те, под которыми или мимо которых нам надо было пройти, также грозили обрушиться на нас и поглотить нас в пламени. Между тем, долго оставаться в

этом положении не было возможности, так как те дома, которые мы уже миновали, в конце улицы, также занялись.

Таким образом, мы были захвачены огнём не только впереди и позади, но справа и слева, и в одну минуту всюду кругом образовался огненный свод, сквозь который мы должны были пробираться. Решено было провести экипажи вперёд. Нам хотелось экипаж, запряжённый русскими, пустить первым, но несмотря на удары саблей плашмя, наша упряжь заупрямилась. Тогда другой экипаж, запряжённый нашими солдатами, выехал вперёд и наудачнейшим образом проскочил сквозь самое опасное место. Увидав это, мы ещё пуше стали колотить по плечам наших пленных, а те, боясь, не было бы хуже, ринулись вперёд с криками «ура!» и быстро промчались, слегка опалив себя и подвергаясь большой опасности, так как на дороге валялись разные предметы мебелировки, выброшенные из домов.

Вслед за проехавшим первым экипажем, мы сами бегом проделали опасное расстояние и очутились на месте, где здания образовали четыре угла и откуда шли четыре больших широких улицы, сплошь объятых пламенем. И хотя в ту пору лил дождь, но пожар продолжался своим чередом; всё новые и новые дома и даже целые улицы исчезали в дыму и в развалинах.

Однако надо подвигаться вперёд и как можно скорее достигнуть места стоянки нашего полка, но мы с прискорбием убедились, что это вещь невыполнимая, и что надо жлать, покуда вся улица обратится в пепел, чтобы иметь свободный проход. Решено было вернуться назад, что мы тотчас же и сделали. Добравшись до опасного места, через которое мы только что перед тем прошли, русские, на этот раз из боязни побоев, не колеблясь пустились вперёд, но не успели они сделать половины пути, чтобы достигнуть безопасного места, и в ту минуту, когда мы собирались следовать за ними в опасном переходе, как раздался страшный шум, затрещали своды, пылающие стропила и железные крыши обрушились прямо на экипаж. В один миг всё было уничтожено, не исключая и возниц; мы не пробовали даже и разыскивать их, но очень сожалели о своих запасах, в особенности о яйцах.

Невозможно описать то критическое положение, в котором мы очутились. Мы были блокированы огнём и не имели никаких средств к отступлению. К счастью для нас, на перекрёстке было пространство, достаточно просторное, чтобы мы могли там стоять в защите от пламени и жлать, пока одна из улиц совершенно выгорит и освободиться проход.

Дождаясь удобной минуты, чтобы выскользнуть, мы заметили, что в доме на углу одной из горевших улиц помещалась лавка итальянского кондитера, и хотя нам угрожала опасность быть изжаренными живьём, но мы сообразили, что недурно было бы, если возможно, спасти несколько банок тех вкусных вещей, какие там должны находиться. Двери были заперты, только во втором этаже одно окно оставалось отворён-

ным. Тут же нашлась подставная лестница, но она была через чур коротка. Её взгромоздили на бочку, стоящую у дома; тогда лестница оказалась достаточно длинной, чтобы наши солдаты могли влезть по ней и проникнуть в дом.

Часть его была уже охвачена пламенем, но ничто их не останавливало. Они отперли двери и убедились к величайшему нашему удивлению и удовольствию, что в лавке ничего не было убрано. Мы нашли там разного сорта засахаренные фрукты, ликёры, большое количество сахара; но что особенно обрадовало и удивило нас — это найденные три мешка с мукой. Наше удивление удвоилось, когда нам попались банки с горчицей, снабжённые ярлыками «Улица Сент-Андре-дез-Ар, № 13, Париж».

Мы поспешили опустошить всю лавку и сделали склад из всех запасов посреди перекрёстка, пока не явится возможность перевезти всё это на место стоянки нашей роты.

Так как дождь продолжал лить, то мы соорудили себе род шалаша из дверей дома и расположились на бивуаках; так мы прождали больше четырёх часов, пока не освободился проход.

Тем временем мы пекли оладьи с вареньем, и когда получилась возможность уйти, мы забрали с собой на плечах всё, что только можно было унести. Другой свой экипаж и мешки с мукой мы оставили пока под охрану пятерых людей, с тем чтобы потом прийти за ними.

Что касается экипажа, то не было возможности воспользоваться им — середина улицы была завалена множеством прекрасной мебели, поломанной и полуобгоревшей, фортепианами, разбитыми хрустальными люстрами и бездной других роскошнейших предметов.

Наконец, пройдя по «площади повешенных», мы прибыли в 10 ч. утра на место стоянки нашей роты, а вышли мы оттуда накануне, в 10 ч. Вечера. Тотчас по прибытии, мы не теряя времени, послали забрать оставленное нами добро. Отправилось десять человек; вернулись они час спустя каждый с грузом и, несмотря на встреченные препятствия, привезли с собою оставленный нами экипаж. Они рассказали нам, что им пришлось расчищать то место, где был раздавлен первый экипаж, вместе с русскими пленными, везшими его, и что все они оказались обгорелыми, обугленными, скорченными.

В тот же день, 6-го (18-го) сентября, мы были освобождены от караула на площади и отправились на отведённые нам квартиры, неподалёку от первой ограды Кремля, на прекрасной улице, большая часть которой спаслась от пожаров. Для нашей роты отведена была обширная кофейня; в одной из зал помещались два бильярда, а для нас, унтер-офицеров, назначен был дом одного боярина, прилегавший к кофейне. Наши солдаты разобрали бильярды на части, чтобы было просторнее; из сукна некоторые пошили себе шинели.

В подвалах дома, отведённого под роту, мы нашли много вина, ямайского рома, а также целый погреб, полный бочек с превосходным пивом, покрытым слоем льда, чтобы оно сохранялось прохладным. У нашего же боярина нашлось пятнадцать больших ящиков с шипучим шампанским и испанским вином.

В тот же день наши солдаты отыскивали большую лавку с сахаром и мы сделали большой запас его, послуживший нам для приготовления пунша за всё время нашего пребывания в Москве; мы занимались этим аккуратно каждый день, и это было для нас большим развлечением. Каждый вечер, в большой серебряной миске, которую русский боярин забыл увезти с собой и в которой помещалось не меньше 6-ти бутылок, мы раза три-четыре принимались варить пунш; прибавьте к этому прекрасную коллекцию трубок, из которых мы курили чудесный табак.

На следующий день 7-го (19-го) сентября нам был произведён смотр самим императором в Кремле, напротив дворца. В тот же день, вечером, я снова был командирован в составе отряда, состоявшего из фузилёров, егерей и гренадёр и из эскадрона польских улан — всего на всего 200 человек; нам поручено было охранять от поджога летний дворец императрицы, лежащий на одной из окраин Москвы. Этим отрядом командовал, если не ошибаюсь, генерал Келлерман.

Выступили мы в восемь часов вечера, а прибыли туда в половине десятого. Мы увидели обширное здание, показавшееся мне не меньше Тюильрийского дворца, но выстроенное из дерева и только покрытое штукатуркой, что делало его похожим на мраморное. Тотчас же поставили часовых снаружи и установили пост напротив дворца, где помещалась большая гауптвахта. Для пушей безопасности разослали патрули. Мне поручили с несколькими солдатами осмотреть внутренность здания, чтобы удостовериться, не спрятан ли там кто-нибудь. Это поручение доставило мне случай обойти это обширное здание, меблированное со всей роскошью, со всем блеском, какие могли доставить Европа и Азия. Казалось, ничего не пожалели, чтобы разукрасить его, а между тем в какой-нибудь час времени оно было совершенно истреблено; не прошло и четверти часа после того, как приняты были меры для устранения поджога, как дворец всё-таки был подождён спереди, сзади, справа, слева и притом так, что не видно было, кто поджигал. Огонь показался сразу в 12-15 местах. Видно было, как он вылетал из окон чердаков.

Немедленно генерал потребовал сапёров, чтобы постараться изолировать огонь, но это оказалось невозможным, у нас не было ни пожарных труб, ни даже воды. Минуту спустя, мы увидели выходящих из-под больших лестниц и преспокойно удаляющихся каких-то людей, у которых ещё были в руках горящие факелы. За ними бросились и задержали их.

Это они и подожгли дворец; их оказалось двадцать один человек. Ещё одиннадцать было схвачено с другой стороны, но, очевидно, они не были во дворце. Да на них ничего не было найдено такого, что доказывало бы их участие в новом поджоге; тем не менее, большинство их были признаны каторжниками.

Всё, что мы могли сделать, это — спасти несколько картин и драгоценных вещей; между прочим, императорские одежды и регалии, как, например, бархатные мантии, отороченные горностаевым мехом, и ещё много других предметов, которые потом пришлось оставить.

Полчаса после того, как вспыхнул пожар, поднялся неистовый ветер и через десять минут мы очутились блокированными со всех сторон огнём, не имея возможности ни идти вперёд, ни повернуть назад. Несколько человек были ранены пылающими брёвнами, которые ветер гнал со страшнейшим шумом. Нам удалось выбраться из этого ада только в два часа ночи, и к тому времени пламя охватило пространство около полу лье; весь квартал был деревянный и заключал в себе необыкновенно изящные постройки.

Мы пустились в путь, чтобы вернуться к Кремлю мы вели с собой наших пленных, их было тридцать два человека, и так как мне поручена была полицейская охрана ночью, то на моей же обязанности был арьергард и эскортирование пленных; мне дан был приказ пронзать штыками всякого, кто попытается бежать или не согласится следовать за нами.

По крайней мере две трети этих несчастных были каторжники, все с отчаянными лицами; остальные были мещане среднего класса и русские полицейские, которых легко было узнать по их мундирам.

По дороге я заметил в числе пленного человека, одетого довольно опрятно в зелёную шинель и плакавшего, как ребёнок, повторяя ежеминутно на чистом французском языке: «Боже мой, во время пожара я потерял жену и сына!» Я заметил, что он больше жалеет о сыне чем о жене. Я спросил его, кто он такой? Он отвечал, что он швейцарец, из окрестностей Цюриха, и 17 лет состоит преподавателем немецкого и французского языков в Москве. Потом он опять принялся плакать и горевать, твердя: «Милый сын мой, бедняжка!»

Я сжалился над несчастным, стал утешать его, говоря, что может быть он найдёт пропавших, и зная, что ему суждено умереть вместе с остальными, я решился спасти его. Возле него шли два человека, крепко державшихся за руки — один старый, другой молодой; я спросил у швейцарца, кто они такие? Он отвечал, что это отец с сыном, оба портные. «Этот отец счастливее меня, — добавил учитель, — он не разлучён с сыном — они могут умереть вместе!» Он знал, какая его ожидает участь, так как понимал по-французски, слышал приказ, касавшийся пленных.

Разговаривая со мной, он вдруг остановился и стал растерянно озираться

ся. Я спросил, что с ним, но он не отвечал. Вслед затем из груди его вылетел тяжёлый вздох; он опять принялся плакать, приговаривая, что ищет то место, где помещалась его квартира — что это именно тут: он узнает большую печь, ещё уцелевшую. Надо прибавить, что кругом было светло как днём, не только в самом городе, но и на далёком расстоянии от него.

В эту минуту голова колонны, имея впереди отряд польских улан, остановилась и не могла двигаться дальше, так как узкая улица была вся завалена обвалившимися зданиями. Я воспользовался моментом, чтобы удовлетворить желанию несчастного попытаться розыскать трупы сына и жены в развалинах жилья. Я предложил сопровождать его; мы свернули в сторону на пожарище его дома: сперва мы не увидели ничего, что могло бы подтвердить его догадку, и уже я начал обнадеживать его, авось его близкие спаслись. Как вдруг у входа в подвал я увидел что-то чёрное, бесформенное, скорченное. Я подошёл, и убедился, что это труп; только сразу невозможно было разобрать — мужчина это или женщина; я и не успел этого сделать; человек, заинтересованный в этом деле и стоявший возле меня как безумный, страшно вскрикнул и упал наземь. При помощи солдата мы подняли его. Придя в себя, он в отчаянии стал бегать по пожарищу, звать своего сына по имени и наконец бросился в подвал, где, я слышал, он упал, как безжизненная масса.

Я не нашёл возможности следовать за ним и поспешил присоединиться к отряду, предаваясь грустным размышлениям насчёт всего случившегося. Один из моих товарищей спросил меня, куда я девал человека, так хорошо говорившего по-французски; я рассказал ему о трагической сцене, разыгравшейся на моих глазах, и так как мы всё ещё стояли на месте, то я предложил ему взглянуть на пожарище. Мы подошли к дверям подвала; оттуда раздавались стоны. Мой товарищ предложил мне спуститься вниз, чтобы оказать ему помощь, но я знал, что извлечь его из этого погреба значит обречь на верную смерть — всех пленных предполагалось расстрелять — поэтому заметил, что было бы большой неосторожностью отважиться идти без света в такое тёмное место.

К счастью раздалась команда: «К оружию!» — это призывали нас продолжать путь. Только что собрались мы идти дальше, как услышали шаги. Судите о моём удивлении, когда я увидел возле себя моего несчастного знакомца; он был похож на призрак и ташил на руках меха, в которых, по его словам он хотел похоронить жену и своего сына — последнего он нашёл в погребе мёртвым, но не обгоревшим. Труп, лежавший у дверей принадлежал его жене; я посоветовал ему спуститься в подвал и спрятаться до нашего ухода, и затем уже он может исполнить свой печальный долг. Не знаю, понял ли он меня, но мы ушли.

Добрались мы до Кремля в пять часов утра и всех пленных заключили в надёжное место; но предварительно я позаботился отделить обоих порт-

ных, отца с сыном, с особым расчётом; как видно будет дальше, они оказались очень полезны нам за всё время нашего пребывания в Москве.

8-го(20-го) числа пожар немного затих; маршал Мортье, губернатор города, с генералом Мильо, назначенным плац-комендантом, деятельно занялись организацией полицейского надзора. Выбрали для этой цели итальянцев, немцев и французов, обитателей Москвы, которые спрятались, уклонившись от строгих мероприятий Ростопчина, до нашего прихода насилию заставлявшего жителей покидать город.

В полдень, выглянув в окно квартиры, я увидел, как расстреливали каторжника; он не захотел встать на колени и принял смерть мужественно, колотя себя в грудь, как бы в виде вызова нам. Несколько часов спустя, та же участь постигла приведённых нами пленников.

Остаток дня я провёл довольно спокойно, то есть до семи часов, когда майор Делетр приказал мне отправиться под арест за то, что я, по его словам, позволил бежать трём пленным, порученным моей охране. Я старался оправдаться, как мог, однако отправился в назначенное мне место. Там я застал ещё других унтер-офицеров. Поразмыслив обо всём, я был рад, что спас жизнь трём пленным, будучи убеждён в их невинности.

Комната, где я находился, сообщалась с длинной узкой галереей — в роде коридора, служившего сообщением с другим корпусом здания, часть которого сгорела, так что никто туда не ходил. Я заметил, что уцелевшая часть ещё не была исследована. От нечего делать и ради любопытства я пошёл бродить по галерее. Когда я дошёл до конца её, мне показалось, что я слышу голоса в комнате, куда дверь была заперта. Прислушавшись, я уловил звук непонятного мне языка. Желая знать, что там такое, я постучался. Мне не отвечали — и после моего стука водворилось глубочайшее молчание. Тогда, заглянув в щелку, я увидел какого то человека, лежавшего на диване; две женщины стояли возле и по видимому уговаривали его замолчать; я понимал немного по-польски, а польский язык имеет много общего с русским; я постучался ещё раз и потребовал воды — ответа не последовало. Но на второе требование, которое я сопровождал толчком ноги в дверь, мне наконец отперли.

Я вошёл; обе женщины, увидав меня, убежали в соседнюю комнату. Я начал с того, что затворил за собой дверь; субъект, лежавший на диване, не трогался с места; я узнал в нём тотчас же каторжника с самым гнусным, отвратительным лицом, таким же грязным, как его борода и весь его наряд, состоявший из овчинного тулупа, подпоясанного ремнём. Он имел при себе пику и два факела для поджогов, а также два пистолета за поясом; предметы эти я первым делом отобрал у него. Затем, одним из факелов, толщиною в руку, я ударил его в бок, что заставило его открыть глаза. Увидав меня, человек сделал такое движение, как будто собирался броситься на меня, но упал в растяжку. Я поднёс к его лицу дуло одного из отобранных

мною пистолетов; он опять тупо уставился на меня, хотел подняться, но снова упал. Наконец кое-как ему удалось встать на ноги. Видя, что он пьян, я взял его под руку и, выведя из комнаты повёл в конец галереи, разделявшей флигеля, и когда он очутился на краю лестницы, совершенно прямой, я толкнул его; он покатился вниз, как бочёнок, и почти ударился в дверь полицейского караула, находившегося напротив лестницы. Люди стащили его в каморку, предназначенную для заточения всех подобных ему личностей, которых арестовывали ежеминутно; больше я о нём не слыхал.

После этой экспедиции я вернулся в комнату, заперся и, осмотревшись кругом, нет ли чего-нибудь такого, что могло бы повредить мне, я отворил дверь во вторую комнату: там обе Дульцинеи сидели на диване. Увидав меня, они, казалось, совсем не удивились и заговорили обе разом, но я не понимал. Мне хотелось узнать, нет ли у них чего-нибудь съестного. Они прекрасно поняли меня и подали огурцов, луку большой кусок солёной рыбы, немного пива, но без хлеба. Немного погодя, та, что была помоложе, принесла мне бутылку какого-то напитка, который она называла «козалки»; отведав его, я убедился, что это просто данцигская можжевелевая водка, и в какие-нибудь полчаса мы осушили всю бутылку; я заметил, что обе мои москвички насчёт выпивки способны перещеголять меня. Я остался ещё немного с сёстрами — они дали мне понять, что они сёстры, потом вернулся в свою комнату.

Войдя, я застал у себя унтер-офицера Роша, пришедшего навестить меня и давно уже поджидавшего меня. Он спросил, где я пропадал, и когда я рассказал ему о своём приключении, он перестал удивляться моему отсутствию, но очень обрадовался, потому что, по его словам, никого нельзя было найти для стирки белья. Теперь случай посылал нам двух московских дам, которые вероятно сочтут за честь стирать и чинить бельё французских военных. В десять часов, когда все улеглись спать не желая, чтобы знали, что с нами женщины, унтер-офицер с сержантом отправился за нашими красавицами. Сперва они немножко поломались, не зная куда их поведут; но дав понять, что они желают, чтобы я сам проводил их, они пошли за нами довольно охотно и смеясь. В нашем распоряжении оказалась лишняя каморка; там мы поместили их, обставив комнату всем, что наши красивые и изящного из пожитков, оставленных московскими дамами, так что из грубых баб, какими они были в действительности, они сразу превратились в каких-то баронесс, которым однако поручено было стирать и чинить наше бельё.

На другой день утром, 9-го (21-го) числа, я услышал сильный ружейный залп; это опять расстреляли несколько каторжников и полицейских, уличённых в поджогах Воспитательного дома и госпиталя, где лежали наши раненые; через несколько минут прибежал фельдфебель объявить мне, что я свободен.

Вернувшись на свою квартиру, я застал наших портных, тех самых, что я спас, уже за работой; они кроили плащи из сукна с бильярдных, стоявших в большом зале кофейни, где расположилась наша рота. Я заглянул в комнату, куда поместили наших женщин; они были заняты стиркой и исполняли свою обязанность довольно неумело. И немудрено — они были наряжены в шёлковые платья баронесс! Но приходилось терпеть и таких прачек, за неимением лучших. Остаток дня был посвящён устройству нашей квартиры и заготовке провизии, потому что мы собирались долго остаться в городе. У нас было запасено на зиму 7 больших ящиков шипучего шампанского, много испанского вина и портвейна, кроме того пятьсот бутылок рома, и сотня больших голов сахара — и всё это на шестерых унтер-офицеров, двух женщин и одного повара!

Говядину случалось есть редко; в этот вечер мы добыли корову; не знаю, откуда она явилась, но вероятно из такого места, откуда не дозволено было брать её; мы закололи её ночью, чтобы никто не видел.

Ветчины было у нас вдоволь: мы отыскивали целый склад окороков; прибавьте к этому солёной рыбы в избытке, несколько мешков муки, две больших бочки сала, которое мы приняли за масло. Не было недостатка и в пиве. Вот каковы были пока наши припасы на случай, если бы нам пришлось зимовать в Москве.

Вечером, в 10 часов, нам приказано было сделать переключку; оказалось, что не хватает 18-ти человек. Остальные люди роты спокойно спали в бильярдной зале, растянувшись на богатых собольих мехах, на шкурах львов, лисиц и медведей. У многих головы были закутаны в богатые шали в виде чалмы, и в этом наряде они походили больше на султанов, чем на гренадёр гвардии; им не хватало только гурий.

Я затянул переключку до 11 часов, из-за товарищей, чтобы не отметить их отсутствующими; действительно, они вернулись немного погодя, сгибаясь под тяжестью своих нош. В числе замечательных вещей, принесённых ими было несколько серебряных подносов с выпуклыми рисунками и много слитков того же металла, в форме кирпичей. Остальная добыча состояла из мехов, индийских шалей, шёлковых материй, затканых золотом и серебром. Они попросили у меня разрешения сходить ещё раз за вином и вареньем, оставленными ими в одном подвале; я позволил и дал им в провожатые капрала. Надо заметить, что со всех вещей, спасённых от пожаров, мы унтер-офицеры, всегда взимали в свою пользу по крайней мере двадцать процентов.

10-го (22-го) числа весь день был посвящён отдыху, умножению наших запасов: мы пели, курили, пили и гуляли. В тот же день я посетил одного итальянца, торговца эстампами; он жил в нашем квартале и дом его уцелел от пожара.

11-го (23-го) утром один каторжник был расстрелян во дворе кофейни. В тот же день последовал приказ готовиться к императорскому смотру на другое утро.

12-го (24-го) сентября, в восемь часов утра, мы двинулись в Кремль. Когда мы туда прибыли, там уже собралось для той же цели несколько полков армии; в этот день последовало много повышений по службе и выдано было много орденов. Действительно, получившие награды на этом смотре оказали большие услуги отечеству и не раз проливали кровь свою на поле брани.

Я воспользовался случаем, чтобы подробно осмотреть достопримечательности Кремля, Пока несколько полков были заняты на смотре, я посетил собор св. архангела Михаила, усыпальницу русских царей. В эту самую церковь, в первые дни по прибытии нашем в Москву, забрались солдаты гвардии 1-го егерского полка, поставленные пикетом в Кремле, думая найти там несметные сокровища, но, обойдя обширные склепы, никак сокровищ не нашли, а видели только каменные гробы, накрытые бархатными покрывалами с надписями на серебряных дощечках. Там они застали также несколько городских жителей, приютившихся под покровительство мертвецов, надеясь найти здесь безопасность. Между ними находилась молодая красивая девушка, принадлежавшая к одной из самых знатных семей Москвы; она имела безумие привязаться к одному высшему офицеру армии и ещё большее безумие последовать за ним в это убежище. Как и многие другие, она погибла от холода, голода и нужды.

Неподалёку оттуда, напротив дворца, помещается арсенал, где по обе стороны от входа стояли гигантские пушки; немного далее вправо возвышается собор с девятью куполами и колокольной, крытыми позолоченной медью. На самой высокой колокольне виднелся крест Ивана Великого, господствовавший над всем; он имел тридцать футов вышины, был сделан из дерева, окованного массивными серебряными вызолоченными полосами; несколько цепей, также золочёных, поддерживали его со всех сторон.

Несколько дней спустя рабочая команда, плотники и другие были отряжены снять этот крест для перевезения его в Париж, в виде трофея. Но когда его стали снимать, он покачнулся, увлекаемый собственной тяжестью, и, падая, чуть не убил и не потянул за собой людей, державших его за цепи; то же самое случилось и с большими орлами на верхушках высоких башен вокруг ограды Кремля.

В полдень смотр окончился; уходя, мы прошли мимо ниши, где стоит изображение св. Николая. Там мы увидели множество молящихся русских крепостных людей; они клали земные поклоны и крестились перед великим угодником; по всей вероятности, они молили его защитить их против нас.

13-го 25-го) числа мы с несколькими приятелями отправились делать обход по развалинам города. Забирались мы и в такие кварталы, которых прежде не видали: всюду можно было встретить среди развалин русских крестьян и женщин, грязных и отвратительных; еврейки и другие женщины вперемежку с солдатами армии шарили по подвалам, отыскивая разные спрятанные вещи, уцелевшие от пожара. Кроме вина и сахара, которого находили в изобилии, они нагружались шальями, кашемировыми, великолепнейшими сибирскими мехами, материями, затканными серебром и золотом, а другие тащили серебряные блюда и разные драгоценности. Зачастую жиды с их жёнами и дочерьми входили в сиделки к нашим солдатам, выменивали у них разные предметы, которые другие солдаты армии у них тотчас же опять отнимали.

В тот же день вечером подожгли русскую церковь, лежавшую напротив нашей квартиры и прилежавшую к дворцу, где поместился маршал Мортье. Несмотря на помощь, оказанную нашим солдатами, не удалось потушить огня. Храм, уцелевший и не тронутый до тех пор, в короткое время превратился в груды пепла. Случай этот был тем более прискорбен, что много несчастных приютились там вместе со скудными, остававшимися у них пожитками и за последние дни там даже совершалось богослужение.

14-го (26-го) числа я был дежурным при экипажах императора, помещённых в сараях, находящихся на одной из окраин города, напротив большой казармы, уцелевшей от огня, и где расквартирована была часть первого корпуса армии. Чтобы добраться до своего поста, мне надо было пройти более мили через погорелую местность, лежавшую на левом берегу Москвы-реки, где лишь кое-где торчали колокольни церквей; остальное всё было обращено в пепел. На правом берегу ещё виднелось несколько красивых уединённых дач; часть их также сгорела.

Возле того места, где я расположил свой пост, находится один дом, уцелевший от пожара. Из любопытства я пошёл посмотреть его. Случайно я встретил там человека, прекрасно говорившего по-французски; он объяснил мне, что он из Страсбурга и что на беду свою попал в Москву за несколько дней до нашего прибытия. Оказывается, он занимался торговлей шампанским и рейнским вином и в силу несчастных обстоятельств потерпел миллионные убытки, отчасти потому, что ему задолжали, частью же вследствие сгоревшего товара, а также и благодаря тому, что мы выпили много вина и пьём его ежедневно. У него не осталось ни куска хлеба. Я предложил ему прийти ко мне поесть рисового супа и он принял моё приглашение с благодарностью.

В ожидании мира, который считали близким, император приказал принимать меры к устройству нашей жизни в Москве, как будто мы собирались зимовать там. Начали с госпиталей для раненых армии; с русскими ранеными обходились наравне с нашими.

Позаботились также о том, чтобы по возможности сосредоточить в один центр все предметы продовольствия, рассеянные в различных частях города. Несколько храмов, уцелевших от пожара, были открыты и в них начали совершать богослужение. Неподальёку от нашей квартиры, в той же улице находилась церковь для католиков, и в ней служил священник из французских эмигрантов. Церковь была во имя св. Людовика. Удалось даже возобновить театр и меня уверяли, что там давались представления французскими и итальянскими актёрами. Играли там или нет, в этом я не уверен, но знаю, что актёрам было выплачено жалование за шесть месяцев, нарочно, чтобы убедить русских, что мы расположились провести зиму в Москве.

15-го (27-го) числа, вернувшись с караула при экипажах, я был приятно удивлён, застав двух моих земляков, которые пришли проведать меня. То были Фламан, родом из Перувельца, служивший в драгунах гвардии, и Меле, драгун того же полка; последний был родом из Конде. Они попали удачно, потому что в этот день мы были расположены повеселиться. И вот мы пригласили драгун отобедать и провести с нами вечер.

Предпринимая различные экспедиции для мародёрства, наши солдаты приносили с собой много костюмов, мужских женских, принадлежавших разным национальностям, даже французские костюмы в стиле Людовика шестнадцатого — все эти одежды отличались необыкновенной роскошью. Вечером, пообедав, мы предложили задать бал и для этого всем нам одеться в костюмы, имевшиеся в нашем распоряжении. Я забыл рассказать, что тотчас по приходе Фламан сообщил нам грустную новость. Он рассказал о несчастии, постигшем храброго полковника Мартода, командира драгунского полка, где служили Фламан и Меле. Отправившись на разведку, 13-го (25-го) сентября в окрестности Москвы с двумястами драгун, они попали в засаду; на них напали три тысячи неприятеля с кавалерией и артиллерией. В стычке полковник Мартод был смертельно ранен, так же как ещё один капитан и один майор и все были захвачены в плен после отчаянного сопротивления. На другой день полковник велел потребовать свои вещи, а ещё день спустя мы узнали о его смерти.

Возвращаясь к нашему балу; это был настоящий карнавал — все мы были переодеты.

Начали с того, что переодели наших русских женщин во французских дам, т.е. в маркиз, а так как они не умели взяться за дело, то Фламану и мне было поручено руководить их туалетом. Наши два русских портных нарядились в китайцев; я переоделся в костюм русского боярина, Фламан превратился в маркиза; словом, все очутились в разных костюмах; даже наша маркизантка, тётка Дюбуа, зашедшая к нам в эту минуту, нарядилась в богатый национальный костюм русской боярыни. У нас не было париков для наших маркиз, и цирюльник роты причесал их. Вместо помады он намазал им волосы салом, а вместо пудры — насыпал муки; словом прифрантили

их, как нельзя лучше. Когда всё было готово, начались танцы. Я забыл сказать, что всё это время мы пили вволю пунш, который заботливо приготавлил нам старый драгун Меле, и наши маркизы, так же как и маркитантка, хотя прекрасно выносили спиртные напитки, но порядком-таки захмелели благодаря большим стаканам пунша, который они то и дело потягивали с наслаждением.

По части музыки у нас была флейта фельдфебеля; ей в такт акомпанировал барабанщик роты. Но только что заиграла музыка и тётка Дюбуа пустилась выделывать па визави с фурьером роты, как наши маркизы, которм, вероятно, пришлось по вкусу наша дикая музыка, принялись скакать, как ошалелые: вправо, влево, махая руками, дрыгая ногами, то и дело шлёпаясь на пол и опять вставая. Точно бес в них вселился. Нас бы это не удивило, будь они одеты в простое русское платье, но видеть французских маркизов, обыкновенно таких чопорных, скачущих как полоумные — такое зрелище заставляло нас покатываться со смеху, так что музыкант не в силах был продолжать играть на флейте; но барабан подоспевал ему на помощь, жарил всю. Наши маркизы ещё пуще запрыгали, пока не повалились, как снопы, от усталости. Мы подняли их, аплодировали им, и снова принялись пить и плясать до четырёх часов утра.

Тётка Дюбуа, как истая маркитантка, знавшая цену богатой одежде, надетой на ней — она была в золотой и серебряной парче — ушла не сказавшись. На улице полицейской стражи, увидев в такой ранний час чужую даму и приняв её за добычу, подошёл и хотел схватить её, чтобы увести к себе. Но тётка Дюбуа, женщина замужня, да и вдобавок хватившая пуншу, отвесила ему такую здоровенную пощёчину, что он свалился наземь. На его крики: «*A la garde!*» караульные схватились за оружие, а так как мы ещё не успели улечься, то отправились ей на выручку. Но сержант так расхотелся, что нам стоило большого труда убедить его, что он напрасно задирает такую женщину, как тётка Дюбуа.

16-е (28-е) и 17-е (29-е) были посвящены заготовке продовольствия; для этого мы предприняли рекогносцировки днём, а ночью, чтобы не встречать конкуренции, отправлялись за тем добром, какое раньше наметили.

18-го (30-го) сентября у нас происходил инспекторский смотр на улице, против наших квартир. По окончании смотра, полковнику вздумалось показать инспектору помещения полка. Когда дошла очередь до нашей роты, полковник приказал сопровождать себя капитану, дежурным офицеру и сержанту; майор Рустан, знавший квартиры, шёл впереди и отворял комнаты, где помещалась рота. Почти всё осмотрев, полковник спросил: «А унтер-офицеры, хорошо им?» — «Отлично», отвечал майор Рустан и принимается отворять двери в наши комнаты. К несчастью, мы не вынули ключа из дверей в каморку, где жили наши Дульцинеи — каморку, которую мы всегда выдавали за шкаф. Майор отворя-

ет дверь и видит наших пташек. Не говоря ни слова, он запирает дверь и кладёт ключ в карман.

Выйдя на улицу и увидав меня издали, он показал мне ключ и, смеясь, подошёл ко мне: «Ага! Сказал он — у вас водится дичь в клетке, а вы, как эгоисты, и не думаете делиться с друзьями? Откуда вы раздобыли этих баб? Женщин что-то нигде не видать!» Тогда я рассказал, как и где я их нашёл, и что они служат нам для стирки нашего белья. « В таком случае, — обратился он к фельдфебелю и ко мне, — вы будете так любезны одолжить их нам на несколько дней, чтобы выстирать наше бельё, которое очень загрязнилось; надеюсь, что вы, как добрые товарищи, не откажите нам». В тот же вечер он увёл их; по всей вероятности, они перестирали всё офицерское бельё, потому что вернулись только через неделю.

19-го сентября (1-го октября) сильный отряд полка был командирован для фуражировки в нескольких лье от Москвы, в один большой замок, выстроенный из дерева. Но поживиться там было нечем. Воз сена — вот и вся наша добыча. На возвратном пути мы встретили русскую кавалерию, гарцевавшую вокруг нас, не осмеливаясь, однако, серьёзно нападать. Правда, мы шли таким образом, что они могли видеть, что преимущество окажется не на их стороне, — хотя они были несравненно многочисленнее нас, но мы уже выбили из строя нескольких их всадников. Они отстали от нас только на расстоянии 2 лье от Москвы.

20-го сентября (2-го октября) мы узнали, что император отдал приказание вооружить Кремль; тридцать пушек и гаубиц разного калибра предполагалось установить на всех башнях стены, образующей ограду Кремля.

21-го сентября (3-го октября) рабочие команды из каждого полка гвардии были отряжены копать землю и переносить материал, получившийся от старых стен, которые санёры сносили вокруг Кремля, и фундаментов, взрывааемых порохом.

22-го сентября (4-го октября) я в свою очередь сопровождал рабочую команду нашей роты. На другое утро один инженерный полковник был убит рядом со мною кирпичом, упавшим ему на голову при взрыве. В тот же день я видел около одной церкви несколько трупов с руками и ногами, объеденными, вероятно волками и собаками; собаки бродили по городу целыми стаями.

В дни, свободные от дежурства, мы пили, курили, занимались весёлыми разговорами, беседовали о Франции, о том расстоянии, которое нас от неё отделяет, и о возможности удалиться ещё больше. Вечером мы допускали в свою кампанию наших двух московских женщин, или вернее, наших марких — со времени бала у них не было другой клички, и они вместе с нами распивали пунш с ямайским ромом.

Остальное время нашего пребывания в городе прошло в смотрах и парадах, до тех пор, пока гонец не доложил императору, в ту минуту, когда он

проводил смотр несколькими полкам, что русские нарушили перемирие и атаковали врасплох кавалерию Мюрата.

По окончании смотра был отдан приказ к выступлению; в одну минуту армия пришла в движение, но часть полка только вечером узнала о распоряжении готовиться к походу на другой же день.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отступление. — Обзорение моего ранца. — Император в опасности. — От Можайска до Славкова.

Вечером, 6-го (18-го) октября, мы, несколько унтер-офицеров, по обыкновению собрались своим кружком и лежали растянувшись, как паши, на мехах горносталя, соболей, львов и медведей, покуривая из роскошных трубок душистый табак, в то время как великолепный пунш на ямайском роме пылал перед нами в большой серебряной миске русского боярина; пламя растапливало целую голову сахара, поддерживаемую над миской двумя русскими штыками; в ту минуту, как мы разговаривали про Францию и про то, как приятно было бы вернуться на родину победителями после многолетнего отсутствия, в ту минуту, как мы мысленно прощались и клялись в верности нашим монголкам, китайкам и индианкам, мы вдруг услышали суматоху в большом зале, где спали солдаты роты. Вслед за тем дежурный фурыер вошёл к нам сообщить, что получен приказ готовиться к немедленному выступлению.

На другой день, 7-го (19-го) октября, с раннего утра, город кишмя кишел евреями и русскими крестьянами: первые пришли покупать у солдат всё, чего они не могли унести с собой, а вторые — чтобы поживиться тем, что мы выбрасывали на улицу. Мы узнали, что маршал Мортье остаётся в Кремле с 10 тысячами войска и что ему приказано обороняться в случае надобности.

После полудня мы двинулись в поход, позаботившись сделать, по мере возможности, запасы напитков, которые мы нагрузили на телегу марки-тантки, тётки Дюбуа, вместе с нашей большой серебряной миской. Почти смеркалось, когда мы вышли за город. Вскоре мы очутились среди множества повозок, которыми управляли люди разных национальностей; они шли в три — четыре ряда, и вереница тянулась на протяжении целой мили. Слышался говор на разных языках — французском, немецком, испанском, португальском и ещё на многих других; московские крестьяне шли следом, а также и пропасть евреев: все эти народы со своими разнообразными оде-

аниями и наречиями, маркитанты с жёнами и плачущими ребятами — всё это теснилось в беспорядке и производило невообразимую сумятицу. У некоторых повозки были уже поломаны, другие кричали и бранились — содом был такой, что в ушах звенело. Не без труда удалось нам наконец пробраться сквозь этот громадный поезд, оказавшийся обозом армии. Мы двинулись по Калужской дороге (тут уж мы были в Азии); немного погодя, мы расположились бивуаком в лесу на ночь, а так как было уже поздно, то отдых наш оказался недолгим.

Только что рассвело, как мы опять пустились в путь. Сделав около одного лье, мы снова попали в пресловутый обоз, обогнавший нас за то короткое время, пока мы отдыхали. Большая часть повозок уже теперь пришла в полную негодность, другие не могли двигаться вследствие того, что дорога была песчаная и колёса увязали в почве. Слышались крики на французском языке, руготня на немецком, молитвенные воззвания по-итальянски, призывы к Богородице по-испански и по-португальски.

Миновав всю эту сутолоку, мы принуждены были остановиться, чтобы дожидаться левого фланга нашей колонны. Я воспользовался досугом, чтобы осмотреть свой ранец, казавшийся мне через чур тяжёлым, и удостовериться, нельзя ли что-нибудь выкинуть, чтобы облегчить свою ношу. В ранце было порядочно таки запасов: я взял с собой несколько фунтов сахара, рису, немного сухарей, полбутылки водки, костюм китайки из шелковой материи, затканной золотом и серебром, несколько серебряных и золотых безделушек, между прочим обломок креста Ивана Великого, то есть кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной оболочки; мне дал его один солдат из команды, наряженной для снятия креста с колокольни (1).

Со мной был также мой парадный мундир и длинная женская амазонка для верховой езды (эта амазонка была орехового цвета и подбита зелёным бархатом; не зная её употребления, я вообразил, что носившая её женщина была больше шести футов роста); далее две серебряные картины, длиною в один фут на 8 дюймов ширины, с выпуклыми фигурами: одна картина изображала суд Париса на горе Иде, на другой был представлен Нептун на колеснице в виде раковины, везомой морскими конями. Всё это было тонкой работы. Кроме того у меня было несколько медалей усыпанных бриллиантами, звезда какого то русского князя. Всё эти вещи предназначались для подарков дома и были найдены в подвалах или домах, обрушившихся после пожаров.

Как видите, мой ранец должен был весить немало, но, чтобы облегчить его тяжесть, я выкинул из него свои белые лосинные брюки, предвидя, что они не скоро мне понадобятся. На мне же был надет, сверх рубашки, жилет

(1) Я забыл упомянуть, что среди большого креста Ивана Великого был другой из массивного золота, около фута в длину.

из стёганного на вате жёлтого шёлка, который я сам сшил из женской юбки, а поверх всего большой воротник, подбитый горностаем; через плечо у меня висела сумка на широком серебряном галуне: в сумке было также несколько вещей, между прочим распятие из серебра и золота и маленькая китайская ваза. Эти две вещицы избегли крушения каким-то чудом, и я до сих пор храню их, как святыню. Кроме того, на мне была амуниция, оружие и шестьдесят патронов в лялунке; прибавьте ко всему этому большой запас здоровья, весёлости, доброй воли и надежду засвидетельствовать своё почтение дамам монгольским, китайским и индийским — и вы будете иметь понятие о сержанте великой императорской гвардии (2).

Только что успел я окончить осмотр своей добычи, как мы услышали впереди несколько ружейных выстрелов; нам скомандовали взяться за оружие и ускорить шаг. Полчаса спустя мы прибыли на то место, где часть обоза, эскортируемая отрядом красных улан гвардии, подверглась нападению партизан.

Несколько улан были убиты, а также несколько русских и несколько лошадей. Возле одного экипажа лежала на спине какая-то миловидная молодая женщина, умершая от испуга и волнения. Мы продолжали путь по довольно хорошей дороге. Вечером мы сделали привал и расположились ночевать в лесу.

9-го (21-го), рано по утру, мы снова пустились в путь, а среди дня повстречали отряд регулярных казаков; их разогнали пушечными выстрелами. Промаршировав часть этого дня по полям, мы остановились на лугу, у берега ручья и там провели ночь.

10-го (22-го) полил дождь. Подвигались мы медленно и с трудом до самого вечера; вечером сделали привал на опушке леса. Ночью послышался сильный взрыв: потом мы узнали, что это Кремль взорван маршалом Мортье при помощи большого количества пороху, зажжённого в подземелье. Маршал вышел из Москвы три дня спустя после нас, 10 (22-го) октября, со своими десятью тысячами войска; в числе их было два полка молодой гвардии, с которыми мы соединились несколько дней спустя на Можайской дороге. Всю остальную часть этого дня мы прошли небольшое расстояние хотя двигались без перерыва.

12-го (24-го) мы подошли к Калуге. В ото же день итальянская армия, под начальством принца Евгения, а также другие корпуса, командуемые генералом Корбино, сражались при Малоярославце, против русской армии, заграждавшей нам путь. В этой кровопролитной битве 16 000 наших сражались против 70 000 русских, которые лишились 8 000 человек, а мы 3 000. У нас было убито и ранено несколько начальствующих офицеров, между

(2) По поводу континентальной блокады, ходили слухи, что мы должны идти походом на Монголию и Китай, чтобы захватить английские владения.

прочими генерал Дельзон, сражённый пулей в голову. Брат его, полковник, хотел поспешить ему на помощь, но его также сразила пуля; оба брата пали на одном и том же месте.

13-го (25-го) утром я стоял на дежурстве у маленького уединённого домика, где поместился император и где он провёл ночь; солнце проглядывало сквозь густой туман, какие часто бывают в октябре месяце; вдруг император, никого не предупредив, сел на коня и поскакал, сопровождаемый только несколькими ординарцами. Едва успел он отъехать, как мы услышали какой то шум; сперва мы вообразили, что это приветственные крики. «Да здравствует император!», но вскоре разобрали, что это команда: «К оружию!» Более 6 000 казаков Платова, пользуясь туманом и рвами, произвели нападение. Тотчас же очередные эскадроны гвардии пустились на равнину; мы последовали за ними и для сокращения пути перескочили через ров. В одну минуту мы очутились перед стаей дикарей, которые ревели как волки, но скоро должны были ретироваться. Наши эскадроны настигли их и отняли всё, что они захватили багажа, зарядных ящиков и т.п., нанеся им большой урон.

На равнине мы увидели императора почти посреди казаков, окруженного генералами и ординарцами, из которых один был опасно ранен, благодаря роковому недоразумению, в ту минуту как эскадроны вступили на равнину, многие из офицеров принуждены были, защищаясь и защищая императора, который находился среди них и чуть не попал в плен, вступить в сабельный бой с казаками. Один из ординарцев, убив одного казака и ранив нескольких, потерял в схватке свою шапку и уронил саблю. Очутившись без оружия, он бросился на одного казака, вырвал у него пику и стал ею обороняться.

Тут на него обратил внимание один конный гренадёр гвардии; введённый в заблуждение зелёной шинелью и пикой, он принял своего за казака, ринулся на него и хватил его саблей. Этого офицера звали Лольтёр.

Несчастный гренадёр, с отчаянием убедившись в своей ошибке, ищет смерти: он бросается в самую чашу боя, разит направо, налево — всё бежит перед ним. Наконец, убив нескольких неприятелей и всё-таки не найдя смерти, он возвращается весь обрызганный кровью, узнать об офицере, которого ранил по ошибке. Тот потом выздоровел и вернулся во Францию на санях.

Помню, что, несколько минут спустя после этой стычки, император смеясь рассказывал королю Мюрату, что чуть-чуть не попал в плен. Гренадёр-велит Монфор из Валансьена и тут имел случай отличиться, убив и выбив из строя несколько казаков.

Мы простояли ещё некоторое время на этой позиции; затем выступили в путь, оставив Калугу по левую руку.

По плохому мосту мы переправились через грязную с крутыми берегами реку и двинулись на Можайск. 14-го (26-го) октября мы опять остановились на привал, а 15-го (27-го) числа сделав переход почти без остановки до самого вечера, ночевали под самым Можайском; в эту ночь начало морозить. 16-го (28-го) мы выступили спозаранку и днём, переправились через какую-то речонку, очутились на знаменитом поле сражения, всё ещё покрытом мёртвыми телами и обломками разного рода. Кое где из земли торчат руки, ноги, головы; почти все трупы принадлежат русским — наших, по мере возможности, мы всех предали земле. Но так как всё это было сделано на скорую руку, то наступившие вслед затем дожди размыли часть могил. Нельзя себе представить ничего печальнее, как зрелище этих покойников, уже почти утративших человеческий образ; после битвы прошло пятьдесят два дня.

Мы расположились бивуаком подальше, впереди, и прошли мимо большого редута, где был убит и похоронен генерал Коленкур. Остановившись, мы занялись устройством себе убежищ, чтобы как можно удобнее провести ночь.

Мы развели костры при помощи обломков оружия, пушечных лафетов, зарядных ящиков; относительно воды встретилось затруднение: речка протекавшая возле нашей стоянки и очень маловодная была вся полна гниющими трупами; пришлось идти повыше, чтобы достать воды, годной к питью. Когда мы окончательно устроились, я отправился с одним приятелем, сержантом Гранже, осматривать поле битвы; мы дошли до рва, до того самого места, где на другой день после сражения король Мюрат раскинул свои палатки.

Между тем пронёсся слух, что на поле сражения найден ещё живым один французский гренадёр: у него были оторваны обе ноги; он приютился за остовом убитой лошади и всё время питался её мясом, а воду доставал из ручья, заражённого трупами. Говорят, будто его спасли; пока, на время — это весьма вероятно, но что касается будущего, то едва ли: вернее всего несчастного пришлось бросить на произвол судьбы, как и столько других. Вечером начал чувствоваться голод среди тех частей, которые успели истощить свои запасы. До тех пор всякий раз, как варили суп, каждый давал свою порцию муки, но когда замечено было, что не все участвуют в складчине, то многие стали прятаться, чтобы съесть, что у них было; ели сообща только суп из конины, который стали варить за последние дни.

На следующий день мы проходили мимо монастыря, служившего госпиталем для части наших раненых в Бородинском сражении. Многие находились там и до сих пор. Император отдал приказ везти их на всех подводах, не исключая и его собственных, но маркитанты, которым поручены были некоторые из этих несчастных, побросали их на дороге под разными предлогами — и всё для того чтобы не лишиться добычи, которую везли из

Москвы и которой были нагружены все повозки. Ночь мы провели в лесу позади Гжатска, где ночевал император; ночью в первый раз шёл снег.

На другое утро, 18-го (30-го), дороги уже испортились; повозки, нагруженные добычей, тащились с трудом; многие оказались сломанными, а с других возницы, опасаясь, чтобы они не сломались, спешили сбросить лишнюю кладь. В этот день я был в арьергарде колонны и имел возможность видеть начало безурядицы. Дорога была вся усеяна ценными предметами: картинами, канделябрами и множеством книг; в течение целого часа я подбирал тома, просматривал их и бросал, поднимал другие, которые в свою очередь бросал, предоставляя кому угодно поднимать их.

То были сочинения Вольтера, Жана-Жака Руссо и «Естественная история» Бюффона, переплетённая в красный сафьян и с золотым обрезом. Тут же мне посчастливилось приобрести медвежью шкуру, которую один солдат поднял с поломанной повозки, нагруженной мехами. В этот же день наша маркитантка лишилась своей повозки с продовольствием, между прочим, нашей большой серебряной миски, где мы постоянно варили пунш.

18-го (30-го) октября мы прибыли в Вязьму, «водочный» город, как его прозвали наши солдаты вследствие того, что по пути в Москву мы добыли там водки. Император остановился в городе; наш полк двинулся вперёд.

Я забыл сказать, что перед прибытием в этот город мы сделали продолжительный привал и, отойдя направо от дороги, возле соснового леса, я встретил одного знакомого сержанта гвардии (сержант Пикар, родом из Кондэ). Он воспользовался разведённым костром, случившимся на месте, чтобы сварить котёл рису, и пригласить меня участвовать в трапезе. При нём была полковая маркитантка, венгерка, с которою он находился в наилучших отношениях; она имела особую повозку, запряжённую парю лошадей и хорошо снабжённую продовольствием, мехами и деньгами.

Я остановился с ними на время привала, больше часу. Тут подошёл к нам погреться один португальский унтер-офицер; я спросил, — где его полк? Он отвечал что полк рассеялся, но что ему поручено с отрядом от 7 до 8 сот русских пленных, которые не имея чем питаться, были принуждены поедать друг друга, т.е., когда один из них умирал, другие резали его на куски и съедали. В подтверждении своих слов он предложил мне посмотреть самому; но я отказался. Эта сцена происходила в каких-нибудь ста шагах от нас; мы узнали несколько дней спустя, что этих пленных принуждены были оставить, не имея возможности прокормить их.

Вышеупомянутый сержант егерей со своей маркитанткой в конце концов всё потерял в Вильне; оба попали в плен.

20-го октября (1-го ноября) как и предыдущую ночь, мы провели в лесу, на краю дороги; за последние дни мы начали питаться кониной. Небольшое количество провианта, какое мы могли унести с собой из Москвы, уже истошилось, и нужда стала давать себя чувствовать вместе с усиливающим-

ся холодом. Что до меня касается, то у меня оставалось немного рису; я берёг его на случай крайности, предвидя в будущем нужду ещё гораздо большую.

В этот день я опять находился в арьергарде, состоявшем из унтер-офицеров. Дело в том, что уже многие солдаты начали отставать, чтобы отдохнуть и погреться у костров, оставленных войсками, проходившими ранее нас. По пути я увидел по правую руку несколько рядовых из разных полков, между прочим и гвардейских, собравшихся вокруг большого костра. Меня послал майор с приказом, чтобы они следовали за нами; подойдя я узнал Фламана, моего знакомого драгуна. Он жарил кусок конины, вздетой на остриё сабли, и пригласил меня поесть с ним. Я передал ему распоряжение следовать за колонной. Он отвечал, что отправиться, как только утолит свой голод. Но он чувствовал себя очень плохо, потому что принужден был идти пешком в своих кавалерийских ботфортах: накануне, в стычке с казаками, в которой он убил троих, его лошадь вывихнула себе ногу и он должен был вести её под уздцы. К счастью, человек, находившийся при мне, был моим доверенным лицом, и у него была в ранце запасная пара башмаков, которые я отдал бедному Фламани, чтобы он мог переобуться и продолжать путь, как пехотинец. Я простился с ним, не воображая, что уже больше не увижу его: два дня спустя я узнал, что он был убит на опушке леса в ту минуту, когда он, вместе с другими отсталыми, собирался развести костёр и отдохнуть.

21-го октября (2-го ноября), перед прибытием в Славково, мы увидели налево, почти на краю дороги, блокгауз или военную станцию — нечто вроде большого укрепленного барака, занятого военными разных полков и ранеными. Наименее больные, имевшие силы следовать за нами, присоединились к нам; других, насколько было возможно, разместили в повозках; что касается раненых, то их оставили на месте, поручив их милосердию неприятеля, точно так же, как врачей и фельдшеров, оставленных для ухода за больными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дорогобуж. — Паразиты. — Маркитантка. — Голод.

Мы остановились в Славкове 22-го октября (3-го ноября); целый день мы видели русских по правой стороне. В тот же день к нам присоединились другие полки гвардии, делавшие привал позади.

23-го октября (4-го ноября) мы форсированным маршем направились в Дорогобуж — «капустный» город; так мы прозвали его за огромное количество капусты, найденной нами, когда мы шли в Москву. Здесь же, в этом городе император 13-го (25-го) августа приказал сделать вычисление пушечных и ружейных выстрелов, которые армия должна пустить в предстоящем большом сражении. В 7 часов вечера мы были ещё в двух лье от города; с большим трудом мы добрались туда; огромное количество выпавшего снега мешало нам идти. Одно время мы даже заблудились и, чтобы людям, оставшимся позади, можно было нагнать нас, мы больше двух часов били почной сбор, пока не дошли до места, где когда-то был город; теперь он весь выгорел, за исключением нескольких домов.

Было часов 11, когда мы окончили устраиваться на бивуаках и, благодаря остаткам от сгоревших домов, нашли достаточно топлива, чтобы развести костры и погреться! Но мы терпели во всём недостаток и были до такой степени измучены, что не имели даже сил найти лошадь и украсть её, чтобы потом съесть — и вот мы решили сперва хорошенько отдохнуть. Один солдат роты притащил мне для спанья тростниковые циновки; разостлал их перед костром, я улёгся, положив голову на ранец, а ноги протянул к огню.

Не прошло и часа, как я отдыхал — вдруг я почувствовал по всему телу невыносимый зуд. Машинально я провёл рукой по груди и по другим частям тела; каков же был мой испуг, когда я убедился, что весь покрыт паразитами. Я вскочил, как ужаленный, в одну минуту разделся до гола и бросил в огонь рубашку и панталоны. Всё это затрещало на огне, хотя на моё тело падали крупные хлопья снега, однако я не замечал холода, так я был взволнован этим приключением.

Наконец я встряхнул над огнём остальную одежду, без которой не мог обойтись, и облёкся в последнюю оставшуюся у меня смену белья. Печально, чуть не плача, я уселся на свой ранец, и подперев голову руками, покрывшись своей медвежьей шкурой, провёл остаток ночи вдали от проклятых циновок, на которых раньше спал. С теми, кто потом лёг на моё место, ничего не случилось; очевидно — я всё забрал на себя.

На другой день, 24-го октября (5-го ноября), мы выступили рано утром. Перед выступлением в каждом полку гвардии были розданы ручные мельницы, чтобы молоть хлебные зёрна, если таковые найдутся; но так как молоть было нечего, а машины были тяжёлые и ненужные, то от них избавились через какие-нибудь сутки. День прошёл печально — многие из больных и раненых умерли; до тех пор они делали нечеловеческие усилия, надеясь добраться до Смоленска, где рассчитывали найти продовольствие и расположиться на квартирах.

Вечером мы остановились на опушке леса, где приказано было устроить убежище для ночлега. Немного спустя наша маркиганта, г-жа Дюбуа, жена

ротного цирюльника, почувствовала себя дурно и через несколько минут, на снегу и при двадцатиградусном морозе, произвела на свет здорового мальчугана, что при таких обстоятельствах полковник Боден, командир нашего полка, сделал всё возможное для облегчения положения этой женщины: он дал свой плащ, чтобы прикрыть убежище, где находилась родильница, выносившая свои страдания с большим мужеством. Полковой врач точно также ничего не пожалел; словом, всё обошлось благополучно. В ту ночь солдаты убили медведя, который был в одну минуту съеден.

Проведя кое-как ночь крайне тяжёлую, благодаря морозу, мы снова пустились в путь. Полковник одолжил свою лошадь тётке Дюбуа, державшей на руках своего новорожденного младенца, завернутого в овечью шкурку; её самую прикрыли шинелями двух солдат роты, умершими в эту ночь.

25-го октября (6-го ноября) стоял такой туман, что ни зги не было видно, и трещал мороз свыше двенадцати двух градусов; у нас губы слипались, внутри носа стыло и самый мозг, казалось, замерзал. Мы двигались в ледяной атмосфере. Весь день при сильном ветре всё падал снег небывало крупными хлопьями; не только не видно было неба, но даже и тех, кто шёл впереди нас.

Дойдя до жалкой деревушки (Михайловка), мы увидели человека, скакавшего во весь опор, отыскивая императора. Вскоре мы узнали, что это генерал, привёзший известие о заговоре Мале, только что открытом в Париже.

Мы остановились неподалёку от леса: чтобы двигаться дальше, надо было дожидаться, — дорога была узкая, а скопления народа значительное, и пока мы, несколько приятелей, стояли в кучке, постукивая ногами, чтобы не застынуть, и беседуя о своих бедствиях и о терзавшем нас голоде, я почувствовал запах горячего хлеба. Обернувшись, я увидел позади близёхонько от себя какого-то субъекта, закутанного в меховую шубу, из-под которой и несло запахом, ударившим мне в нос. Я тотчас заговорил с ним и сказал: «Сударь, у вас есть хлеб, и вы должны мне продать его!» Он хотел было уйти, но я схватил его за руку и не пускал. Тогда, видя, что ему от меня не отвязаться, он вытащил из-под полы ещё горячую ковригу, которую я с жадностью схватил одной рукой, а другой протянул ему пять франков в уплату. Но едва хлеб очутился у меня в руках, как мои друзья, бывшие тут же, набросились на него, как бешенные, и вырвали его. У меня, на мою долю, остался только кусок, который я держал между большим и двумя первыми пальцами правой руки.

Тем временем полковой лекарь — он оказался лекарем — успел скрыться. И хорошо сделал: его может быть уколошили бы, чтобы отнять у него остальной запас хлеба. По всей вероятности, прибыв в деревушку из первых, он к своему счастью раздобыл муки и в ожидании прихода испёк лепёшек.

За те полчаса, что мы стояли на месте, у нас умерло несколько человек. Много других свалилось ещё, пока колонна была в движении. Словом, наши ряды уже начали заметно редеть, а мы были ещё в начале наших бедствий! Когда мы останавливались закусить наскоро, то пускали кровь брошенным лошадям или тем, которых удалось стащить незаметно.

Кровь собирали в котёл, варили её и ели.

Но часто случалось, что в тот момент, когда только что успели развести огонь, приходилось не медля съесть всё кушанье почти в сыром виде — получался приказ идти дальше или вблизи показывались русские. В последнем случае не очень стеснялись — я не раз видел, как часть солдат преспокойно себе закусывала в то время, как другая отстреливалась от русских. Но когда являлась настоятельная необходимость и непременно требовалось сниматься с места, то уносили с собой котёл и каждый на ходу черпал из него пригоршнями и ел; поэтому у всех лица были выпачканы в крови.

Зачастую, когда приходилось бросать заколотых лошадей, потому что некогда было разрезать их, люди нарочно оставались позади и прятались, чтобы их не заставляли следовать за полком. Тогда они накидывались на сырое мясо, как хищные звери; редко случалось, чтобы эти люди опять появлялись у нас — они или попадали в плен к неприятелю, или замерзали.

Новый переход был не так продолжителен, как предыдущие — мы остановились совсем ещё засветло. Местом привала было покинутое пожарище деревушки, где лишь кое-где торчали обгорелые стены; под ними высшие офицеры приютились на бивуаках, чтобы хоть немного защититься от ветра и заснуть. Независимо от страданий, переносимых нами вследствие страшного утомления, голод давал себя чувствовать жестоким образом. Те, у кого оставалось ещё немного пищи, рису или крупы, прятались и ели потихоньку. Уже не существовало больше друзей, все посматривали друг на друга с недоверием, люди становились даже неблагодарными к самым близким приятелям. Мне самому привелось поступить бессердечно по отношению к истинным друзьям, и я не могу пройти этого молчанием.

В этот день всех нас терзал голод, а меня ещё вдобавок съедали паразиты, напавшие на меня накануне. У нас не было ни кусочка конины, чтобы поесть; мы рассчитывали на нескольких оставших людей нашей роты, думая что они отрежут кусок мяса у какой-нибудь павшей лошади. Мучимый голодом, я испытывал ощущения, которых невозможно передать. Я стоял возле одного из самых близких моих товарищей, сержанта Пумо, который грелся у костра и посматривал по сторонам — не подоспел ли откуда-нибудь пища. Вдруг я схватил его за руку судорожным движением и сказал: «Друг мой, если б я встретил в лесу кого бы то ни было с краюхой хлеба, я заставил бы его отдать мне половину!» Но сейчас поправился: «Нет, я убил бы его и отнял у него весь хлеб!»

Сказав это, я зашагал по направлению к лесу, точно в самом деле должен встретить там человека с хлебом. Дойдя до леса, я с четверть часа шёл по опушке, потом, круто повернул влево, по направлению совершенно противоположному нашему бивуаку, я увидел почти на опушке костёр и сидевшего над ним человека. Я остановился наблюдать и рассмотрел, что над огнём у него висит котелок, в котором он что-то такое варит: взяв нож, он погрузил его туда и, к великому моему удивлению, вытащил картофелину, помял её, но снова положил в котёл, вероятно потому, что она была ещё сыра.

Я хотел подбежать и броситься на него, но боясь, что он ускользнёт, опять вошёл в лес и, сделав маленький обход, украдкой подошёл к нему сзади. Но в этом месте было много хворосту и, подходя, я порядочно нашумел. Он обернулся, но я очутился у котла и, не дав ему времени заговорить, обратился к нему: «Товарищ, у вас есть картошка, продайте мне или поделитесь со мной, иначе я унесу весь котёл!» Поражённый таким решением и видя, что я подхожу с саблей, намереваясь поудить в котле, он возразил, что картофель не принадлежит ему, что это собственность польского генерала, расположившегося неподалёку, что он денщик генерала и что ему велено было спрятаться, чтобы сварить картофель и запасть им на завтра.

Не отвечая ни слова, я собирался взять несколько штук, подавая ему, однако, деньги в уплату, но он остановил меня, сказав, что картофель ещё не сварился и в доказательство вынул мне одну штуку, чтобы дать мне ощупать. Я выхватил её у него из рук и съел её. «Вы сами видите, что их есть нельзя, — сказал денщик — спрячьтесь на минуту, имейте терпение, постарайтесь, главное, чтобы вас не увидали, куда картофель не поспеет; тогда я, пожалуй, поделюсь с вами».

Я поступил по его совету, засев в кусте неподалёку, чтобы не терять его из виду. Минут через пять-шесть — не знаю, воображал ли он что я ушёл далеко — но он встал, озираясь по сторонам, схватил котёл и побежал. Но ему не удалось уйти: я тотчас настиг его и пригрозил всё отнять, если он не отдаст мне половину. Он опять отвечал, что это принадлежит генералу. «Хотя бы самому императору! Мне нужен этот картофель, я умираю с голоду!» Убедившись, что ему от меня не отделаться иначе, как дать мне того, что я требую, он отделил мне семь картофелин. Я отдал ему 15 франков и ушёл. Он мне вернул назад и дал ещё пару; картофель ещё не совсем сварился, но я не обратил на это внимание, стал есть одну, а остальные спрятал в ягдташ. Я рассчитывал, что этим прокормлюсь три дня, съедая по три картофелины в дополнение к куску конины.

Идя и размышляя о своём картофеле, я сбился с пути; об этом я догадался только, услышав крики и руготню каких-то пятерых солдат, которые сцепились между собой, как собаки; возле них лежала задняя нога лошади, что и было предметом их раздора. Один из солдат, увидав меня, подошёл ко

мне и сказал, что он с товарищем — оба солдаты при обозе — ходили с некоторыми другими колоть лошадь в лесу, и что, когда они возвращались в лагерь со своей долей, на них напали трое людей из другого полка и хотели отнять у них конину, но, что если я соглашусь помочь им защищать её, то они поделятся со мной.

С своей стороны, опасаясь, чтобы у меня не отняли мой картофель, я отвечал, что не могу мешкать по пути, но что пусть они потерпят немножко, я пошлю им людей на подмогу. И продолжал путь. Немного дальше я встретил двух солдат нашего полка и рассказал им всё дело. Они отправились туда. На другой день я узнал, что, придя на указанное место, они увидели только человека, убитого сосновой дубиной, лежавшей тут же и обгаренного кровью. Очевидно, трое нападавших воспользовались той минутой, когда тот ходил просить меня о защите, чтобы избавиться от противника, оставшегося с ними.

Когда я вернулся на место стоянки нашего полка, многие товарищи спросили меня, не добыл ли я чего-нибудь; я отвечал, что нет. Заняв место у костра, я устроился, как и в предыдущие дни: вырыл себе ямку, т.е. ложе в снегу, а так как у нас не было соломы, то я разостлал свою медвежью шкуру, чтобы на ней улечься, и положил голову на подбитый горностаем воротник, которым и прикрывался. Но перед сном я мог съесть ещё одну картофелину; это я сделал, прячась за своим плащом и стараясь не жевать громко: я боялся, чтобы не догадались, что я ем; потом, я взял шепотку снегу, я запил им свой ужин и заснул, не выпуская из рук свой ягдташ с продовольствием. Несколько раз в ночь я заботливо шарил в нём рукой, пересчитывая свои картошки. Так я и провёл всю ночь, не поделившись с товарищами, умиравшими с голоду, тем немногим, что доставил мне случай: с моей стороны это был эгоистический поступок, которого я никогда себе не прошу.

Ещё не пробили зарю, как я уже проснулся и сидел на своём ранце, предвидя, что день предстоит ужасный вследствие поднявшегося ветра. Я провертел дыру в своей медвежьей шкуре, продел в неё голову таким образом, чтобы голова медведя свешивалась мне на грудь; остальная часть шкуры прикрывала мне спину и ранец, но шкура была такая громадная, что хвост волочился по земле.

Наконец, пробили утреннюю зорю, и хотя ещё не рассвело, но мы двинулись в путь. Число мёртвых и умирающих, оставленных нами на месте стоянки было громадно. Дальше оказалось и того хуже, нам приходилось шагать через трупы, оставляемые за собой частями войск, проходившими впереди: ещё ужаснее было тем, кто шёл за нами. Те видели воочию бедствия всех частей, шедших впереди. Последними шли корпуса маршалов Нея и Даву и итальянская армия под начальством принца Евгения.

Мы шли уже около часу, когда забрезжил рассвет, и так как мы нагнали предшествовавшие корпуса, то сделали маленький привал. Наша марки-

танка тётка Дюбуа, хотела воспользоваться минутой отдыха, чтобы покорить грудь своего младенца; вдруг она жалобно вскрикнула, её ребёнок умер и отвердел, как дерево. Окружавшие стали утешать её, говоря, что это счастье для неё и для её ребёнка и, несмотря на её вопли, у неё вырвали трупик, который она прижимала к своей груди. Маленького покойника отдали сапёру, тот отошёл на несколько шагов в сторону от дороги вместе с отцом ребёнка. Сапёр вырыл своим топориком ямку в снегу; отец тем временем стоял на коленях, держа ребёнка на руках. Когда кончили рыть яму, он поцеловал дитя и положил его в могилу; потом ямку зарыли и дело с концом.

На одну минуту дальше, возле леса мы остановились на большой привал. На этом самом месте ночевала перед тем часть артиллерии и кавалерии; там нашлось много лошадей, околевающих и уже изрезанных, а ещё большее количество таких, которых пришлось оставить ещё живыми и на ногах, но полу замёршими; они давали себя убивать, не трогаясь с места; что касается тех, которые пали от утомления и изнурения, то они были так заморожены, что их невозможно было разрубить на части. Я заметил за этот бедственный поход, что нас постоянно заставляли идти по возможности следом за кавалерией и артиллерией, и что мы останавливались на их ночёвках с расчётом, чтобы мы могли питаться лошадьми, оставленными ими.

Пока полк отдыхал и каждый сочинял себе какую-нибудь, хоть убогую трапезу, я с своей стороны, как эгоист, тайком забрался в густой лес, чтобы одному съесть одну из картофелин, все ещё хранившихся в моём ягдташе. Но каково же было моё разочарование, когда я хотел откусить от неё — это был сущий лёд. Мои зубы только скользили по картофелине, но не могли отделить ни кусочка. Вот тогда то я пожалел, что не разделил их накануне с друзьями. Я вернулся к ним, ещё держа в руках картофелину, которую пытался съесть, выпачкав её кровью из моих потрескавшихся губ.

Меня стали спрашивать, что со мной. Не отвечая, я показал им картофелину, которую держал в руках, и те, которые были в сумке; но у меня их мгновенно вырвали. Товарищи мои точно также ошиблись, когда захотели есть картофель, потом они бросились к огню, чтобы оттаять, но картофелины таяли, как льдинки. Между тем другие товарищи стали допытывать, где я его нашёл. Я указал им на лес, они побежали туда, но скоро вернулись, сказав, что ничего не нашли. Вот они так были добры ко мне, потому что, сварив полный котёл конской крови, пригласили и меня поесть с ними; конечно я не заставил себя упрашивать. Весь век я упрекал себя за свой неблагоприятный поступок. Они же все думали, что я нашёл картофель в лесу; я так и не разъяснил им их ошибки. Но это ещё только слабый образчик того, что предстояло нам впереди.

Отдохнув с часок, колонна опять тронулась в путь сквозь лес, где местами встречались дома, обитаемые евреями. Иногда эти жилища обширны,

как риги, и построены таким же образом, с той только разницей, что они деревянные и под деревянными же крышами. На каждом конце ворот; эти дома служили почтовыми станциями, и экипажи, въезжая в одни ворота, сменив лошадей, выезжали в другие. Такие дома попадались обыкновенно в расстоянии трёх лье друг от друга. Но теперь большая часть их уже не существовала — их сожгли при первом нашем прохождении.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Катастрофа. — Семейная драма. — Маршал Мортье. — 27 градусов мороза. — Прибытие в Смоленск. — Вертеп.

Выйдя из лесу и приближаясь к Гаре, жалкой деревушке в несколько домов, я увидел невдалеке один из таких почтовых дворов, о которых я говорил. Я указал на него одному сержанту роты, эльзасцу Матеру, и предложил ему провести там ночь, если только нам удастся добраться туда первыми, чтобы достать места. Мы пустились бегом, но когда достигли дома, он был так переполнен высшими офицерами, солдатами и лошадьми, что нам не было возможности достать местечка — говорят, там скопилось до 800 человек.

Пока мы бродили кругом, надеясь как-нибудь пробраться в здание, императорская колонна и наш полк прошли вперёд. Тогда мы решили провести ночь под брюхами у лошадей, привязанных у дверей. Несколько раз солдаты, расположившиеся кругом на бивуаках, порывались разнести дом, чтобы из досок соорудить костры и устроить себе убежища и чтобы добыть соломы, сваленной в помещении, вроде чердака. Там было также большое количество сухих и смолистых сосновых дров.

Часть соломы была употреблена для постели теми, кто успел пробраться в здание, и хотя они были скучены один на другом, однако, развели маленькие огни, чтобы погреться и сварить конины. Не только они не позволяли разрушать своего жилья, но даже пригрозили стрелять из ружей в тех, кто попытается отрывать доски. Солдаты, влезшие на крышу, чтобы растащить её, принуждены были слезть, чтобы не быть убитыми.

Было часов 11 ночи. Часть несчастных заснула; другие трелись, прикурнув вокруг огней. Вдруг раздался глухой шум: загорелось в двух местах сарая — посредине и в одном конце, в противоположной стороне от той двери, под которой мы улеглись. Когда хотели отворить двери, то лошади, привязанные внутри, испуганные пламенем, задыхаясь от дыма, взвились на дыбы, так что люди, несмотря на все свои усилия, не могли найти выхо-

да с этой стороны. Тогда они бросились к другим дверям, но и там невозможно было пробраться сквозь пламя и дым.

Суматоха была страшная; те, что находились в другой стороне сарая и имели огонь только с одного боку, ринулись массами к дверям, у которых мы спали, с нарушенной стороны и, таким образом, ещё более препятствовали отворить их. Боясь, чтобы не вторглись к ним, они с вечера крепко заперли двери при помощи деревянной перекладки, положенной поперёк. В две минуты всё было объято пламенем; пожар, начавшийся с соломы, где спали люди, быстро сообщился сухим доскам над их головами. Некоторые люди, спавшие, как и мы, у дверей, пытались открыть их, но бесполезно: они открывались внутрь. Со всех сторон слышался страшный глухой рёв; несчастные, поджариваемые живьём, испускали нечеловеческие вопли; они лезли друг на друга, чтобы пробраться до крыши; но воздух проник внутрь и пламя вспыхнуло ещё сильнее, так что когда люди продирались наружу, полуобгорелые, с пылающими одеждами, без волос на головах, то пламя, вырывавшееся с неистовством и развеваемое ветром, опять повергало их вглубь бездны.

Раздавались крики бешенства, пламя переливалось волнами, несчастные судорожно боролись со смертью: сушая картина ада.

Со стороны той двери, где мы были, семь человек успели спастись, протискавшись через щель, где была оторвана доска. Первый был офицер нашего полка. У него обгорели руки, и платье оказалось всё изодранным. Остальные пострадали не менее: больше нельзя было спасти. Многие бросались вниз с крыши полусгоревшие и умоляли, чтобы их пристрелили. Что касается тех, которые появились потом у отверстия, откуда мы вытащили семерых, то их нельзя было вытащить, они лежали поперёк, полузадохшиеся и полузадавленные другими наседавшими на них людьми; пришлось оставить их сгореть вместе с остальными.

Увидав зарево, солдаты разных корпусов, расположившихся в окрестностях, погибавшие от холода вокруг своих полупотухших костров, сбегались не для того, чтобы подать помощь — было уже поздно, да и вообще нельзя было помочь беде — но для того, чтобы погреться и изжарить кусок конины на острие штыка или сабли. Глядя на них, можно было подумать, что этот пожар — сушая благодать Божья, так как, по общераспространённому мнению, в сарае скучены были все богачи армии, все те, кто успел нажиться в Москве, захватив себе бриллианты, золото, серебро. Можно было видеть, как многие из этих зрителей, при всей своей слабости и беспомощности, рискуя быть точно также изжаренными, вытаскивали из-под развалин обгорелые трупы, обшаривали их, надеясь чем-нибудь поживиться. Другие говорили: «И поделом! Зачем они не хотели отдать крышу — это бы не случилось!» Третьи, наконец, протягивая руки к огню и как будто не желая знать, что сотни их товарищей, а может быть родственников, согрева-

ют их своими трупами, приговаривали: «Славный огонь!» и притом поёживались уже не от холода, а от удовольствия.

Едва рассвело, как мы с товарищем пустились в путь, чтобы присоединиться к полку.

Мы шли молча, при морозе ещё сильнее вчерашнего, шагая через мёртвых и умирающих и размышляя обо всём только что виденном; мы нагнали двух солдат линейных полков, которые держали в руках каждый по куску конины и грызли его, говоря, что если ждать дольше, то мясо так заостенееет от мороза, что его нельзя будет укусить. Они уверяли нас, будто видели, как иностранные солдаты (хорваты), входящие в состав нашей армии, вытащили после пожара из под развалин сарая изжарившийся человеческий труп, разрезали его на куски и ели. Я думаю, что подобное случилось не раз в течение этой бедственной компании, хотя сам я, признаюсь, никогда этого не видал. Какой интерес имели эти полуживые люди, рассказывая нам подобные вещи, если это не правда? Не время было заниматься сочинительством. После всего вынесенного, я тоже, если б не нашёл конины, поневоле стал бы есть человеческое мясо — надо самому испытать терзания голода, чтобы войти в наше положение; а не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого чёрта, будь он зажарен.

С самого выступления нашего из Москвы, каждый день виден был едущий следом за колонной гвардии изящный русский экипаж, запряжённый четвёркой; но вот уже два дня, как лошадей осталось всего пара — либо их убили, либо украли на убой, или они пали. В этом экипаже ехала дама, ещё молодая, вероятно вдова, с двумя барышнями — 15 и 17 лет. Это семейство, проживавшее в Москве и как утверждали, бывшее французского происхождения, уступило настояниям одного офицера гвардии, обещавшего проводить их во Францию.

Быть может, этот офицер намеревался жениться на даме — он был человек уже пожилой. Словом, это интересное и несчастное семейство, как и мы, подверглось суровому холоду, всем ужасам нужды, и на этих женщинах ещё тяжелее должны были отзываться все лишения похода.

Едва занимался день, когда мы прибыли на место ночёвки нашего полка; в армии уже началось общее движение; за последние два дня стало замечаться, что полки убывают на целую треть и что, вдобавок, часть людей тащившихся с усилием, должны свалиться сегодня же, следом ехали, или вернее, едва ползли экипажи, которым наш полк должен был служить арьергардом. Вот там-то я опять увидел карету, в которой ехало несчастное московское семейство. Карета выехала из лесочка, направляясь к дороге; её сопровождало несколько сапёров и вышеупомянутый полковник, казавшийся сильно взволнованным. Выехав на дорогу, карета остановилась возле того места, где я стоял. Я услышал стоны и громкий плач. Офицер отворил дверцу, вошёл в карету, минуту спустя вынул оттуда труп и передал его

двум пришедшим с ним сапёрам; это было тело одной из девиц, которая только что умерла. На ней было шёлковое платье и салоп из той же материи, отороченный горностаевым мехом. Даже мёртвая, она была всё ещё хороша собой, но страшно худа. При всём нашем равнодушии к трагическим сценам, мы были глубоко потрясены; с своей стороны, я не мог удержаться от слёз, в особенности увидав плачущего офицера.

В эту минуту, как уносили покойницу, уложив её на зарядный ящик, я из любопытства заглянул в окно кареты: мать и другая дочь лежали друг у друга в объятиях. Мне показалось, что обе в обмороке. Вечером того же дня страдания их прекратились навсегда. Кажется, их похоронили всех вместе в яме, вырытой сапёрами неподалёку от Валутино. В заключение добавлю, что полковник, может быть, считая себя виновником этого несчастья, искал смерти в нескольких позднейших сражениях, при Красном и др. Несколько дней спустя по прибытии нашем в Эльбинген, он умер от горя.

Этот день — 27-е октября (8-е ноября) — был ужасен; мы пришли на позицию поздно, и так как на другой день должны были прибыть в Смоленск, то надежда найти там пищу и отдых (уверяли, что нас там расквартируют) побуждала людей, несмотря на суровый холод и на недостатки во всём, делать нечеловеческие усилия, чтобы не отстать, иначе им гроза смерть.

Прежде чем расположиться на бивуаках, надо было переправиться через глубокий ров и взобраться на гору. Мы заметили, что несколько артиллеристов гвардии застряли в этом рву со своими орудиями, не имея сил подняться в гору. Лошади обессилили, люди были измучены. Их сопровождал канониры гвардии короля прусского, которые, как и мы, проделали всю кампанию — они состояли при нашей артиллерии в качестве контингента Пруссии. На этом самом месте, возле своих орудий, они расположились бивуаком и зажгли костры, устроившись на ночлег, в надежде, что можно будет на другой день продолжать путь. Наш полк, как и егеря, встал по правую сторону дороги — кажется, это было на высотах Валутина, где происходило сражение и где был убит храбрый генерал Гюден 7-го (19-го) августа этого же года.

Я был отряжён дежурным к маршалу Мортье; жилищем ему служила рига без крыши. Однако ему устроили кое-какое убежище, чтобы защитить его, насколько можно, от снега и мороза. Наш полковник и полковой адъютант поместились там же. Оторвали несколько деревянных досок от забора и развели для маршала костёр, вокруг которого все мы уселись. Только что мы успели расположиться и занялись жарением конины, как появился какой-то субъект, с головой укутанной платком, с руками, перевязанными тряпками, и в обгорелой одежде. Подойдя к костру, он завопил: «Ах полковник, какое со мной несчастье! Как я страдаю!» Полковник, обернувшись, спросил его — кто он такой, откуда явился и что с ним? «Ах полковник», отвечал тот — «я всего лишился и вдобавок обгорел!» — Полковник,

узнал его, сказал : — «Ну и поделом! Надо было оставаться в полку; сколько дней вы пропадали! Что вы делали, когда ваш долг был показывать пример и, как все мы, оставаться на посту? — Слышите, сударь?» Но бедняга ничего не слышал; не время было читать ему нотации. Это и был тот самый офицер, которого мы спасли прошлой ночью, вытащив его из горевшего сарая; говорили, что у него было накоплено много ценных вещей и золота, взятых им в Москве по праву победителя. Но теперь всё погибло : его лошадь и чемодан сгорели. Маршал с полковником, как и все присутствующие, заговорили о катастрофе в сарае. Рассказывали, что многие начальствующие офицеры заперлись там со своими денщиками и погибли; так как я был очевидцем этого бедствия, то ко мне обращались за сведениями; офицер, которого мы спасли, ничего не мог сообщить в своём расстройстве.

Было часов около девяти; ночь стояла необыкновенно тёмная, и уже многие из нашего кружка, как и остальные части злополучной армии, расположившейся в этой местности, стали забываться тяжёлым беспокойным сном, в следствие утомления и голода, у огня, который ежеминутно угасал, как и жизнь окружавших его людей; мы размышляя о завтрашнем дне, о прибытии в Смоленск, где как нам обещали должны окончиться наши мучения — ведь там мы найдём продовольствие и квартиры.

Я кончил свой жалкий ужин, состоявший из кусочка печени лошади, убитой нашими сапёрами, а вместо питья проглотил пригоршню снега. Маршал так же съел печёнки, зажаренной для него денщиком, но только он её ел с куском сухаря и запил каплей водки; ужин, как видите, не особенно изысканный для маршала Франции, но и то было ещё недурно при нашем злосчастном положении.

После ужина он вдруг спросил у часового, стоявшего опёршись на ружьё, у дверей риги, зачем он тут? Солдат отвечал, что он стоит на часах. — Для кого и для чего? Возразил маршал, — ведь всё равно, это не помешает холоду и нужде вторгнуться сюда и терзать нас! Ступай лучше, займи место у огня! — немного погодя, он попросил у денщика чего-нибудь подложить себе под голову: ему подали чемодан, он завернулся в плащ и улёгся.

Я собирался сделать то же самое, растянувшись на своей медвежьей шкуре, как вдруг нас переполюшил какой-то странный шум; оказывается, северный ветер забушевал в лесу, подымая снежную метель при 27-ми градусном морозе, так что людям невозможно было оставаться на местах. С криком они бегали по равнине, стараясь попасть туда, где виднелись огни, и этим облегчить своё положение; но их обволакивал снежный вихрь, и они не могли двигаться, или если все таки порывались бежать, то спотыкались и падали, чтобы уже больше не подыматься. Несколько сот человек погибли таким образом; но многие тысячи людей умерли оставаясь на месте, так как не надеялись ни на что лучшее. Что до нас касается, то нам по-

счастливилось в том смысле, что одна сторона риги была защищена от ветра; многие пришли, чтобы приютиться у нас и таким образом избежать смерти.

Кстати расскажу по этому поводу об одном поступке самоотвержения, совершённом в эту бедственную ночь, когда все самые страшные стихии ада, казалось, разъярились против нас.

В состав нашей армии входил принц Эмилий Гессен-Кассельский со своим контингентом войск, который он поставлял Франции. Его маленький корпус состоял из нескольких полков кавалерии и пехоты. Как и мы, он расположился на бивуаках, по правую сторону дороги, с остатками своих несчастных солдат, число которых сократилось до пяти или шести сот человек; в числе их находились приблизительно до полутораста драгун, но уже пеших, так как их лошади или пали, или были съедены. Эти храбрые воины, изнемогая от холода и не имея сил оставаться на месте в такую метель и непогоду, решили принести себя в жертву, чтобы спасти молодого принца, юношу лет двадцати, не больше, поставить его по середине, чтобы защитить от ветра и холода. Закутанные в свои длинные белые плащи, они всю ночь простояли на ногах, тесно прижимаясь друг к другу; на другое утро три четверти этих людей были мертвы и занесены снегом; та же участь постигла почти десять тысяч человек из разных корпусов.

Днём, выбираясь на дорогу, мы принуждены были вместе с маршалом спуститься ко рву, где накануне артиллерия расположилась бивуаком; теперь там уже никого не осталось в живых; люди, лошади — всё лежало зарытое в снегу — солдаты вокруг бивуачных огней, лошади, ещё впряжённые в орудия, которые так и пришлось бросить. Почти всегда случалось, что после метели и лютого мороза, навеянного северным ветром, погода смягчалась; казалось природа, устав бичевать, хотела немного отдохнуть, чтобы потом разить с новой силой.

Но вот всё, что ещё дышало, опять выступило в путь. Справа и слева от дороги полуживые люди выползали из-под своих жалких убежищ, устроенных из сосновых веток и занесённых снегом; другие появлялись из более отдалённых мест, из лесу, где приютились во время метели, и, еле волоча ноги, выбирались на дорогу. Мы остановились немного, чтобы подождать их. Тем временем я беседовал с несколькими приятелями о наших несчастиях и о невероятном количестве погибших жертв. Машинально мы окидывали взором арену бедствий. Местами виднелись ещё ружья, установленные в козла; другие козлы лежали опрокинутыми, и некому было поднять их. Те, которые выбирались на дорогу со значками своих полков, присоединялись к другим и выступали в путь.

Когда собралось по возможности всё, что было на дороге, колонна двинулась; наш полк образовал арьергард, что в этот день было особенно трудно, в виду множества людей, которые не в состоянии были идти и которых

мы принуждены были тащить под руки, чтобы спасти их и помочь им добраться до Смоленска.

Перед вступлением в город надо было пройти по небольшому лесу; там мы нагнали всю соединённую артиллерию. На лошадей жалко было смотреть; пушечные лафеты и зарядные ящики были нагружены солдатами, больными и еле живыми от холода. Я узнал, что один друг детства, родом из одной местности со мной, некто Фик, уже два дня находится в таком положении. Я осведомился о нём у гвардейских егерей того полка, где он служил, и мне сказали, что он недавно упал мёртвый на дороге; в том месте дорога была узкая и углублённая, так что его тело нельзя было убрать с дороги, и по нём проехала вся артиллерия, как и по телам многих других, павших на том же месте.

Я продолжал идти по узкой тропинке, влево от пролежавшей дороги, по лесу. Тут ко мне присоединился один мой приятель, сержант одного полка со мной; вдруг мы увидели лежащего поперёк тропинки канонира гвардии, загородившего нам дорогу. Возле него копошился другой канонир. Оказалось, что он сдирал с него одежду; мы заметили однако, что лежавший солдат ещё жив — по временам он шевелил ногами и ударял по земле сжатыми кулаками.

Мой товарищ, возмущённый не менее меня самого, ни слова не говоря, изо всех сил ударил прикладом ружья негодя по спине, и он обернулся. Но мы не дали ему времени заговорить и резко стали укорять его за его варварский поступок. Он возражал, что если солдат ещё не умер, то скоро умрёт, что когда его оттащили в сторону от дороги, чтобы он не был раздавлен артиллерией, то он не подавал никаких признаков жизни. Наконец, это его однокашник, следовательно лучше, чтобы он сам воспользовался его одеж- дами, чем кто-нибудь другой.

Рассказанное мною часто случалось с несчастными солдатами, у которых подозревали припрятанные деньги; когда они падали, то их товарищи, вместо того, чтобы помочь им подняться, пользовались этим, чтобы ограбить их, как этот канонир.

Мне не следовало бы из уважения к роду человеческому описывать такие возмутительные сцены, но я поставил себе долгом передать всё, что я видел. Да я и не могу поступить иначе; всё это удручает меня, и мне кажется, что если я изложу всё на бумаге, то эти воспоминания перестанут меня мучить. Надо прибавить, впрочем, что хотя во время этой бедственной кампании было совершено много жестокостей, зато подалось и немало поступков человеколюбия, делающих нам честь — не раз случалось мне видеть, как солдаты в продолжении нескольких дней тащили на плечах раненых офицеров.

Перед выходом из лесу мы встретили около сотни улан, на сытых конях и заново экипированных: они ехали из Смоленска, где всё время стояли —

их послали нам в арьергард. Они ужаснулись, увидев нас такими жалкими, а мы, с своей стороны, были поражены их блестящим видом. Многие солдаты бежали за ними, как нищие, вымаливая кусок хлеба или сухаря.

Выйдя из лесу, мы сделали привал, поджидая тех, которые вели больных. Нельзя себе представить более тяжёлого зрелища; что бы ни говорили этим несчастным про ожидаемые блага — пищу и квартиру, они как будто ничего не слышали; подобно автоматам, они двигались, когда их вели, и останавливались, чуть их оставляли. Наиболее сильные несли по очереди оружие и ранцы; многие из этих несчастных, кроме того, что почти потеряли рассудок и силы, лишились также от мороза пальцев на руках и ногах.

И вот мы опять увидели Днепр, но уже по левую руку, а на другом берегу — тысячи войск, переправившихся через реку по льду; там были части всех корпусов, пехота и кавалерия; завидев вдаль малейшее селение, они бросались туда со всех ног, надеясь найти там пищу и кровлю. Промаршировав с большим трудом ещё с час, мы к вечеру прибыли, полумёртвые, изнемогающие от усталости, на берега рокового Днепра, переправились через него и очутились под стенами города.

У ворот и под валами давно уже скопились тысячи солдат всех корпусов и всех национальностей, входящих в состав нашей армии, ожидая, чтобы их впустили. Сперва им этого не разрешали, боясь, чтобы все эти люди, нахлынувшие в беспорядке и умирающие с голода, не набросились на магазины и растащили то небольшое, что в них ещё оставалось; рассчитывали потом по возможности в порядке распределить между ними провиант. Много сотен людей умерли, стоя тут, или были при последнем издыхании.

Когда мы подошли к стенам вместе с другими гвардейскими корпусами, двигаясь в наилучшем, по возможности, порядке и приняв все предосторожности, чтобы забрав с собой всех наших больных и раненых, нам открыли ворота, и мы вступили в город. Большинство войск сейчас же рассыпалось во все стороны в беспорядке, чтобы искать себе приюта под кровлей на ночлег и съесть небольшое количество обещанного продовольствия; действительно, его потом роздали понемногу.

Чтобы восстановить мало-мальски порядок, было объявлено, что в одиночку солдаты ничего не получают. С этой минуты наиболее сильные соединялись по номерам полка и выбирали из своей среды начальника, который мог бы служить им представителем, потому что некоторых полков вовсе не существовало. А мы, императорская гвардия, прошли по городу, но с трудом, так как были страшно изнурены и должны были взбираться по крутому подъёму, тянувшемуся от Днепра до других ворот; вследствие обледенности этого склона, ежеминутно наиболее слабые падали; приходилось помогать им подыматься и нести тех, кто уже не мог ходить.

Таким-то образом прошли мы в предместье, погоревшее при бомбардировке города 3-го (15-го) августа. Там мы заняли позиции и расположи-

лись, как могли, в развалинах домов, ещё не совсем истреблённых пожаром. Мы устроили по возможности удобнее своих больных и раненых, то есть тех, у кого хватило мужества и сил добраться до места — многих мы оставили в деревянном бараке при входе в город. Эти последние были настолько больны, что не имели бы сил дотащиться туда, где остановились мы. В числе тяжело больных был один мой приятель, почти умирающий, которого мы притащили в город, надеясь, что там найдётся госпиталь, где бы можно полечить его; дело в том, что до сих пор наше мужество главным образом поддерживалось постоянной надеждой, что мы остановимся в этом городе надолго и дождёмся весны — но вышло совсем иначе. Впрочем, это вряд ли было возможно, потому что часть деревень была сожжена и разорена, а город, где мы находились, существовал, так сказать, только по имени. Виднелись ещё только стены домов, выстроенных из камня; все же деревянные постройки, из которых большей частью и состоял город, исчезли; словом, город представлял какой-то жалкий остов.

Если кто отваживался ходить по улицам в потёмках, то попадал в капканы: на местах, где прежде стояли деревянные дома и где не видно было никаких следов построек, теперь встречались глубокие подвалы, прикрытые снегом. Солдат, имевший несчастье попасть туда, исчезал под снегом и уже не мог выбраться. Многие погибли таким образом; на следующий день другие их вытаскивали, но не для того, чтобы предать земле, а чтобы стащить с них платье, или вообще поживиться тем, что можно было найти на них. То же самое случалось с солдатами, погибавшими в походе или на остановках: живые делили между собой одежды мёртвых, потом в свою очередь погибали несколько часов спустя и подвергались той же участи.

Через час по прибытии в Смоленск, нам роздано было по небольшому пайку муки, равному одной унции сухарей, но и это было больше, чем можно было надеяться. У кого были котлы, тот варил кашу, другие пекли лепёшки в золе и съедали их полусырыми; жадность, с какой они набрасывались на еду, чуть не погубила их, многие серьёзно заболели и чуть не умерли. Что меня касается, то я не ел супа с 20-го октября (1-го ноября), и хотя каша из ржаной муки была густа, как грязь, мне посчастливилось не заболеть; мой желудок все ещё был в исправности.

После нашего прибытия несколько солдат полка, уже больные, но имевшие, однако, мужество дотащиться до места стоянки, умерли, а так как им предоставлены были лучшие места в скверных лачужках, отведённых нам под постой, то мы поспешили удалить покойников и занять их места.

Отдохнув, и несмотря на холод и падавший снег, я собрался разыскивать одного из моих друзей, с которым я был так близок, что между нами никогда не было счётов — наши кошельки и имущество всегда были общими. Звали его Гранжье. Вот уже семь дней, как мы с ним жили врозь. Я не виделся с ним от самой Вязьмы, откуда он выступил вперёд с отрядом, эскор-

тируя зарядный ящик с багажом маршала Бессьера. Меня уверили; что он прибыл два дня тому назад и находится на квартирах в предместье. Желание увидеться с ним, надежда разделить с ним продовольствие, каким он мог заpastись раньше нашего прибытия, а также и его помещение, заставили меня решиться немедленно приняться за розыски.

Захватив с собой ранец и оружие и никому не сказав ни слова, я пошёл назад по той же дороге, по которой мы пришли; несколько раз я падал на скользком крутом спуске, по которому мы подымались, прибыв в город и наконец достиг ворот, через которые мы вошли в Смоленск.

У ворот я остановился, взглянул, как поживают люди, оставленные нами в бараке и состоявшие из баденских солдат, часть которых образовала гарнизон. Каково же было моё удивление! Один из наших товарищей, которого мы оставили вместе с другими больными, пока мы не придём за ними, стоял передо мной у дверей барака совсем раздетый в одних только панталонах — с него сняли всё, даже обувь.

Баденские солдаты сказали мне, что солдаты полка, пришедшие сюда за своими товарищами, застали его без признаков жизни; тогда они обобрали его и затем, забрав с собой двух больных, вместе с ними обошли кругом вала, рассчитывая найти дорогу получше.

Покуда я находился в бараке, туда прибыло ещё несколько несчастных солдат из разных полков; они тащились с трудом, опираясь на своё оружие. Другие, стоявшие на противоположном берегу Днепра, не разобрав, что у них под ногами, или обманутые огнями, падали в снег, кричали, плакали, умоляли о помощи.

Но некоторые солдаты, бывшие там, здоровые, оказались немцами и ничего не понимали, или не хотели понять. К счастью, молодой офицер, командовавший постом, говорил по-французски. Я попросил его, во имя человеколюбия, послать помощь людям по ту сторону моста. Он ответил, что со времени своего прибытия половина его отряда только этим и занимается и что теперь у него в распоряжении почти нет людей. Его караульный пост переполнен больными и ранеными до такой степени, что не хватает места.

Однако по моим настояниям, он послал ещё троих людей и скоро они вернулись, ведя под руки старого конного егеря гвардии. Они рассказали нам, что оставили ещё многих, которых надо было бы нести на руках, но не имея на это возможности, они уложили их возле большого костра, на время, пока можно будет пойти за ними. У старого егеря, по его словам, были отморожены все пальцы на ногах. Он завернул ноги в клочки бараньей шкуры. Борода и усы у него были в ледяных сосульках. Его подвели к огню и усадили. Тогда он принялся бранить русских, русского императора, саму Россию и «русского Бога». Потом он спросил меня была ли сделана раздача водки. Я отвечал, что до сих пор я о такой раз-

даче не слышал, и что её не предвидится. «В таком случае, промолвил он, остаётся только умереть!»

Молодой немецкий офицер не мог выдержать, видя страдания старого воина; подняв плащ, он вытащил из кармана флягу с водкой и подал старику. «Спасибо, — сказал тот: — вы спасаете меня от смерти; если представиться случай пожертвовать за вас жизнью, можете быть уверены, что я не поколеблюсь ни на минуту! Да что говорить, — запомните имя Роланда, конного егеря старой императорской гвардии, ныне пешего или вернее безногого. Три дня тому назад я принужден был расстаться со своей лошадыю; чтобы избавить её от дальнейших страданий, я пустил ей пулю в лоб. Потом я отрезал у неё кусок мяса от задней ноги и теперь собираюсь закусить».

Сказав это, он вынул из ранца кусок конины и подал её офицеру, давшему ему водки, а потом и мне. Офицер дал ему ещё хлебнуть из фляги и просил его оставить её у себя. Старый егерь уж и не знал, чем выразить ему свою признательность.

Он твердил, чтобы тот, как в гарнизоне, так и в походе помнил о нём, и в заключение сказал: «Добрые малые никогда не погибнут!» Но сейчас же спохватился, сообразив, что сказал ужасную глупость: «Ведь тысячи людей, что погибли за эти три дня, были не хуже меня, — сказал он: — вот я побывал в Египте и, верьте слову, видал виды; а всё-таки сравнения нет с нынешним. Надо надеяться, что теперь уже скоро конец нашим мучениям; говорят, нас расквартируют до весны, а там мы, надеюсь отомстим за себя!»

Бедный старик, которому два-три глотка водки вернули дар слова, не подозревал, что мы ещё только в начале наших бедствий!

Было часов одиннадцать; однако, я не потерял надежду отыскать Гранжье, хотя бы ночью. Я просил офицера на посту указать мне, где живёт маршал Бессьер, но или он неверно мне указал, или я не понял его хорошенько, но только я сбился с дороги и очутился где-то, имея по правую руку вал, под которым протекал Днепр; налево лежало пустое пространство, где была прежде улица, тянувшаяся под валом, и где все дома были сожжены и разрушены бомбардировкой. Там и сям виднелись, не смотря на темноту, кое-какие развалины, выступавшие точно в тени из глубокого снега.

Дорога, по которой я шёл, была из рук вон плоха; я так сильно утомился, пройдя по ней немного, что пожалел, зачем отважился идти туда один. Я уже собирался повернуть назад и отложить до завтра свои поиски Гранжье, как вдруг услышал шаги и, обернувшись, увидел позади себя какого-то субъекта, как потом оказалось, баденского солдата: он нёс на плечах бочонок, вероятно с водкой, по моим догадкам. Я окликнул его — он не отвечал; я хотел пойти за ним следом — он ускорил шаг; я — за ним. Он стал спускаться по довольно крутому склону; я хотел сделать то же, но мои ноги оказались не такими устойчивыми; я упал и, скатившись сверху до низу,

в одно время с ним угодил в дверь подвала, которая отворилась под напором моего тела, так что я очутился внутри раные солдата.

Не успел я очнуться и узнать, где я нахожусь, как меня вывели из моего оторопелого состояния крики на разных языках: кричала целая ватага каких то людей, валявшихся на соломе вокруг огня; тут были французы, немцы, итальянцы, известные у нас за отъявленных грабителей и воров; в походе они постоянно шли кучкой, впереди армии, боясь встретить неприятеля и сражаться, всегда попевали первые в жилища, попадающиеся на дороге, и устраивались бивуаками отдельно от других. Когда армия, страшно утомлённая, приходила на место стоянки, они выходили из своих укромных тайников, бродили вокруг бивуаков, забирали себе лошадей и чемоданы офицеров и выступали в путь спозаранку, за несколько часов до всей колонны — и это повторялось изо дня в день. Словом, это была одна из тех шаяк, которые образовались с первых же дней, когда начались сильные морозы, погубившие нас. Впоследствии эти шайки ещё размножились.

Ошеломлённый своим падением, я не успел подняться, как из глубины подвала вышел какой-то человек и зажёл пучок соломы, чтобы разглядеть меня: в потёмках, по моему костюму, а в особенности благодаря медвежьей шкуре, нельзя было разобрать, к какому полку я принадлежу. Но заметив императорский орёл на моём кивере, он воскликнул дерзко: «Ага! Императорская гвардия! Вон его!» Другие подхватили: «Вон, выгнать его, вон!» Оглушённый, но не испуганный их криками, я поднялся и попросил их, если уж благодаря случайности, или вернее счастью, я попал к ним, оставить меня по крайней мере хоть до утра — тогда я удалюсь. Но человек, закричавший первым, по-видимому, начальник, так как имел на боку полуэскадрон, который он кичливо выставлял на показ, повторил ещё раз, что меня надо выгнать; остальные завопили хором: «Вон! Вон!» Один немец подошёл ко мне и хотел было схватить меня, но я так толкнул его в грудь, что он отлетел на людей, лежавших вокруг костра; я взялся за рукоятку сабли — ружьё моё осталось у входа, когда я покатился с горки. Человек с полуэскадроном зааплодировал моей расправе с немцем, собиравшимся вытолкать меня, и сказал ему, что не подобает немчуре, кочану капусты, налагать руки на француза.

Увидав, что человек с полуэскадроном взял мою сторону, я объявил, что решил остаться здесь до утра и что скорее готов дать себя убить, чем замёрзнуть на дороге. Какая-то женщина — их было там две — хотела вступить за меня, но ей приказали молчать, и это приказание сопровождалось бранью и грязными ругательствами; тогда начальник опять приказал мне убраться, говоря, что я должен его избавить от неприятности выводить меня; конечно, если он вмешается то это будет живо исполнено, и он пошлёт меня ночевать к моему полку. Я спросил его, почему же он сам с товарищами

не находится со своими полками? Он отвечал, что это не моё дело, он не обязан отдавать ответа, он у себя дома, а я не могу поехать у них, потому что стесняю их, так как они должны отправиться в город по делам и воспользоваться беспорядком и отсутствием надзора за обозом, чтобы поживиться добычей. Я просил, как милости, позволения остаться ещё немного, чтобы погреться и поправить обувь, потом я уйду. Человек с полуэспадроном изъявил согласие с условием, что я удалюсь через полчаса. Он поручил барабанщику, по-видимому, своему адъютанту, привести этот приказ в исполнение.

Желая воспользоваться немногим оставшимся у меня временем, я осведомился, не может ли кто продать мне немного продовольствия, а в особенности водки. «Кабы у нас что было, отвечали мне, мы оставили бы себе!»

Между тем бочонок, который ташил баденский солдат, вероятно был с водкой; я слышал, как солдат говорил на своём наречии, что он отнял его у полковой маркитантки, спрятавшей бочонок, когда армия прибыла в город. Из его слов я понял, что этот солдат здесь новенький, он был из гарнизона и только со вчерашнего дня пристал к этим людям, решившись, подобно им, вести партизанскую войну, гоняясь за добычей.

Барабанщик, на которого возложено было поручение вывести меня, о чём-то таинственно совещался с другими; наконец он спросил, нет ли у меня золота, чтобы его обменять на пятифранковики, купить водки. «Нет, отвечал я, но у меня есть пятифранковые монеты». Женщина, стоявшая возле меня, та самая, что хотела принять меня под свою защиту, вдруг нагнулась, делая вид, будто что-то ищет на полу возле двери. Потом, приблизившись ко мне, она шепнула незаметно для других: «Уходите отсюда поскорее, поверьте они вас убьют! Я с ними от самой Вязьмы и против своей воли. Приходите сюда завтра утром с товарищами и спасите меня!» Я спросил, кто та другая женщина; она объяснила, что это еврейка. Я собирался задать ей ещё другие вопросы, но ей крикнули из дальнего угла подвала, чтобы она замолчала, и спросили, что такое она мне рассказывает? Она отвечала, что растолковывает мне, где достать водки — у жида на Новом рынке. «Молчи, болтунья!» опять закричали на неё. Она умолкла и забилась в угол подвала.

Из советов, данных мне этой женщиной, я убедился, что не ошибся в своих догадках; действительно, я попал в настоящий разбойничий притон. Поэтому я не стал ждать, чтобы мне велели удалиться; я встал и, делая вид, будто ищу местечка, где бы улечься, приблизился к двери, открыл её и вышел. Меня стали звать назад, говоря, что я могу остаться до утра и выспаться. Но не отвечая им ни слова, я поднял своё ружьё, валявшееся у дверей, и стал искать выхода, но не мог найти. Тогда, опасаясь, чтобы мне долго не пришлось оставаться в этом положении, я собирался постучать в дверь

подвала, чтобы мне указали дорогу; вдруг оттуда вышел баденский солдат, вероятно, посмотреть, не пора ли пуститься на экскурсию за добычей. Я попросил его объяснить мне, как пробраться в предместье. Он знаком велел мне идти за ним следом, и, пройдя мимо нескольких развалившихся домов, стал подниматься по каким-то лестницам. Я шёл за ним; когда мы вышли на вал и на дорогу, он начал кружить, под предлогом направить меня куда надо, но я понял, что это делается для того, чтобы я потерял следы подвала. А между тем я, напротив, хотел его запомнить, вернуться на другое утро с несколькими людьми и освободить женщину, просившую у меня помощи, а также разузнать, откуда у этих молодцов взялись чемоданы, которые я заметил в глубине проклятого подвала.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тревожная ночь. — Я нахожу друзей. — Выступление из Смоленска. — Необходимая поправка. — Сражение под Красным. — Драгун Меле.

Мой проводник незаметно скрылся, и я очутился совсем потерянным. Вот тогда-то я пожалел, что покинул свой полк. Между тем надо было на что-нибудь решиться, и так как снег перестал идти незадолго перед моим спуском в подвал, то я стал смотреть, не увижу ли я следов своих ног. Кстати я вспомнил, что вал должен был всё время оставаться у меня по правую руку. Пройдя некоторое расстояние, я узнал то место, где встретился с баденцем, но чтобы вернее в этом убедиться и узнать место, когда рассветёт, я сделал ружейным прикладом два глубоких креста в снегу и продолжал путь.

Было часов двенадцать ночи; я провёл в подвале около часу и за это время мороз значительно усилился. Правда, по левой стороне я видел огни, но не осмеливался направиться туда, боясь погибнуть, попасть в одну из ям, скрытых под снегом. Я продолжал пробираться всё ощупью и опустив голову, разглядывая почву под ногами. С некоторых пор я стал замечать, что дорога идёт под гору, и ещё немного подальше увидал, что она загромождена лафетами пушек, которые, вероятно, собирались установить на крепостном валу. Спустившись вниз, я никак не мог разобрать направления — такая была темнота, и принужден был усесться на лафет отдохнуть, а также сообразить, куда мне держать путь.

В этом печальном положении, сидя с ружьём между ног и подперев голову руками, и в ту минуту, когда я на беду свою уже собирался заснуть на

веки, я вдруг услышал какие-то необычайные звуки. Я очутился, встревоженный при мысли об опасности, которой подвергался, отдаваясь дремоте. Затем я насторожил своё внимание, стараясь уловить, откуда несутся звуки, но уже ничего не мог слышать. Мне тогда показалось, что это был сон или предостережение неба, чтобы спасти меня. Тотчас же, собрав всё своё мужество, я опять побрёл ощупью и принялся шагать через многочисленные препятствия, попадавшиеся на моём пути.

Наконец мне удалось, несколько раз рискуя поломать себе ноги, миновать всё, что мешало мне пройти, и я остановился на мгновение перевести дух, чтобы потом быть в состоянии взобраться на противоположный склон — как вдруг опять те же звуки заставили меня поднять голову. Да это была настоящая гармония! Торжественные звуки органа, ещё отдалённые, произвели на меня в этот глухой час ночи и среди одиночества потрясающее впечатление. Я направился ускоренными шагами в ту сторону, откуда слышались звуки. В одну минуту я выбрался из впадины, где засел. Очутившись на верху, я сделал несколько шагов и остановился — и во время! Ещё несколько шагов и всё было бы кончено! Я свалился бы вниз с вала, с высоты более пятидесяти футов, на берег Днепра, где я к счастью увидел биувачный огонь, который и остановил меня.

Охваченный ужасом при сознании той опасности, какой подвергался, я отступил назад и опять стал прислушиваться, но уже ничего не услышал. Тогда я двинулся в путь и повернул налево; тут мне удалось опять попасть на проложенную дорогу. Я продолжал подвигаться, потихоньку, осторожно, подняв голову и насторожив уши, но так как уже ничего больше я не услышал, то в конце концов убедился, что это была не более как игра моего расстроенного воображения — при том бедственном положении, в каком мы находились, ни нам, ни жителям, которых осталось очень мало, не могло придти в голову заниматься музыкой, да ещё в такой час!

Подвигаясь вперёд и размышляя, я почувствовал, что моя нога, начинавшая замерзать и сильно болеть, наткнулась на что то твёрдое. Я вскрикнул от боли и в растяжку упал на труп, лицом прямо на его лицо. С трудом приподнялся я. Несмотря на темноту, я успел рассмотреть, что это драгун — у него всё ещё была на голове каска на ремне, а на плечах плащ, на который он упал, вероятно не так давно.

Мой крик был услышан кем-то с правой стороны, и этот человек, в свою очередь, крикнул мне, что он давно уже поджидает меня. Удивлённый и обрадованный, найдя живого человека там, где я считал себя одиноким, я двинулся в ту сторону, откуда раздался голос. Чем ближе я подходил, тем больше убеждался, что голос знакомый. Наконец я отозвался: «Это ты, Белок?» «Да!» отвечал тот. Мы узнали друг друга, и он не менее меня удивился этой встрече, в такой час, в этом печальном месте, причём он также, как я, не имел понятия, где он находится. Сперва он было принял меня за кап-

рала, который был послан за людьми рабочей команды для переноски больных его роты, оставленных у ворот города, и который потом в нескольких людях, взятыми для поддержки и переноски этих больных, пошёл через вал, чтобы избежать подъёма по обледенелому скату. Но, дотащившись туда, они оказались чересчур слабыми, чтобы держаться на ногах, а так как люди рабочей команды не могли нести их, то они упали на том месте, где я их видел. Первый, кого он послал в лагерь, не вернулся, так что он послал ещё двоих, одного за другим, и очутился один. Это и были как раз те люди, которых мы оставили по прибытии нашем в бараке, где я потом нашёл одного из них уже мёртвым.

Я рассказал Белоку (сержант велит, как и я) каким образом я заблудился; рассказал о своём приключении в подвале, но не решился рассказать о слышанной музыке, боясь что он сочтёт меня больным. Белок попросил меня остаться с ним. Таково и было моё намерение. Немного погодя он осведомился, отчего я закричал. Я рассказал ему, что упал на труп драгуна, прямо лицом на его лицо. «Ты трусишь, бедный мой дружище?» — Нет, но очень больно ушибся. — «Ну и слава Богу, что ушибся, иначе ты не закричал бы и прошёл бы мимо, так что я не заметил бы тебя».

Разговаривая, мы шагали взад и вперёд, чтобы согреться, в ожидании того, когда придут люди, чтобы перенести больных, которые лежат в ряд на овчине, прикрытые шинелью и мундиром, снятым с человека в бараке, не обнаруживали почти никаких признаков жизни. «Боюсь, — заметил Белок, — что нам не придётся переносить их». Действительно, по временам слышно было, что они вздыхают или собираются говорить, но их речи были несвязны, как у умирающих.

В то время как возле нас слышалась предсмертное хрипение, снова возобновилась воздушная музыка, которую я принимал за плод моей фантазии, но на этот раз уже гораздо ближе. Я сообщил об этом Белоку и рассказал кстати, что было со мной в первый и во второй раз, когда я услышал эти гармоничные звуки. Тогда и он передал мне, что с тех пор, как здесь остановился, он несколько раз, через некоторые промежутки времени, также слышал эту музыку и не понимал, откуда она берётся: если это люди так забавляются, то в них наверное, чёрт сидит. Потом, подойдя ко мне вплотную, он прибавил в полголоса, чтобы не услышали двое людей, умиравших возле: «Милый друг, эти звуки, которые мы слышим, похожи на музыку смерти! Всё окружающее нас умирает и у меня предчувствие, что через несколько дней и я буду мёртв! Да будет воля Господня! Но раньше, чем умрёшь, чересчур исстрадаешься! Взгляни на этих несчастных!» Он указал на двоих людей, лежавших в снегу. На это я ничего не ответил, но мысленно я вполне соглашался с ним.

Он замолк, и мы всё слушали, не говоря ни слова по временам слышалось затруднительное дыхание одного из умирающих. Но вот Белок опять

прервал молчание: «А между тем звуки, которые мы слышим, по-видимому несутся сверху». Мы снова принялись внимательно слушать. В самом деле музыка раздавалась откуда-то над нашими головами. Внезапно шум прекратился; тогда вокруг воцарилось жуткое безмолвие. Вдруг оно было нарушено жалобным криком, — то был последний вздох одного из больных, которых мы сторожили.

В ту же минуту раздаются шаги: это капрал с восемью людьми пришёл забрать двоих умирающих. Но так как остался в живых только один, то его живо унесли, прикрыв одеждой других.

Было уже больше часу ночи; мороз полегчал, по крайней мере не было уже такого резкого ветра; я так утомился, что не был в силах идти; вдобавок меня одолевала дремота, дорогой Белок несколько раз замечал, что я оставался и засыпал стоя.

Он дал мне некоторые указания, как найти Гранжье, так как люди его роты, эскортировали единственный фургон, оставшийся у маршала, ходили проведать своих товарищей и указали фургон, стоявший у дверей дома, где поместился маршал. Прибыв к тому пункту, откуда мы спустились со склона вала, чтобы направиться к лагерю, где стоял полк, я отделился от погребального шествия и решил следовать другому пути, который мне указали, надеясь в скорости достигнуть цели своих поисков.

Не прошло минуты, как я шёл один — вдруг опять раздалась проклятая музыка. Я остановился, поднял голову, чтобы лучше слышать, и увидел какой-то свет перед собою. Я направился на светлую точку, но дорога шла, спускаясь, и свет исчез. Я всё-таки продолжал идти, но через несколько шагов, наткнулся на стену, я принужден вернуться вспять; поворачиваю вправо, влево и наконец попадаю в какую-то улицу среди развалин домов. Иду дальше, всё руководимый звуками музыки. Достигнув конца улицы, я вижу освещённое здание — откуда и несутся величавые звуки. Направляюсь прямо туда, и повернув несколько раз, упираюсь в стенку, служившую оградой для здания, которое оказывается церковью.

Не желая утомляться ещё более, разыскивая вход, я решаюсь перелезть через стену и чтобы удостовериться, что она не высока, ощупываю по ту сторону ружьём. Убедившись, что высота не больше трёх-четырёх футов, я влезаю на стенку и спрыгиваю вниз. Мои ноги натываются на что-то и я падаю на колени; я подымаюсь кое-как и сделав ещё несколько шагов замечаю, что почва неровная. Чтобы не споткнуться, опираюсь на ружьё. Вскоре я убеждаюсь, что нахожусь среди более двухсот трупов, еле прикрытых снегом. В то время, как я подвигаюсь, опираясь на ружьё, а ноги мои застревают и спотыкаются между рук и ног трупов, уложенных по-видимому симметрично, раздаются заунывные звуки песнопения. Мне представляется, что это похоронная служба, и я вспоминаю слова Белока; обливаясь холодным потом, я почти теряю сознание, и уже не понимаю, что де-

лаю, куда иду. Не знаю, каким образом я очутился прислонённый к наружной стене церкви. Очнувшись немного, несмотря на чертовский содом, не умолкавший вокруг меня, я пробираюсь дальше и встречаю дверь, откуда валит густой дым. Вхожу и попадаю в толпу каких-то субъектов, которые кажутся мне привидениями, до того они окутаны дымом. Незнакомцы продолжают петь и играть на органе. Вдруг взвивается высокое пламя, дым рассеивается. Я стараюсь разглядеть, кто меня окружает и куда я попал. Один из певцов подходит ко мне и восклицает: «Да это наш сержант!» Он узнал меня по моей медвежьей шкуре, а я в свою очередь узнаю солдата моей роты. Можете судить о моём удивлении при виде их веселья! Я собираюсь засыпать их вопросами, но тут один из них поднёс мне водки в серебряном сосуде. Тогда я угадываю, откуда происходит их весёлость: все они были в подпитии.

Один из них, наименее пьяный, рассказывал мне, что по прибытии в Смоленск они были назначены в рабочую команду и что проходя по кварталу, где ещё сохранилось несколько домов, они увидели двух людей, выходящих из подвала с фонарём, — эти люди оказались евреями; тотчас же солдаты сговорились вернуться туда для осмотра, после раздачи продовольствия, чтобы поискать, не найдётся ли там чего съестного, и затем переночевать в этой церкви замеченной ранее. Вернувшись, они действительно нашли в подвале бочонок водки, мешок рису и немного сухарей, а также два плаща и две шубы на меху и две шапки, между прочим шапку раввина. Так как они всё это нацепили на себя, то я, войдя, и принял их за го, чем они вовсе не были в действительности. С ними было несколько полковых музыкантов; те, подвыпив, принялись играть на органе; этим и объяснялись те гармоничные звуки, которые так заинтересовали меня.

Солдаты дали мне рису, несколько кусочков сухарей и раввинскую шапку, отороченную великолепным мехом чёрнобурой лисицы. Я тщательно спрятал рис, как драгоценность, в мой ранец. Что касается шапки, то я надел её себе на голову и желая отдохнуть, примостился на доске у костра. Едва успел я положить голову на ранец, как вдруг раздались крики и руготня у дверей. Мы отправились посмотреть, в чём дело. Шестеро человек вели телегу, запряжённую клячей и нагруженную несколькими трупами, которые они собирались свалить за церковь в придачу к тем, что уже лежали там и о которые я спотыкался — земля слишком заледенела, чтобы можно было рыть ямы, а на морозе трупы временно сохранялись от гниения. Люди сказали нам, что если так будет продолжаться, то скоро некуда будет девать мёртвые тела, все церкви переполнены больными, за которыми некому ухаживать; осталась свободной одна эта церковь, где мы находимся. Вокруг неё вот уже несколько дней сваливают трупы; с тех пор как показалась голова колонны великой армии, не успевают таскать людей, которые умирали немедленно, как только прибывали. После этих объяснений я опять

улёгся у костра; санитары попросили позволения провести здесь остаток ночи, чтобы на рассвете прибрать привезённые трупы. Они распрягли свою лошадь и ввели её в церковь.

Я проспал кое-как остаток ночи, хотя часто просыпался, беспокоенный паразитами. С тех пор, как они напали на меня, никогда ещё я не страдал от них так сильно, как теперь. Это и понятно: на морозе они не тревожили меня, а тут в тепле, они пользовались случаем, чтобы кусать меня.

Ещё не рассвело, когда я услышал крики одного несчастного музыканта, сломавшего себе ногу, сходя с лестницы, ведущей на хоры, где он ночевал у органа. Те, что оставались внизу, сняли часть ступеней на топливо, так что несчастный, спускаясь вниз, свалился и расшибся до того, что не скоро будет в состоянии ходить. Вряд ли он и вернулся на родину.

Когда я проснулся, все почти солдаты занимались тем, что жарили мясо на остриях сабель. В ожидании супа, я спросил их откуда они добыли мяса, и не было ли раздачи продовольствия. Они отвечали отрицательно, объяснив, что это мясо лошади, на которой привезли трупы и которую они убили, покуда санитары спали. И хорошо сделали — надо же как-нибудь жить.

Час спустя, когда добрая четверть лошади была уже уничтожена, один из могильщиков уведомил о том своих товарищей; те накинулись на нас с брацью и грозили обратиться с жалобой к главному смотрителю госпиталя. Мы продолжали есть, жалея только, что лошадь такая тощая и что нам попалась одна, а не целых полдюжины лошадей для раздачи всему полку. Санитары ушли с угрозами и в отместку свалили все семь трупов с телеги прямо у входа, так что мы не могли ни выйти, ни войти, не наступая на них.

Эти больничные служители, не участвовавшие в кампании и не испытывавшие никаких лишений, не знали, что мы уже несколько дней питаемся мясом тех лошадей, какие попадутся нам под руку.

Было 7 часов, когда я собрался вернуться на место стоянки нашего полка. Я предупредил солдат — их было 14 человек — что надо собраться и явиться вместе и в порядке. Предварительно мы поели вкусного рисового супа, сваренного на конине; затем они взвалили себе на спины ранцы с шубами, взятыми у евреев, и мы вышли из церкви, уже начинавшей наполняться новыми пришельцами, разными несчастными, проводшими ночь как попало, и многими другими, покинувшими свои полки, надеясь найти пристанище поудобнее. Голод заставил их скитаться по улицам. Входя, они не обращали внимания на трупы, заражавшие дорогу, и шарахались через них, как через деревянные колоды — правда, они были так же тверды.

По пути я предложил своим товарищам солдатам, которым рассказал своё приключение в подвале, завернуть туда для осмотра. Моё предложение было принято. Дорогу мы отыскивали без труда — первым указателем послужил нам человек, которого Белок оставил на дороге мёртвым, а далее драгун, о которого я споткнулся и который лежал там по прежнему, но уже

без плаща и без обуви. Пройдя через овраг, где находились пушечные лафеты и где я чуть не заснул, мы добрались до того места, где я сделал метку в снегу. Сойдя со спуска менее стремительно, чем накануне, я подошёл к двери, но она оказалась запертой. Мы постучались, ответа не последовало. Дверь выломали, но пташки упорхнули. Мы застали в подвале только одного человека, до того пьяного, что он не мог сказать ни слова. Я узнал в нём того самого немца, что хотел вытолкать меня вон. Он лежал завёрнутый в толстый овчинный тулуп, который один из музыкантов отнял у него, не взирая на его сопротивление. Мы нашли в подвале несколько чемоданов и сундуков; всё это было украдено за ночь, но опустошено, точно так же как и бочонок, принесённый баденским солдатом, и который, как мы узнали, содержал можжевелевую водку.

Прежде чем пуститься в дальнейший путь, я осмотрел местность и убедился, к своему удивлению, что за ночь я исходил много, но почти не двинулся вперёд, а только обошёл кругом церкви.

Мы вернулись в лагерь. По дороге я встретил несколько солдат полка и присоединил их к тем, которые уже были со мной. Вскоре я заметил вдали унтер-офицера, в котором я тотчас же узнал по его белому ранцу того, кого искал, а именно Гранжье. Я расцеловался с ним, а он всё ещё не узнал кто я, до того я изменился. Оказывается, он тоже розыскивал меня; накануне, час спустя по прибытии полка, он был на месте его стоянки, ища меня, но никто не мог ему сообщить, где я нахожусь; если бы я имел терпение подождать его, то он повёл бы меня на свою квартиру, угостил бы вкусным супом и дал бы соломы для постели. Гранжье проводил меня до лагеря, куда я явился в порядке с 19-тью рядовыми. Немного погодя Гранжье знаком подозвал меня, открыл свой ранец, вытащил оттуда кусок варёной бычачьей говядины, припрятанный им нарочно для меня, и кусок хлеба.

Целых двадцать три дня я не ел такой пищи и теперь набросился на неё с жадностью. Потом Гранжье стал спрашивать меня про одного земляка, об опасной болезни которого ему сообщили; я мог ответить ему только одно — что он прибыл в город, но так как его не видали в полку, то нам надо было пойти посмотреть у ворот города, откуда мы вступили. Там мы могли надеяться получить какие-нибудь сведения, так как многие солдаты, не будучи в силах подняться по обледелелому скату вместе с полком, застряли у караулки баденца или где-нибудь по близости. Туда-то мы и направились немедленно.

Пройдя небольшое расстояние, мы набрали опять на мёртвого драгуна. На этот раз его раздели почти догола, вероятно желая удостовериться, нет ли на нём пояса с деньгами. Я указал Гранжье подвал, и мы подошли к воротам, где нас поразило количество сваленных там мёртвых тел; возле поста баденца лежало четверо солдат гвардии умерших за ночь и с которых караульный офицер не допустил снять одежду; он сказал нам, что у него на га-

уптвахте имеются ещё двое, по видимому тоже гвардейцы. Мы вошли туда; люди эти лежали в бессознательном состоянии; один был егеря, а другой, с лицом прикрытым платком, был из нашего полка. Гранжье открыл ему лицо и с удивлением узнал в нём того самого, кого искал. Мы поспешили, как умели, помочь ему; сняли с него саблю и лядунку, расстегнули ему ворот и старались пропустить ему в рот несколько капель водки. Он открыл глаза, не узнавая нас, и минуту спустя скончался на моих руках. Мы открыли его ранец и нашли в нём часы и несколько мелких вещиц, которые Гранжье спрятал, с намерением послать их на память семье покойного, если ему. Гранжье, посчастливившись вернуться во Францию — они были земляки. Что касается егеря, то мы устроили его как могли лучше и предоставили его злополучной судьбе. Что могли мы сделать?

Гранжье свёл меня на свой пост; вскоре его сменили егеря; перед уходом мы не забыли сказать им чтобы они навестили своего товарища, которого мы только что оставили. Сержант немедленно послал за ним четверых людей; но вероятно он умер тотчас по прибытии; все находившиеся в его положении умирали немедленно, точно отравленные.

Мы вернулись к полку; весь день мы занимались приведением в порядок нашего оружия, грелись и беседовали. В течение дня мы убили несколько лошадей, которых приводили нам солдаты и поделили их между собой. Произведена была также раздача небольшого количества ржаной муки и крупы, на половину с соломой и мякиной.

На другой день, в четыре часа утра, нам велели взять оружие и выступить за четверть лье от города, где несмотря на лютый мороз, мы до самого рассвета оставались в боевом положении. В следующие дни повторялось тоже самое, так как русская армия маневрировала по левую руку от нас.

Три дня мы уже находились в Смоленске, а ещё не знали, останемся ли мы здесь надолго, или будем продолжать отступление. Остаться нельзя — таков был общий говор; в таком случае уж лучше скорее двинуться дальше, чем проживать в этом городе; где нет даже домов, чтобы приютить нас, и вдобавок нечем кормиться.

На четвёртый день, возвращаясь по обыкновению с утренней позиции, и не доходя до нашего бивуака, я видал офицера линейного полка, лежавшего у костра; возле него было несколько солдат. Мы долго смотрели друг на друга, как люди, когда-то встречавшиеся и теперь старавшиеся признать друг друга под лохмотьями, в которые оба были одеты и сквозь грязь покрывавшую наши лица. Я останавливаюсь, он встаёт, подходит ко мне и говорит: «Я не ошибаюсь?» — Нет, отвечал я. Мы узнали друг друга и облобызались, даже не назвав себя по именам.

Это был Болье, мой однокашник и товарищ по нарам в велитах, когда мы стояли в Фонтенбло. Какую перемену мы нашли друг в друге! Какими показались друг другу несчастными! Я не видал его с Ваграмской битвы,

когда он покинул гвардию, чтобы перейти в пехоту офицером, как и другие велиты. Я спросил, где его полк? Вместо ответа он указал мне на орла среднего оружия в козлах. Их оставалось всего 33 человека; офицеров было только двое — он, да ещё штабной лекарь. Другие все или были убиты в сражениях, или же большей частью погибли от лишений и холода; некоторые отстали и заблудились.

Он, Боле, был в чине капитана; он сообщил мне, что имеет приказ следовать за гвардией. Я остался с ним немного, и так как у него не было продовольствия, то я поделился с ним рисом, полученным мной от солдат встреченных в церкви в ночь по прибытии. То было высшее доказательство дружбы, какое только можно было дать товарищу в подобном положении, когда даже за деньги ничего нельзя было достать.

2-го (14-го) ноября по утру, император выехал из Смоленска с полками гренадёр и егерей; немного спустя мы двинулись за ними, образуя аррьергард и оставив позади армейские корпуса принца Евгения, Даву и Нея, значительно сократившиеся. Выйдя из города, мы прошли по Святому полю, так прозванному русскими. Немного подальше Корытни (маленькая деревушка) находился довольно глубокий и обрывистый ров; мы принуждены были остановиться, чтобы дать время артиллерии переправиться через него; я отыскал Гранжье и ещё другого своего приятеля и предложил им перебраться тотчас же и зайти вперёд, чтобы не мёрзнуть напрасно. Очутившись на другой стороне и снова остановившись, мы заметили троих солдат, скучившихся вокруг околевшей лошади, двое стояли на ногах и показались нам пьяными, так как шатались из стороны в сторону, третий — немец — лежал на лошади. Этот несчастный, умиравший с голода и не имевший сил отрезать себе кусок конины, старался прямо откусить от остова. Кончилось тем, что он умер от холода и голода. У остальных двоих, оказавшихся гусарами, рты и руки были перепачканы в крови. Мы заговорили с ними, но не могли добиться никакого ответа: они уставились на нас, хохоча страшным бессмысленным смехом, потом, взявшись за руки, пошли и сели возле умершего товарища; тут, по всей вероятности, и они тоже вскоре успокоились вечным сном.

Мы все шли по краю дороги, чтобы зайти на правый фланг колонны и здесь дождался нашего полка у покинутого костра, если нам посчастливится найти таковой. Нам попался навстречу гусар, кажется 8-го полка, борющийся со смертью — то и дело он спотыкался, падал и опять подымался. Несмотря на то, что у нас было мало средств для помощи, мы подошли помочь ему, но в эту минуту он упал окончательно, чтобы уже больше не вставать. Вот так-то, на каждом шагу, нам приходилось шагать через мёртвых и умирающих.

Мы продолжали, хотя с большим трудом, идти по правой стороне дороги, чтобы обогнать обозы; вдруг мы увидели пехотного солдата, сидящего

под деревом над маленьким костром; он занимался растаиванием снега в котле, чтобы в этой воде сварить сердце и печень лошади, у которой он распорол брюхо. Он рассказал нам, что не мог отрезать мяса от остова, поэтому штыком своим проколол брюхо и вынул изнутри то, что ему понадобилось сварить...

Так как у нас было рису и крупы, то мы предложили солдату, чтобы он одолжил нам свой котёл сварить крупы, за это мы поделимся с ним. Он согласился с удовольствием. И вот из рису и крупы, наполовину перемешанной с соломой, мы сострилали суп, приправив его куском сахара, который нашёлся у Гранжье в ранце — нам не хотелось солить его порошком, а соли у нас не водилось. Покуда варился наш суп, мы занялись жарением на остриях сабель кусков лошадиной печёнки и почек, которые показались нам очень вкусными. Когда рис на половину поспел, мы съели его и затем присоединились к полку, уже ушедшему вперёд. В тот день император ночевал в Корытне, а мы немного позади в лесу.

На другой день мы выступили раненько, направляясь в Красное, но прежде чем войти в город, голова императорской колонны была остановлена двадцатью пятью тысячами русских, заграждавших путь. Первыми их заметили отдельные солдаты, шедшие впереди; они тотчас же повернули назад и примкнули к первым полкам гвардии, но многие из них, более смелые или более сильные сомкнулись и встретились лицом к лицу с неприятелем. Несколько человек, беспечных или неразумных, очертя голову кинулись в неприятельские ряды.

Гренадёры и егеря гвардии сформировались тесными колоннами по дивизиям и бодро двинулись на массу русских войск; те, не дожидаясь их, отступили и очистили дорогу; зато они заняли позицию на высотах влево от дороги и сделали в нас несколько пушечных выстрелов. Заслышав пушки и находясь позади, мы ускорили шаг и подоспели в ту минуту, когда наши уже установили несколько орудий в батарею, чтобы отогнать неприятеля. Действительно, при первых же выстрелах русские скрылись за высотами, а мы продолжали путь.

Тут случился эпизод, которого я не могу пройти молчанием и о котором я не раз слышал от других, но в различных версиях. Говорят, в ту минуту, когда завидели русских, первые полки гвардии сомкнулись, как и генеральный штаб, вокруг императора и таким образом шли вперёд, точно перед ними и не было неприятеля, причём музыка играла мотив:

Où peut-on être mieux qu'au sein sa famille?

(Где может быть лучше, чем на лоне своей семьи?)

Император будто бы прервал музыку и приказал играть:

«Veillon au salut de l'empire»

(Будем охранять безопасность империи!).

Действительно, это происходило, но совершенно иначе — и в самом Смоленске. Если не ошибаюсь, я об этом слышал в самый день выступления нашего из города.

Принц Невшательский, в то время бывший военным министром, видя, что император не отдаёт приказа к выступлению и что армия тревожится по этому поводу, в виду невозможности оставаться долее в таком печальном положении, собрал несколько музыкантов и приказал им играть под окнами дома, где жил император мотив:

«Где может быть лучше, чем на лоне семьи?»

Только что послышалась музыка, как император вышел на балкон и приказал играть:

«Будем охранять безопасность империи!»

Что музыканты исполнили, как смогли, не взирая на своё жалкое состояние.

После того был отдан приказ к выступлению на завтрашнее утро. Как поверить тому, что несчастные музыканты — предположив даже, что они находились на правом фланге полка, чего уже в действительности не было с самого начала наших бедствий — были способны дуть в свои инструменты и перебирать клапаны пальцами, частью отморозенными? Но в Смоленске это представлялось более возможным, так как там было топливо и люди могли хоть отогреться.

Два часа спустя после стычки с русскими, в Красное прибыл император с первыми полками гвардии, нашим полком и фузелёрами-егерями. Мы расположились бивуаками позади города; по прибытии, я был отряжён дежурным с 15-ю людьми к генералу Рогэ, стоявшему в городе, в плохенькой избушке, крытой соломой.

Я расположил свой пост в конюшне, считая себя счастливым, что могу провести ночь под кровлей и у огня, который мы сейчас же развели. Но на деле вышло иначе.

Пока мы стояли в Красном и его окрестностях, войско в 80 000 человек окружило нас: впереди, направо, налево, позади — всюду виднелись одни русские, очевидно, рассчитывавшие без труда одолеть нас. Но император хотел дать им почувствовать, что это не так легко, как они думают: правда мы в жалком положении, умираем с голоду, однако, у нас осталось ещё нечто, поддерживающее нас — честь и мужество. Император, наскучив преследованием всей этой орды, решил от неё избавиться.

Вечером, по прибытии, генерал Рогэ получил приказ перейти в наступление с частью гвардии, с полками фузелёров-егерей, гренадёров, волтижоров и стрелков. В 11 часов вечера послано было несколько отрядов, с целью произвести рекогносцировку и хорошенько удостовериться в положении неприятеля, занимавшего два селения, перед которыми он раскинул лагерь — направление его позиций можно было узнать по огням. Очень

вероятно, что неприятель кое о чём догадывался, потому что, когда мы явились атаковать его, часть войска уже приготовилась встретить нас.

Было около часу утра, когда генерал пришёл ко мне и сказал на своём гасконском наречии: «Сержант, вы оставьте здесь капрала с четырьмя солдатами, чтобы сторожить мою квартиру и кое-какие пожитки; сейчас же нам предстоит дело».

Откровенно сказать, этот приказ не особенно обрадовал меня; не то, чтобы я трусил идти в сражение, но мне жаль было лишиться немногих минут отдыха, в котором я так нуждался.

Когда я прибыл в лагерь, уже готовили оружие; все расположены были драться отчаянно; многие признавались, что жаждут конца своим страданиям, так как терпеть долее не в силах.

Около двух часов ночи началось движение; мы выступили тремя колоннами; фузелёры-гренадёры, в составе коих входил и я, и фузелёры-егеря образовали центр. Стрелки и волтижёры составляли правую и левую колонны. Мороз стоял такой же лютый как и в предыдущие дни; мы пробивались с трудом по колена в снегу. После получасового пути, мы очутились среди русских; часть их была под оружием — справа от нас тянулась на расстоянии каких-нибудь 80 шагов длинная линия пехоты и направляла в нас убийственный ружейный огонь. Их тяжёлая кавалерия, состоявшая из кирасир в белых мундирах с чёрными латами, находилась по левую руку от нас на таком же расстоянии; они ревели, как волки, подзадоривая друг друга, но не осмеливались подступать к нам, а их артиллерия, расположившись в центре, сыпала в нас картечью. Но это не остановило нашего движения; несмотря на их огонь и множество падавших людей, мы пошли на них в атаку и вступили в их лагерь, где произвели страшную резню, орудуя штыками.

Те, что находились подалеже, успели схватить оружие и придти на помощь первым. Тогда начался другого рода бой: они подожгли свой лагерь и оба селения. Мы дрались при свете пылающих пожаров. Правая и левая колонны обогнали нас и вступили в неприятельский лагерь с двух концов, а наша колонна в центре.

Я забыл упомянуть, что в ту минуту, как мы пошли в атаку и голова нашей колонны врезалась в массу русских и привела их лагерь в расстройство, мы увидели лежавших распростёртыми на снегу несколько сот русских, которых мы сперва приняли за мёртвых или тяжело раненых. Мы миновали их, но едва успели мы пройти немного вперёд, как они вскочили, подняли оружие и стали стрелять в нас, так что мы принуждены были сделать полуоборот, чтобы защищаться. К несчастью для них, позади подоспел ещё один батальон, который шёл в арьергарде и которого они не заметили. Тогда они попали между двух огней: в каких-нибудь пять минут их не осталось ни одного в живых: к этой военной хитрости русские часто прибегали, но

тут она им совсем не удалась. Первым упал у нас, когда мы шли колонной, несчастный Белок — тот самый, который в Смоленске предсказал мне свою смерть. Он был сражён пулей в голову наповал. Он был всеми любим, и несмотря на равнодушие, с каким мы привыкли ко всему относиться, он возбудил сожаление решительно во всех товарищах.

Пройдя через русский лагерь и атаковав селение, мы заставили неприятеля побросать часть артиллерии в озеро, после чего большинство их пехоты засела в домах, часть которых была в огне. Там-то мы и дрались с ожесточением в рукопашную. Произошла страшная резня, мы рассыпались, и каждый сражался сам по себе. Я очутился возле нашего полковника, самого старого полковника Франции, проделавшего все кампании в Египет. В ту минуту его вёл сапёр, поддерживая под руку, тут же находился полковой адъютант Рустан. Перед нами был род мызы; куда засели русские и где они были блокированы солдатами нашего полка. Единственным путём отступления был для них ход в обширный двор, но и тот был заграждён барьером, через который они принуждены были перелезть.

Во время этого обособленного боя я заметил во дворе русского офицера на белом коне, который бил саблей плашмя своих солдат, порывавшихся бежать через барьер; в конце концов ему удалось овладеть проходом, но в ту минуту, как он собирался перескочить на ту сторону, лошадь его была ранена пулей и упала под ним, так что проход стал затруднительным. С этого момента бой стал ещё отчаяннее. При свете пожара происходила сущая бойня. Русские, французы вперемежку, в снегу, дрались, как звери, и стреляли друг в друга чуть не в упор.

Я хотел броситься на русского офицера, который успел выкарабкаться из под лошади и при помощи двух солдат пытался спастись, перескочив через барьер; но какой то русский солдат остановил меня, и направил в меня ружьё почти в упор, выстрелил, но ружьё дало осечку; если бы оно выстрелило, мне был бы конец; чувствуя, что я не ранен, я отступил на несколько шагов от моего противника; тот, воображая, что я тяжело ранен, спокойно зарядил своё ружьё. Адъютант Рустан, находившийся возле полковника и видевший опасность, которой я подвергался, бросился ко мне и схватив меня, сказал: «Мой бедный Бургонь, вы ранены?» — Нет, отвечал я. «Ну так не промахнитесь!» Такова была и моя мысль. Предположив, что ружьё моё даст промах (что часто случалось из-за снега), я намеревался идти на противника со штыком. Однако я не дал ему времени снова зарядить ружьё и пронизал его пулей. Смертельно раненый, он однако, упал не сразу; он отступил, шатаясь, глядя на меня угрожающими глазами, не выпуская оружия, и тогда уже повалился на лошадь офицера, лежавшую у самого барьера. Полковой адъютант, проходя мимо, нанёс ему саблей рану в бок, и это доконало его. Между тем я вернулся к полковнику, которого застал изнемогающим от усталости и не в силах командовать. Возле него был один толь-

ко сапёр. Полковой адъютант пришёл с окровавленной саблей, говоря, что для того, чтобы пробраться сквозь чащу к полковнику, он принужден был прочищать себе дорогу ударами сабли, и что он ранен штыком в бедро. В эту минуту сапёр, поддерживавший полковника, был сражён пулей в грудь. Полковник, видя это, сказал ему: «Сапёр, вы ранены? — Да, полковник, отвечал тот, взял руку полковника и заставил его ощупать рану, вложив его палец в отверстие. «В таком случае уходите». Но сапёр возразил, что у него ещё остались силы, чтобы поддержать его, или умереть вместе с ним, или же умереть одному, если понадобится. «И в самом деле, куда он денется?» заметил адъютант. Бросится разве в толпу неприятелей? Мы не знаем, где мы находимся и чтобы дать себе в этом отчёт, придётся ждать рассвета, продолжая сражаться».

Правда при свете пожара мы совершенно утратили способность ориентироваться, полк сражался в нескольких пунктах и по взводам.

Русские, засевшие на мызе и заблокированные нами, видя, что им угрожает опасность сгореть живьём, решили сдать; один раненый унтер-офицер под градом пуль явился к нам с предложением о сдаче. Тогда полковой адъютант послал меня с приказанием прекратить огонь. «Прекратить огонь?», — отвечал раненый солдат нашего полка, — пусть прекращает кто хочет, а так как я ранен и, вероятно, погибну, то не перестану стрелять, пока у меня есть патроны!»

Действительно, раненый пулей, раздробившей ему бедро, и сидя в снегу, окрашенном его кровью, он не переставал стрелять и даже просил патронов у других.

Полковой адъютант, видя, что его приказание не исполняется, подошёл сам, от лица полковника. Но наши солдаты, сражавшиеся отчаянно, ничего не слушали и продолжали своё. Русские, потеряв надежду на спасение и, вероятно, не имея более боевых припасов, чтобы защищаться, попытались массами выйти из здания, где они засели и где их уже начало поджаривать; но наши солдаты оттеснили их назад. Немного спустя, не имея больше сил терпеть, они сделали новую попытку, но едва успело несколько человек выскочить во двор, как всё здание рухнуло, и в нём погибло более сорока человек. Впрочем, тех, что успели выскочить, постигла участь не лучше.

После этого эпизода мы подобрали своих раненых и сомкнулись вокруг полковника, с оружием наготове дожидаясь утра. Всё время вокруг нас только и слышались ружейные выстрелы частей, сражавшихся в других пунктах; к этому примешивались крики раненых, стоны умирающих... Ужасное дело эти ночные сражения, когда часто случаются роковые ошибки и недоразумения.

В таком положении мы дождались утра. Когда показался рассвет, мы могли осмотреться и судить о результате сражения: всё окружающее пространство было усеяно убитыми и ранеными.

Я узнал и того солдата, который чуть не убил меня: он ещё не умер. Пуля пронзила ему бок, независимо от сабельной раны, нанесённой ему адъютантом. Я уложил его поудобнее, потому что белая лошадь русского офицера, возле которой он упал, сильно билась и могла повредить ему.

Внутренность домов селения, где мы находились — не знаю было это Широково или Малеево — а также русский лагерь и окрестности были полны трупов, большею частью обгорелых. У нашего батальонного командира, Жиле, пулей раздробило бедро, и он умер от раны несколько дней спустя. Стрелки и волтижоры потерпели ещё больший урон, чем мы. Утром я встретил капитана Дебонне, своего земляка, командовавшего ротой гвардейских волтижоров; он пришёл осведомиться, не случилось ли чего со мною, и рассказал кстати, что он лишился целой трети своей роты, вдобавок своего подпоручика велита и своего фельдфебеля, которые были убиты одни из первых.

Последствием этого кровопролитного боя было то, что русские отступили со своих позиций, однако не удалились, и мы остались на поле сражения весь день и всю ночь с 4 (14-го) на 5-е (17-е) ноября, находясь постоянно в движении. Ежеминутно, чтобы держать нас на чеку, нас заставляли браться за оружие; все время мы были настороже, не имея возможности ни отдохнуть, ни даже погреться.

После одной из таких тревог, и в ту минуту, когда все мы, унтер-офицеры, собрались в кучку, толковали о наших делах и о сражении прошедшей ночи, вдруг полковой адъютант, Делэтр, человек самый злой и жестокий, какого мне случалось встречать на свете, делающий зло ради удовольствия вредить, подошёл к нам, вмешался в наш разговор — и странное дело, стал выражать сожаление по поводу трагической смерти Белока, нашего товарища. «Бедный Белока, — говорил он, — мне очень жаль, что я поступал с ним дурно!» Вдруг чей-то голос — я так никогда и не узнал чей — прошептал мне на ухо, но достаточно громко, чтобы его слышали ещё несколько человек: «Он скоро умрёт!» Делэтр очевидно раскаивался во всём том зле, которое когда-либо причинял своим подчинённым, в особенности нам, унтер-офицерам. Не было ни единого человека в полку, который не пожелал бы, чтобы ему оторвало голову ядром, и он был известен не иначе, как под кличкой «Пьера жестокого».

5 (17-го) ноября утром, как только рассвело, мы взяли за оружие и, сформировавшись в тесные колонны, подивизионно выступили с целью занять позиции на краю дороги, с противоположной стороны поля сражения, только что покинутого нами.

Прибыв, мы увидели часть русской армии перед собою на возвышенности, тылом к лесу. Тотчас же мы развернулись линией лицом к лицу с неприятелем. Наш левый фланг опирался на ров, пересекавший дорогу и к которому мы были обращены тылом; эта дорога, вдавленная, с высокими

краями, могла защитить и укрыть от неприятельского огня всех находящихся на ней. Наш правый фланг состоял из фузёлёров-егерей, и голова его находилась на расстоянии ружейного выстрела от города. Перед нами, шагах в 250, находился полк молодой гвардии, 1-й волтижорский, сформированный тесной колонной, по батальонам, под командой полковника Люрона. Подальше впереди, направо, стояли старые гренадёры и егеря в том же порядке, то есть как остальная часть императорской гвардии, кавалерии и артиллерии, не участвовавших в ночном бою с 3 (15-го) на 4 (16-е) число. Всем командовал лично сам император, пеший. Он шёл твёрдой поступью, как в дни больших парадов, и встал впереди среди поля сражения, перед неприятельскими батареями.

В ту минуту, как мы занимали позицию на краю дороги, чтобы выстроиться в боевом порядке и обратиться лицом к неприятелю, я шёл с двумя своими друзьями, Гранжье и Лебуд, позади полкового адъютанта, Делэтра, и когда русские заметили нас, их артиллерия, отстоявшая от нас на пол выстрела, пустила в нас первый залп. Первым пал полковой адъютант Делэтр; ядром ему перерезало обе ноги, как раз над коленями и высокими ботфортами. Он упал, не крикнув, даже не застонав. В эту минуту он шёл пешком, ведя лошадь под уздцы и продев уздечку под правую руку. Когда он упал, мы остановились, потому что он загораживал собою дорогу. Чтобы продолжать путь, надо было перешагнуть через его тело, и так как я шёл сейчас позади его, то мне первому пришлось сделать это движение. Проходя, взглянул на него: глаза его были открыты; он судорожно стучал зубами. Он узнал меня и назвал по имени. Я подошёл, и он сказал голосом, достаточно громким, обращаясь ко мне и другим «Друзья мои, прошу вас, возьмите мой пистолет из кабуры в седле и пустите мне пулю в лоб!» Но никто не решился оказать ему эту услугу — в подобном положении это была действительно услуга. Не отвечая ни слова, мы прошли дальше и продолжали путь и к счастью, потому что не успели мы сделать шести шагов, как второй залп, вероятно из той же батареи, уложил у нас ещё троих — их немедленно унесли вместе с полковым адъютантом.

С самого рассвета стала видна русская армия, которая с трёх сторон — спереди, слева и справа — со своей артиллерией, казалось, собиралась оцепить нас. В ту же минуту, почти вслед затем как был убит полковой адъютант, подошёл император. Мы окончили своё передвижение: тогда начался бой.

Из своей артиллерии неприятель пускал в нас смертоносные залпы, которые ежеминутно сеяли смерть в наших рядах. Со своей стороны, чтобы отвечать им, мы имели всего несколько орудий и при каждом выстреле наносили им глубокие бреши; но часть наших орудий вскоре была сбита. Между тем наши солдаты встречали смерть стойко, не дрогнув. В этом плачевном положении мы пробыли до двух часов пополудни.

Во время сражения русские послали часть своей армии занять позицию на дороге за Красным, чтобы отрезать нам отступление, но император остановил их, отправив против них батальон старой гвардии.

Пока мы подвергались таким образом неприятельскому огню и наши силы убывали вследствие множества убитых, мы заметили позади и немного влево остатки армейского корпуса маршала Даву среди тучи казаков, которые не осмеливались подойти к ним, но которых они спокойно истребляли по пути, направляясь в нашу сторону. Я заметил среди них, когда они находились позади нас на дороге, повозку маркитанта с его женой и детьми. В неё попало ядро, предназначенное собственно для нас: в ту же минуту раздались крики отчаяния, испускаемые женщиной и детьми, но мы не могли узнать — убит ли кто или ранен.

В то время, как проходили остатки корпуса маршала Даву, голландские гренадёры гвардии покинули важную позицию; русские немедленно заняли её артиллерией и направляли её против нас. С этого момента наше положение стало нестерпимым. Один полк, уже не помню какой, был послан против них, но он принужден был отступить; другой полк, 1-й волтижорский, стоявший впереди нас, произвёл движение в свою очередь и добрался до подножия возвышенности с батареями, но тотчас же масса кирасир, тех самых, с которыми мы имели дело ночью на 3 (15-е) ноября и которые не решались атаковать нас, подоспели и остановили волтижоров. Тогда последние отступили немного от батарей и почти против нашего полка и сформировались в карре. Едва успели они это сделать, как неприятельская кавалерия бросилась к ним, чтобы прорваться сквозь их ряды, но волтижоры встретили их убийственными залпами почти в упор и множество их попадало. Остальные сделали полуоборот и отступили. Вслед за тем дали второй залп, оказавший такое же действие, стороны карре были сплошь усеяны людьми и лошадьми. Но в третий раз, при помощи картечи, кирасирам удалось смять наш полк. Тогда они ворвались в его ряды и dokonчили дело сабельными ударами; несчастные волтижоры, почти все молодые солдаты, имея большею частью отмороженные ноги и руки, не могли владеть оружием для защиты и почти все были перебиты.

Эта сцена происходила на наших глазах, но мы ничем не могли помочь. Всего одиннадцать человек вернулось; остальные были перебиты, ранены или захвачены в плен и угнаны сабельными ударами в лесок, лежавший напротив; сам полковник (Люрон), как и многие офицеры, покрытый ранами, был взят в плен.

Я забыл сказать, что в ту минуту, когда мы выстраивались для боя, полковник скомандовал: «Знамена и колонновожатые на линию!» Я вышел колонновожатым с правого фланга нашего полка, но нас забыли отозвать назад, а так как я держался правила не покидать своего поста, то и простоял в

этом положении, с ружьём в руке в течение часа и не шевельнулся, несмотря на ядра, которым я мог служить мишенью.

Было около двух часов; уже мы потеряли треть наших людей, но фузелёры-егеря пострадали ещё больше нас: находясь ближе от города, они подвергались ещё более убийственному огню. С полчаса назад император удалился с первыми полками гвардии, следуя большой дорогой; на поле сражения оставались ещё только мы, да несколько взводов из различных корпусов, лицом к лицу с 50 слишком тысячами неприятельских сил. Маршал Мортье отдал приказ к отступлению, и мы начали движение, отступая шагом, как на параде, преследуемые русской артиллерией, обстреливавшей нас своей картечью. Отступая, мы тащили за собой товарищей, не столь тяжело раненых.

Момент, когда мы покидали поле сражения, был ужасен и печален; наши бедные раненые, видя, что мы их покидаем на поле смерти окружённых неприятелем — в особенности солдаты 1-го волтижорского полка, у большинства которых ноги были раздроблены картечью — с трудом тащились за нами на коленях, обагрив снег своей кровью; они подымали руки к небу, испуская раздирающие душу крики и умоляя о помощи, но что могли мы сделать? Ведь та же участь ежеминутно ожидала нас самих; отступая, мы принуждены были оставлять на произвол судьбы всех, кто падал в наших рядах.

Проходя по месту, которое занимали фузелёры егеря, расположенные вправо от нас и шедшие впереди, и в то время, как наш 5-й батальон, в состав которого входил и я, образовал арьергард и крайний левый фланг отступления, я увидел нескольких из своих близких товарищей распrostёртых мёртвыми на снегу и страшно изувеченных картечью; между ними был молодой унтер-офицер, с которым я находился в близких дружественных отношениях: звали его Капон; он был родом из Бомы и мы считали друг друга земляками.

Пройдя позицию фузелёров-егерей и находясь уже у входа в город, мы увидели по левой стороне, шагах в десяти от дороги, прислонённые к первому дому пушки, которые, защищая нас, стреляли по приближавшимся русским войскам; при орудиях находилось около сорока человек канониров и волтижоров; то были остатки бригады, командуемой генералом Лоншаном из императорской гвардии; он сам находился во главе остатков своих войск — задавшись целью или спасти их, или умереть вместе с ними.

Завидев нашего полковника, он подошёл к нему с распrostёртыми объятиями; они облобызались и теперь, может быть, свиделись в последний раз. Генерал со слезами на глазах сказал нашему полковнику, показывая на свои две пушки и на горсть людей, бывших в его распоряжении: «Смотри, вот всё, что у меня осталось!». Они вместе делали кампанию в Египет.

По поводу этого сражения Кутузов, главнокомандующий русской армией, сказал, что французы вместо того, чтобы быть удрученными жестокой нуждой, в которой находились, напротив, с каким-то бешенством устремлялись против пушек, разносивших их.

Английский генерал Вильсон (на русской службе), присутствовавший на сражении, называл его «битвой героев»; и не потому, что он сам в ней участвовал — эти слова относятся к нам, которые с несколькими тысячами войска держались против всей русской армии, численностью в 90 000 человек.

Генерал Лоншан с остатками своей бригады вынужден был оставить орудия, у которых почти все лошади были убиты и следовать за нами в отступлении, которое мы совершали, пользуясь неровностями почвы и зданиями, чтобы укрыться за ними и защищаться.

Только что вступили мы в Красное, как русские, расположившиеся у первых домов со своими орудиями, поставленными на полозья, пустили в нас несколько залпов картечи. Трое людей нашей роты были ранены. Одна пуля, задела моё ружьё и повредив его деревянные части, контузила меня в плечо, потом попала в голову молодому барабанщику, шедшему впереди, и убила его наповал.

Красное перерезано поперёк рвом, через который надо было переправиться. Когда мы туда прибыли, мы увидали на дне целое стадо быков, погибших с голода и холода; они так окостенели от мороза, что нашим сапёрам не удавалось разрубить их мясо топором. Наружу торчали одни головы, глаза у них были открыты, точно живые, а туловища все занесены снегом. Эти быки принадлежали армии и не могли добраться по назначению; они погибли от сильной стужи и бескормицы.

Все дома этого жалкого городишка и тамошний большой монастырь были переполнены ранеными, которые увидав, что мы покидаем их, выпускали громкие вопли. Мы принуждены были бросить их на произвол беспощадных неприятелей, которые обирали несчастных раненых, не принимая во внимание ни их несчастного положения, ни ран.

Русские всё ещё преследовали нас, но уже вяло; несколько орудий обстреливали левую сторону дороги, но уже не могли наносить большого вреда; дорога, по которой мы шли, была вдавлена, ядра летали вверх и не попадали в нас, а присутствие небольшого количества кавалерии, ещё оставшейся у нас и также шедшей слева, препятствовало неприятелю подойти к нам ближе.

Когда мы отошли на четверть мили по ту сторону города, стало поспокойнее; мы шли грустные и безмолвные, размышляя о нашем положении и о несчастных товарищах, которых мы принуждены были бросить; мне всё представлялось, что я их вижу перед собою умоляющими о помощи. Оглянувшись, мы увидали нескольких не очень тяжело раненых, почти нагих,

потому что русские сняли с них платье и бросили. Нам посчастливилось спасти несколько человек, по крайней мере, временно; поспешили дать им всё, что было возможно, чтобы прикрыться.

В тот день император ночевал в Лядах, деревне с деревянными лачугами; наш полк расположился бивуаками немного подалее. Проходя по деревне, где поселился император, я остановился возле жалкой лачуги погреться у разведённого там огня; тут мне посчастливилось опять встретить сержанта Гиньяра с его венгеркой — маркитанткой. С ними я поел похлёбки из крупы и конины, чем и подкрепил свои силы. В этом я сильно нуждался, так как был очень слаб — целых двое суток я почти ничего не ел. Гиньяр рассказал мне, что в сражении полк его сильно пострадал, потерпев значительную убыль, но это ничто в сравнении с нами — он знал, какое количество людей мы потеряли в ночном сражении с 3-го (15-го) на 4-е (16-е) и в течение последующего рокового дня; в эти дни он, по его словам, постоянно вспоминал обо мне, и теперь очень рад меня видеть целым и невредимым. Я расстался с Гиньяром, чтобы присоединиться к полку, уже расположившемуся у дороги; эта ночь была также очень тяжела — шёл мокрый снег, пронизывавший нас насквозь, и дул сильный ветер, а огня было мало. Но это всё ещё ничего в сравнении с тем, что ожидало нас впереди.

Было около полуночи, как вдруг часовой нашего бивуака, дал мне знать, что показался всадник, повидимому направляющийся в нашу сторону; я взял двух вооружённых людей и побежал посмотреть, в чём дело. Приблизясь на некоторое расстояние, я действительно различил всадника; впереди шёл пехотинец, которого всадник очевидно гнал перед собой насильно. Подъехав к нам, всадник обнаружил, кто он такой: это был драгун гвардии, который, чтобы добыть продовольствия себе и своей лошади, забрался в русский лагерь ночью, а чтобы не привлекать ничьего внимания, надел каску русского кирасира, убитого им в тот же день. Таким образом он объехал часть неприятельского лагеря, стащив вязанку соломы, немного муки, ранил часового на передовых постах и сбил с ног другого, которого и привёл пленным. Этого удалого драгуна звали Меле, родом из Кондэ; он провел с нами остаток ночи. Он признался мне, что не для себя подвергался опасности, а для своей лошади, для бедного Каде, как он называл её. Во что бы то ни стало, он хотел достать ей корму, говоря, что «если он спасёт свою лошадь, то и лошадь в свою очередь спасёт его». Уже во второй раз после Смоленска, он пробирался в лагерь русских, В первый раз он увел с собой коня в сбруе.

Ему удалось таки вернуться во Францию с своим конём, с которым он уже проделал кампании 1806 — 1807 гг. В Пруссии, в Польше, 1808 — в Испании, 1809 — в Германии, 1810 — 1811 — в Испании, 1812 — в России, затем 1813 — в Саксонии и 1814 во Франции. Его бедная лошадь была убита при Ватерлоо, после того, как участвовала в 12 больших сражениях под на-

чалством самого императора и в 30 слишком других более мелких битвах. В продолжении этой злополучной кампании мне случилось ещё раз встретить его: он топором прорубал отверстие во льду озера, чтобы напоить лошадь. Однажды я видал его на крыше сарая, объятого пламенем; он рисковал сгореть — всё ради своего коня, чтобы достать немного соломы ему для корма, так как ни людям, ни лошадям нечего было есть. Бедные животные, помимо того, что страдали от лютых морозов, принуждены были глотать древесную кору, чтобы питаться в ожидании того, пока сами пойдут нам в пищу.

Меле не был единственным солдатом, отваживавшимся пробираться в русский лагерь за продовольствием; многие были застигнуты и погибли таким образом или от руки крестьян, когда наши солдаты проникали в селения, лежащие в двух, трёх верстах от дороги, или же от руки партизан русской армии, так как все народности, подвластные этой империи, подымались огулом и присоединялись к общей массе армии. Нужда была так велика, что солдаты покидали свои полки, чуть замечали дорогу, ведущую в сторону, в надежде набрести на какую-нибудь жалкую деревушку, если можно назвать этим именем скопище скверных лачужек, выстроенных из брёвен и где ничего нельзя было раздобыть (я так и не мог объяснить себе, чем питаются крестьяне); те, кто подвергал себя риску подобных экскурсий возвращались иногда с краюхой хлеба, чёрного как уголь, перемешанного с мякиной и соломой в палец длиной и с зёрнами ржи, и в добавок такого жёсткого, что невозможно было его укусить, тем более, что у всех губы были изъязвлены и потрескались от мороза. За всё время этой злосчастной кампании я ни разу не видал, чтобы когда-нибудь наши солдаты приводили с собой из подобных экспедиций корову или барана; не знаю, чем живут эти люди — вероятно у них очень мало скота, иначе всё-таки он попалался бы нам хоть изредка. Словом, это чёртов край; куда ни глянь — везде сущий ад.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отступление продолжается. — Я обзавожусь женой, — Упадок духа. — Я теряю из виду своих товарищей. — Драматические сцены. — Встреча с Пикаром.

6 (18-го) ноября, то есть на другой день после сражения под Красным, мы рано по утру снялись с бивуака. В этот день наш переход был страшно утомителен и печален: началась оттепель, мы промочили ноги и до самого вечера стоял такой туман, что ни зги не было видно. Наши солдаты шли по-

ка ещё в порядке, но легко было заметить, что сражения предыдущих дней деморализовали их, а в особенности то, что они вынуждены были бросать своих товарищей, стирававших к ним руки. Тяжело было думать, что нас самих ожидает та же участь.

В этот день я особенно утомился; один солдат моей роты, по имени Лаббэ, очень преданный мне и как раз накануне потерявший свой ранец, заметив, что я бреду с трудом, предложил мне понести мой ранец. Зная его за хорошего малого, я доверил ему своё добро; конечно, это значило доверить свою жизнь, потому что там было немного больше фунта рису и крупы — запасы, случайно попавшие мне в руки в Смоленске и хранимые мною на случай последней крайности, которую я предвидел в скором времени, так как уже больше не было лошадей в пищу. В этот день император шёл пешком, опираясь на палку.

Вечером опять подморозило и сделалась такая гололедица, что невозможно было удержаться на ногах; люди падали ежеминутно, и многие сильно расшиблись. Я шёл в хвосте роты, по возможности стараясь не спускать глаз с солдата, несшего мой ранец; я даже начинал жалеть, что расстался с ним, и вечером решил непременно отобрать его назад, придя на место стоянки. Наконец настала ночь, да такая тёмная, что хоть глаз выколи. Поминутно я звал: «Лаббэ! Лаббэ!» Он всякий раз откликался. «Я здесь, сержант!» Наконец, когда я ещё раз окликнул его, другой солдат ответил мне, что Лаббэ недавно упал, но что вероятно, теперь опять плетётся следом за армией. Я не особенно этим обеспокоился: вскоре нам предстояло остановиться и занять позицию на ночлег. Действительно, войска остановились на дороге и нас оповестили, что мы заночуем в окрестностях. В этот момент почти вся армия была в сборе; не хватало только армии маршала Нея — она отстала и её считали погибшей.

В эту печальную ночь каждый устраивался как мог; нас собралось несколько унтер-офицеров и мы завладели ригой, так как находились возле селения, сами того не подозревая. Многие солдаты полка приютились вместе с нами; опоздавшие, увидев что им негде поместиться, сделали то, что обыкновенно делается в подобных случаях, влезли на крышу, как мы их не останавливали, и в одну минуту мы очутились всё равно что под открытым небом. Вслед затем нам пришлось сказать, что подальше на дороге есть церковь — греческий храм — отведённая для помещения нашего полка, но что теперь она занята солдатами различных полков, шедших сами по себе, и что они никого не хотят впускать.

Осведомившись обстоятельно, где эта церковь, мы забрали с собой дюжину других унтер-офицеров и капралов и отправились туда. Искать пришлось недолго, церковь стояла у самой дороги; когда мы хотели войти, мы встретили сопротивление со стороны тех, кто занял её раньше. Это было скопище немцев и итальянцев и даже французов — сперва они хотели за-

пугать нас штуками, чтобы мы не входили; но мы отвечали им в том же духе и ворвались силой. Тогда они немного отшатнулись, и один итальянец крикнул: «Последуйте моему примеру, заряжайте ружья!» — А наши уже заряжены! — отвечал один фельдфебель из наших. И между нами готов был завязаться кровопролитный бой, как вдруг к нам подошло подкрепление. То были солдаты нашего полка: увидав, что с нами тягаться трудно и что мы с своей стороны не потерпим их присутствия, наши противники сочли лучше выйти из церкви и расположиться неподалёку.

На их беду, ночью мороз значительно усилился и сопровождался снегом и ветром. И вот, на другой день утром, уходя, мы нашли неподалёку от места нашей ночёвки, на краю дороги, несколько из этих несчастных, которых мы выгнали из церкви; слишком слабые, чтобы идти дальше, они погибли тут же у паперти. Другие попадали дальше в снег, ища, куда приютиться. Мы прошли мимо этих мертвецов, не обмолвившись между собой ни единым словом. В сущности, какие грустные размышления должны были бы волновать нас перед картиной этих бедствий, в которых мы же были отчасти виноваты! Но мы дошли до того состояния, когда самые трагические случаи жизни стали для нас безразличны; мы готовы были пожирать людские трупы, когда у нас не окажется даже лошадей, чтобы ими питаться.

Час спустя после нашего выступления, мы прибыли в Дубровну, городок, частью населенный жидами; все дома его были выстроены из дерева; там император ночевал с гренадёрами и егерями гвардии и с частью артиллерии. Мы застали их под оружием; они сообщили нам, что ночью вследствие фальшивой тревоги они принуждены были постоянно быть начеку; хуже этого трудно себе представить положение: ведь они надеялись провести ночь в жилых и отопленных домах, а вышло совсем иначе.

Мы прошли по этому деревянному городу и направились в Оршу. После полудня мы добрались до города, который оказался укрепленным и с гарнизоном, состоящим из солдат разных полков: то были люди которые остались позади и которые явились, чтобы примкнуть к великой армии. Там находились также несколько жандармов и поляков. Увидав нас в таком жалком положении, эти люди были поражены, в особенности когда заметили громадное множество отсталых, шедших позади в беспорядке. Часть гвардии удержали в городе для поддержания порядка, а так как там нашёлся мучной лабаз и немного водки, то нам роздали муки и водки в небольшом количестве. В этом городе мы нашли понтонные приспособления и много артиллерии с упряжью, но к несчастью сожгли суда, составлявшие мост, необходимый для перевозки орудий. Мы ещё не знали, что ожидает нас на Березине, где мосты могли быть так полезны нам.

Нас оставалось всего 7 — 8 000 человек гвардии от прежних 35 000. Да из тех, которые ещё крепились и продолжали идти мало-мальски в порядке,

многие тащились с великим трудом. Как я уже говорил, император с частью гвардии находился в городе, остальные расположились на бивуаках в окрестностях. Ночью маршал Ней, которого считали погибшим, прибыл сюда же с остатками своего армейского корпуса; у него оставалось приблизительно от 2-х до 3-х тысяч людей, годных сражаться — и это из 70-ти тысяч! Нам рассказывали, как сильно обрадовался император, узнав, что маршал Ней спасся.

8-го (20) числа мы простояли на месте весь день, и я всё искал солдата, которому поручил нести свой ранец, но напрасно. 9-го (21) мы выступили, но я так и не мог отыскать его; меня уверяли, что видели его, однако я начинал терять надежду.

Отойдя на некоторое расстояние от Орши, мы услышали ружейные выстрелы; мы остановились на минуту, и к нам примкнуло несколько человек отсталых, застигнутых казаками. Они вступили в наши ряды, и мы продолжали путь. В числе отсталых, я опять принялся искать своего знакомого с моим ранцем, но также неудачно, как и раньше. Ночевали мы в селении, где уцелела одна только рига, служившая почтовой станцией, да два-три дома. Селение называлось Когановым.

10-го (22) ноября, прескверно проведя ночь, мы рано поутру пустились в поход; шли мы с большими затруднениями по дороге страшно грязной вследствие оттепели. К полудню мы добрались до Толочина. В этом пункте ночевал император; пройдя Толочин, мы сделали привал. Все остатки армии очутились в сборе, мы встали по правую сторону дороги тесной колонной подивизионно.

Вскоре г. Цезарис, офицер нашей роты, пришёл сообщить мне, что он видел Лаббэ, того самого солдата, который взялся нести мой ранец, у костра пекущим лепёшки и что он приказал ему примкнуть к колонне. Тот отвечал, что явится немедленно, но вдруг налетел целый рой казаков, обрушился на отсталых, и так как Лаббэ принадлежал к числу их, то вероятно и его забрали в плен. Прощай мой ранец и его содержимое! А мне так хотелось привезти во Францию мои маленькие трофеи! С какой гордостью сказал бы я: «Вот что я привёз из Москвы!»

Не удовольствовавшись тем, что сообщил мне Цезарис, я захотел сам удостовериться, так ли всё это; вернулся назад до конца селения, которое я застал переполненное солдатами из всех полков, идущих в разброд и не знающих никакого начальства. В конце села я встретил их множество, готовых встретить казаков, если бы им вздумалось явиться опять; вдали видно было, как те удаляются, уводя с собой пленных, захваченных ими, а также унося и мой бедный ранец — по крайней мере все мои поиски оказались тщетными.

Я шёл посреди села, озираясь по сторонам, вдруг я увидел женщину в солдатской шинели, внимательно оглядывавшую меня. В свою очередь я

присмотрелся к ней, и мне показалось, что я уже где-то видел её. Так как меня легко было узнать по моей медвежьей шкуре, то она заговорила со мной первая, сказав, что видела меня в Смоленске. Тут и я узнал в ней ту самую женщину, что была в подвале. Она рассказала мне, что разбойники, с которыми она принуждена была оставаться дней десять, были захвачены в Красном перед нашим прибытием. Поместившись с ними в одном месте, она подвергалась побоям за то, что не соглашалась стирать их рубашек; потом она вышла за водой для стирки, но увидела русских, которые шли в её сторону, и не предупредив никого, убежала. Что касается её хозяев, то они сражались отчаянно, думая спасти свои деньги — а денег было у них много, прибавила она — особенно золота и серебра; но в конце концов они по большей части или были убиты, или ранены, или обобраны до чиста. Она же почувствовала себя спасённой только когда прибыла императорская гвардия.

Она рассказала также, что в Смоленске они предприняли экспедицию ночью, после того, как я расстался с ними, и вернулись с чемоданами, но опасаясь, что я выдам их, переменили своё убежище, чтобы невозможно было отыскать его. Этому научил их баденский солдат. Там они оставались ещё дня два, но так как они не знали, что делать с награбленным добром, то баденец и барабанщик отыскивали жида; ему и продали вещи, которые они не могли тащить с собой, затем ушли за день до нас и от Смоленска до Красного три раза подвергались опасности быть забранными; в последний раз, встретив казаков, они захватили пятерых и раздев их, расстреляли, чтобы овладеть их одеждой. Они рассчитывали переодеться казаками нарочно, чтобы удобнее грабить своих же товарищей, отставших позади, а также чтобы не быть узанными русскими. Имея шесть лошадей, они располагали начать разыгрывать эту роль как раз в тот день, когда их захватили. Женщина прибавила, что у них под одеждой казаков были надеты французские мундиры, и это давало им возможность быть и теми и другими, смотря по надобности.

Она многое ещё порассказала бы мне, да мне некогда её было слушать. Я осведомился, с кем она теперь. Она отвечала, что ни с кем; на другой же день после того, как был убит её муж, она присоединилась к тем людям, с которыми я её видел. Теперь она идёт одна, и если я соглашусь взять её под своё покровительство, то она будет заботиться обо мне, и я окажу ей великую милость. Я согласился тотчас же на её просьбу, не вообразив, каково будет моё положение, когда я вернусь в полк с супругой.

Идя со мною, она осведомилась, где мой ранец; я рассказал ей всю историю и как я его лишился; она отвечала, что мне нечего беспокоиться, у неё есть ранец битком набитый. Действительно, у неё был мешок за спиной и корзина в руках; она прибавила, что если я зайду куда-нибудь в дом или ко-

нюшню, то она даст мне смену белья. Я принял её предложение, но в ту минуту, как мы отыскивали подходящее местечко, раздался призыв: «К оружию!» и забили сбор. Я велел своей жене следовать за мной. Не доходя до стоянки полка, который я застал уже под оружием, я сказал жене, чтобы она подождала меня.

Когда я явился в свою роту, фельдфебель спросил меня, не узнал ли я чего про Лаббэ и мой ранец. Я отвечал, что нет и нечего об этом думать, но что вместо того я нашёл себе жену. «Жену! — изумился он, — да зачем тебе она? Не для того, конечно, чтобы стирать тебе бельё — ведь белья у тебя нет!» — Она мне даст белья. «А как же на счёт пищи?» — Она будет есть то же, что и я.

Вскоре нам скомандовали формироваться в карре; гренадёры и егеря, а также остатки полков молодой гвардии сделали тоже самое. В эту минуту прошёл император с королём Мюратом и принцем Евгением. Император стал среди гренадёров и егерей и, обратившись к ним с речью, приличной случаю, объявил им, что русские караулят нас у Березины и поклялись, что ни один из нас не переправится через неё обратно. Затем, обнажив меч и возвысив голос, он воскликнул: «Поклянёмся и мы в свою очередь, что скорее все умрём с оружием в руках, сражаясь, чем откажемся от намерения увидеть Францию!» В один миг мохнатые шапки и кивера очутились на концах ружей и сабель и раздались крики: «Да здравствует император!» К нам подобную же речь держал маршал Мортье, и мы отвечали ему с таким же энтузиазмом.

В виду плачевного положения, в котором мы находились, этот момент был глубоко торжественный, и на время мы позабыли о своих бедах. Будь русские у нас под руками и в шестеро многочисленнее нас, и тогда мы готовы были справиться с ними. На этой позиции мы оставались до того момента, когда правый фланг колонны начал движение.

Я не забыл о своей жене, и в ожидании момента, когда двинется наш полк, я вышел на дорогу за нею, но не нашёл её. Её унесло потоком в несколько тысяч людей корпусов принца Евгения, маршалов Нея, Даву и других корпусов, которые невозможно было стянуть и привести в порядок — три четверти всего количества людей было больных и раненых, а остальные были деморализованы и безучастны ко всему. Части этих корпусов, ещё двигавшиеся в порядке, сформировались в колонну по левой стороне дороги, и там некоторые отсталые, проходя мимо, присоединялись к их значкам.

В эту минуту я увидел маршала Лефевра, возле которого я очутился невзначай. Он был один, шёл пешком с палкой в руке посреди дороги и кричал зычным голосом со своим немецким акцентом: «Друзья, сомкнитесь! Лучше образовать многочисленные батальоны, чем быть разбойниками и трусами!» Маршал обращался к тем, которые без всякого предлога не шли

со своими корпусами, а отставали или заходили вперёд, смотря как им было удобнее.

Я ещё немного поискал жену свою — из-за белья, которое она мне обещала и в котором я сильно нуждался, но это оказалось напрасным трудом: я уже не видел её и остался вдовцом, потеряв и её, и свой ранец.

Пробираясь в толпе, я значительно перегнал свой полк и сел отдохнуть у покинутого бивуачного огня.

До самого Красного я всегда отличался весёлым характером и старался ставить себя выше всех удручавших нас бед. Мне казалось, что чем больше опасностей и трудностей, тем больше для нас славы и чести. Я всё переносил с терпением, удивлявшим моих товарищей. Но после кровавых сражений под Красным, и в особенности после того, как я узнал, что двое моих друзей, двое велитов, кроме Белока и Капона, которых я видел мёртвыми на снегу — один убит, а другой смертельно ранен — моё настроение изменилось. К довершению моих печалей, мимо нас проехали какие-то сани, и не имея пока возможности продолжать путь, люди находившиеся в них остановились возле меня. Я спросил, какого раненого они везут? Мне отвечали, что это офицер их полка. Оказалось, что это бедный Легран, который тут же и рассказал мне, каким образом он был ранен: его товарищ, Лапорт из Лиля, офицер того же полка, остался больной в Красном, но узнав, что его полк сражается и повинуюсь влечению своей храбрости, оправился присоединиться к полку. Едва успел он встать в ряды, как бомбой ему раздробило обе ноги. Легран, увидав Лапорта, бросился к нему, но осколок той же гранаты попал ему в правую ногу.

Лапорт пал на поле сражения, а Леграна перевезли в город; его уложили на скверную русскую телегу, запряжённую плохой лошаде́нкой, но в первый же день телега сломалась и к счастью для него неподалёку нашли сани, у которых пала лошадь. Эти сани пригодились ему, иначе его пришлось бы бросить на дороге. Его сопровождало четверо солдат того же полка; так он путешествовал уже шесть дней. Я расстался с несчастным Леграном, пожав ему руку и пожелав ему счастливого пути. Он отвечал, что полагается на милость Божию и на преданность добрых людей, сопровождавших его. Затем один из солдат взял лошадь под уздцы, другой ударил её хлыстом, и не без труда сани двинулись в путь. Я подумал про себя, что не далеко он уедет в подобном экипаже.

С этих пор я стал сам не свой: загрустил, зловещие предчувствия осадили меня; голова горела, я заметил, что у меня лихорадка; не знаю, может быть это зависело отчасти от усталости; с тех пор как к нам примкнули остатки армейских корпусов, мы принуждены были выступать рано утром и находиться в движении до позднего вечера, не делая при всём том больших расстояний. Дни были до того коротки, что светало только в восемь часов, а смеркалось уже в четыре. Вот почему множество несчастных солдат за-

блудились или отстали, потому что к ночи всегда приходили на бивуак, где все корпуса смешивались. Слышно было в любой час ночи, как приходили люди и кричали слабыми голосами: «Четвёртый корпус! Первый корпус! Третий корпус! Императорская гвардия!..» А другие, лёжа в изнеможении, надеясь на помощь со стороны прибывающих, силились отвечать: «Здесь, товарищи!» Всякий разыскивал уже не полк свой, а корпус армии, к которому он принадлежал и который состоял всего разве из двух полков, между тем как две недели тому назад в состав его входили тридцать полков.

Никто уже не мог ничего сообразить и указать полк, который спрашивали. Многие, промаршировав целый день, принуждены были ночью отыскивать свой корпус. Но редко это удавалось; тогда не зная часа выступления, они вставали слишком поздно и просыпаясь убеждались, что находятся среди русских. Сколько тысяч людей были захвачены в плен и погибли таким образом!

Я продолжал стоять у костра, весь дрожа и опираясь на ружьё. Трое людей сидело вокруг огня, молча и машинально наблюдая проходивших мимо; очевидно они сами не имели намерения пуститься в путь, так как у них не было сил. Я начал беспокоиться, не видя своего полка, как вдруг почувствовал, что кто то дёргает меня за медвежью шкуру. Это был Гранжье; он пришёл предупредить меня, чтобы я не оставался здесь дольше — полк прошёл. Но в глазах у меня было так темно, что глядя на него, я его не видел. — «А жена?» спросил он. Кто тебе сказал, что у меня есть жена? «Наш фельдфебель; но где же она?» — Не знаю; мне известно только, что у неё есть сумка за спиной, с переменной белья, в котором я очень нуждаюсь. Если встретишь её, скажи мне. Она одета в серую солдатскую шинель; на голове у неё барашковая шапка, на ногах чёрные гетры, а в руках корзина.

Гранжье, заметив, что я болен и в бреду, — как он мне потом рассказывал — взял меня под руку и вывел на дорогу, говоря: «Пойдём, нам и так не легко будет нагнать полк». Однако, мы настигли его, миновав несколько тысяч войск разного оружия, тащившихся с великим трудом; можно было предвидеть, что день будет смертельно тяжёлый, хотя бы переход и не был очень длинен.

Так и было на самом деле: мы прошли через местечко, имени которого я не знаю, и где говорили, что император должен был заночевать (хотя он давно проехал мимо). Множество войск разного оружия останавливалось там; было уже поздно, а по слухам оставалось ещё добрых два лье до места привала намеченного в большом лесу.

Дорога в этом месте очень широка и окаймлена с обеих сторон огромными берёзами. По ней удобно было следовать людям в повозках, но когда настал вечер, то по всему её протяжению виднелись павшие лошади, и чем дальше мы подвигались, тем гуще она была усеяна повозками, издыхаю-

щими лошадьми, даже целыми упряжками, изнемогающими от усталости, а также и людьми, которые не будучи в силах идти дальше останавливались, располагались на бивуаках под большими деревьями, потому что, как они сами говорили, тут под рукой у них всё, чего они не найдут в другом месте: топливо для костров, на что пригодятся сломанные повозки, а вместо пищи — мясо тех лошадей, которыми завалена была дорога и которые уже начали задерживать движение.

Давно уже я шёл один в этой тесноте, стараясь добраться до того места, где мы должны были ночевать, чтобы наконец отдохнуть от этого тяжкого перехода, ещё более затруднённого гололедицей, образовавшейся с тех пор, как опять подморозило по талому снегу, так что я ежеминутно падал; ночь застигла меня среди этих бедствий.

Северный ветер подул с новой яростью; с некоторых пор я потерял из виду своих товарищей; несколько солдат, изолированных, как и я, чуждых тому корпусу, к которому я принадлежал, тащились с трудом, делая сверхъестественные усилия, чтобы настигнуть колонны, от которой отделились, как и я. Те, к кому я обращался, не отвечали, у них не хватало сил. Другие падали в смертельном изнеможении, чтобы уже не встать.

Скоро я очутился совершенно один, не имея более никаких товарищей, кроме трупов, служивших мне проводниками; прекратились даже высокие деревья, окаймлявшие дорогу, было часов семь; снег, с некоторых пор валивший усиленно, препятствовал мне видеть направление пути; неистовый ветер уже смёл все следу, оставленные колонной.

До сих пор я носил свою медвежью шкуру мехом наружу. Но предвидя суровую ночь, я надел её мехом внутрь; ей я обязан тем, что мне посчастливилось в эту бедственную ночь выдержать 22-х градусный мороз; приладив медвежью шкуру на правом плече, с той стороны, откуда дул северный ветер, я мог идти таким образом целый час. За это время я однако прошёл не больше лье; часто меня обволакивала снежная вьюга, и я принужден был поневоле поворачиваться и идти назад, и только по трупам людей и лошадей да по обломкам повозок я узнавал, что повернул назад; потом мне приходилось снова ориентироваться.

По временам показывалась луна, или северное сияние, какое часто бывает на севере; в те моменты, когда луна не затемнялась чёрными тучами, мчавшимися с страшной силой, я получал возможность рассмотреть предметы: я увидел, но очень ещё далеко, тот большой лес, через который мы должны были пройти, прежде чем достигнуть Березины, ибо мы находились тогда уже в Литве. По моим расчётам, этот лес должен был отстоять ещё на целое лье от меня.

К несчастью, меня начал одолевать сон, а в этих случаях сон — это предвестник смерти; ноги мои уже не в силах были двигаться. Силы были истощены вконец. Уже я падал раза два, задремав, и если бы меня не пробужда-

ла холодная влажность снега, я не мог бы устоять, и погиб бы, отдавшись непреодолимой сонливости.

Место где я находился, было усеяно людьми и лошадьми, заграждавшими мне дорогу и мешавшими волочить ноги, потому что я уже не имел сил поднимать их. Каждый раз как я падал, мне казалось, что меня остановил один из несчастных, валявшихся в снегу; часто случалось, что люди лежавшие при последнем издыхании на дороге, цеплялись за ноги проходивших мимо, умоляя их о помощи и иногда те, что нагибались, чтобы помочь товарищам, сами падали, чтобы уже не подняться.

Минут десять я шёл наобум, не придерживаясь никакого направления; я брёл как пьяный; колени мои подгибались под тяжестью слабого тела. Словом, я чувствовал близость моего последнего часа... Вдруг, споткнувшись на саблю кавалериста, лежавшего на земле, я повалился во весь рост, ударившись подбородком о приклад ружья, и ошеломлённый падением, не мог подняться. Я чувствовал сильную боль в правом плече, зашибленном моим ружьём, когда я падал. Понемногу оправившись и поднявшись на колени, я поднял ружьё, но вдруг заметил, что изо рта у меня идёт кровь; я вскрикнул в ужасе и вскочил, весь дрожа от холода и страха.

Мой крик был услышан несчастным, валявшимся в нескольких шагах от меня, направо, по ту сторону дороги; слабый, жалобный голос поразил мой слух, и я отчётливо разобрал, что меня просят о помощи, меня, который сам в ней так нуждался. «Остановитесь! Помогите!» говорили мне. Затем жалобы прекратились. Тем временем я лежал смирно, всё прислушиваясь и озираясь, стараясь разглядеть стонавшего. Но ничего не слыша, я начинал думать, что ошибся. Чтобы в этом удостовериться, я принялся кричать что есть силы: «Где же вы там?» Тогда я подумал про себя: «Экое горе! Будь у меня товарищ по несчастью, мне кажется, я мог бы пройти хоть всю ночь, если бы мы подстрекали друг друга!» Только что успел я это подумать, как раздался опять тот же голос, но ещё более унылый: «Идите к нам!»

В эту минуту показалась луна, и я увидел шагах в десяти от меня двух людей — один лежал, другой сидел возле. Направившись в ту сторону, я с трудом добрался до них вследствие наполненного снегом рва, отделявшего дорогу. Я заговорил с тем человеком, который сидел; он захохотал как безумный и проговорил: «Друг мой, смотри, не забудь же!» И опять рассмеялся. Я убедился, что это смех смерти. Другой, которого я считал мёртвым, ещё был жив, и слегка повернув голову, промолвил эти последние слова, которых я век не забуду: «Спасите моего дядю, помогите ему — а я умираю!»

В том, который говорил со мной, я узнал тот самый голос, что молил меня о помощи; я сказал ему ещё несколько слов, но он уже не отвечал мне. Тогда, обратившись в сторону первого, я старался подбодрить его встать и пойти со мной. Он смотрел на меня, не произнося ни слова; я заметил, что

он закутан в толстый плащ, подбитый мехом, но старается сбросить его. Я хотел помочь ему подняться, но это оказалось невозможным. Держа его за руку, я убедился, что на нём золотые эполеты высокопоставленного офицера. Он заговорил со мной о смотре, о параде и наконец повалился на бок, лицом в снег. Мне пришлось оставить его, я не мог оставаться дольше, не подвергаясь опасности разделить участь этих двух несчастных. Я провёл рукой по лицу первого; оно было холодно, как лёд. Он был мёртв. Рядом валялось нечто вроде ягдташа, который я поднял, надел надеясь найти в нём что-нибудь для себя пригодное. Но там оказались только тряпки и бумаги. Я забрал всё это.

Выбравшись на дорогу, я продолжал идти, но медленно, часто прислушиваясь — мне всё казалось, что кто-то жалобно стонет.

Надежда встретить какой-нибудь бивуак заставляла меня по возможности ускорить шаг. В одном месте дорога была почти совершенно заграждена лошадиными трупами и поломанными повозками. Вдруг я поневоле отдался слабости и опустился на шею дохлой лошади, лежавшей поперёк дороги. Вокруг лежали без движения люди различных полков. Я различил между ними несколько солдат молодой гвардии, которых легко было узнать по киверам; потом я сообразил, что часть этих людей умерли в то время, как старались разрезать труп лошади, чтобы съесть его, но у них не хватило силы, и они погибли от холода и голода, как это случалось каждый день. В этом печальном положении, очутившись один среди обширного кладбища и страшного безмолвия, я отдался мрачным мыслям: я думал о своих товарищах, с которыми был разлучён каким-то роком, думал о своей родине, о своих близких — и заплакал как ребёнок. Пролитые слёзы немного облегчили меня и вернули мне потерянное мужество.

Я нашёл у себя под рукой, у самой головы лошади, на которой сидел, маленький топорик, какой мы всегда носили с собой в каждой роте во время похода. Я хотел употребить его, чтобы отрезать кусок мяса, но не мог, до такой степени труп заоченел от мороза — совершеннейшее дерево. Я истощил последние силы, одолевая лошадь, и повалился в изнеможении, зато немного согрелся.

Подымая топорик, вывалившийся у меня из руки, я заметил, что отколол несколько кусков льду. Оказалось, что это лошадиная кровь; вероятно кровь выпускали, прежде чем убить лошадь. Я подобрал, на сколько мог, больше этих кусочков крови и тщательно спрятал их в ягдташ; потом я проглотил несколько кусочков этого льда; это подкрепило меня, и я продолжал свой путь, отдавшись в руки Божии; всё время я старался переходить с правой стороны на левую, что бы избежать трупов, усеявших дорогу; останавливался и пробирался ощупью в потёмках каждый раз, как тёмная туча набегала на луну, и ускорял шаг по направлению к лесу всякий раз, как показывалась луна.

Через некоторое время я увидал вдали перед собой какой-то предмет, который я сперва принял за зарядный ящик; но подойдя ближе увидал, что это просто сломанная повозка маркитантки одного из полков молодой гвардии; я встречал её несколько раз после Красного везущей двух раненых фузелёров-егерей гвардии.

Лошади, вёзшие повозку, были мертвы и частью съедены или разорваны на куски; вокруг повозки валялось семь трупов, почти обнажённых и до половины занесённых снегом; на одном только был надет овчинный тулуп. Я подошёл к трупу, желая его рассмотреть, а в сущности для того, чтобы стащить с него тулуп. Нагнувшись я узнал, что это женщина. Вероятно, она ещё подавала признаки жизни, когда принуждены были её оставить, и благодаря этому несчастная была обязана тем, что с неё не содрали одежду.

В том положении, в каком я находился, чувство самосохранения было всегда моей первой мыслью; вот почему необдуманном движением я хотел попытать свои силы, чтобы отрезать кусок лошади, забыв о том, что за минуту перед тем, я свалился от слабости, стараясь сделать тоже самое. Тем не менее я взял топор в обе руки и стал рубить лошадь, находившуюся ещё в оглоблях повозки, но как и в первый раз, это оказалось напрасным трудом. Тогда мне пришло в голову засунуть руку внутрь лошади и попробовать вытащить оттуда сердце, печёнку или другой какой орган. Но я чуть не отморозил себе руку; к счастью пострадал только один палец на правой руке, который ещё не зажил, когда я прибыл в Париж, в марте 1813 года.

Наконец, не будучи в силах оторвать ни клочка мяса, чтобы поесть конины хотя бы в сыром виде, я решился заночевать в повозке, оказавшейся крытой; я ещё не заглядывал внутрь её в уверенности, что не найду там ни чего съестного, я подошёл к трупу женщины, намереваясь снять с неё овчинный тулуп для себя, но не мог своротить её с места. Однако я не отчаивался. У неё стан был затянут ремнём или ружейной перевязью, и чтобы снять его, мне надо было повернуть тело так, чтобы пряжка очутилась с другой стороны. Для этого я взял ружьё в обе руки и поддел его под тело так, чтобы ружьё служило мне рычагом. Но только что я начал действовать, как раздирающий душу крик раздался внутри повозки. Я оборачиваюсь, опять крик: «Мари, дай мне пить, я умираю!» Я опешил. Через минуту тот же голос простонал: «Ах, Боже мой!» Я сообразил, что это несчастные раненые, покинутые помимо их вedomа. Действительно, так и было.

Я влез на остов лошади в оглоблях, опёрся на край повозки и спросил, что нужно. Мне с трудом отвечали: «Пить».

Я вспомнил о кусочках обледенелой крови, спрятанных мною а ягдташ, и хотел спуститься за ними, вдруг луна, светившая мне некоторое время, спряталась за большую чёрную тучу; думая, что ставлю ногу на что-то твёрдое, я оступаю и падаю на три трупа, лежавших рядом. Ноги мои очутились выше головы, поясницей я упирался в живот мертвеца, а лицом на его

руку. За последний месяц я привык спать в подобной кампании, но тут — оттого ли, что я был одинок одинёшенек, но мной овладело чувство сильнее простой трусости. Мне казалось, что это кошмар; на мгновение я лишился языка. Я был как безумный и друг принялся кричать, точно меня кто держит и не хочет отпустить. Несмотря на все мои усилия, я не мог встать. Наконец, я хочу подняться упираясь на руки, но невзначай попадаю рукой в лицо мертвеца, а один из моих пальцев засовывается ему в рот.

В этот миг выплывает луна, и я могу разглядеть всё окружающее. Меня охватывает дрожь, я теряю точку опоры и снова падаю. Вдруг всё изменяется. Вместо страха мною овладевает какое то неистовство. Я встаю, ругаясь и задеваю руками, ногами за лица, туловища, конечности, словом за что попало. Я с проклятиями устремляю глаза в небо, точно посылая ему вызов; не помню, может быть я даже ударил беспомощных бедняков, валявшихся у меня под ногами.

Немного успокоившись, я решил заночевать в повозке возле раненых, чтобы защитить себя хоть от дурной погоды. Я взял кусок обледенелой крови из своей сумки и влез в повозку, ощупью отыскивая человека, просившего пить и теперь не перестававшего стонать, хотя слабо. Приблизившись, я убедился, что у него ампутирована левая нога.

Я спросил, какого он полка, но не получил ответа. Тогда, пощупав его голову, я с трудом сунул кусочек обледенелой крови ему в рот. Тот, что лежал с ним рядом, был холоден и твёрд, как мрамор. Я попробовал спустить его с повозки, чтобы занять его место, дожидаться дня и ехать дальше с теми, которых я предполагал позади, но мне это никак не удавалось. У меня не хватало сил своротить тело, и так как край повозки был чересчур высок, то я не мог сбросить тело вниз. Видя, что другому раненому остаётся жить разве несколько минут, я прикрыл его двумя шинелями покойника, и стал шарить, не найду ли в кибитке чего-нибудь, что бы пригодилось мне. Не найдя ничего, я стал разговаривать с раненым, но не получил ответа. Я провёл рукой по его лицу — оно уже застыло и во рту ещё торчал кусочек льда, всунутый мною. Он покончил с жизнью, и с страданиями. Не имея возможности оставаться здесь дольше, если я не хотел подвергаться опасности погибнуть, я собрался уходить, но перед тем мне хотелось взглянуть на мёртвую женщину; я думал, что это Мари, маркитантка, которую я хорошо помнил: она была моя землячка. Воспользовавшись светом луны, выплывшей из-за туч в эту минуту, я нагнулся к ней, но удостоверился по её росту и лицу, что это не она, а какая-то незнакомая мне женщина.

И вот я взял ружьё под мышку, как охотник, забрав две сумки — одну из красного сафьяна, другую из серой парусины, найденную мной перед тем, положил себе в рот кусочек обледенелой крови, и засунув обе руки в карманы панталон, пустился в путь. Было уже часов девять, снег перестал, ветер

дул уже с меньшей силой и мороз слегка спал. Я направился по прежнему к лесу.

Через полчаса луна исчезла как по волшебству. Хуже этого со мной не могло случиться. Я остановился на минуту, стараясь ориентироваться, опершись на ружьё и стуча ногами, чтобы не замёрзнуть, пока не вернётся свет. Но я обманулся в своих ожиданиях, луна словно сгнула.

Между тем глаза мои начали привыкать к потёмкам, и я мог двигаться понемногу. Вдруг мне показалось, что я иду не по той дороге; естественно склонный к тому, чтобы избегать северного ветра, я повернулся к нему совсем тылом. В этом я убедился, не встречая больше на пути никаких обломков и следов прохождения армии.

Не знаю, сколько времени я шёл в этом направлении — может быть с полчаса — когда я заметил уже слишком поздно, что нахожусь на краю пропасти, и скатился вниз на глубину около сорока футов. Правда, скатился не вдруг — три раза меня останавливали кусты. Думая, что уже всё кончено, я закрыл глаза и предал себя воле Божьей. Пришлось катиться до самого дна, и наконец я наткнулся на какой то выпуклый предмет, глухо зазвеневший, когда я на него упал.

В первую минуту я не мог очнуться, но так как уже ничто меня больше не удивляло после всего испытанного, то я скоро пришёл в себя. Заметив, что ружьё вывалилось у меня из рук, я принялся искать его, но должен был от этого отказаться и ждать рассвета.

Я вытащил саблю из ножен и ничего не видя, побрёл вперёд, ощупывая путь саблей. Тогда то я убедился, что предмет, на который я свалился, был не что иное, как зарядный ящик; я обошёл его кругом, как и остовы двух лошадей, оказавшиеся впереди.

Желая найти место более удобное, чтобы провести ночь, я остановился, присматриваясь и стараясь что-нибудь разглядеть сквозь потёмки; через некоторое время я почувствовал в ногах теплоту. Нагнувшись я удостоверился, что нахожусь на месте где был костёр, ещё и теперь не совсем потухший.

Тотчас же я ложусь наземь, и засунув руки в золу, чтобы согреть их, по счастью нахожу несколько угольков, которые собираю с большим трудом и осторожностью. Затем начинаю дуть и извлекаю из них несколько искр, отлетевших мне в лицо и на руки. Но где найти топлива, чтобы поддержать огонь? Я не решался отойти от него — этот огонь должен был мне спасти жизнь, а пока я отошёл бы, он мог погаснуть. Опасаясь такой случайности, я оторвал кусок от своей рубашки, изношенной до лохмотьев, свернул из него фитиль и зажгёг его. Потом, пошарив вокруг себя, я набрал несколько кусочков дерева, валявшихся тут же и при помощи терпения успел не без труда разжечь костёр. Скоро затрещало пламя; тогда, собрав всё топливо, какое только удалось отыскать, я раз-

вёл большой огонь, так что мог различить все предметы, находившиеся в пяти-шести шагах от меня.

Прежде всего на зарядном ящике я прочёл крупную надпись: императорская гвардия, генеральный штаб. Сверху красовался орёл. Затем, вокруг и на всём расстоянии, какое я мог окинуть глазом, земля была вся усеяна касками, киверами, саблями, латами, продавленными сундуками, пустыми чемоданами, разрозненной и порванной одеждой, сёдлами, роскошными чепраками и множеством разной разности. Но не успел я охватить взором всё окружающее, как сообразил, что я нахожусь вероятно неподалёку от казачьего бивуака. Тотчас же мной овладел страх, и я побоялся поддерживать огонь. Нет сомнения, думал я про себя, что этот пункт занят русскими, потому что если бы это были французы, то тут виднелись бы большие костры; наши солдаты, вознаграждая себя за недостаток пищи, усердно грелись, когда могли, а здесь вдобавок топлива вволю. Я не мог взять в толк, как это местечко, где я находился, укрытое от ветра, не было выбрано для ночёвки. Словом, я недоумевал, не знал, что мне делать — уходить или оставаться...

Покуда я предавался этим размышлениям, мой огонь значительно ослабел, но я не решался подложить в него топлива. Но желание отогреться и отдохнуть несколько часов преодолело мои опасения, я набрал столько топлива, сколько было возможно, сложил его в кучу под рукой, чтобы не вставать за ним каждый раз и греться до утра. Под себя я подложил несколько чепраков, потом, завернувшись в свою медвежью шкуру и улёгшись спиной к ящику, я расположился провести таким образом остаток ночи. Подкладывая топливо в костёр, я заметил между обломками рёбра лошади, уже отчасти обглоданные, но на них оставалось ещё достаточно мяса, чтобы утолить голод, начинавший терзать меня. Хотя эти кости были вывалены в снегу, но при данном положении они оказались для меня сущим кладом. Со вчерашнего дня я съел всего половину вороны, поднятой мной на дороге, да несколько ложек похлёбки из крупы, пополам с овсяной соломой и рожью, по солёной порохов.

Едва успела моя котлета согреться, как я принялся грызть её не смотря на золу, служившую ей приправой. Во время этой скудной трапезы я поминутно озирался, не видать ли чего тревожного.

С тех пор как я попал в этот овраг, положение моё несколько улучшилось. Я уже не тащился на холоде, был в защите от ветра и мороза, грелся у костра и закусил хоть немного. Но я был до того утомлён, что заснул не окончивши есть, но сном беспокойным, прерываемым сильными болями в пояснице — точно кто поколотил меня. Не знаю, сколько времени я отдышал, но когда я проснулся, ещё не похоже было на близкий рассвет — в России ночи очень длинные, летом наоборот, ночей почти совсем нет.

Засыпая, я положил ноги в золу и когда проснулся они были у меня тёплые. Я знал по опыту, что хороший огонь прогоняет усталость и утишает бо-

ли — поэтому я намеревался развести костёр, употребив на это зарядный ящик и добавив к нему всё, что только способно гореть. Сейчас же подобрав всё топливо, какое мог найти, а также разбитые сундуки, я подготовил костёр — оставалось только поджечь его. Однако я ещё подождал некоторое время, рассуждая, что если до сих пор мой огонь не навлекает на меня неприятности, т.е. патруль казаков, то это только потому, что он был мал и на дне оврага, не то будет, когда вспыхнет весь зарядный ящик.

Наконец пламя стало разгораться и дало мне возможность разглядеть всё окружающее. Вдруг я увидел слева нечто приближающееся ко мне; сперва я думал, что это какой-нибудь зверь — в России много водится медведей, особенно в этом краю; я был почти уверен в своём предположении, так как это существо двигалось на четвереньках. Оно находилось от меня уже в шагах десяти, а я всё ещё не мог его рассмотреть. Наконец я убедился, что это человек. Должно быть раненый, подумалось мне, несчастный привлечённый огнём и жаждущий погреться. Опасаясь нападения, я насторожился, и взяв свою саблю лежавшую возле, я сделал несколько шагов навстречу субъекту, крикнул ему: «Кто ты такой?» В то же время я приставил ему к спине остриё сабли, узнав, что это русский, истый казак, с длинной бородой.

Он поднял голову, униженно склонил передо мной и проговорил: «Добрый француз!» и ещё другие слова, которые я отчасти понял и которые выражали страх. Если бы он умел угадывать, он понял бы, что и я испугался не меньше его. Он встал на колени, показывая мне, что у него саблей зарублено лицо. Я заметил, что в этом положении голова его приходилась вровень с моими плечами — он вероятно был ростом выше шести футов. Я знаком пригласил его приблизиться к огню. Тогда он объяснил мне, что у него ещё другая рана — пулей в низ живота. Что касается сабельной раны, то она была страшна: ото лба она шла вдоль всего лица и заканчивалась на подбородке, теряясь в бороде — видно тот, кто нанёс её, не щадил силы. Он лёг на спину, чтобы показать рану на животе — пуля прошла на вылет. Я удостоверился, что он безоружен. Потом он лёг на бок, уже не говоря ни слова. Я сел напротив, наблюдая его. Засыпать мне не хотелось, я намеревался привести в исполнение свой замысел, сжечь зарядный ящик до наступления утра, а потом уже уйти. Но тут мной овладела новая тревога — что если в ящике порох!

Только что эта мысль мелькнула в моей голове, как при всей моей усталости я встал и перескочил одним прыжком через костёр и несчастного раненого, и отбежал шагов на двадцать влево, но споткнулся об латы, попавшие мне под ноги, и растянулся во весь рост. Мне посчастливилось не ушибиться при этом падении, а между тем я мог бы наткнуться на обломки оружия, разбросанного в этом месте; в этом я мог убедиться, когда стало светать. Поднявшись, я пошёл пятясь и устремив глаза на то место, которое

покинул, точно был уверен, что в самом деле есть порох в ящике и его сейчас взорвёт. Мало помалу придя в себя от испуга, я вернулся на место, так безрассудно мною оставленное, потому что на расстоянии 20-ти шагов я был в безопасности только против огня.

Я поднял куски воспламенившегося дерева и осторожно поднёс их на то место, где упал, затем подобрал латы, о которые споткнулся, чтобы ими забирать снег и тушить огонь. Но только что я приступил к этому делу, как раздался сигнал труб. Прислушавшись внимательно, я узнал сигнал русской кавалерии — из чего я заключил, что она близко. При этих родных звуках казак поднял голову. Я старался подметить на его лице, каковы были его мысли — огонь освещал его достаточно, чтобы я мог различить его черты. Очевидно, и он тоже пытался узнать, какое впечатление произвели на меня эти неожиданные звуки. Кстати я мог рассмотреть, что у этого человека самая отталкивающая наружность: геркулесовское сложение, косые глаза, глубоко сидящие под низким нависшим лбом; его волосы и борода, жёсткие и рыжие, придавали его физиономии дикий вид. Я заметил в то же время, что он страшно страдает от своей раны: он корчился как от сильных судорог и по временам скрипел зубами, похожими на звериные клыки.

Я прервал своё занятие и, не зная что делать, тупо прислушивался к музыке. Вдруг позади меня раздался другой шум. Я оборачиваюсь. Можете судить о моём испуге: зарядный ящик разверзается как могила и из глубины его подымается фигура необычайной вышины, белая как снег с головы до ног, точно фигура командора в «Каменном госте»; одной рукой она поддерживала крышку ящика, а в другой держала обнажённую саблю. При появлении такого страшилища, я отступаю на несколько шагов и обнажаю саблю. Ни слова не говоря, я гляжу на него, ожидая, чтобы он заговорил первый, но вижу, что мой призрак в затруднительном положении, старается выпутаться из большого капюшона, опущенного на лицо. Этот капюшон был прикреплён к длинному белому плащу и мешал ему видеть всё окружающее, и так как он делал это движение рукой, что держала саблю, то не мог освободить себе голову, не рискуя уронить себя на крышку ящика, которую поддерживал левою рукой.

Наконец, нарушив молчание, я спросил его нетвёрдым голосом: «Вы француз?»

«Ну да, конечно, француз, хорош вопрос! А вы торчите тут передо мной и не можете помочь мне выйти из моего гроба. Эге, товарищ, вы трусили!»

— « Это правда, но вы могли быть таким же точно человеком, как и тот, что лежит здесь, перед костром!»

Во время этого разговора я помог ему выйти. Очутившись на земле, он сбросил свой большой плащ. Вообразите моё удивление и мою радость, когда я узнал в этом призраке одного из моих самых старых товарищей,

гренадёра старой гвардии, Пикара, которого я не видал со времени последнего нашего смотра императором в Кремле, моего старого однокашника, с которым я начал свою военную службу, так как поступив в елиты, я был с ним в одной роте и даже в одном взводе. Вместе с ним я участвовал в сражении при Иене, Пултуске, Эйлау, Эсссберге и Фридрихсвальде. Потом, после Тильзитского мира, я расстался с ним, но в 1808 году опять с ним встретился на испанской границе в лагере Мора, где он пять месяцев состоял под моей командой, так как я был капралом, и далее мы проделали вместе все кампании, хотя уже и не в одном полку.

Пикару трудно было узнать меня — так я изменился и такой я был жалкий, а отчасти и вследствие моей медвежьей шкуры и темноты. Мы с удивлением смотрели друг на друга. Я поражаюсь, что вижу его таким опрятным и здоровым, а он — найдя меня таким тощим, похожим, как он говорил, на Робинзона Крузо. Наконец он заговорил: «Скажите мне, мой земляк, сержант, или как вам там угодно, какими судьбами я имею счастье найти вас здесь ночью и в обществе этого калмыка — ведь это калмык; посмотрите его глаза! Он был здесь вчера с пяти часов, но потом куда то исчез, вот почему я удивился, что вижу его».

Я рассказал Пикару, как я увидел его и как он меня напугал. — «Но вы то, земляк, спросил он меня, какими путями вы попали сюда, да ещё ночью?» — Прежде чем вам рассказать всё это, я спрошу вас, нет ли у вас чего-нибудь поесть? — «Как же, сержант, есть кусочек сухаря!» Он открыл свой ранец и вытащил оттуда кусок сухаря, величиной в ладонь, я схватил его и немедленно пожрал, так как с 15-го (27-го) октября мне не приводилось есть хлеба (кроме того маленького кусочка, который дал мне Гранжье в Смоленске, 29-го октября (10-го ноября)). Поедая сухарь, я спросил: «А что, Пикар, нет ли у вас водки? — Нет, земляк. «А между тем, я как будто слышу запах водки». Вы правы, отвечал он, вчера, когда разграбили вот этот зарядный ящик, там нашли бутылку водки, но люди поссорились из-за неё, разбили её и она погибла». Я пожелал видеть, где это случилось. Он показал мне место; тогда я собрал кусочки снега, пропитанные водкой, как я это делал с замороженной конской кровью. «Вот так смекалка, проговорил Пикар. А я и не догадался бы. В таком случае здесь окажется достаточно водки, чтобы мы могли покутить; кажется, в ящике было несколько бутылок!»

Съеденный мной кусок сухаря и пригоршня снега с водкой очень подкрепили меня. Тогда я рассказал Пикару всё, что со мной случилось со вчерашнего вечера. Пикар слушал, и ему трудно было поверить моим приключениям, так они казались невероятными; но его удивление усилилось, когда я подробно изложил ему бедственное положение армии, его полка и всей императорской гвардии. Читатель этих записок удивится, почему Пикар не знал всего этого; но я сейчас всё это объясню.

**Я продолжаю путь вместе с Пикаром.
— Казаки. — Пикар ранен. — Обоз
французских пленных. — Привал в лесу.
— Польское гостеприимство. — Припадок
безумия. — Император и священный
батальон. — Переправа через Березину.**

После сражения при Малоярославце Пикар уже не видел полка, к которому принадлежал; он был командирован дежурным, чтобы эскортировать обоз, состоящий из части экипажей императорской квартиры. С этих самых пор отряд, который он сопровождал, постоянно шёл впереди армии на два, на три дня, так что ему не приходилось испытывать столько бедствий, как армии. Их было всего четыреста человек, и они иногда находили продовольствие. У них были также перевозочные средства. В Смоленске они запаслись сухарями и мукой на несколько дней. В Красном им посчастливилось прибыть и уйти за 24 часа до русских, отрезавших нам отступление, а в Орше они опять таки запаслись мукой. В каждом селении всегда можно было найти всё таки достаточно жилищ, чтобы приютить их, на это годились хотя бы почтовые станции, расположенные на расстоянии трёх лье друг от друга, тогда как мы в начале шли массой больше 150 000 человек сразу, из коих не осталось и половины, и вместо жилищ нам служили разве леса и болота, а вместо пищи — кусок конины, да и то не всегда. Словом, мой товарищ начал терпеть нужду лишь с того момента, как встретился со мной.

Пикар сообщил мне, что человек, лежавший у нашего костра, был ранен вчера польскими уланами в стычке, происходившей в три часа пополудни. Вот что он мне рассказал: « Более 600 казаков и другой кавалерии напали на наш обоз, но встретили дружный отпор. Находясь под прикрытием наших повозок, образовавших карре вокруг нас на дороге, очень широкой в этом месте, мы дали им подойти довольно близко, так что при первом залпе одиннадцать человек остались мёртвыми на снегу. Столько же, если не больше, были ранены и умчались на своих конях. Затем подоспели польские уланы, входившие в состав корпуса генерала Домбровского (3), которые окончательно привели их в расстройство; тот, что здесь лежит с сабельной раной на роже, был приведён ими пленником, как и несколько других,

(3) Корпус, командуемый поляком, генералом Домбровским, не доходил до Москвы, а оставался в Литве; в настоящее время он шёл на Борисов, чтобы помешать русским захватить мост через Березину.

но не знаю почему, они бросили его». Я выразил предположение, что он был оставлен потому, что ранен пулей в туловище, да и что делать с пленными, раз нечем их кормить?

«После атаки, о которой я говорил, — продолжал Пикар, — произошла некоторая сумятица. Те, что вели повозки по узкому проходу, находившемуся перед лесом, стремились пройти первыми, чтобы поскорее очутиться в лесу и в защите от нападения. Часть повозок, которые я сопровождал, думая сделать лучше и надеясь найти повыше другой проход, которого очевидно не существовало, забрала влево по краю оврага, где мы теперь находимся, но снег скрыл рытвину на нашем пути, так что первый зарядный ящик свалился с двумя конями в то место, где мы находимся. Остальные экипажи избежали этой участи, сделав объезд влево, но не знаю, прибыли ли они благополучно на место назначения. Меня с двумя егерями оставили здесь стеречь этот чёртов ящик, пообещав вскоре прислать людей и лошадей, чтобы вытащить его или забрать из него содержимое. Но час спустя, когда стало уже смеркаться, девять человек отсталых из разных корпусов проходили здесь мимо, увидели опрокинутый ящик, и заметив, что нас только трое караулит его, сломали его под тем предлогом, что в нём заключалось продовольствие, и не слушая наших возражений.

Когда мы увидели, что зло непоправимо, мы последовали их примеру, забрали и отложили всё, что попадало нам под руку, с намерением вернуть всё это кому следовало. Но было уже поздно, всё лучшее было взято, а лошади изрезаны на куски. Мне достался этот белый плащ, который мне пригодится. Одно непонятно, куда девались два егеря, находившиеся со мной.

Я объяснил Пикару, что люди, разграбившие ящик, принадлежали к великой армии и что если бы он осведомился у них, то они порассказали бы ему ещё больше моего. «По правде сказать, мой бедный Пикар, они хорошо сделали, что растащили всё, что попало им под руку, потому что русские сейчас будут здесь». — Вы правы отвечал Пикар — вот почему нам надо бы привести в порядок наше оружие. «Я должен сперва отыскать своё ружьё, — сказал я, — это первый раз, что мы с ним разлучились. Вот уже шесть лет, что я ношу его и так с ним сроднился, что даже ночью среди целой массы ружей сейчас узнаю его на ощупь, или даже по звуку, когда оно упадёт». Так как снег не шёл в эту ночь, то мне удалось отыскать своё ружьё. Правда, Пикар шёл за мной и светил смоляной лучиной.

Устроив нашу обувь, вещь очень важную, так как хорошая обувь позволяла идти бодро и не отморозить ноги, мы зажарили кусок конины, которой Пикар сделал обильный запас, закусили, запив снегом с водкой, потом взяли каждый по куску мяса — Пикар в ранец, а я в сумку, и

встав перед костром, стали молча греть себе руки, размышляя каждый про себя, что нам делать.

- Ну что же, старина, куда мы направим свои стопы?

- Да вот, — отвечал я, — у меня всё эта чёртова музыка звенит в ушах!

- А что если вы ошибаетесь? Может быть, это заря или сигнал наших конных гренадёр! Ведь вы знаете мотив?

Я прервал Пикара, сказав, что вот уже две недели как зари не существует: у нас нет больше кавалерии, а из того, что осталось, сформировали один эскадрон, так называемый священный эскадрон, потому что им командовал самый старый маршал Франции: генералы состояли в нём вместо капитанов и полковников, а другие офицеры в качестве солдат; то же самое было и с батальоном, называемым «священным»; словом, из 40 000 кавалерии у нас осталось не более 1 000.

Не дав ему времени отвечать, я прибавил, что слышанная нами музыка несомненно сбор русской кавалерии и что она заставила его выйти из зарядного ящика. «О, не совсем это заставило меня, земляк, а главное то, что я заметил ваше намерение поджечь ящик».

Едва успев произнести эти слова, Пикар вдруг схватил меня за руку и проговорил: «Молчите! Ложитесь!» Я бросился на землю, он также и, взяв принесённые мною латы, прикрыл ими огонь. Я гляжу и вижу русскую кавалерию,двигающуюся над нами в глубоком безмолвии. Так продолжалось с четверть часа. Наконец, когда она прошла, Пикар сказал мне: «Пойдём!» Взявшись за руки, мы оба направились в ту сторону, откуда появилась кавалерия.

Через некоторое время Пикар остановился и тихонько проговорил: «Надо передохнуть, мы спасены, по крайней мере пока! И повезло же нам! Если бы этот медведь — он говорил о раненом казаке — заметил, что свои проходят так близко, он заревел бы как бык, чтобы они его услышали, и тогда Бог весть, что стало бы снами. Кстати, а я позабыл кое что — и самое главное. Нам надо вернуться назад. Позади зарядного ящика есть котёл, который я позабыл захватить, а для нас это важнее чем то, что в нём содержалось». Видя, что я не очень то соглашаюсь с ним, он проговорил решительно: «Ну, идём, иначе мы рискуем умереть с голоду».

Мы вернулись к своему бивуаку; огонь почти погас, и бедняга казак, которого мы оставили в страшных мучениях, катался по снегу, попав головой в самый костёр. Мы ничем не могли помочь ему, однако подложили под него овчинные чепраки, чтобы он по крайней мере мог умереть поспокойнее. «Он ещё далёк от смерти, — заметил Пикар, — ишь как он на нас смотрит! Глаза его горят как свечи!» Мы почти посадили его и держали под руки, но когда его оставили, он упал лицом в огонь. Мы не успели поднять его, чтобы он не загорелся. Не имея возможности что-либо сделать для него, мы его покинули и принялись искать ко-

тёл, но он оказался сплюснутым до негодности; тем не менее Пикар всё таки привязал его мне за спину.

Затем мы пробовали взобраться на кручу, чтобы до рассвета добраться до леса, где мы очутимся в защите от холода и неприятеля. Два раза мы скатывались вниз. Наконец нам удалось проложить себе дорогу в снегу. Мы взобрались на верх как раз против того места, где я свалился накануне и где мы только что видели проходившую кавалерию. Мы остановились передохнуть и осмотреться, куда нам идти. «Прямо!», — решил Пикар. «Следуйте за мной!» С этими словами он ускоряет шаги, я иду за ним, но пройдя шагов тридцать, он вдруг исчезает в яме, глубиной футов в шесть. Кое как он поднялся и молча протянул мне своё ружьё, чтобы я помог ему выкарабкаться. Но только что он вылез, как принялся клясть русского Бога, и императора Наполеона, ругая его «рекрутом» — за то, что он так долго замешкался в Москве. «Две недели, этого было совершенно достаточно, чтобы съесть и выпить всё, что там нашлось, но засесть на 34 дня и дожидаться зимы — я просто не узнаю его! Да, это поступок просто-фили, прибавил он, и будь он здесь, я прямо сказал бы ему, что так нельзя водить войска. Много я видал видов за те шестнадцать лет, что нахожусь при нём! В Египте, в песках Сирии мы страдали, это правда, но то были пустыки, земляк, в сравнении с снеговыми пустынями, где мы скитаемся — и конца этому не предвидится! Право, кто же тут устоит!» Он начал дуть себе на руки, поглядывая на меня. «Полно, бедный мой Пикар, теперь не время рассуждать, надо действовать. Ну-ка левой, авось найдём дорогу получше!» Пикар вынул шомпол из своего ружья и шёл, ощупывая почву: по всюду — справа и слева было всё одно и то же. Кончилось однако тем, что мы проложили себе путь в том самом месте, где я упал. Очтившись на другом краю, мы продолжали идти вперёд всё ощупью. На полпути до леса мы были остановлены оврагом вроде того, где мы провели ночь. Не обращая внимания на опасность, мы перешли через него и с великим трудом вскарабкались на ту сторону. Там пришлось опять передохнуть, до такой степени мы были утомлены.

Справа от нас неслись чёрные тучи с ужасающей быстротой. Эти тучи вместе с северным ветром предвешали нам свирепую метель, и надо было ожидать, что день предстоит ужасный! Уже слышались завывания бури в лесу меж сосен и берёз, и ветром нас толкало в сторону, противоположную той, куда мы хотели идти. Порой мы попадали в ямы, скрытые в снегу. Наконец, через час мы прибыли на желанный пункт; в эту минуту снег повалил густыми хлопьями.

Ураган свирепствовал с такой силой, что ежеминутно валились деревья, сломанные или вывороченные с корнем, так что мы принуждены были выйти из леса и идти по опушке, имея ветер слева. Но нам следовало идти вовсе не по тому направлению. Наконец, не имея возможности двигаться

дальше из-за снега, слепившего нам глаза, мы решили приютиться под двумя берёзами, достаточно толстыми, чтобы защитить нас, и там дожидаться, что будет дальше.

Давно уже мы стучали подошвами, чтобы не отморозить себе ноги, вдруг я заметил, что ветер немного стих. Я обратил на это внимание Пикара, побуждая его переменить место. «Ну и слава Богу, дружище, сказал он, надо быть железным, чтобы, оставаясь здесь, вытерпеть всё это».

Мы уже обогнули большую часть озера, как вдруг Пикар остановился и вперил глаза в пространство; я взглянул на него вопросительно. Вместо ответа он схватил меня за руку и прошептал на ухо: «молчок!» Потом оттащил меня вправо за мелкие сосёнки, он прибавил потихоньку: «Разве же вы ничего не видите? — Ничего, а вы что увидели? — «Дым! Бивуак!» В самом деле, присмотревшись, я увидел то же самое.

У меня промелькнула в голове неожиданная мысль, и я сказал Пикару: «А что если бивуак той русской кавалерии, что мы видели нынче утром?» — Вот и я то же самое думаю, отвечал он — сообразно с этим нам и надо действовать. Утром до нашего отправления мы сделали большую ошибку, не зарядив ружья, когда были возле огня. Теперь же, когда у нас руки окоченели, а дула наших ружей наполнены снегом, нам нельзя будет этого сделать, а всё-таки будем осторожно двигаться вперёд!»

Снег падал уже слабо, а небо немного прояснилось. Вдруг я увидел на берегу озера, за кустом лошадь, которая грызла берёзовую кору. Я указал на неё Пикару. Он подумал, что вероятно здесь проводила ночь русская кавалерия, а так как на этой лошади не было сбруи, то очевидно она ранена и её здесь нарочно оставили.

Только что успел он это сказать, как лошадь подняла голову, заржала и спокойно направилась прямо на нас; остановившись возле Пикара, она стала его обнюхивать, как будто знакомого. В таком положении мы не решились ни двинуться, ни заговорить. А чёртова лошадь всё стояла возле, прикасаясь головой к мохнатой шапке Пикара, который не смел дохнуть из опасения, чтобы хозяева лошади не пришли за ней. Но заметив, что у неё прострелена грудь, мы окончательно убедились, что лошадь была брошена, точно так же, как покинутый бивуак. Через минуту мы вышли на полукруглую площадку с несколькими кострами, где валялись семь лошадей, убитых и частью съеденных. Это внушило нам предположение, что здесь ночевало более двухсот человек. «Это они! Проговорил Пикар, сунув руку в золу, чтобы согреть их — В этом не может быть сомнения; вот рыжая лошадь, которую я узнаю. Она была в стычке и служила мне мишенью. Я даже кажется не ошибусь, если скажу вам, что отправил её господина на тот свет». Осмотревшись, нет ли кругом чего-нибудь тревожного, мы занялись разжиганием костра, расположенного перед густой чащей. Очевидно, это был костёр начальника отряда, потому что был устроен тщательнее других.

Снег совсем перестал, и сильный ветер смилился полным затишьем. Мы собрались варить суп. У нас был свой запас конины, захваченный нами по утру, но мы сочли нужным пока оставить его, так как кругом было и без того достаточно пищи. Пикар тотчас же принялся за дело и при помощи моего топорика отрезал кусок свежего мяса для супа, а другой про запас, чтобы захватить с собой. Мы пробовали прорубить лёд, чтобы достать воды, но у нас на это не хватило ни сил, ни терпения.

Мы славно отогрелись и надежда поесть супу приводила меня в радостное настроение. Когда человек попал в беду, то как мало нужно, чтобы сделать его счастливым!

Между тем наш котёл в том состоянии в каком он находился, не мог нам служить, но Пикар, парень ловкий и ничем не смушавшийся, вознамерился привести его в исправность. Срубив сосну, толщиной в руку, на расстоянии полутора фута от земли, вместо наковальни, и другой ствол такой же длины, в виде молота, он обернул его тряпкой, чтобы не стучать ударяя и храбро принялся за ремесло котельщика; он даже пел и мерно ударяя по котлу, ту самую песенку, которую пел всегда во главе роты во время ночных переходов:

C'est ma mie l'avengle,
C'est ma mie l'avengle,
C'est ma fantasie
J'en suis amoureux!

Услышав этот басистый голос как из бочки, я не мог удержаться от замечания: «Старый товарищ, что это вы надумали — теперь не время петь». Пикар с улыбкой посмотрел на меня и продолжал:

Elle a le nez morveux
Et les yeux chassieux
C'est ma mie l'aveugle, etc.

Наконец заметив, что его пение не забавляет меня, он замолк, и показал мне котёл, уже принявший другую форму и годный к употреблению.

— Помните, — сказал он, — в день сражения при Эйлау, когда мы стояли тесной колонной за церковью? — «Разумеется, — отозвался я, — погода была точно такая же, как сегодня; это тем более мне памятно, что шальная русская бомба сорвала у меня поверх ранца котёл, который я обязан был нести в этот день в очередь; бедный мой Пикар, и вы должны это хорошо помнить! — «Ещё бы не помнить! Вот почему я вас спрашиваю — нельзя ли было бы тогда с помощью ловкости и старания починить этот котёл?» — Конечно нет, как и те две головы, что оторвала тогда граната — головы Грегуара и Лемуана. — «Чёрт побери! Как это вы помните их имена». — И никогда не забуду: Грегуар был велит, как и я, вдобавок закадычный друг мой!

У меня были в этот день в котле бобы и сухари. — «Да, — отвечал Пикар, — они разлетелись и попали нам в рожи. Господи! Что за денёк был!»

Пока мы разговаривали, снег таял в нашем котле. Мы наложили туда мяса побольше, чтобы не только поесть теперь, но и взять с собой в дорогу.

Из любопытства я заглянул, что заключается в сумке из серой парусины, поднятой мною накануне возле двух несчастных, которых я нашёл умирающими на краю дороги. Там было три индийских платка, две бритвы и несколько писем на французском языке, помеченных из Штутгарда на имя г. Жака, баденского офицера в драгунском полку. Письма были от сестры и полны нежности. Я сохранил их, но когда я попал в плен, они пропали.

Сидя перед огнём, у входа в крытое убежище, выбранное нами, и повернувшись спиной к северу, Пикар открыл свой ранец. Он вытащил оттуда платок, в одном уголке которого была завязана соль, а в другом крупа. Давно уже я не видел такой роскоши; я вытаращил глаза при одной мысли, что буду есть суп как следует посолённый, тогда как уже целый месяц ел его с приправкой пороха. Пикар аккуратно принялся за стряпню, отделив часть крупы для супа, когда поспеет мясо.

Чувствуя необыкновенную усталость и сонливость, вызванную на этот раз теплотой огня, я выразил желание отдохнуть. «Ну, так что же, отвечал Пикар, отдыхайте, ложитесь под прикрытие, а я пока присмотрю за супом. Кстати, надо позаботиться о нашей безопасности, вычистив ружьё и зарядив его. Сколько у вас патронов?» — Три пакета по пятнадцати штук. — «Отлично, а у меня — четыре. Это составит всего на всего 105 штук. Больше чем нужно, если повстречается нам 25 казаков. Ну, спите!» Я не заставил себя упрашивать, завернулся в свою медвежью шкуру, и обратившись ногами к огню, заснул.

Я спал глубоким сном, вдруг Пикар разбудил меня. «Земляк, вот уже кажется два часа, как вы спите сном праведных. Я успел поесть. Теперь ваша очередь обедать, а мне спать. Я чувствую большую потребность отдохнуть. Наши ружья вычищены и в порядке. Покарауйте теперь и вы; когда я отдохну, мы отправимся». Он закутался в свой белый плащ и улёгся; тогда я, в свою очередь, взяв котёл между ног, принялся за суп с большим аппетитом. Кажется, во всю жизнь свою я никогда не едал, да и не буду есть с таким наслаждением.

Мой старший товарищ отпустил мне кусочек сухаря, в палец величиной, чтобы заесть мясо.

После трапезы я встал покараулить в свою очередь. Не прошло и пяти минут, как я услышал, что раненая лошадь, найденная нами по прибытии, заржала и галопом понеслась на середину озера. Там, остановившись, она опять принялась ржать. Немедленно другие лошади отвечали ей. Тогда она помчалась в ту сторону, откуда ей отвечали. Я спрятался за густую заросль мелких сосен и оттуда, следя глазами за лошадыю, уви-

дал, что она присоединилась к отряду кавалерии, переходившему через озеро. Он состоял из 25 человек. Я окликнул Пикара, спавшего уже так крепко, что он не слышал моего зова, и я принужден был тащить его за ноги. Наконец он открыл глаза. — «Ну, что там такое? Чего нужно?» — К оружию, Пикар! Скорее! Русская кавалерия на озере! Скроемся в лесу! — «Оставили бы меня спать, чёрт возьми, я так славно разоспался!» — Очень жалею, старина, но вы сами велели мне предупредить вас; очень вероятно что ещё другие идут с этой стороны! — «И то правда! Ах, проклятое ремесло! Где они?» — Немного вправо и вне выстрела. — Немного спустя появились ещё пять человек, прошедших мимо нас на полрасстояния ружейного выстрела. В то же время мы увидели, как первые остановились, спешившись и держа лошадей под уздцы; они встали вокруг того места, где они накануне вероятно сделали прорубь, чтобы напоить лошадей; видно было, как они стучали по льду дровками копий, чтобы пробить новообразовавшийся лёд.

Мы решили сняться с лагеря и сложить багаж как можно проворнее и затем постараться скрытыми маневрами, чтобы не быть замеченными, выйти на дорогу и присоединиться к армии, если окажется возможным.

Было часов одиннадцать; до четырёх, когда начинает смеркаться, если с нами ничего не случится, нам удастся пройти не малое расстояние. Я не думал, чтобы армия могла быть далеко, так как русские караулили нас у перехода через Березину, где все остатки армии должны были соединиться.

Мы торопились. Пикар сунул в свой ранец большой запас мяса. Со своей стороны и я не отставал, набив битком свою парусиновую сумку. Пикар намеревался выбраться на дорогу тем самым путём, по которому мы пришли, придерживаясь однако опушки леса, на том основании, что если мы будем застигнуты русскими, то мы будем всё-таки иметь в виде защиты две стороны леса, а в случае, если никого не встретим, у нас будет дорога, с которой мы не собьёмся.

И вот мы пустились в путь. Он с ранцем за плечами, где было больше 15 фунтов свежего мяса, засунутых в фуляр от его мохнатой шапки, а я нёс котелок с варёным мясом. На ходу он рассказал мне, что всегда имел привычку, когда требовалось что-нибудь нести во взводе, предпочтительно брать на себя продовольствие, каково бы ни было количество, потому что если нести пищу, то по прошествии нескольких дней оказываешься менее нагруженным, чем все остальные. В подтверждение сказанного он хотел было цитировать мне Эзопа, как вдруг раздалось несколько ружейных выстрелов, точно с другого берега озера. «Назад, в лес!» — проговорил Пикар. Потом всё замолкло; видя, что никто за нами не наблюдает, мы продолжили путь.

Ураган, утихший утром, пока мы отдыхали, грозил разыгаться с ещё большей силой. Тучи, подобные виденным нами утром, сгучились над ог-

ромным лесом и делали его ещё более мрачным, так что мы не отважились забраться в него, в видах большей безопасности.

Обсуждая между собой, на что нам решиться, мы опять услышали ружейные выстрелы, но уже гораздо ближе, чем в первый раз. Вслед за тем мы увидели два взвода казаков: они старались оцепить семерых пехотинцев нашей армии, спускавшихся с пригорка и очевидно шедших из маленькой деревни по ту сторону озера, прислонённой к лесочку над тем самым местом, где мы находились; в этой деревушке они вероятно провели ночь поспокойнее нашего. Мы легко могли видеть, как они выдвигались, стреляли по неприятелю, потом стягивались и отступали в сторону озера, чтобы достигнуть леса, где мы находились и где они могли бы удержаться против всех казаков, какие стали бы преследовать их.

Они имели дело с тридцатью всадниками, которые вдруг разделились на два взвода — один описал полукруг и спустился на озеро против нас, чтобы отрезать им отступление.

Наше оружие было заряжено и тридцать патронов припасено в сумке, чтобы хорошенько угостить их, если они направятся в нашу сторону и спасти этих бедняков, которые очутились в очень затруднительном положении. Пикар, не терявший из виду сражавшихся, сказал мне: «Земляк, вы заряжайте ружья, а я берусь их перебить как уток. Впрочем, для диверсии сделаем первый залп вместе».

Между тем наши солдаты всё отступали да отступали. Пикар узнал в них тех самых, что накануне разграбили зарядный ящик, который он стерёл; но вместо девяти человек их было теперь всего семь. В эту минуту взвод всадников, описавший полукруг, был от нас не дальше сорока шагов. Мы воспользовались этим; Пикар, хлопнув меня по плечу, сказал: «Смотрите, слушайте моей команды: пли!» Они остановились и один свалился с лошади.

Казаки — это они были, увидав, что упал один из их товарищей, рассыпались. Только двое остались помогать раненому, упавшему в сидячем положении на лёд, опираясь на левую руку. Пикар, не желая терять времени, послал вторую пулю, ранившую лошадь. Тотчас же они пустились бежать, покинув своего раненого и как за щитами прячась за лошадьми, которых вели под уздцы. В то же время мы услышали слева дикие крики и увидели, что наши несчастные солдаты оцеплены остальными казаками. Другие крики справа привлекли наше внимание: мы увидели что оба человека, покинувшие своего раненого, вернулись за ним, и так как он не мог идти, то они потащили его за ноги по льду.

Мы заметили одного казака, поставленного вероятно, чтобы наблюдать за нами, но то и дело посматривавшего в ту сторону, где нас уже не было после движения, сделанного нами вслед за нашим первым залпом. Мы легко могли видеть его, не будучи замеченными; Пикар не в силах был удержать-

ся — он выстрелил и караульщик поражённый в голову, зашатался, нагнул голову вперёд, простёр руки и упал с лошади. Он был мёртв (4).

При звуке выстрела, те, что окружали наших несчастных солдат, обернулись в удивлении. Они пятятся назад и останавливаются: наши пехотинцы делают по ним залп почти что в упор и четверо казаков падают сразу. Тогда и с той и с другой стороны раздаются крики ярости. Схватка становится общей, упорный бой разгорается между обеими сторонами. В ту же самую минуту мы выдвигаемся шагов на 10-12 вперёд, видим четырёх наших пехотинцев, окружённых 15-тью казаками. Мы слышим, как они кричат и бьются под ногами лошадей; остальных троих преследовали другие казаки по направлению к лесу, где они хотели укрыться.

Мы расположились поддержать их энергичными образом, как вдруг буря, угрожавшая нам уже давно, разразилась с ужасающим шумом. Снег не перестававший валить с самого начала стычки, стал обволакивать нас и засыпать нам глаза. В продолжении шести с лишком минут мы были окутаны вьюгой и принуждены были держаться друг за дружку, что бы устоять против ветра. Внезапно, как по волшебству всё исчезает, и в четырёх шагах мы видим неприятеля, который увидав нас испускает рёв. У нас руки заоченели от холода и это мешает нам владеть оружием. Всё же враги не решаются идти на нас, и мы, всё время обращённые лицом к ним, выставив против их штыки, добираемся до леса, а они удаляются галопом.

У входа в лес мы видим троих других пехотинцев, которых преследовали пятеро казаков с противоположной стороны. Мы дали два выстрела в преследующих, но неудачно, и собирались продолжать, как вдруг около середины озера мы видим, что они проваливаются и исчезают вместе с двумя казаками. Несчастные попали в то самое место, где поутру русские кололи лёд, чтобы напоить коней: прорубь, лишь слегка затянутая льдом, недостаточно крепким, чтобы выдержать тяжесть человека, сверху была запорошена снегом.

Третий казак, видя что исчезли два первых, хотел остановить лошадь, она взвилась на дыбы, но поскользнулась задними ногами и повалилась на бок вместе с всадником. Она хотела подняться, опять поскользнулась и на этот раз скрылась в проруби вместе со своим хозяином.

Мы были объяты ужасом, а преследовавшие нас так и замерли на месте, не пытаясь даже помочь своим товарищам. Остальные двое, следовавшие по пятам, остановились на краю проруби, а потом бежали в разные стороны. С того места, где мы находились, слышны были раздирающие крики, вылетающие из проруби. Несколько раз оттуда высывались головы коней, но вода, бурля и брызгая на лёд, поглотила их.

(4) Пикар был одним из лучших стрелков гвардии: в лагере на состязаниях он всегда брал призы.

Немного погода появились ещё десять всадников, с начальником во главе. Несколько человек, подъехав к роковому месту, окунали туда свои пики и вытаскивали их, как будто не доставая дна. Вдруг мы видим, что они поспешно пятятся, останавливаются, глядя в нашу сторону и галопом уносятся прочь. Мы теряем их из виду и всё снова погружается в тишину.

Опять мы очутились одни в этой пустыне; опираясь на ружья, мы устремили взоры на озеро, где лежали тела наших несчастных солдат. Шагах в двадцати влево лежали трое казаков, так же не подававших никаких признаков жизни, и тот, которому Пикар попал в голову.

Мы отступили к огню нашего бивуака; несколько минут между нами царил молчание, наконец Пикар прервал его: «Мне до смерти хочется покурить. Хорошо бы провести осмотр мёртвым телам; неужели же мне не посчастливиться найти табак!» Я заметил ему, что такой поступок будет безрассуден, ведь мы не знаем, куда девались те, которые сражались с первыми четырьмя нашими пехотинцами. В ту же минуту мы увидели толпу всадников и мужиков с длинными шестами, направлявшихся к проруби, куда провалились их несчастные соотечественники. За ними ехала повозка парой.

— Ну, прощай табак! — сказал Пикар. Мы сочли нужным убраться в самый конец леса, стремясь выйти на дорогу, и боясь чтобы им не вздумалось осмотреть бивуак, в расчёте, что мы ещё там. Мы остановились на краю леса, прилегающем к озеру. Там тоже нашлось убежище, вероятно вчерашний бивуак какого-нибудь отряда: он послужил нам к тому, чтобы укрыться и наблюдать казаков, остановившихся на том месте, где лежали тела наших солдат, которых частью ограбили казаки и потом обобрали до нага крестьяне. В то время как это производилось, я с великим трудом удерживал Пикара, чтобы он не уложил несколько человек из грабивших.

Потом они двинулись к своим убитым казакам. Двое лежало вместе, третий немного поодаль, не считая убитого Пикаром — тот лежал немного впереди, вправо от нас. Мы могли заметить, что двое первых, которых они подняли на повозку, не были мертвы, судя по тому, как осторожно их перетаскивали. Они остановились возле третьего, он оказался мёртвым и, наконец, подошли к четвёртому, пристреленному Пикаром. «А что касается этого, — сказал мой товарищ, — то я за него поручусь!» Действительно, его подняли без церемонии и взвалили на повозку, которая тотчас уехала туда же, откуда появилась, в сопровождении двоих казаков и троих мужиков. Наиболее многочисленная часть отряда подошла к проруби — мужики несли шесты и верёвки, и мы могли наблюдать, как они принялись вытаскивать оттуда утонувших.

Увидав их занятыми, мы не нашли ничего лучше, как пуститься в дальний путь. Мороз немного полегчал; по нашим догадкам могло быть около полудня.

Двое казаков исполняли должности патруля, разъезжая по опушке и придерживаясь следов, оставленных нами на снегу, как прослеживают волка. Увидав их, Пикар рассердился. «Если они нас видели, то как мы не будем стараться, они всё будут следовать за нами по пятам. Ускорим шаг и когда дойдём до менее густого леса, мы войдём туда, и если их только двое, то мы с ними живо разделаемся!» Немного погодя, он остановился, и не видя их больше, разразился ругательствами: «Чёрт их дерь! Я на них рассчитывал, чтобы добыть табаку. Труссы! Не посмели следовать за нами!»

Мы продолжали идти, держась по возможности поближе к лесу, чтобы укрыться за кустами, но скоро принуждены были уйти оттуда — несколько деревьев, сваленных бурей по утру, заграждали нам путь. Пришлось податься вправо, чтобы повернуть. Делая этот контрмарш, мы опять оглянулись назад, двое тех же самых молодцов следовали друг за другом шагах в тридцати. Весьма вероятно, что первый увидел нас, он поехал быстрее, точно желая в чём-то удостовериться. Потом остановился, как бы поджидая своего товарища. Мы могли наблюдать их, не будучи замеченными, так как поспешно юркнули в лес. Целью нашей было завлечь их как можно дальше, чтобы те, что вытаскивали своих из проруби, не могли придти им на помощь, если завяжется бой. Для этого мы пошли как можно скорее, однако, пробирались с трудом, то по лесу, то вне его, смотря по условиям почвы.

Уже с полчаса мы проводили эти маневры, как вдруг были остановлены снежным валом, который тянулся вправо и терялся во рву. Мы принуждены были отступить на несколько шагов, с целью искать пути, чтобы пробраться в лес и скрыться в нём. Не прошло минуты, как казаки уже очутились возле нас, и мы легко могли бы ссадить их с сёдел, но Пикар, большой мастер на военные хитрости, шепнул мне: «Не хочется заманить их по ту сторону снежного вала; тогда нелегко будет другим придти им на помощь!»

Убедившись, что нет возможности преодолеть препятствие, они поскакали в галоп, и мы видели, что они спустились в ров, желая обогнуть снежный вал. Мы же в свою очередь нашли лазейку и, благодаря ей очутились почти одновременно на той стороне. С того места, где мы находились, нам можно было наблюдать, не будучи замеченными. Мы воспользовались моментом, когда они спустились в овраг, чтобы выйти из леса и подвигаться свободнее, но когда уже мы думали, что пока избавились от них, и я остановился перевести дух, так как ноги мои начали подгибаться, Пикар, обернувшись, увидел наших обоих молодцов собирающихся напасть на нас врасплох, между тем как мы считали их впереди. Тотчас мы возвращаемся в лес, делаем несколько крюков, приходим опять ко входу и видим, что они медленно следуют друг за дружкой. Опять входим в лес, и принимаемся бежать, делая крюки, чтобы они подумали, будто мы спасаемся от них; нако-

нец прячемся за купой мелких сосен, ветки которых, облепленные снегом и ледяными сосульками, скрывают нас.

Тот, что ехал впереди, был от нас шагах в сорока. Пикар тихонько промолвил мне: «Вам, сержант, принадлежит честь первого выстрела, но надо погодить, чтобы он подъехал немного!» В эту самую минуту казак делал копьём знак товарищу, чтобы он двинулся вперёд. Сам он едет ещё поближе, останавливается вторично и рассматривает наши следы. Затем пускает лошадь свою немного вправо, насупротив кустов, где мы засели. Там он опять тревожно озирается, как будто предчувствуя то, что должно случиться — он всего не более как в четырёх шагах от дула моего ружья; вдруг раздаётся выстрел и мой казак поражён в грудь. Он вскрикивает и хочет умчаться, но Пикар проворно бросается на него, хватая одной рукой лошадь за уздечку, а другой упирает в него штык и кричит мне: «Ко мне, земляк! Вот и другой! Берегитесь!» Действительно, едва успел он это проговорить, как подлетает другой с пистолетом в руке и стреляет на расстоянии фута в голову Пикару, который тут же падает под ноги лошади, не выпуская из рук уздечки. В свою очередь я кидаюсь к выстрелившему, но увидав меня, тот бросает пистолет, делает полуоборот, мчится прочь галопом и останавливается шагах во ста от нас на равнине. Я не мог дать в него второго выстрела, потому что моё ружьё не было заряжено, а закоченевшими руками сделать это было не легко. Пикара я считал мёртвым или по меньшей мере опасно раненым, но он поднялся на ноги, Казак же, которого я ранил, и который всё держался в седле, теперь упал и притворился мёртвым.

Между тем Пикар не теряет времени; он даёт мне подержать уздечку лошади, а сам, выйдя из леса, выдвигается шагов на двадцать вперёд, прицеливается в бежавшего и посылает ему пулю в голову, но тот уклоняется, пригнувшись к спине лошади, потом удаляется галопом; Пикар видит, как он спускается в овраг. Он заряжает своё ружьё и подходит ко мне, говоря: «Победа за нами, но не надо зевать, начнём с того, что воспользуемся правом победителя! Посмотрим, не найдётся ли у нашего человека чего-нибудь для нас подходящего, а потом уйдём, захватив лошадь!»

Я поспешил осведомиться у Пикара, не ранен ли он. Он отвечал, что это пустяки, об этом мы поговорим после. Он начал с того, что осмотрел пояс казака и вытащил из него два пистолета, из коих один был заряжен. Тогда он сказал мне: «Этот плут, кажется притворяется мёртвым; уверяю вас, он жив и по временам открывает глаза». Пока Пикар говорил, я привязал лошадь к дереву. С её всадника я снял саблю и хорошенькую лядунку с серебрянными украшениями, которую я признал принадлежащей хирургу нашей армии. Я надел её себе на шею. Саблю мы бросили в кусты. Под шинелью на нём было надето два французских мундира, кирасирский и красных улан гвардии с офицерским орденом почётного легиона, который Пикар поспешил с него сорвать. На теле оказалось несколько прекрасных жи-

летов, сложенных вчетверо и служивших ему нагрудником, так что если бы выстрел попал в это место, то пуля вероятно не прошла бы насквозь; рана была нанесена ему в бок. В карманах его мы нашли больше чем триста франков пятифранковых монет, двое серебряных часов, пять орденских крестов — всё это было снято с убитых и умирающих, или взято из покинутых обозных фургонов. Я уверен, что будь у нас время, мы нашли бы ещё много чего другого, но мы не употребили и пяти минут на обыск.

Пикар поднял пику побеждённого, а так же и пистолет, оказавшийся незаряженным. Он запрятал их в кусты, затем мы собрались уходить.

Пикар шёл вперёд, ведя лошадь под уздцы, причём мы и сами не знали, куда идём; мне захотелось ощупать бока сумки, висевшей на крупе лошади и оставленной нами пока без осмотра. Я заметил, что это чемодан кирасирского офицера нашей армии.

Я просунул руку в отверстие и мне показалось, что я ощупал что то очень похожее на бутылку. Я высказал это Пикару и тот немедленно воскликнул: «Стой!»

В одну минуту чемодан был вскрыт, и из первого же отделения я вытащил бутылку, содержащую нечто похожее по цвету на можжевелевую водку. Мы не ошиблись: Пикар, даже не понюхав, что это такое, сразу глотнул из фляги, сказал мне: «Теперь ваша очередь, сержант!» Едва я отведал водки, как почувствовал в желудке неопишемое приятное ощущение; мы с Пикаром единодушно признали, что такая находка получше всего остального, и что надо поберечь её. У меня была в ягдташе маленькая китайская фарфоровая чашка, захваченная мною из Москвы — вот мы и решили, что это будет высшая порция всякий раз, как нам захочется выпить (5).

С великим трудом мы углубились в лес, и по прошествии четверти часа тяжёлого пути, вследствие множества повалившихся деревьев, мы наконец вышли на дорогу, шириною в пять футов; она шла слева и к нашему великому удовольствию продолжалась вправо как раз в том направлении, какого мы должны были держаться, чтобы выбраться на большую дорогу, где должна была пройти великая армия. По нашим догадкам, до этой дороги было не более как два, три лье.

Успокоившись немного, я поднял голову и взглянув на Пикара заметил, что у него лицо было всё в крови. Кровь обледенела на его усах и бороде. Я сказал ему, что он ранен в голову. Он отвечал, что заметил это в ту самую минуту, когда его мохнатая шапка зацепилась за ветку; когда он опять надевал её, то кровь потекла ему на лицо; впрочем, ничего нет серьёзного. Он объяснил, что упал вовсе не вследствие пистолетного выстрела, а по иной причине: держа лошадь под уздцы в то время, как подходил другой казак,

(5) Эту чашку я сохранил до сих пор. Она у меня стоит под колпаком часов вместе с серебряным крестиком, найденным мною в склепе Архангельского собора, усыпальнице русских царей.

он хотел пустить в ход своё оружие, но поскользнулся на пятках, и не выпуская из рук ни уздечки, ни ружья, очутился на спине под брюхом у лошади. «Да и не время теперь заниматься такими пустяками, — прибавил он, — вечером посмотрим!» По-видимому пуля прошла сквозь бляху его мохнатой шапки, сломала крыло императорского орла, скользнула по черепу и засела в тряпках, заполнявших дно шапки; в этом мы убедились вечером, когда я перевязывал его рану, так как мы нашли пулю.

Чтобы выиграть время я предложил Пикару вдвоём сесть на лошадь «Попробуем!», — сказал он. Тотчас же мы сняли с неё деревянное седло и оставив на ней только попону, уселись: Пикар впереди, а я позади. Выпив ещё немного водки, мы отправились, держа ружья поперёк, на весу.

Ехали мы больше рысью, а иногда пускались и в галоп. По временам нам попадались на пути повалившиеся деревья. Это внушило Пикару мысль срубить несколько деревьев, ещё не совсем упавших, чтобы образовать баррикаду против кавалерии в случае, если бы она стала нас преследовать. Он слез с коня и, взяв мой топор, в несколько минут подсёк несколько сосен и повалил их на те, что уже лежали поперёк дороги в достаточном количестве, чтобы задать работы двадцати пяти человекам на целых полчаса. Затем он весело вскочил на коня, и мы продолжали трусить рысью добрых четверть часа без остановки. Вдруг Пикар остановился, сказав: «Экий чёрт! Чувствуете вы, земляк, какая у этой татарской лошади тряская рысь?» Я отвечал, что лошадь нарочно мучает нас в отместку за то, что мы убили её господина. «Ишь ты! Видно водочка-то подействовала, и вы острите! Ну и отлично, я люблю вас таким!»

Чтобы не так страдать от тряски, Пикар подложил под себя полы своего белого плаща, и мы ехали ещё с четверть часа уже не рысью, а шагом. По временам лошадь погружалась в снег по самое брюхо. Наконец мы увидели дорогу, пересекавшую ту, по которой мы ехали; мы догадались, что это большая дорога. Но прежде чем вступить на неё, надо было действовать осторожно.

Мы спешили и взяв лошадь под уздцы, отступили в лес от тропы, по которой приехали, чтобы можно было, не будучи замеченными, осмотреть новую дорогу. Вскоре мы признали в ней дорогу, пройденную армией и ведущую к Березине: множество усеявавших её трупов, наполовину покрытых снегом, доказывало, что мы не ошиблись. По некоторым приметам, мы могли судить, что кавалерия и пехота прошли здесь не так давно; следы ног направляющихся с той стороны, куда мы должны были идти, а также кровь на снегу давали нам возможность заключить, что тут недавно проходил обоз французских пленных под русским эскортом.

Не могло быть сомнения, что мы находимся в тылу русского авангарда, и что скоро за нами последуют другие русские. Как тут быть? Надо было держаться дороги. Это единственное, что нам оставалось делать. Таково

было мнение Пикара. «Мне пришла в голову превосходная мысль, — сказал он, — Вы будете арьергардом, а я авангардом. Я буду смотреть вперёд, не покажется ли что-нибудь, а вы, земляк, обернитесь головой к хвосту и наблюдайте в свою очередь».

Нам не легко было, в особенности мне, привести в исполнение идею Пикара, т.е. сесть спиной к спине, изображая двуглавого орла, как он выразался, имевшего пару глаз впереди и пару назад. Мы пропустили ещё по стаканчику можжевельовки, дав себе опять-таки слово беречь остальное на случай крайности, и пустили лошадь шагом среди печального безмолвного леса.

Северный ветер стал опять покалывать, и арьергард страдал от этого до такой степени, что не мог долго выдержать своей позиции; к счастью, погода была довольно ясная, можно было различить предметы издалека, а дорога, пересекавшая громадный лес, было совершенно прямая, и нам нечего было опасаться быть застигнутыми врасплох на поворотах.

Мы ехали уже около полу часа, как вдруг встретили на опушке леса семерых крестьян, как будто ожидававших нас.

Они были выстроены в две шеренги. Седьмой, постарше других, очевидно управлял ими. Одеты они были в овчинные тулупы, а на ногах их была обувь, сделанная из лыка, с такими же ремнями; они подошли к нам, поздоровались с нами по-польски, и когда узнали, что мы французы, очевидно обрадовались. Затем они объяснили нам, что идут в Минск, где стояла русская армия, и что они входят в состав ополчения; их заставляли идти на нас массами; всюду, во всех селениях казаки гнали их насильно. Мы продолжали путь; когда мы потеряли их из виду, я спросил Пикара, понял ли он, что говорили крестьяне про Минск, бывший одним из наших больших депо в Литве — там у нас были запасы продовольствия и туда, как говорили, должна была отступить большая часть армии. Он отвечал, что прекрасно понял и что если это правда, то значит «батюшка-тестюшка» сыграл с нами плохую шутку. Я не понял его намёка, тогда он повторил мне, что если это так, значит австрийцы изменили нам. Я не мог сообразить, что может быть общего между Минском и австрийцами (6). Он собирался объяснить мне план всей войны, как вдруг задержал лошадь и проговорил: «Смотрите-ка, как будто движется впереди колонна войск?» Я различил что то чёрное, но вдруг оно скрылось. Через минуту голова колонны опять показалась, точно вынырнув из оврага.

Мы сразу могли убедиться, что это русские. Несколько всадников отделились и двинулись вперёд; мы только успели повернуть вправо и войти в лес, но едва сделали шага четыре, как наша лошадь завязла в снегу по грудь

(6) Пикар знал, что говорил, намекая на австрийцев; потом я узнал, что был заключен союзный договор против нас.

и сбросила меня. Я увлѣк Пикара за собой в своём падении в яму, имевшую больше шести футов глубины, и нам стоило больших трудов выкарабкаться оттуда. Тем временем подлая лошадь удрала, но проложила нам путь, которым мы воспользовались, чтобы углубиться в лес. Не прошли мы и двадцати шагов, как деревья оказались до того частыми, что мы не могли двигаться дальше. Выбора нам не оставалось; лошадь тоже побежала в эту сторону; мы нашли её гложущей кору дерева, к которому мы её привязали. Из опасения, чтобы она не выдала нас, мы отошли от неё как можно дальше, и отыскав куст достаточно густой, чтобы в нём спрятаться, мы приготовились защищаться, если встретится надобность. Между тем Пикар спросил меня — цела ли наша бутылка и не потеряна ли? К счастью ничего с ней не приключилось. «В таком случае хватим по стаканчику!» Пока откупоривал бутылку, он занялся осмотром заправы в наших ружьях и очисткой их от снега. Мы выпили по малости — очень уж мы нуждались в подкреплении.

Прождав минут пять шесть, мы увидали голову отряда, предшествуемого десятью-двенадцатью татарами или калмыками, вооружёнными, кто пиками, кто луками и стрелами, а по правой и левой сторонам дороги шли мужики, вооружённые каким попало оружием: посредине тащились более двухсот пленных из нашей армии, жалких и едва живых. Многие были ранены: у кого рука на перевязи, у кого отморожены ноги — те шли опираясь на толстые палки. Несколько человек упало, и несмотря на удары древками пик, которыми наделяли их татары, они лежали не двигаясь. Легко представить себе, как мы страдали при виде несчастного положения наших братьев по оружию! Пикар молчал, но по его движениям можно было ожидать, что он выскочит из леса и бросится на эскорт. В эту минуту прискакал верхом офицер и остановился; обратившись к пленным на чистом французском языке, он сказал им: «Отчего вы не идёте скорее?» — Мы не в состоянии, — отвечал солдат, лежавший на снегу — я согласен лучше умереть, чем тащиться дальше!

Офицер возразил, что надо вооружиться терпением — вот скоро подъедут повозки и если окажется место для наиболее больных, то их повезут на лошадях. «Сегодня же вечером, — прибавил он, — вам будет лучше, чем с Наполеоном, потому что теперь он уже в плену со всей своей гвардией и остатками армии, так как мосты через Березину отрезаны. — «Наполеон в плену со всей своей гвардией!» — восклицает один старый солдат. — Да простит вам Господь! Видно, сударь вы не знаете ни Наполеона, ни гвардии. Они сдадутся не иначе как мёртвые; они в этом поклялись, следовательно они не в плену». — А вот и повозки, — сказал офицер! Мы увидали два фургона из нашей армии и походную кузницу, нагруженную ранеными и больными. Сбросили наземь пятерых людей, и мужики тотчас же поспешили ободрать их до гола; их заменили пятерыми другими, из коих трое уже не могли двигаться. Мы услышали, как офицер отдавал приказание кре-

стыням, ограбившим мёртвых, надеть платье на пленных, наиболее в этом нуждавшимся, и так как они недостаточно проворно исполняли его распоряжение, то он стегнул каждого из них нагайкой — тогда они послушались. Затем он обратился к нескольким солдатам, благодарившим его за милость: «Ведь я тоже француз; вот уже двадцать лет, как я в России. Мой отец там умер, но мать ещё жива. Я ещё надеюсь, что обстоятельства позволят нам вскоре увидеть Францию и вернуть свои имена. Я знаю, что не сила оружия сломила вас, а лютые русские морозы». — А также недостаток продовольствия, — вставил один раненый, — если бы не это, мы были бы теперь в Петербурге! «Очень может быть», — отозвался офицер. Обоз медленно двинулся в путь.

Когда мы потеряли его из виду, мы вернулись к своей лошади, она сунула голову в снег, отыскивая травы. Случайность натолкнула нас на место, где помешался костёр, мы разожгли его и могли согреть свои окоченевшие члены. Ежеминутно мы ходили по очереди смотреть, не видать ли чего вдали, вдруг мы услышали стоны и к нам подошёл человек почти совершенно голый. На нём была шинель до половины сгоревшая; на голове оборванная полицейская шапка; ноги его были обёрнуты в тряпки и обвязаны верёвками поверх дырявых штанов из толстого сукна. Нос у него отморожен и почти отвалился; уши его были покрыты струпьями. На правой руке у него оставался только большой палец, все остальные отвалились до последнего сустава. Это был один из несчастных, покинутых русскими. Невозможно было понять ни слова из того, что он говорил. Увидав наш костёр, он кинулся к нему с жадностью, точно хотел пожрать его. Не говоря ни слова, он опустился на колени перед огнём. С трудом мы заставили его проглотить немного можжевельки; но половина пролилась — он не мог разжать зубов, страшно стучавших.

Между тем стоны его замолкли, зубы перестали стучать, но вдруг мы заметили, что он опять начал трястись, бледнеть и валиться, причём из губ его не вылетело ни единого слова, ни единой жалобы. Пикар хотел поднять его, но это уже был труп. Вся сцена длилась не более десяти минут.

Всё виденное и слышанное страшно потрясло моего старого товарища. Он взял ружьё и не сказав мне, чтобы я следовал за ним, направился к дороге, как будто ничто его уже не тревожит. Я поспешил пойти за ним, взял лошадь под уздцы и, нагнав его, велел ему сесть на лошадь. Он повиновался, ни слова не говоря, я также сел верхом, и мы пустились в путь, надеясь выбраться из лесу до наступления ночи.

Около часу ехали мы, ничего не встречая на пути, кроме трупов. Наконец прибыли в такое место, где, казалось, кончался лес; но это была лишь большая прогалина, тянувшаяся на четверть лье и имевшая форму полукруга. Посредине возвышался дом, довольно большой, а кругом ютилось несколько мазанок; это была почтовая станция. К несчастью, мы замечаем

лошадей, привязанных к деревьям. Какие-то всадники выходят из дома и формируются в порядке на дороге; затем отправляются в путь. Их было восемь человек. Одеты в длинные плащи и в высоких касках с конскими хвостами, они походили на тех кирасир, с которыми мы дрались под Красным в ночь с 3-го (15-го) на 4-е (16-е) ноября. Они направились, к счастью для нас, в сторону, противоположную той, куда мы держали путь. Мы предположили, что это был караул, сменившийся другим.

Войдя в лес, мы не могли сделать в нём ни шагу. Казалось, туда никогда не проникало ни одно человеческое существо — до того деревья росли часто и так там было много зарослей и рухнувших от ветхости деревьев, покрытых снегом. Мы принуждены были выбраться оттуда и идти по опушке, рискуя попасться кому-нибудь на глаза. Наш бедный конь то и дело увязал в снегу по самое брюхо. Но если принять в расчёт, что он нёс двоих, то он выполнял свою должность недурно. Почти совсем уже смеркалось, а мы не прошли ещё и половины пути. Мы взяли вправо по дороге, ведущей в лес, чтобы отдохнуть там немного. Спешившись, первым делом мы пропустили по стаканчику водки. Вот уже пятый раз, что мы прикладывались к бутылке и в ней уже стало видно дно. Потом мы стали совещаться.

Так как в том месте, куда мы пошли, было много срубленного лесу, то мы решили расположиться немного впереди, в некотором отдалении от домов, стоявших на дороге. Мы остановились под кучей сваленных деревьев, которые могли служить нам отчасти защитой. Пикар сбросил с себя ранец, а я — котёл, и он сказал мне: «Ну, теперь надо подумать о самом главном! Огня! Скорее дайте мне какую-нибудь тряпку!» Ничто не воспламенялось так легко, как лохмотья моей рубашки. Я подал клочок Пикару; он скрутил из него фитиль, заставил меня держать его, открыл полку своего ружья, насыпал туда немного порошу и приложив тряпицу, спустил курок: затрава вспыхнула и тряпица воспламенилась, зато грянул громкий выстрел, подхваченный эхом: мы опасались, чтобы этим не навести кого-нибудь на наш след.

После сцены с пленными и рассказов офицера про судьбу императора и армии, бедный Пикар стал сам не свой. Всё это повлияло на его характер и по временам он жаловался на сильную головную боль, говоря, что это вовсе не последствия пушечной раны, а что то другое, чего он не умеет мне объяснить. Вот и теперь он позабыл, что ружьё его было заряжено. После выстрела он молчал некоторое время, потом выбралил самого себя «простофилей», и «старым дураком». Несколько собак лаем отозвалось на наш выстрел. Тогда Пикар сказал, что он не удивится, если сейчас нас начнут травить как волков; хотя я сам тревожился не меньше его, однако возразил ему, для его успокоения, что ничего не боюсь в такой час и при такой погоде.

Через несколько минут у нас получился прекрасный костёр, так как дрова, окружавшие нас в большом количестве, были очень сухи. Кстати, мы сделали одно открытие, обрадовавшее нас — за дровами мы нашли кучу соломы, вероятно спрятанной там мужиками. Судя по этой находке, можно было думать, что провидение ещё не совсем покинуло нас. Пикар сказал мне: «Бодритесь, земляк, вот мы и спасены, по крайности на нынешнюю ночь! Завтра Бог довершит остальное, и если в чём я не сомневаюсь, нам посчастливится присоединиться к императору, то всему будет конец!» Пикар думал, как и все старые солдаты, обожавшие императора, что раз он с ним, всё должно им удаваться и ничего для них нет невозможного.

Мы подвели свою лошадь к огню, устроили ей хорошую подстилку из соломы, покормили её той же соломой, но держали её взнузданной и не снимали с неё чемодана, которого до сих пор ещё не осмотрели, чтобы быть готовыми пуститься в путь при первой же тревоге. Остаток соломы мы сложили вокруг себя, рассчитывая потом соорудить себе из неё убежище.

Пикар, отделив кусок варёного мяса из котла, чтобы оттаять его, сказал мне: «Знаете ли, я часто думаю о том, что говорил нам русский офицер». — О чём? — спросил я. — «Да о том, будто император в плену вместе со всей гвардией! Ведь я отлично знаю, чёрт возьми, что этого нет и быть не может. А всё же это у меня не выходит из башки! Просто не могу отогнать от себя мысли. Я успокоюсь только тогда, когда попаду в полк! А покуда закусим и отдохнём; потом пропустим каплю!»

Я вынул бутылку, посмотрел её на свет и убедился, что её содержимое уже идёт к концу. Пикар конечно не подумал сказать: «Баста, побережём водку на случай крайности!» Он заметил только, что пусть бы ещё какой татарин или другой кто заехал в нашу сторону, чтобы мы могли спровадить его на тот свет и пополнить запасы водки. «Очевидно, — добавил он, — у этих молодцов водится водка!» Действительно, мы узнали, что им раздают большие порции водки, которую подвозят на санях с берегов Балтийского моря.

Пока погода была довольно мягкая. Мы съели, без особенного аппетита, кусок варёной конины, которую приходилось отгаивать у огня, так она была заморожена. Пикар, закусывая, говорил про себя и бранился: «У меня сорок наполеондоров в поясе и семь русских золотых, не считая монет по пяти франков. И я все их готов отдать, только бы попасть в полк. Кстати, добавил он, хлопая меня по коленке — они у меня не в поясе, пояса у меня нет, а зашиты в белом жилете ординарца, надетом на мне. В случае беды со мной, они ваши! — Ну, вот и завешание готово». — По той же самой причине, старина, и я также хочу сделать своё. У меня восемь сот франков золотом, кредитными билетами и монетами по ста су. Можете располагать ими, если будет угодно Богу, чтобы я умер до соединения с полком!

Греясь, я машинально сунул руку в маленькую холщовую сумку, поднятую накануне возле двух баденских офицеров, найденных мною умирающими на краю дороги. Я вытащил из неё что то твёрдое, точно кусок верёвки и длиной пальца в два. Рассмотрев хорошенько, я убедился, что это курительный табак. Какое счастье для моего бедного Пикара! Когда я ему подал свою находку, он уронил в снег лошадиное ребро, которое грыз, и немедленно принялся жевать табак, покуда нельзя покурить: он не помнил, куда сунул свою трубку — в ранец, в гренадёрку или в один из карманов. А так как теперь не время было искать, то он пока удовольствовался жвачкой, а я скрутил себе папироску по-испански, из клочка письма — писем мной было найдено несколько в маленькой сумке.

Вот уже около двух часов, как мы находились на нашем бивуаке, а теперь ещё не было семи. И так, ещё часов одиннадцать, двенадцать нам придётся оставаться в этом положении, прежде чем можно будет пуститься в путь. Пикар отлучился на минуту, и в тот момент, когда я менее всего этого ожидал, я услышал шум в зарослях, с противоположной стороны. Убеждённый, что это кто-нибудь другой, а не мой товарищ, я беру ружьё и становлюсь в оборонительное положение. Вдруг появляется Пикар и, увидев меня в этой позе, говорит: «Отлично, земляк, превосходно»; при этом с каким-то таинственным видом, он делает мне знаки, чтобы я молчал. Потом он тихонько шепнул мне, что две женщины только что прошли по дороге, в двух шагах, и несли, одна свёрток, другая ведро, где вероятно было что-то тяжёлое, так как они остановились на некоторое время отдохнуть в пяти-шести шагах от него. «Мы проследим за ними по следам ног и может быть доберёмся до какой-нибудь деревушки или сарая, где будем защищены от дурной погоды и от опасности, — слышите небось, как заливаются эти чёртовы псы!» Действительно, после выстрела собаки не перестают лаять. «Но, — возразил я, — что если в этой деревне или в том сарае мы застанем русских!» — Предоставьте мне действовать, сказал он.

И вот мы опять шагаем наугад, в потёмках среди леса, неизвестно куда, по единственному указанию четырёх ног, отпечатанных на снегу, и по уверению Пикара, принадлежавших этим женщинам.

Вдруг следы исчезли. Поискав немного, мы опять нашли их и заметили, что они поворачивают направо. Это раздосадовало нас, в виду того, что мы таким образом уклонялись от направления, которое могло вывести нас на большую дорогу. Местами следы попадали в такую чащу, что их невозможно было разглядеть. Тогда Пикар ложился на снег и руками шарил следы, которых мы не видали глазами.

Пикар вёл лошадь под уздцы, а я держался за её хвост. Вдруг я остановился: лошадь упёрлась. Бедняга, несмотря на все старания, не могла двигаться, попав между двух деревьев, и связки соломы, висевшие по бокам её, мешали ей пройти. Когда мы их сняли, она высвободилась и прошла. Я под-

нял солону, столь драгоценную для нас, и дотацил её до того места, где дорога расширялась. Тогда мы опять навьючили её на лошадь. Немного подалее мы увидели две дороги, по которым тоже ходили. Там мы принуждены были остановиться, не зная, по которой направиться. В конце концов мы представили лошади идти вперёд, надеясь, что, авось, она направит нас. Чтобы она не убежала, мы придерживали её с обеих сторон. Наконец, Господь сжалился над нашими бедствиями: послышался лай собаки и немного подалее мы увидели хижину довольно обширных размеров.

Представьте себе крышу какой-нибудь нашей риги, положенную на землю и вы получите представление о жилище, оказавшемся перед нами. Три раза мы обошли его кругом, прежде чем отыскали дверь, скрытую под соломенным навесом, спускавшемся до самой земли. Сбоку помещалась дверь, также обитая соломой, но до того запорошенная снегом, что сразу нельзя было заметить. Пикар, забравшись под навес, отыскал вторую дверь, деревянную, и постучался, сначала потихоньку; никто не отозвался. Второй раз — опять молчание. Тогда, вообразив, что там никого нет, он собрался выломать дверь прикладом; вдруг послышался слабый голос, дверь отворилась и показалась старуха, державшая зажжённую лучину; при виде Пикара, она с испугу уронила её и убежала!

Мой товарищ поднял лучину и двинулся несколько шагов вперёд. Окончив привязывать лошадь под навесом, я вошёл тоже, и увидел его с светильником в руке и окутанным облаком дыма. В своём белом плаще он походил на приведение. Он озирался по сторонам, никого не видя, потому что взор его не мог проникнуть вглубь избы. Удостоверившись, что и я вошёл, он прервал молчание, и стараясь дать своему голосу наиболее ласковое выражение, произнёс приветствие на польском языке. Я повторил его слабым голосом. Наше приветствие, хотя и плохо выраженное, было услышано. К нам вышел старик, и увидав Пикара, воскликнул: «А! Это французы! Это хорошо!» Он сказал это по-польски, потом повторил по-немецки, мы отвечали ему точно так же, что мы французы из наполеоновской гвардии. При имени Наполеона поляк поклонился и припал к нашим ногам. При слове «французы», повторённом также и старухой, мы увидели двух других женщин помоложе, вышедших из какого-то чулана; они подошли к нам, выражая радость. Пикар узнал в них тех самых женщин, которых видел в лесу и которых мы проследили сюда.

Не прошло и пяти минут, что мы попали к этим добрым людям, как я чуть не задохнулся от жары, до такой степени я отвык от неё. Я принужден был отойти к двери и там упал без чувств.

Пикар бросился было ко мне на помощь, но старуха с одной из дочек уже подняли меня и усадили на деревянную лавку. Когда я освободился от котла, от медвежьей шкуры и от всей своей амуниции, меня повели вглубь избы и уложили на койку, устланную овчинами. Женщины по видимому

жалели нас, видя, какие мы несчастные, в особенности я, такой молодой и пострадавший гораздо больше моего товарища: страшная нужда привела меня в такое плачевное состояние, что на меня жалко было смотреть.

Старик тем временем занялся нашей лошадыю, и вообще всё было пушено в ход, чтобы услужить нам. Пикар вспомнил о бутылке с можжевельниковой, находившейся в сумке. Он заставил меня проглотить несколько капель водки, потом разбавил немного водки водою, и не прошло минуты, как я уже чувствовал себя значительно лучше.

Старуха стащила с меня сапоги, которых я не снимал со Смоленска, т. е. с 29-го октября (10-го ноября), а теперь было 11-е (23-е) ноября. Одна из девушек принесла большой деревянный сосуд с тёплой водой, поставила его передо мною, сама встала на колени и потихоньку, осторожно обмыла мне ноги, одну за другой, обратив моё внимание на то, что у меня на правой ноге рана: это было отмороженное место ещё с 1807 года, в сражении при Эйлау; с тех пор эта рана никогда не давала себя чувствовать, но теперь опять открылась и причиняла мне жестокие страдания (7).

Другая девушка, по-видимому старшая, оказала ту же услугу моему товарищу; тот преспокойно подчинился процедуре, хотя имел несколько сконфуженный вид. Я сказал ему, что очевидно сам Господь внушил ему следовать за этими девушками. «Правда, — согласился он, — но когда они проходили по лесу, я представить себе не мог, чтобы они так радушно приняли нас. Я ещё не говорил вам, что голова у меня адски болит, и с тех пор как я отдохнул, это чувствуется ещё сильнее. Вот увидите, что пуля этой собаки — казака задела меня сильнее, чем я думал. Вот посмотрим!» Он развязал шнурки, подвязанные у него под подбородком и придерживавшие два куска овчины, которая защищала его уши от мороза. Но только что он снял их, как полила кровь. «Видите, — сказал он мне. — Впрочем, это пустяки. Простая царапина. Пуля скользнула по черепу». Старый поляк поспешил снять с него амуницию, с которой он отвык расставаться, а также мохнатую шапку, в которой он всегда спал. Та же девушка, что обмыла ему ноги, обмыла ему и голову. Все кругом суетились и прислужи-

(7) Сражение при Эйлау началось 7 февраля 1807 г. на рассвете. Накануне мы ночевали на плоскогорье в четверти лье от города, немного позади его. Плоскогорье это было покрыто снегом и усеяно трупами, вследствие стычки авангарда перед нашим прибытием. Едва рассвело, как император приказал нам двинуться вперёд, что было нам очень трудно, так как мы шли среди полей и увязали в снегу по колена. Подойдя к городу, он поставил всю гвардию тесной колонной по дивизионно — частью на кладбище, вправо от церкви, частью на озере, шагах в пятидесяти от кладбища. Ядра и бомбы, падая на озеро, с треском ломали лёд и стоявшие на нём люди подвергались опасности упасть в воду. Весь день мы простояли в этой позиции — ноги в снегу и под ядрами. Русские четверо более многочисленные, имели то преимущество, что ветер гнал нам в лицо снег, валивший крупными хлопьями, а также дым нашего и ихнего пороха, так что они могли нас видеть, не будучи сами видимы. В таком положении мы оставались до 7 часов вечера. Наш полк — второй гренадёрский, был отправлен в три часа пополудни занять утрешнюю позицию, которой хотели овладеть русские. Всю ночь, как и во время сражения, не переставал идти снег. В этот то день я отморожил себе правую ногу, и она у меня зажила только в лагере Финкельштейна, перед сражением при Эслинге и при Фриданде.

вали ему. Бедный Пикар был так тронут оказываемыми ему услугами, что крупные слёзы струились по его щекам. Понадобились ножницы остричь ему волосы. Я вспомнил про сумку хирурга, взятую мною у казака, и мы нашли в ней полный набор для перевязки: двое ножниц, несколько хирургических инструментов, корпию и бинты. Обрезав ему волосы, старуха высосала ему рану, оказавшуюся серьёзнее, чем он думал. Затем приложили к ней корпию и забинтовали её. Мы нашли пулю застрявшей в тряпках, заполнявших дно его гренадёрки. Левое крыло императорского орла было пробито. Осматривая всё содержимое в шапке, Пикар вскрикнул от радости: он нашёл свою носогрейку, и немедленно запалил её: он не курил с самого Смоленска.

Когда нам вымыли ноги, их обтёрли овчинами, а потом подостлали их в виде ковра. Мою рану на ноге намазали каким то салом, от которого она должна скоро зажить, как меня уверяли. Мне показали, как это делать и дали с собой этой мази в тряпочку, я спрятал её в докторскую сумочку вместе с набором.

Мы почувствовали себя значительно лучше и благодарили за оказанные нам услуги. Поляк объяснил нам, что он в отчаянии, что не может сделать для нас ничего лучшего; что всякий человек обязан принимать странников и обмывать ноги даже врагам, не то что друзьям. В эту минуту старуха вскрикнула и бросилась бежать: оказывается, большая собака, которую мы до сих пор не заметили, утащила мохнатую шапку Пикара. Её хотели прибить, но мы попросили, чтобы её помиловали.

Я предложил Пикару произвести наконец осмотр чемодану, навьюченному на лошадь. Он попросил, чтобы его проводили к лошади, — у той оказалось всего вдоволь. Тогда он внёс чемодан и положил его к печке. Мы нашли там первым делом девять индийских платков, затканых шёлком. «Скорее, — проговорил Пикар, — поднесём каждой по две штуки нашим принцессам и один платок старухе, остальное оставим себе!» Эта первая раздача подарков была произведена тотчас же, к великой радости одарённых. Далее мы нашли три пары эполет для офицеров высших чинов, между прочим одну для маршала, трое серебряных часов, семь орденских крестов, две серебряные ложки, более 12-ти дюжин золочёных гусарских пуговиц, два ящика с бритвами, шесть стурублёвок, и штаны, запачканные кровью. Я надеялся найти рубашку, но к несчастью таковой не оказалось. А в этом я лучше всего нуждался: от теплоты паразиты закишели и страшно дожимали меня.

Девушки, вытаращив глаза, уставились на подарки — им не верилось, что это для них. Больше всего понравились им золочёные пуговицы, которые мы и отдали им, а также золотые кольца, которые я сам надел им на пальцы. Та, что мыла мне ноги, заметила, что я отдал ей лучшее. Очень вероятно, что казаки отрубали пальцы у трупов и снимали с них кольца.

Старику мы подарили большие английские часы и две бритвы, а также все русские мелкие деньги, — на сумму около 30 франков, часть которых также была найдена в чемодане. Мы заметили, что он не спускает глаз с большого командорского креста, вследствие помещавшегося на нём портрета императора. Мы отдали ему этот крест. Радость его не поддаётся описанию. Несколько раз он подносил его к губам и к сердцу. Наконец он повесил его себе на шею на ремешке и старался объяснить нам, что не расстанется с ним до самой смерти.

Мы попросили хлеба. Нам принесли хлеб, говоря что не осмеливались сами предложить его, так он дурён. Действительно, мы не могли его есть. Он был из чёрного теста, полон ржаных и ячменных зёрен и рубленой соломой, царапавшей горло. Нам объяснили, что это русский хлеб; в трёх лье отсюда французы разбили русских сегодня утром и завладели большим обозом (8); что евреи, сообщившие об это известие и бежавшие из селений, лежавших по дороге в Минск, продали им этот несъедобный хлеб. Словом, хотя я уже с месяц не ел хлеба, но был не в состоянии откусить от него, — так он был чёрств. К тому же губы мои были потресканы и точили кровь.

Заметив, что мы не в состоянии есть этого хлеба, они принесли нам кусок баранины, картофеля, луку и солёных огурцов. Словом, отдали нам всё, что у них было, уверяя, что постараются изо всех сил достать для нас чего-нибудь получше. А пока что, мы положили баранину в котёл, чтобы сварить из неё суп. Старик рассказал нам, что в полверсте находится селение, куда бежали евреи из опасения быть ограбленными и, так как они забрали с собой свои запасы, то он надеется добыть у них чего-нибудь получше для нас. Мы хотели дать ему денег. Он отказался, говоря, что на это пойдут деньги, данные ему и его дочерям и что одна из дочерей уже отправилась за покупками вместе с матерью и большой собакой.

Нам устроили прямо на полу постели из соломы и овчин. Пикар немедленно заснул; скоро и я последовал его примеру. Нас разбудил лай собаки. «Ладно, — проговорил старый поляк, — вот жена с дочерью вернулись». Действительно, женщины вошли в избу. Они принесли нам молока, немного картофеля и маленькую лепёшку из ржаной муки — всё это добытое за большие деньги; что же касается водки — нема! Весь небольшой запас её был забран русскими. Мы благодарили этих добрых людей, сделавших больше двух вёрст по колено в снегу глухой ночью, в лютый мороз, подвергаясь опасности быть растерзанными волками или медведями, которых водится множество в лесах Литвы, а в особенности в ту пору, потому что они

(8) Это сражение с русскими, о котором говорил поляк, было стычкой между русскими и армейским корпусом маршала Удино; он не доходил до Москвы, но всё время оставался в Литве; тут он встретился с русскими, шедшими нам на встречу, чтобы отрезать нам отступление. Маршал нанёс им поражение, но, отступил, они отрезали мост через Березину.

убегали из лесов, сжигаемых нами по пути и искали убежища в других, представлявших больше безопасности, а так же пищи, благодаря множеству лошадей и людей, умиравших каждый день.

Мы сварили суп и уничтожили его с жадностью. Поев до сыта, я почувствовал себя гораздо легче. Этот суп, приправленный молоком, подкрепил мне желудок. Потом я предался думам, подперев голову руками. Пикар любопытно расспрашивал, о чём я задумался: «О том, — отвечал я, — что не будь вас со мною, старый товарищ, и не будь я связан честью и присягою, я охотно остался бы здесь, в этой избе, среди леса, с этими добрыми людьми». — Успокойтесь, — отвечал он, — мне приснился сон, предвещающий благополучие. Снилось мне, будто я в казарме, в Курбвуа, закусываю колбасой, принесённой теткой-колбасницей (9), и пью бутылку Сюренского вина.

Пока Пикар говорил, я заметил, что он очень красен и часто подносит руку к правой стороне лба и к тому месту, куда он был ранен пулей. Я спросил его, не болит ли у него голова? Он отвечал, что болит, вероятно вследствие жары или оттого, что он слишком заспался. Но мне показалось, что у него лихорадка. Его экскурсия в казармы Курбвуа подтверждала мои опасения. «Хочу продолжить свой сон и опять повидаться с тёткой-колбасницей. Покойной ночи!» Не прошло двух минут, как он заснул.

Я тоже захотел отдохнуть, но мой сон постоянно прерывался болями в пояснице вследствие усиленной ходьбы. Немного прошло времени с тех пор, как уснул Пикар, вдруг послышался лай собаки, Обитатели избы очень удивились. Старик, сидевший на лавке у печки, встал и схватил пикку, привязанную к сосновому столбу, служившему подпорой избе. Он направился к двери, жена последовала за ним и я также, не разбудив Пикара, но не преминув захватить ружьё, которое было заряжено и со штыком. Мы услышали, как отпирают первую дверь. Старик спросил, что там. В ответ раздался гнусавый голос: «Это я, Самуил!» Тогда женщина сообщила мужу, что это жид из той деревни, где она была сегодня. Увидав, что это сын Израиля, я вернулся на своё место, позаботившись однако собрать вокруг себя всё, что мы имели, так как не доверял пришельцу.

Я проспал довольно спокойно два часа, пока Пикар не разбудил меня есть баранью похлёбку. Он всё жаловался на сильную головную боль, причинённую по всей вероятности его снами: он рассказал мне, что опять всё время снился Париж и Курбвуа, что между прочим он танцевал у заставы Руль (10) и пил вино с гренадёрами, которые были убиты при Эйлау.

(9) Тётка-колбасница была старуха, приходившая каждый день в 6 часов утра в казармы Курбвуа, где мы стояли и приносившая за десять сантимов кусок колбасы, которой мы угощались перед ученьем, запивая Сюренским вином на 10 сантимов, в ожидании десятичасовой похлёбки: кто из велитов или старых гренадёр не помнит старой колбасницы?

(10) Сборный пункт приятельниц старых гренадёр. Там происходили танцы.

Только что мы присели ужинать, как еврей подал нам бутылку водки; Пикар поспешил схватить её, попробовал содержимое в бутылке и объявил, что это пошло ни к чёрту не годится. Действительно, это была скверная картофельная водка.

Мне пришло в голову, что еврей может пригодиться, если мы возьмём его проводником; у нас было чем соблазнить его алчность. Тотчас же я сообщил свою мысль Пикару, он её одобрил и уже собирался обратиться к жиду с этим предложением, как вдруг наша лошадь, отдохавшая на соломе, вскочила в испуге, стараясь оборвать уздечку, за которую была привязана; собака залилась лаем. В ту же минуту мы услышали вой нескольких волков вокруг избы и у самой двери. Они добирались до нашей лошади. Пикар схватил ружьё, чтобы поохотиться за ними, но наш хозяин объявил ему, что это было бы неосторожно, в виду русских. Тогда он взял в одну руку саблю, в другую пылающую сосновую лучину, отворил дверь и побежал на волков, которых обратил в бегство. Минуту спустя он вернулся, уверяя меня, что эта беготня оказала ему пользу и что головная боль почти совсем прошла. Волки ещё раз возвращались, но мы уже больше не выходили отгонять их.

Как я и ожидал, еврей осведомился у нас, не имеем ли мы чего продать или выменять? Я напомнил Пикару, что теперь пора предложить ему проводить нас до Борисова или до первого французского поста. Я полюбопытствовал, сколько отсюда вёрст до Березины. Он отвечал, что по большой дороге десять вёрст; мы объяснили ему, что желаем по возможности добраться туда другими путями и предложили ему проводить нас на следующих условиях: за три пары эполет, которые мы обязывались выдать ему и за сторублёвый билет, всего на всего на сумму 300 франков. Но я ставил условием, чтобы эполеты оставались в руках нашего хозяина с тем, чтобы он передал их ему по его возвращении, а что касается сторублёвки, то я обязывался выдать её на месте нашего назначения, то есть на первом посту французской армии. Выдача эполет должна состояться по предъявлении им шелкового платка, который я тут же показал всем домашним; а он, Самуил, с своей стороны, обязан выдать семье двадцать пять рублей; фуляровый платок предназначался младшей девушке, той, что вымыла мне ноги. Жид изъявил согласие, сославшись однако на опасности, каким он должен подвергнуть себя, пробираясь не по большой дороге. Наш хозяин выразил сожаление, что он не моложе на десять лет — тогда он мог бы сам проводить нас, притом даром и защищая нас против русских, если бы они встретились. С этими словами, он показал свою старую алебарду, привязанную к деревянному шесту. Но он надавал столько инструкций жиду на счёт дороги, что тот взялся проводить нас, удостоверившись предварительно, что всё, что мы ему давали взамен, доброкачественно.

Было часов девять утра, когда мы пустились в путь. Это было 12-го (24-го) ноября. Вся польская семья долго стояла на пригорке, провожая нас глазами и посылая нам приветствия.

Наш проводник шёл впереди, держа нашу лошадь под уздцы. Пикар рассуждал сам с собою, иногда останавливался и проделывал артикул. Вдруг я перестал слышать его шаги. Обёртываюсь немного погодя, и вижу его застывшим неподвижно над ружьём и затем марширующим, как на параде. Вдруг он восклицает громовым голосом: «Да здравствует император!» Я подбегаю к нему, хватаю его за руку, говорю: «Пикар, что с вами?» Я боялся, что он сошёл с ума. «Что такое, — отвечал он мне, точно очнувшись от сна. — Разве мы не на императорском смотре?» Я был поражён, услышав такие речи, и отвечал ему, что парад не сегодня, а завтра, потом, взяв его за руку, заставил ускорить шаг, чтобы нагнать жида. Крупные слёзы катились по щекам Пикара. «Полно, — сказал я, — старый солдат и вдруг плачет!» — Дайте мне поплакать, — отвечал он, — меня это облегчает. Грусть томит меня, и если завтра я не буду в полку, всё пропало! — «Будьте покойны, мы попадём туда сегодня же, или самое позднее, завтра утром. Как же это, старый товарищ, вы раскисаете как женщина!» — Правда, — согласился он, — и я не знаю, как это со мной сделалось. Спал я что ли и мне приснился сон... но теперь всё прошло. — «Ну и слава Богу, старина. Это пустяки. То же самое случалось и со мной, несколько раз, и даже в тот самый вечер, когда я вас встретил. Но у меня сердце полно надежды с тех пор, как я с вами!»

Разговаривая, я замечал, что наш проводник то и дело останавливается, прислушиваясь.

Вдруг, смотря, Пикар бросается в растяжку на снег, скомандовав нам резким голосом: «Смирно!» — Ну, подумал я, — конечно, мой старый товарищ совсем рехнулся! Что то со мной будет! Поражённый я смотрел на него; он вскакивает и начинает кричать, но уже более естественным голосом: «Да здравствует император! Слушайте — пушка! Мы спасены!» — Как так? — спросил я. — «Да, конечно, — продолжал он. — Прислушайтесь». Действительно, где то вдали гремели пушки: «Ах! Отлегло от сердца, император не в плену, как уверял вчера проклятый эмигрант. Не правда ли, земляк? Это до того взбудоражило мне голову, что я готов был умереть от бешенства и огорчения. Но теперь всё обстоит благополучно, мы в ту сторону и направимся: это безошибочный проводник». Жид также уверял, что пушка гремит со стороны Березины. Словом, мой старый товарищ был в таком восторге, что затянул песенку, сочинённую по случаю отъезда французов в 1805 году в Австрию на сражение под Аустерлицем.

Полчаса спустя, нам стало так трудно подвигаться, что почти не было возможности продолжать путь. Наш проводник полагал, что он сбился с дороги. Вот почему, встретив пространство довольно возвышенное, где мы могли идти с большим удобством, мы направились туда, надеясь попасть

на более доступную дорогу. Пушка продолжала гудеть, но уже отчётливее с тех пор, как мы приняли новое направление; было около полудня. Внезапно звуки пушечных выстрелов прекратились совершенно. Поднялся ветер, повалил снег, да такой густой, что залеплял глаза, и злополучный жид отказался вести лошадь. Мы посоветовали ему сесть на неё верхом, что он и сделал. Я начинал чувствовать страшное утомление и беспокойство, но не говорил ни слова; Пикар — тот ругался изо всех сил, проклиная и пушку, которую больше не слышно, и ветер, заглушавший звуки, по его мнению. Таким образом мы достигли такого места, где уже вовсе невозможно было двигаться вперёд, до того тесно росли деревья. Ежеминутно нас останавливали разные препятствия; мы падали в растяжку или зарывались в снег. Наконец, к великому нашему огорчению, промучившись довольно долго, мы очутились опять на том же месте, откуда ушли час тому назад.

Убедившись в этом, мы остановились на минуту, выпили по глотку плохой водки, проданной нам жидом, и стали совещаться. Решено было, что мы выберемся на большую дорогу. Я осведомился у нашего проводника, может ли он, в случае, если бы мы не нашли большой дороги, провести нас обратно туда, где мы сегодня ночевали. Он отвечал утвердительно, прибавив, что для этого надо чем-нибудь намечать дорогу. Пикар взялся срубить на известных расстояниях молодые деревца, берёзки или сосны, которые мы оставляли позади себя.

Мы прошли с поллье по этой новой дороге, вдруг набрали на какую-то избу. Да и пора было, силы начали изменять нам. Решено было сделать там привал на полчаса, чтобы поесть и покормить лошадь. На наше счастье мы нашли в хижине много сухого топлива, две грубые деревянные лавки и три овчины, которые решили захватить с собой, на случай если нам придётся заночевать в лесу.

Мы погрелись, закусив куском конины. Наш проводник отказался есть конину, но вытащил из-под плаща скверную лепёшку из ржаной муки пополам с мякиной, которую мы, однако, поспешили разделить с ним. Он клялся нам Авраамом, что у него ничего больше нет, кроме этого, да горсти орехов; всё это мы поделили на четыре части — ему дали две, а себе каждому по одной. Потом выпили по шкалику скверной водки. Я поднёс шкалик и жиду, но он отказался, чтобы не пить из одного сосуда с нами. Он протянул нам руку, сложенную горстью и мы туда плеснули ему водки, которую он и проглотил с наслаждением.

Он объявил, что до следующей лачуги остаётся идти не меньше часу. И вот, опасаясь наступления ночи, мы решились пуститься в путь не медля, идти было невероятно трудно, до того дорога стала узка, — можно сказать, дороги совсем не было. Однако Самуил, наш проводник, действительно обладавший выдержкой, успокоил нас, уверяя, что скоро дорога расширится.

К довершению беды опять повалил снег с такой силой, что мы совсем сбились. Наш проводник заплакал, говоря, что совсем не знает, где мы находимся.

Мы хотели было вернуться вспять, но там было ещё хуже — снег валил прямо в лицо и нам ничего не оставалось делать, как приютиться под купу больших сосен и выждать, когда угодно будет Богу прекратить ненастье. Так продолжалось ещё с полчаса. Мы начинали коченеть от стужи. По временам Пикар раздражался ругательствами, или, наоборот, начинал напевать свою песенку.

Жид только и твердил: «О, Господи! О, Господи!» Что касается меня, то я молчал, зато думал мрачные думы. Не будь на мне медвежьей шкуры да раввинской ермолки под кивером, мне кажется, я непременно замёрз бы.

Когда непогода немного поулеглась, мы опять старались ориентироваться; после метели наступило полное затишье — мы потеряли возможность различать, где север, где юг. Словом, окончательно сбились. Мы продолжали идти вперёд наобум, но я замечал что мы кружим и возвращаемся всё на то же место.

Пикар продолжал ругаться, и на этот раз досталось жиду.

Между тем, прошагав ещё некоторое время, мы очутились на каком то открытом пространстве, имевшем около четырёхсот метров окружности, и в нас воскресла надежда отыскать дорогу. Но обойдя площадку несколько раз, мы всё таки ничего не нашли. Мы остановились и уставились друг на друга: каждый ожидал услышать какой-нибудь совет от товарища. Вдруг, смотрю, мой земляк прислоняет ружьё своё к дереву, и озираясь кругом, точно чего то ища, вытаскивает саблю из ножен. Заметив это движение, несчастный жид, вообразил, что пришёл конец ему, завопил благим матом и бросил лошадь, собираясь бежать. Но силы изменили ему, он кинулся на колени и стал молить Бога о спасении, обращаясь к Пикару, который вовсе и не думал делать ему вреда: он обнажил саблю для того, чтобы срубить молодую берёзку и по ней угадать, в какую сторону нам направиться. Он срубил дерево по середине и рассмотрев ту часть, что торчала в земле, сказал мне с величайшим хладнокровием: «Вот в какую сторону мы должны идти! Кора дерева с этой стороны — с северной — немного побурела и сгнила, между тем как с южной стороны она бела и хорошо сохранилась. И так, направимся к югу!»

Нельзя было терять времени — больше всего мы боялись, чтобы нас не застигла ночь. Мы старались проложить себе путь, всё время заботясь о том, чтобы не сбиться с направления, принятого нами. Еврей, ехавший позади, вдруг страшно вскрикнул. Обернувшись, мы увидели, что он лежит в растяжку; оказывается, он упал с лошади, застрявшей между двух близко растущих деревьев; бедный «коняка» не мог ни попятиться,

ни двинуться вперёд. Мы принуждены были освободить и человека, и лошадь, у которой весь багаж и сбруя свалились на задние ноги.

Меня бесило, что мы теряем попусту столь драгоценное время; я охотно бросил бы лошадь — так бы и пришлось сделать, если бы по проществу полу часа мы не выползли на довольно широкую дорогу; жид признал в ней продолжение той дороги, с которой мы сбились; в доказательство он указал мне на несколько толстых деревьев, говоря, что узнаёт их по ульям; мы сами видели их; к несчастью, они помещались слишком высоко, чтобы их можно было достать (11).

Пикар, взглянул на часы, убедился, что уже около четырёх часов. Мешкать было невозможно. Перед нами расстилалось обширное, покрытое льдом озеро: наш проводник узнал его. Мы переправились через озеро без затруднений и свернув немного влево, продолжали путь по той же дороге.

Только что мы на неё вступили, как увидели четырёх каких-то субъектов, которые остановились, увидав нас. С своей стороны мы приняли меры к обороне. Но мы заметили, что они больше трусят нас, чем мы их, потому что они стали совещаться между собой, идти ли им вперёд или отступить и скрыться в лесу. Наконец незнакомцы пошли нам навстречу и поздоровались с нами. То были евреи, которых наш проводник знал. Они шли из деревни, лежавшей на большой дороге. Деревня была занята французскими войсками, и евреям оставаться там дольше стало невозможным: запасы все истощились, не оставалось ни одного дома, где можно было приютиться даже императору. Мы с удовольствием узнали, что находимся лишь в двух лье от французской армии; но нас уговаривали не идти дальше сегодня вечером, чтобы не сбиться с пути. Нам посоветовали заночевать в первой же лачуге, до которой было уже не далеко. Евреи расстались с нами, пожелав нам доброго вечера. Мы продолжали путь и уже почти совсем стемнело, но тут, к счастью, мы достигли места ночёвки.

Мы нашли там соломы и дров в изобилии. Тот час же мы развели яркий огонь в земляной печурке; а так как потребовалось слишком много времени для варки супа, то удовольствовались куском жареного мяса и ради безопасности решили караулить по очереди, по два часа каждому, имея при себе заряженное ружьё.

Не могу определить, сколько времени я спал, как вдруг был разбужен храпом лошади, испуганной воем волков, осаждавших избу. Пикар взял шест и, привязал к концу его большую охапку соломы и несколько кусочков смолистого дерева, зажёл всё это и кинулся на зверей, держа в одной ру-

(11) В Польше, в Литве и в некоторых частях России крестьяне выбирают в лесу самые толстые стволы, и на высоте 10 — 12 футов выдалбливают в дереве отверстие, глубиною в один фут, при такой же ширине и 3-х футах высоты; туда пчёлы кладут мёд; медведи, очень лакомые и водящиеся во множестве в этих лесах, часто лазают туда добывать мёд. Иногда эти улья служат для них ловушками.

ке пылающую жердь, а в другой саблю — этим способом на время мы избавились от волков. Он вернулся в избу, гордясь своей победой, Но только что успел он растянуться на соломе, как волки стали рваться с удвоенной яростью. Тогда взяв большую пылающую головню, он кинул её на расстояние 10 — 12 шагов, потом приказал еврею принести побольше сухого топлива для поддержания огня. После этого подвига мы уже почти не слышали больше завываний.

Было не более четырёх часов утра, когда Пикар разбудил меня, сделал мне приятный сюрприз. Не сказав мне ни слова, он сварил супу, засыпав его остатками крупы и муки. Кроме того он поджарил кусок конины. Мы поели того и другого с порядочным аппетитом. Пикар уделил пищи и жида. Мы позаботились также и о нашей лошади: в избе нашлось несколько больших деревянных лоханей, мы наполнили их снегом и оттаяли его. Чтобы очистить воду, мы положили в неё кусок угля. Она послужила нам для питья, для супа, а также чтобы напоить нашу лошадь, которая не пила со вчерашнего дня. Поправив хорошенько нашу обувь, я взял уголёк и заставил жиду посветить мне, сделал на доске крупными буквами следующую надпись: «Два гренадёра гвардии императора Наполеона, заблудившиеся в этом лесу, провели ночь с 12-го (24-го) на 13-е (25-е) ноября 1812 года в этой лачуге. Накануне их гостеприимно приютила в своём доме честная польская семья». И подписался.

Едва сделали мы пятьдесят шагов, как наша лошадь упёрлась, отказываясь идти дальше. Проводник сообщил нам, что видит нечто на дороге: это были два волка, сидевших на задних лапах. Пикар выстрелил. Звери разбежались и мы продолжали идти. По прошествии получаса мы были спасены.

Первое, что мы встретили, был бивуак: там собралось человек двенадцать, в которых мы признали немецких солдат, входивших в состав нашей армии. Мы остановились возле костра, чтобы расспросить их. Они устали на нас, не отвечая, потом стали совещаться между собой. Они находились в страшной нужде. Тут же лежало трое покойников. Так как наш проводник добросовестно исполнял все условия, то мы отдали ему всё ему обещанное и наказав ему ещё раз поблагодарить от нашего имени добрых поляков, распрощались с ним, пожелав ему счастливого пути. Он удалился крупными шагами.

Мы собрались выйти на большую дорогу, отстоявшую всего на расстоянии десяти минут ходьбы, вдруг нас оцепили пятеро немцев, требуя, чтобы мы выдали им лошадь на убой и обещали дать нам нашу долю. Двое уже схватили её за уздечку, но Пикар, не желавший допускать такого насилия, отвечал им на скверном немецком языке, что если они не отпустят уздечку, то он раскроит им головы саблей. И выхватил её из ножен. Немцы всё не слушались. Тогда он закатил тем двум, что держали уздечку, могучий удар

кулаком, так что они свалились на снег, выпустив уздечку. Он дал мне поддержать лошадь и сказал двоим другим: «Ну-ка подходите, коли посмеете!» Но увидя, что ни один из них не трогается с места, он вытащил из котла, привязанного к лошади, три куска мяса и бросил их солдатам. Тотчас же валившиеся на земле вскочили, чтобы получить свою долю. Я видел, что они умирают с голоду и, чтобы вознаградить их за побои, я пожертвовал им ещё трёхфунтовый кусок, сваренный на бивуаке у озера. Они кинулись на него как голодные звери, и мы продолжили путь.

Немного подалее, мы набрели ещё на два костра, почти потухших, вокруг которых сидели измученные люди. Двое заговорили с нами; один осведомился: «Правда ли, что нас разместят по квартирам?» А другой крикнул: «Товарищ, что эта лошадь предназначена на убой? Я прошу хоть немножко крови!» На это мы не отвечали ни слова. Мы находились ещё на расстоянии выстрела от большой дороги, и пока не замечали никакого движения и никаких приготовлений к выступлению. Выйдя на дорогу, я довольно громко сказал Пикару: «Теперь мы спасены!» Какой то субъект, стоявший возле, завернувшись в полу обгорелый плащ, проговорил, возвысив голос: «Ну, нет ещё!» И отошёл, пожимая плечами. Очевидно, он лучше нашего знал, как обстоят дела.

Немного погодя мы увидели отряд, человек в тридцать, состоявший из сапёров и понтонёров. Я узнал в них тех самых, которых мы встретили в Орше, где они стояли гарнизоном (12).

Этот отряд, под командой трёх офицеров, приставший к нам всего четыре дня тому назад, ещё не успел пострадать: люди казались бодрыми. Они шли по направлению к Березине. Я обратился к офицеру с вопросом, где находится главная квартира. Он отвечал, что она ещё немного позади, но что должно начаться движение и что скоро мы увидим голову колонны. Он посоветовал нам кстати побережь свою лошадь: от императора получен приказ забирать всех попадающихся на пути лошадей для артиллерии и обоза раненых. В ожидании колонны, мы спрятали лошадь на опушке леса.

Не сумею описать всех бедствий, всех страданий, всех раздирающих душу сцен, какие я имел случай наблюдать и в каких принужден был сам участвовать. Всё это оставило во мне страшные, неизгладимые воспоминания.

Настало 13-е (25-е) ноября, было часов семь утра, и ещё не совсем рассветло. Я сидел погруженный в чёрные думы, как вдруг увидел вдали голову колонны и указал на неё Пикару.

Первые кого мы увидели, были генералы; некоторые ехали верхом, но большинство шли пешком, как и многие другие высшие офицеры, остатки

(12) Понтонёрам и инженерам-сапёрам мы обязаны спасением — они соорудили мосты, по которым мы переправились через Березину.

священных эскадрона и батальона, которые были сформированы 10-го (22-го) и от которых теперь, через три дня, оставались лишь жалкие следы. Они плелись с трудом, у всех почти были отморожены ноги и завернуты в грязь или куски овчины; все умирали с голоду. Затем шёл император, тоже пеший, с палкой в руке. Он был закутан в длинный плащ, подбитый мехом, а на голове у него была шапка малинового бархата, отороченная кругом чёрнобурой лисицей. По правую руку от него шёл, также пешком, король Мюрат, по левую — принц Евгений, вице-король Италии; далее маршалы Бертье, принц Нефшательский, Ней, Мортье, Лефевр и другие маршалы и генералы, чьи корпуса были большею частью истреблены.

Миновав нас, император сел на коня, как и часть его свиты; у большинства генералов уже не было лошадей. За императорской группой следовали семь или восемь сот офицеров и унтер офицеров, двигавшихся в глубочайшем безмолвии с значками полков, к которым они принадлежали и которые столько раз водили в победоносные сражения. То были остатки от шестидесятитысячной слишком армии. Далее шла пешая императорская гвардия в образцовом порядке — впереди егеря, а за ними старые гренадёры.

Мой бедный Пикар, целый месяц не видевший армии, наблюдал всё это, не говоря ни слова, но по его судорожным движениям можно было догадаться, что происходит в его душе. Несколько раз он стучал прикладом ружья о землю и бил себя кулаками в грудь. Крупные слёзы катились по его щекам на обледеневшие усы.

Повернувшись ко мне, он промолвил: «Ей Богу, земляк, мне кажется, что всё это сон. Не могу удержать слёз, видя, что император идёт пешком, опираясь на палку — он, этот великий человек, которым все так гордимся!» При этом Пикар опять стукнул ружьём об землю. Этим движением он, вероятно, хотел придать больше выразительности своим словам.

— А заметили вы, как он взглянул на нас? — продолжал Пикар. Действительно, проходя мимо, император повернул голову в нашу сторону. Он взглянул на нас так, как всегда глядел на солдат своей гвардии, когда встречал их идущими в одиночку, а тут в эту злополучную минуту, он, вероятно, желал своим взглядом внушить нам мужество и доверие. Пикар уверял, будто император узнал его — вещь весьма возможная.

Мой старый товарищ, из опасения показаться смешным, снял свой белый плащ и держал его под мышкой. Хотя у него всё продолжала болеть голова, но он опять надел свою мохнатую шапку, не желая показываться на людях в мерлушковой шапке, подаренной ему поляком. Бедный Пикар забывал о своих грустных обстоятельствах и думал только о положении императора и своих товарищей, которых ему страстно хотелось увидеть.

Наконец показались старые гренадёры. Это был первый полк, а Пикар принадлежал ко второму. Скоро мы увидели и его, потому что колонна пер-

вого была не очень длинна. По моему, в нём не хватало по крайней мере половины. Очутившись перед батальоном, где он состоял, Пикар выступил вперёд, что бы присоединиться к нему.

Тотчас же слышались восклицания: «Смотрите, как будто бы и Пикар!» — Да, отвечал Пикар, это я, друзья мои. Я самый, и теперь не покину вас до смерти! — Рота немедленно овладела им (ради лошади, само собою разумеется). Я сопровождал его ещё некоторое время, чтобы получить кусок конины, если убьют лошадь, но тут с правой стороны роты раздались крики: «Лошадь составляет собственность роты, раз как человек служит в ней!» — Это правда, — возразил Пикар что я принадлежу к роте, но сержант, который требует своей доли, сшиб с седла хозяина этой самой лошади. — «В таком случае, — сказал один сержант, знавший меня в лицо, — он и получит свою долю!» Этот сержант исполнял должность фельдфебеля, умершего накануне. Колонна остановилась, офицер спросил Пикара, откуда он взялся и как очутился впереди, когда все которые, подобно ему, сопровождали обоз, уже вернулись три дня тому назад. Привал продолжался довольно долго. Пикар рассказал о всех своих приключениях, поминутно прерывая свою речь, чтобы осведомиться о многих товарищах, которых не находил в рядах: все они погибли. Он не решался спросить о своём товарище по нарам, в то же время и земляке. Наконец он всё-таки спросил: «А где же Ружо?» — В Красном, отвечал барабанщик. — «А, понимаю!» — Да, подтвердил барабанщик, — он умер от гранаты, оторвавшей ему обе ноги. Расставаясь с нами, он сделал тебя своим душеприказчиком; он поручил мне передать тебе свой крест, свои часы и кожаный мешочек с деньгами и разными мелкими вещами. Он велел всё это передать своей матери, а если бы тебе, как и ему, не посчастливилось вернуться во Францию, то он просил поручить, эти вещи кому-нибудь другому.

И тут же, перед всей толпой, барабанщик, которого звали Патрикием, вытащил из ранца все поименованные вещицы, сказав Пикару: «Вручаю их тебе, старый товарищ, в том же виде, в каком получил их из его рук: он сам вынул их из своего ранца, который мы тотчас же опять подложили ему под голову. Минуту спустя его не стало.» «Хорошо, — сказал Пикар, — если мне выпадет на долю счастье вернуться на родину, то я исполню последнюю волю моего товарища». Между тем войска двинулись. Я распрощался со своим спутником, обещаясь повидаться с ним вечером на бивуаке.

Я остановился на краю дороги и стал выжидать прохождения нашего полка — мне сказали, что он находится в арьергарде.

За гренадёрами следовало более 30 тысяч войска; почти все были с отмо-роженными руками и ногами, большею частью без оружия, так как они все равно не могли бы владеть им. Многие шли, опираясь на палки. Генералы, полковники, офицеры, солдаты, кавалеристы, пехотинцы всех националь-

ностей, входящих в состав нашей армии, шли все попережку, закутанные в плащи, подпалённые, дырявые шубы, в куски сукна, в овчины, словом — во что попало, лишь бы как-нибудь защититься от стужи.

Шли они не ропща и не жалуясь, готовясь, как могли, к борьбе, если бы неприятель стал противиться нашей переправе. Присутствие императора воодушевляло нас и внушало доверие; он всегда умел находить новые ресурсы, чтобы извлечь нас из беды. Это был всё тот же великий гений, и как бы мы ни были несчастны, всюду с ним мы были уверены в победе.

Это множество людей на ходу оставляло за собой мёртвых и умирающих. Мне пришлось подождать с час, пока прошла вся колонна. Дальше тянулась длинная вереница ещё более жалких существ, следовавших машинально, на значительных промежутках. Эти дошли, выбиваясь из последних сил — им не суждено было даже перейти через Березину, от которой мы были так близко. Минуту спустя я увидел остатки молодой гвардии, стрелков, фланкёров и несколько волтижёров, спасшихся в Красном, когда полк, командуемый полковником Люроном, был на наших глазах смят и изрублен русскими кирасирами.

Эти полки, смешавшись, шли всё-таки в порядке. За ними следовала артиллерия и несколько фургонов. Остальная часть большого парка, под командой генерала Негра, была уже впереди. Вскоре показалась правая колонна фузелёров-егерей, с которыми наш полк образовал одну бригаду. Число их ещё сильнее сократилось. Наш полк был отделён от них небольшим количеством артиллерии, которую с трудом тащили лошади. Минуту спустя я увидел правую колонну, идущую двумя рядами по обе стороны дороги, чтобы присоединиться к левой фузелёров-егерей. Полковий адъютант, майор Рустан, первый увидел меня, сказал: «Вы ли это, мой бедный Бургонь?» Вас считали мёртвым в арьергарде, а вы живы и впереди! Ну и прекрасно! Не встречали ли вы позади людей нашего полка?» Я отвечал, что трое суток я бродил с одним гренадёром по лесу, чтобы не быть захваченным в плен русскими. Наконец подошла наша рота; я успел занять своё место на правом фланге, а товарищи ещё не заметили меня; они шли понурив головы и уставив глаза в землю, почти ничего не видя, до такой степени мороз и бивуачный дым испортил им зрение. Узнав, что я вернулся, они подошли ко мне и засыпали меня вопросами, на которые я не в силах был отвечать, до того я был растроган, очутившись среди них, точно я вернулся в свою родную семью! Они говорили мне, что не постигают, как это я мог отстать от них, и что это не случилось бы, если бы они во время заметили, что я болен и не могу следовать за ними. Окинув глазами роту, я увидел, что она ещё значительно убыла. Капитана не было с ними: все пальцы у него отвалились. В настоящую минуту не знали, где он — говорят, он ехал на плохой кляче, с трудом добытой для него.

Двое моих друзей, Гранжье и Лебуд, видя, что я еле держусь на ногах, взяли меня под руки. Мы присоединились к фузелёрам-егерям. Я не помню, чтобы когда-нибудь в жизни мне так сильно хотелось спать, но делать нечего, приходилось маршировать дальше. Мои друзья убеждали меня подремать немного, пока они ведут меня под руки, и мы делали это по очереди, так как их тоже клонило ко сну. Несколько раз нам случалось останавливаться совсем, причём все трое спали. К счастью, в этот день холод значительно смягчился, иначе наш сон неминуемо перешёл бы в смерть.

Среди ночи мы прибыли в окрестности Борисова. Император остановился в замке, лежавшем вправо от дороги, а вся гвардия расположилась вокруг. Генерал Родэ, наш командир, завладел теплицей замка, для ночёвки. Мои друзья и я поместились позади теплицы. Ночью мороз значительно усилился. На другой день, 14-го (26-го), мы заняли позицию на берегах Березины; император с утра находился в Студянке, маленькой деревушке, лежащей на высоте напротив.

Прибыв, мы увидали, что молодцы-понтонёры заняты сооружением мостов для переправы войск. Вся ночь они проработали по плечи в воде, среди льдин, подбадрываемые своим начальником (генералом Эбле). Они жертвовали своей жизнью для спасения армии. Один из моих приятелей уверял, что видел как сам император подносил им вина.

В два часа пополудни первый мост был готов. Сооружение его было очень затруднительно и хлопотливо — козлы постоянно погружались в тину. Тотчас же корпус маршала Удино переправился через него, чтобы атаковать русских, если бы они воспротивились нашей переправе. Ещё раньше, прежде чем готов был мост, кавалерия 2-го корпуса переправилась через реку вплавь; каждый всадник на крупе лошади вёз ещё пехотинца. Второй мост для артиллерии и кавалерии, был окончен к четырём часам. Этот второй мост обрушился вскоре, и в ту минуту, как начала переправляться артиллерия. Много народу при этом погибло.

Вскоре по прибытии нашем на берега Березины я улёгся, завернувшись в медвежью шкура; со мной сделался лихорадочный озноб. Долго пролежал я в бреду; мне представлялось, что я дома у отца угощаюсь картофелем, лепёшкой по-фламандски и пью пиво. Не знаю, сколько времени я пробыл в таком состоянии, но помню, что мои друзья принесли мне в манерке бульона из конины, очень горячего, который я выпил с удовольствием; несмотря на холод, бульон вызвал у меня испарину, потому что кроме окутывавшей меня медвежьей шкуры друзья мои, покуда я трясся в ознобе, накрыли меня большой клеёнкой, содранной с зарядного ящика, очутившегося без лошадей. Остаток дня и всю ночь я пролежал не двигаясь.

На другой день, 15-го (27-го), мне стало полегче, но я был страшно слаб. В этот день император перешёл через Березину с частью гвардии и приблизительно тысячью людей, принадлежавших к корпусу маршала Нея. Это

была часть остатков его армейского корпуса. Наш полк оставался на берегу. Я услышал, что кто-то зовёт меня по имени: оглядываюсь и узнаю г. Пенью, директора императорских почт и подстав. Увидев мой полк, он осведомился обо мне. Ему сообщили, что я болен. Он пришёл не для того, чтобы оказать мне помощь — у него у самого ничего не было — а чтобы подбодрить меня хоть словом. Я поблагодарил его за участие, прибавив, что мне, кажется не суждено ни переправиться через Березину, ни увидеть Францию, но что если он будет счастливее меня, то я прошу его рассказать моим родным, в каком печальном положении он меня видел. Он предлагал мне денег, но я поблагодарил, у меня было своих 800 франков, и всю эту сумму я охотно отдал бы за ту лепёшку и за тот картофель, которыми я во сне угощался у себя дома.

Перед уходом он показал мне рукой тот дом, где поместился император, прибавив, что это прежний мучной лабаз. Но к несчастью, русские всё оттуда повытаскали, так что ему нечего предложить мне. Засим он пожал мне руку и отправился через мост.

Когда он ушёл, я сообразил, что он упоминал о мучном складе, помещавшемся в том доме, где расположился император, и хотя был страшно слаб, однако кое-как дотащился до того места. Не так давно император покинул этот дом и там уже успели снять все двери. Войдя, я увидел несколько комнат, по которым и прошёлся. Всюду заметно было, что тут прежде помещался склад муки. В одной из комнат я увидел на полу щель в палец. Я уселся на пол и остриём сабли принялся выковыривать муку пополам с землёю и тщательно собирать её в платок. По прошествии получасовой работы, я наскрёб по крайней мере фунта с два, причём восьмая часть состояла из подмеси земли, соломы и мелких щепочек. Не беда! В эту минуту я не обратил на это никакого внимания. Я вышел из дома счастливый и довольный. Направляясь в сторону нашего бивуака, я заметил костёр, вокруг которого грелось несколько солдат гвардии. В числе их был один музыкант нашего полка, у которого на ранце болталась жестяная манерка. Я поманил его к себе; но так как ему не очень то хотелось покинуть своё место, не зная зачем я его зову, то я показал ему свой узелок, давая понять, что тут есть что то съестное. Он поднялся не без труда, и когда подошёл ко мне, я объяснил ему потихоньку, что если он даст мне на поддержание свою манерку, то я напеку лепёшек и поделюсь с ним. Он немедленно согласился на моё предложение. Кругом было много брошенных костров, и мы отыскиали один в сторонке. Я наместил теста и сделал четыре лепёшки: половину я отдал музыканту, которого привёл с собой обратно в полк. Прибыв туда, я поделился с теми, которые вели меня под руки, и так как лепёшки были ещё горячие, то все нашли их превкусными. Напившись мутной воды из Березины, мы стали греться у костра в ожидании приказа переправляться через мост.

У нашего костра сидел между прочим один солдат нашей роты, который вдруг ни с того, ни с сего стал надевать на себя парадную форму; я спросил его, зачем он это делает. Не отвечая мне, он дико хохотал. Этот человек был болен, его смех был предсмертным; в ту же ночь его не стало.

Немного дальше приютился старый солдат с двумя нашивками, прослуживший лет пятнадцать. Жена его была маркитанткой. Они всего лишились: повозки, лошадей, багажа и двоих детей, погибших в снегу. У бедной женщины оставался только её умирающий муж. Несчастливая, ещё не старая женщина, сидела на снегу, держа на коленях голову своего больного мужа, который был без чувств. Она не плакала, горе её было слишком глубоко. Позади, опершись на её плечо, стояла девочка лет тринадцати, прелестная как ангел, единственный их ребёнок, оставшийся в живых. Бедняжка громко рыдала. Слезы её лились потоком и замерзали на холодном лице её отца. Она была одета в солдатскую шинель поверх рваного платишка и с овчиной на плечах, для защиты от холода. На голове у неё и у матери были мерлушковые шапки. Из их полка не оставалось в живых ни души, чтобы поддержать и утешить их. Мы сделали всё возможное при подобных обстоятельствах; я так и не узнал, удалось ли спасти эту несчастную семью. Впрочем куда ни повернись, всюду можно было натолкнуться на подобные сцены.

Повозки и брошенные зарядные ящики доставляли нам хорошее сухое топливо, чтобы погреться, и мы пользовались им.

Мои друзья стали меня расспрашивать, как я провёл те три дня, что был в отсутствии. Они рассказали мне в свою очередь, что 11-го (23-го), когда они шли по дороге, пересекавшей лес, они увидели 9-й корпус, выстроенный в боевом порядке на дороге и кричавший: «Да здравствует император!» Они пять месяцев не видали императора. Этот армейский корпус, почти совсем не пострадавший и никогда не терпевший недостатка в продовольствии, был поражён при виде нашего жалкого положения, а мы были поражены, найдя его таким бодрым. Они не могли поверить, что это и есть московская армия, та армия, которую они видели такой молодецкой, такой многочисленной, а теперь такая она жалкая, оборванная, такая малолюдная!

2-й армейский корпус, командуемый маршалом Удино, как и 9-й, под предводительством маршала Виктора, герцога Белюнского, и поляки под начальством Домбровского так и не побывали в Москве; они стояли в Литве на квартирах, но за последние дни стали сражаться с русскими, отбросили их и забрали у них значительное количество багажа; этот багаж порядочно таки стеснял нас. Но, отступая, русские сожгли мост, единственный, существовавший через Березину, что останавливало наше движение и держало нас блокированными среди болот меж двух лесов и скученными в одной общей массе. Тут были всевозможные национальности: французы, итальянцы,

янцы, испанцы, португальцы, хорваты, немцы, поляки, румыны, неаполитанцы и даже пруссаки.

Маркитанты с жёнами и детьми в отчаянии плакали и вопили. Замечено было, что мужчины оказались менее женщин выносливы к страданиям, и нравственным и физическим. Я видал женщин, претерпевавших с изумительной стойкостью все беды и лишения. Иные даже стыдили мужчин, не умевших переносить испытания с мужеством и покорностью. Очень немногие из этих женщин погибли, разве только те, что попали в Березину во время переправы или были раздавлены в толпе.

С наступлением ночи у нас водворилось спокойствие. Каждый удалился на свой бивуак и, странное дело, никто больше не являлся, чтобы переходить через мост. Всю ночь, с 15-го (27-го) на 16-е (28-е), он был свободен. Огонь у нас был хороший и я заснул; но посреди ночи меня опять принялась трясти лихорадка, я стал бредить; вдруг грянула пушка и заставила меня очнуться. Был уже день, часов 7 утра. Я встал, взял ружьё и, никому не сказав ни слова, подошёл к мосту и переправился по нём буквально один-одинёшенек. Я не встретил ни души, кроме понтонёров, ночевавших по обоим концам, чтобы починять мост в случае какой-нибудь неисправности.

Очувшись на той стороне, я увидал направо большой досчатый сарай. Там император ночевал и оставался до сих пор. Я дрожал от лихорадки и подошёл погреться к костру, вокруг которого сидели офицеры, занятые рассматриванием карты; но меня приняли так недружелюбно, что я принуждён был убраться. Тем временем подошёл ко мне солдат нашего полка и сообщил, что полк только что переправился по мосту и расположился в боевом порядке во второй линии, позади корпуса маршала Удино, сражавшегося влево от нас. Гремели пушки, ядра долетали до того места, где я находился — тогда я решил присоединиться к полку, рассудив что лучше умереть от ядра, чем с голоду и холоду: я двинулся в лес. Дорогой я встретил капрала роты, тащившегося с трудом. Мы добрались до полка под руку, взаимно поддерживая друг друга. В нескольких шагах от роты был разведён костёр: капрал весь трясся от лихорадки, и я подвёл его к огню. Но только что успели мы расположиться, как просвистело ядро, попало моему несчастному товарищу прямо в грудь и сразило его нановал. Ядро не прошло навылет, а застряло в его теле. Увидав его мёртвым, я не мог удержаться, чтобы не сказать: «Бедный Марселен! Тебе хорошо теперь!» В ту же минуту пронёсся слух, что маршал Удино ранен.

Увидав, что убит один из солдат полка, полковник подошёл к костру и, заметив, что я совсем болен, приказал мне вернуться к тет-де-пону, подождать там всех отставших людей и, собрав их, привести в полк. Когда я пошёл к мосту, там уже царила сумятица. Люди, не захотевшие воспользо-

ваться ночью и частью утра для переправы, теперь, услышав пушки, нахлынули толпой к берегам Березины, чтобы переправиться по мосту.

Ко мне же подошёл капрал роты, по прозвищу «толстый Жан», семью которого я знал, и со слезами спросил меня, не видал ли я его брата? Я отвечал отрицательно. Тогда он рассказал мне, что со времени битвы под Красным он не расставался с братом, который болен лихорадкой, но что утром, перед тем, как перейти через реку, в силу какого то необъяснимого рока они разлучились.

Думая, что брат впереди, он всюду искал его на позиции, где стоит полк, но теперь намерен вернуться через мост назад — ему необходимо найти брата хотя бы ценою гибели...

Желая отвлечь его от рокового решения, я убеждал его остаться со мной у тет-де-пона, где мы вероятно увидим его брата, когда он явится. Но добрый малый сбросил с себя ружьё и ранец, говоря, что дарит его мне, так как мой утерян, а что касается ружья, то в них нет недостатка на той стороне. Потом он бросается к мосту; я стараюсь задержать его; показываю ему мёртвых и умирающих, которыми уже завален мост; мы видим, как упавшие мешают другим переправляться, ловят их за ноги, вместе с ними катятся в Березину, чтобы вынырнуть между льдин, затем исчезнуть совсем и очистить место другим. Но «толстый Жан» не слушает меня. Устремив глаза на эту картину ужасов, он воображает, что видит на мосту своего брата, пробирающегося сквозь толпу. Тогда, ничего не сознавая, кроме своего отчаяния, он бросается на груды трупов людей и лошадей, заграждавших вход на мост, и лезет дальше (13). Первые отталкивают его, видя в нём новое препятствие к переходу. Но он не унывает. «Толстый Жан» силен и крепок; его оттирают до трёх раз. Наконец он пробирается к тому несчастному, которого принимал за своего брата, но оказывается, что это не он. Я наблюдал за всеми его движениями. Тогда, заметив свою ошибку, он тем не менее горит желанием достигнуть другого берега, но его опрокидывают на спину на самом краю моста и он близок к тому, чтобы свалиться в воду. Его топчут ногами, шагают по его животу, по голове; ничего не может сокрушить его. Он находит в себе новый запас сил, поднимается, ухватившись за ногу одного кирасира, а тот в свою очередь, чтобы устоять, хватается за руку другого солдата. Но кирасир, у которого накинута на плечи плащ, запутывается в нём, спотыкается, падает и сваливается в Березину, увлекая за собой «толстого Жана» и другого солдата, уцепившегося ему за руку. Они умножают собою число трупов, скупенных под мостом и по обоим концам его.

(13) В конце моста было болото, очень толкое место, где вязли лошади, падали и не могли больше подняться. Много людей, увлекаемых толпой, добрались до конца моста, но падали в изнеможении, а следующие топтали их ногами.

Кирасир с другим солдатом исчезли под льдинами, но «толстому Жану» посчастливилось ухватиться за козлы, подпиравшие мост; за них он цеплялся, встав на колени на лошадь, лежавшую поперёк. Он молит о помощи, но его не слушали. Наконец сапёры и понтонёры бросили ему конец верёвки, он с ловкостью подхватил её и завязал себе вокруг туловища. Наконец, переходя от одних козел к другим, пробираясь по трупам и по льдинам, он достиг другого берега и там его вытащили. Но я уже больше не видал его; на другой день я узнал, что он таки отыскал своего брата в полуверсте оттуда, он застал его умирающим, и что сам он в безнадежном состоянии. Так погибли эти два добрых брата, а также и третий, служивший во 2-м уланском полку. По возвращении моём в Париж, я видался с их родителями, явившимися ко мне справляться о своих детях. Я оставил в них луч надежды, сказав, что они в плену, но сам был твёрдо уверен, что их уже нет в живых.

Во время этой бедственной переправы гренадёры гвардии бегали от одного бивуака к другому. Их сопровождал офицер; они просили сухого топлива, чтобы развести огонь для императора. Каждый спешил отдать всё, что у него было лучшего; даже умирающие — и те приподнимались, говоря: «Вот, берите — ведь это для императора!»

Было часов десять; второй мост, предназначен для кавалерии и артиллерии, рухнул под тяжестью пушек, в ту минуту, когда на нём находилось много людей — большая часть их погибла. Тогда беспорядок ещё усилился, все бросились к первому мосту, не было возможности проложить себе путь. Люди, лошади, повозки, маркитанты с жёнами и детьми — всё смешалось в общую кашу и давилось на пути; несмотря на крики маршала Лефевра, стоявшего у входа на мост, ему не удавалось водворить маломальский порядок, и он не мог долее оставаться на мосту. Он был унесён людским потоком со своей свитой и чтобы не быть раздавленным, принужден был перейти через мост.

Мне удалось уже собрать пять человек нашего полка, из коих трое потеряли свои ружья в сумятице. Я заставил их развести костёр. Глаза мои были постоянно устремлены на мост. Я увидел сходявшего с моста человека, закутанного в белый плащ. Подталкиваемый толпой, он споткнулся и упал на околевшую лошадь по левую сторону от моста, потом поднялся с великим трудом, но скоро опять свалился у самого нашего костра. Некоторое время он оставался в этом положении; думая, что он умер, мы хотели убрать его в сторону и снять с него плащ, но он поднял голову и узнал меня. Это был оружейный мастер полка. Он начал плакаться на судьбу и рассказывать мне о своих злоключениях: «Ах, сержант! Какое со мной несчастье! Я всё потерял: лошадей, повозку, слитки золота, меха! У меня остался ещё мул, приведённый мной их Испании. Но и его я принужден был бросить, а он был нагружен золотом и мехами! Я перешёл по мосту, даже не коснувшись ногами настилки, меня перенесла толпа, зато я еле жив!» Я возразил

ему, что он может считать себя счастливым и благодарить Провидение, если ему удастся вернуться во Францию хоть бедняком, да целым и невредимым.

К нашему костру нахлынула такая толпа, что мы принуждены были оставить его и развести другой в нескольких шагах позади. Беспорядок всё возрастал, но вскоре стало ещё хуже, когда маршала Виктора атаковали русские — бомбы и ядра посыпались в толпу. К довершению беды, повалил снег с холодным ветром. Безурядица продолжалась весь день и всю ночь; всё время по Березине вместе с льдинами плыли трупы людей и коней, а повозки, нагруженные ранеными, загораживали мост и падали вниз. Сумятица ещё усилилась, когда между 8 и 9-ю часами маршал Виктор начал отступление. Перед ним очутились груды трупов, через которые он не мог протискаться по мосту с своими войсками. Арьергард 9-го корпуса оставался ещё на той стороне и должен был покинуть позицию лишь в последнюю минуту. В ночь с 16-го (28-го) на 17-е (29-е) все эти несчастные имели полную возможность перейти на другой берег, но, окоченев от стужи, они замешкались, греясь у костров, для которых послужили повозки, оставленные и зажжённые нарочно, чтобы заставить этих людей уйти оттуда.

Я ретировался назад с 17-ю людьми полка и сержантом Росьером. Его вёл один солдат полка. Он почти ослеп и его трясла лихорадка. (Впоследствии я узнал, что этому сержанту удалось вернуться во Францию. Так как у него было много денег, то какой-то жид доставил его до Кенигсберга. Но, приехав во Францию, он сошёл с ума и пустил себе пулю в лоб). Из сострадания я одолжил ему свою медвежью шкуру; ночью пошёл снег, но таял на меху вследствие сильного жара от костра и от жару же она ссыхалась. Утром, когда я хотел взять её, она оказалась до того жёсткой, что никуда не годилась. Так и пришлось бросить её. Но, желая извлечь из неё пользу до конца, я прикрыл ею одного умирающего.

Ночь провели мы прескверно. Много людей императорской гвардии погибло. Наконец, настало утро 17-го (29-го) ноября. Я отправился опять к мосту посмотреть, не найду ли ещё кого из солдат полка. Несчастные, не захотевшие воспользоваться ночью для того, чтобы спастись, когда рассвело, кинулись толпами на мост. Уже заготовлялось всё нужное, чтобы сжечь его. Многие бросались прямо в реку, надеясь, что им удастся переправиться как-нибудь вплавь по льдинам, но никому не удалось пристать к другому берегу. Я сам видел людей, погружённых по плечи в воду, с побагровевшими лицами, и все погибали самым жалким образом. На мосту я увидел одного маркитанта, несшего ребёнка на голове, Жена его шла впереди, испуская вопли отчаяния. Смотреть на всё это было свыше сил моих, я не мог выдержать более. В тот момент, когда я отходил, повозка, в которой находился раненый офицер, свалилась с моста вместе с лошадью и несколькими сопровождавшими её людьми. Так погиб Легран, брат доктора Леграна

из Валансьена. Он был ранен при Красном и добрался до Березины. Когда русские стали обстреливать мост, говорят, он вторично был ранен, прежде чем упал в воду вместе с повозкой.

Наконец, я удалился. Мост зажгли; вот тут-то, говорят, разыгрались сцены, неподдающиеся описанию. Переданные мною подробности представляют лишь бледный набросок страшной картины.

РОСТОПЧИНСКІЯ АФИШИ 1812 ГОДА.

Бібліографическое изданіе въ 300 экземплярахъ

ИЗДАНИЕ А.С. СУВОРИНА.

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А.С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11- 2
1889

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 15 октября 1888 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высочайшим указом 29-го мая 1812 года Московским главнокомандующим был назначен граф Фёдор Васильевич Ростопчин, известный патриот и враг господствовавшей на Руси галломании, которую он и осмеивал в своих литературных произведениях, относящихся к эпохе первой войны с Наполеоном. Заняв столь важный и трудный в то время пост, новый генерал-губернатор древней столицы проявил необыкновенную энергию в изыскании способов к народной самозащите. В короткое время он собрал миллионные пожертвования, десятки тысяч ополчения и запаса продовольствием и одеждою для ратников. Не ограничиваясь этим, он по собственному признанию, «почувствовал необходимость действовать на дух народа, возбудить его и приготовить ко всем жертвам для спасения отечества» («Русский Архив», 1875 г., кн. 2, стр. 388). С этою целью Ростопчин начал распространять среди москвичей свои знаменитые афиши, которые появились, по словам Н.С. Тихонравова, «среди разгара политических событий, должны были иметь к массе читателей особенно живое отношение, затрагивать в ней самые дорогие интересы и приводить к результатам чисто практическим». (Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 году — «Отеч. Записки», 1854 г., т. 14, № 7 отд. 2, стр. 2).

Ростопчинские афиши печатались частью в «Московских Ведомостях», частью выходили отдельными листками и рассылались по домам. В настоящее время они составляют величайшую библиографическую редкость, и полного собрания их нет, сколько нам известно, ни в одном из отечественных книгохранилищ. Даже Императорская Публичная Библиотека имеет только 12 афиш, из которых четыре дублетных по содержанию, но разной печати. Говоря о полноте собрания, мы разумеем относительную его полноту, ибо невозможно с точностью определить количество выпущенных Ростопчиным афиш, которые, по самому свойству летучих листков, могли легко подвергаться уничтожению. Несомненно только, что для потомства сохранилась незначительная часть их, что подтверждается и следующим известием А.Д. Бестужева-Рюмина, одного из современников Московского главнокомандующего и участника в событиях Двенадцатого года: «Граф Ростопчин, по отъезде государя императора (18-го июля), редкий день не издавал афишек, как о действии армий наших, так особенно и от себя в народное известие» (Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году — *Чтения Общества истории и древн. рос.* 1859 г., кн. 2, отд. 5, стр. 77). Неизвестный автор любопытной книги: «Русские и Наполеон Бонапарте» (М. 1813), скрывший своё имя под псевдонимом «Московского Жителя», также

свидетельствует, что во время пребывания французов в Москве «во всем селениям и деревням рассылаемы были от главнокомандующего печатные объявления», из которых он приводит только одно (стр. 111).

Вопрос о Ростовчинских афишах мало разработан в библиографическом отношении. Первым исследователем их был М.Н. Лонгинов, статья которого «Материалы для биографии и полного собрания сочинений гр. Ф.В. Ростовчина» напечатана в «Русском Архиве», 1868 г., а затем некоторые полезные указания находим в неоконченном исследовании А.Н. Попова: «Москва в 1812 году» (*Р. Архив 1875 г., кн. 2, стр. 390*); вот всё, что появилось существенного в области библиографии по вопросу о Ростовчинских афишах. Пользуясь означенными трудами и руководствуясь собственными розысканиями, мы предлагаем следующий за сим хронологический список известных нам афиш, с указанием как сохранившихся отдельных листков, так и тех переодических изданий, книг и статей, где означенные афиши были напечатаны впервые или перепечатывались. Относительно хронологии Ростовчинских афиш необходимо заметить, что некоторые из них, выходявшие отдельными листками, не имеют дат. Восстанавливая последние, мы обозначали их в скобках. Что касается текста, то за основу его приняты первоисточники, а за неимением последних — ближайшие к 1812 году перепечатки. Вот список Ростовчинских афиш:

1. *1-го июля*: 1) Д.Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей Русской земли, ч.3. С-Пб. 1847, стр. 128 — 130; 2) Сочин. Гр. Ростовчина, изд. А. Смирнова. С-Пб. 1853, стр. 163 — 165; 3) Р. Архив 1875 г., кн. 2, стр. 388; 4) Д.А. Ровинский. Русские народные картинки. Атлас, т. 2. С-Пб. 1881, № 505.

2. *3-го июля*: 1) Моск. Вedom. 1812 г., № 53, стр. 1410; 2) Б. Каменский, стр. 130; Чтения Общ. Истории и древн. 1859 г., кн. 2, отд. 5, стр. 70.

3. *2-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Моск. Вedom. 1812 г., № 62, стр. 1600; 3) Исторический, статистический и географический журнал, на 1812 г., ч. 3, кн. 2, стр. 170 — 171; 4) Библиограф. Записки 1859 г., ст. 48, под № 1; 5) Р. Архив 1875 г., кн. 2, стр. 389.

4. *9-го августа*: 1) Истор., статистич. И географ. Журнал, ч. 3, кн. 2, стр. 185 — 187, под заглавием: «Дружеское послание от главнокомандующего в Москве к жителям её»; 2) Р. Вестник 1812 г., ч. 20, кн. 10, стр. 82 — 86, под таким же заглавием; 3) А. И. Михайловский-Данилевский. Отечественная война 1812 г., ч.2. С-Пб. 1839, стр. 338 — 339; изд. 2-е, 1840 г., ч. 2, стр. 299 — 300; 4) И.М. Снегирёв. Очерк жизни Московского архиепископа Августина. М. 1841, стр. 116 — 117; 5) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 187 — 188; 6) Б. Каменский, стр. 131 — 132; 7) Соч. Ростовчина, стр. 166 — 168, под № 1; 8) М.И. Богданович. История царствования Александра 1, т. 3. С-Пб. 1869, прилож., стр. 69 — 70, под № 11; 9) Р. Архив 1875 г., кн. 2, стр. 389.

5. *14-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Моск. Вedom. 1812 г., № 66, стр. 1667; 3) Истор., статистич. и географ. журнал, ч. 3, кн. 2, стр. 184; 4) Москвит. 1843 г., ч. 1, № 1, стр. 272; 5) Соч. Ростопчина, стр. 169 — 170, под № 3. Лонгинов относит эту афишу к 13 августа.
6. *Того же числа*: 1) Моск. Вedom. 1812 г., № 65, стр. 1653; 2) М. И. Богданович. Ист. Отеч. Войны, т. 2, стр. 259 — 260, под № 1.
7. *17-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Истор., статистич. и географ. журнал, ч. 3, кн. 2, стр. 187 — 189; 3) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 186 — 187, под № 1; 4) Очерки жизни Августина, стр. 118 — 119; 5) Б. Каменский, стр. 132 — 133; 6) Соч. Ростопчина, стр. 171 — 173, под № 6; 7) Чтения 1859 г., кн. 2, отд. 5, стр. 78; 8) История Отечеств. войны, т. 2, стр. 261 — 262; 9) История царств. Александра 1, т. 3, прилож., стр. 69, под № 1.
8. *18-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Моск. Вedom. 1812 г., № 67, стр. 1686; 3) Истор., статистич. и географ. журнал, ч. 3, кн. 2, стр. 185, без окончания; 4) Москвит. 1842 г., ч. 1, стр. 189 — 190, под № 4; 5) Б. Каменский, стр. 134, в извлечении; 6) Соч. Ростопчина; разделена на две части: первая, на стр. 168 — 169, под № 2; вторая, на стр. 170, под № 4; 7) История царств. Александра 1, т. 3, прилож., стр. 71, под № 4.
9. *20-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Моск. Вedom. 1812 г., № 68, стр. 1709; только первая часть, заключающая в себе известие из главной квартиры. Помечено 18 августа; 3) Очерки жизни Августина, стр. 117 — 118, под буквою Б., и стр. 119 — 120, под буквою Д.; 4) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 190 — 191, под № 5; 5) Б. Каменский, стр. 135 — 136; 6) Соч. Ростопчина, стр. 175 — 177, под № 10; 7) История Отечеств. войны, т. 2, стр. 260 — 261, под № 2; 8) История царств. Александра 1, т. 3, прилож., стр. 71, под № 5.
10. *22-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Очерки жизни Августина, стр. 121, под буквою И.; 3) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 189, под № 3; 4) Б. Каменский, стр. 136 — 137; 5) Соч. Ростопчина, стр. 170 — 171, под № 5; 6) История Отечеств. войны, т. 2, стр. 265, без окончания; 7) История царствования Александра 1, т. 3, прил. Стр. 70, под № 3.
11. *26-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Моск. Вedom. 1812 г., № 69, стр. 1723; 3) Б. Каменский, стр. 138 — 139; 4) Библиограф. Записки 1859, ст. 48 — 49, под № 2.
12. *Того же числа*: 1) Отдельный листок; 2) Моск. Вedom. 1812 г., № 69, стр. 1724; 3) Очерки жизни Августина, стр. 119, под буквою Г.; 4) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 191 — 192, под № 7; 5) Б. Каменский, стр. 139; 6) Соч. Ростопчина, стр. 173, под № 7; 7) История царств. Александра 1, т. 3, прилож., стр. 72, под № 7.
13. *27-го августа*: 1) Отдельный листок; 2) Прибавление к № 69 Моск. Вedom. 1812 г.; 3) Михайловский-Данилевский, ч. 2, стр. 345 — 346; изд. 2-е, стр. 305, в извлечении; 4) Очерки жизни Августина, стр. 120, под

буквою Ж.; 5) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 191, под № 6; 6) Б. Каменский, стр. 140 — 141, в извлечении; 7) Соч. Ростопчина, стр. 173 — 174, под № 8; 8) История Отечеств. войны, т. 2, стр. 262, под № 1, вторая половина афиши; 9) История царств. Александра 1, т. 3, прилож., стр. 72, под № 7.

14. *30-го августа*: 1) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 2, стр. 528 — 529; 2) Б. Каменский, стр. 138; ошибочно отнесено к 25 августа, как и у Лонгинова; 3) Соч. Ростопчина, стр. 174 — 175, под № 9; 4) Чтения 1859 г., кн. 2, отд. 5, стр. 82; 5) Ист. Отечеств. войны, т. 2, стр. 262 — 263, под № 2; 6) История царств. Александра 1, т. 3, прилож., стр. 72, под № 8.

15. *Того же числа*: 1) Очерки жизни Августина, стр. 121, под буквою З.; 2) Михайловский-Данилевский, т. 2, стр. 348; изд. 2-е, т. 2, стр. 307; 3) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 192, под № 8; 4) Б. Каменский, стр. 142 — 143; 5) Соч. Ростопчина, стр. 177 — 178, под № 12; 6) История царств. Александра 1, т. 3, прилож., стр. 73, под № 9. Существовал отдельный листок этой афиши, напечатанный в типографии С. А. Селивановского, о чём свидетельствует С. Н. Глинка (Записки о 1812 годе. С-Пб. 1836, стр. 55).

16. *31-го августа*: 1) Очерки жизни Августина, стр. 122, под буквою И; 2) Москвит. 1842 г., ч. 1, № 1, стр. 192, под № 9; 3) Б. Каменский, стр. 143; 4) Сочинение Ростопчина, стр. 177, под № 11; 5) История царствования Александра 1, ч. 3, прил. стр. 73, под № 10.

17. *20-го сентября*: 1) Русские и Наполеон Бонапарте. М. 1813, стр. 111 — 115; 2) Б. Каменский, стр. 158 — 160; 3) Соч. Ростопчина, стр. 178 — 182, под № 13.

18. *20-го октября*: 1) Б. Каменский, стр. 164 — 165; 2) Соч. Ростопчина, стр. 191 — 194.

К настоящему изданию приложены снимки с трёх Ростопчинских афиш: с двух печатных (7 и 10), находящихся в библиотеке известного собирателя книжных редкостей В.И. Яковлева, и одной рукописной (15), принадлежащей Л.Н. Майкову.

В. Саитовъ.

1.

Московский мешанин, бывший в ратниках, Карнюшка Чихирин, выпив лишний крючок на Тычке, услышал, что будто Бонапарт хочет идти в Москву, рассердился и, разругав скверными словами всех Французов, вышел из питейного дома, заговорил под орлом так:

«Как! К нам? Милости просим, хоть на святках, хоть на масленицу; да и тут жгутами девки так припопонят, что спина вздуется горой. Полно демоном-та наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сиди-ка дома, да играй в жмурки, либо в гулючки. Полно тебе фигля-

рить: ведь солдаты твои карлики, да щёгольки; ни тулупа, ни рукавиц. Ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житьё-бытьё вынести? Он капуста раздуется, от каши перелопаются, от щей задохнуться. а которые в зиму-та и останутся, так крещенские морозы поморят; будут у ворот замерзать, на дворе околевать, в санях зазябать, в избе задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Поваялся кувшин по воду ходить, там ему и голову положить. Карл-та Шведский, пожилистей тебя был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушёл без возврата. Да и при тебе будущих-та мало будет. Побойчей Французов твоих были: Поляки, Татары и Шведы, да и тех наши так отпочивали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами их кости. Ну, и твоей силе быть в могиле. Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Ведь это не город, а царство. У тебя дома-та слепой, да хромой, старухи да ребятишки остались, а на Немцах невыедешь: они тебя смаху оседлают. А на Руси што, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600 000, да забритых 300 000, да старых рекрут 200 000. Молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все братья родные. Да коли понадобится, скажи нам батюшка Александр Павлович: «Сила христианская, выходи», и высыпит бесконечная, и свету Божьего не увидишь! Ну, передних бей пожалуй: тебе это по сердцу; за то остальные-та тебя доканают на веки веков. Ну, как же тебе к нам забраться? Не токмо что Ивана Великого, да и Поклонной во сне не увидишь. Белорусцев возьмём, да и тебя в Польше и погребём. Ну, поминай как звали! По сему и прочее разумевай, не наступай, не начинай, а направо кругом домой ступай и знай из роду в род каков Русский народ».

Потом Чихирин пошёл бодро и запел: «Во поле берёза стояла», а народ, смотря на него, говорил: «Откуда берётся? А что говорит дело, то уж дело».

1-го июля.

2.

Московский военный губернатор, граф Ростопчин, сим извещает, что в Москве показалась дерзкая бумага, где между прочим вздором сказано, что Французский император Наполеон обещает через шесть месяцев быть в обеих российских столицах. В 14 часов полиция отыскала и сочинителя, и от кого вышла бумага. Он есть сын московского второй гильдии купца Верещагина, воспитанный иностранным и развращённый трактирною беседою. Граф Ростопчин признаёт нужным обнародовать о сём, полагая возможным, что списки с сего мерзкого сочинения могли дойти до сведения и легковерных, и наклонных верить невозмож-

ному. Верещагин же сочинитель и губернский секретарь Мешков переписчик, по признанию их, преданы суду и получают должное наказание за их преступление.

3-го июля.

3.

Вчерашнего числа главнокомандующий в Москве получил через нарочного курьера от его высокопревосходительства, господина военного министра, из мызы Мошинки, следующие известия:

26-го числа 1-я и 2-я армии, снабдившись продовольствием, выступили из Смоленска, 1-я в Водро, 2-я в Катань.

27-го авангард 1-й армии, под начальством генерала Платова и генерал-майора графа Палена, разбил корпус неприятельской кавалерии; большое число войск, оный составлявших, совершенно истреблено, и взято в плен нами около 1000 человек, в числе коих 1 полковник и много штаб и обер-офицеров; также взят обоз командующего оным корпусом генерала Монбрюна.

27-го же числа армии перешли, 1-й в Мошинки на Пореченскую дорогу, а 2-я в Водро.

2-го августа.

4.

Слава Богу, все у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает, и мясо дешевет. Одного всем хочется, чтобы злодея побить, и то будет. Станем Богу молиться, да воинов снаряжать, да в армию их отправлять. А за нас перед Богом заступники: Божия Матерь и московские чудотворцы; пред светом — милосердный государь наш Александр Павлович, а пред супостаты — христолюбивое воинство; а чтоб скорее дело решить: государю угодить, Россию одолжить и Наполеону насолить, то должно иметь послушание, усердие и веру к словам начальников, и они рады с вами и жить, и умереть. Когда дело делать, я с вами; на войну идти, перед вами; а отдыхать, за вами. Не бойтесь ничего: наша туча, да мы её отдуем; всё перемелится, мука будет; а берегитесь одного: пьяниц, да дураков; они, распустя уши, шатаются, да и другим в уши враспloch надувают. Иной думает, что Наполеон за добром идёт, а его дело кожу драть: обещает всё, а выйдет ничего. Солдатам сулит фельдмаршальство, нищим — золотые горы, народу — свободу; а всех ловит за виски, да в тиски и пошлёт на смерть: убьют либо там, либо тут. И для сего и прошу, если кто из наших, или из чужих станет его выхвалять и сулить и то и другое, то какой бы он ни был, за хохол, да на съезжую! Тот, кто возьмёт, тому честь, слава и награда; а кого возьмут, с тем я разделаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу;

мне на то и власть дана, и государь изволил приказать беречь матушку Москву; а кому-же беречь мать, как не деткам! Ей-Богу, братцы, государь на вас как на Кремль надеется, а я за вас присягнуть готов! Не введите в слово. А я верный слуга царский, русский барин и православный христианин.

Вот и моя молитва:

Господи, Царю Небесный! Продли дни благочестивого земного царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россию, продли мужество христолюбивого воинства, продли верность и любовь к отечеству православного Русского народа! Направ стопы воинов на гибель врагов, просвети и укрепи их силою Животворящего Креста, чело их охраняюща, и сим знамением победиша.

9-го августа.

5.

От главнокомандующего в Москве.

Я сейчас получил через курьера от военного министра известие, что неприятель стоит в том же месте.

Наш авангард в Умольне, 30 вёрст от Дорогобужа к Смоленску. Главная квартира обеих армий в Дорогобуже. Неприятель от генерального сражения уклоняется. К нам от него Немцы бегут сотнями и объявляют, что соотчичи их в первом сражении перейдут к нам.

Курьер, приехавший ко мне, встретил у Вязьмы лейб-драгунского полковника Албрехта, посланного от генерал-лейтенанта графа Витгенштейна к военному министру с известием, что он в 15-ти верстах от Полоцка напал на фельдмаршала Удино; дрался с ним два дня, разбил совершенно его армию, взял в плен 3 000 человек, убитых до шести; пушек досталось от неприятеля 15. В первый день фельдмаршал Удино смертельно ранен, а во второй армией командовал генерал Сен-Сир. Наши войска в Полоцке.

14-го августа.

6.

4-го числа император Наполеон, собрав все свои войска, в числе 100 000 человек, пришёл к Смоленску, где встречен за 6 вёрст корпусом генерал-лейтенанта Раевского. Сражение началось в 6 часов утра и с полудня сделалось кровопролитнейшим. Храбрость Русских превозмогла многочисленность, и неприятель был опрокинут. Корпус генерала Дохтурова, пришедший на смену утомлённого, но победившего корпуса генерал-лейтенанта Раевского, 5-го числа на рассвете вступил в битву, коя до глубокой ночи продолжалась. Неприятельские войска везде были отражаемы, и русские воины с храбростью и мужеством, им свойст-

венным, на гибель врагов и защиту отечества шли с яростью, призывая имя Господне в помощь. Но в сие время город Смоленск объят был пламенем, и войска наши заняли позицию от днепра к деревне Пнёвой и Дорогобужу. Обе армии стоят вместе. Неприятель, расстроенный столь сильным поражением, остановился и, потеряв больше двадцати тысяч человек, приобрёл в добычу старинный град Смоленск, руками его в пепел обращённый. Жители все несколько дней до сражения вышли из города. С нашей стороны урон убитыми и ранеными простирается до четырёх тысяч человек; в числе первых два храбрых генерала Скалон и Балла. В плен взято множество войска, и целые неприятельские батальоны кидали ружья, чтоб спасти жизнь. Три полка нашей кавалерии и три казаков опрокинули 60 эскадронов неприятельской кавалерии под начальством Неаполитанского короля.

14-го августа.

7.

От главнокомандующего в Москве.

Здесь есть слух и есть люди, кои ему верят и повторяют, что я запретил выезд из города. Если бы это было так, тогда на заставах были бы караулы и по несколько тысяч карет, колясок и повозок во все стороны не выезжали. А я рад, что барыни и купеческие жёны едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах в будущих отправились без возврата. Если по их есть опасность, то непристойно; а если нет её, то стыдно. Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет, и вот почему; в армиях 130 тысяч войска славного, 1800 пушек и светлейший князь Кутузов, истинно государев избранный воевода русских сил и надо всеми начальник; у него, сзади неприятеля, генералы Тормасов и Чичагов, вместе 85 тысяч славного войска; генерал Милорадович из Калуги пришёл в Можайск с 36 тысячами пехоты, 3800 кавалерии и 84 пушками пешей и конной артиллерии. Граф Морков через три дня придёт в Можайск с 24 тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысяч в след за ним. В Москве, в Клину, в Завидове, в Подольске 14 тысяч пехоты. А если мало этого для погибели злодея, тогда уж я скажу: «Ну, дружина Московская, пойдём и мы!» И выйдем сто тысяч молодцов; возьмём Иверскую Божью Матерь, да 150 пушек и кончим дело все вместе. У неприятеля же своих и сволочи 150 000 человек, кормятся пареною рожью и лошадиным мясом. Вот, что я думаю и вам объявляю, чтоб иные радовались, а другие успокоились, а больше ещё тем, что и государь-император на днях изволит прибыть в верную свою столицу. Прочитайте; понять можно всё, а толковать нечего.

17-го августа.

От главнокомандующего в Москве.

По полученным мною известиям авангард стоит в 13 вёрст перед Вязьмой. Главная квартира в Вязьме. Неприятель стоит на одном месте. Отрядов от него нет. Корпус генерала Милорадовича весь на походе. Авангард его, из 8000 человек составленный, пошёл сегодня из Можайска к Гжати под команду генерал-майора Вадковского. Прочие войска сего корпуса идут из Боровска и Вереи. Ополчение Тверское готово, и 13 тыс. человек с кавалерией под команду генерал-майора Тыртова идут в Клин. Светлейший князь Кутузов прибыл вчера в Вязьму.

Граф Витгенштейн занял Полоцк и действует далее; весь тот край очищен от проказы, и Французов нет.

Многие из жителей желают вооружиться, а оружия тысяч на десять есть в арсенале, которое куплено, и дёшево, на Макарьевской ярмарке; всякое утро желающие могут покупать в арсенале ружья, пистолеты и сабли; цены тут означены; за этом не скажут спасибо, а осердятся одни из ружейного ряда, но воля их, Бог их простит!

18-го августа.

9.

Главная квартира между Гжати и Можайска.

Наш авангард под Гжатью; место, нашими войсками занимаемое, есть прекрепкое, и тут светлейший князь намерен дать баталию; теперь мы равны с неприятелем числом войск. Через два дни у нас ещё будет 20 тыс., но наши войска Русские, единого закона, единого царя, защищают церковь Божию, дома, жён, детей и погосты, где лежат отцы наши. Неприятель же деруться за хлеб, умирают на разбое; если они раз проиграют баталию, то все разбредутся, и поминай, как звали!

Вы знаете, что я знаю всё, что в Москве делается; а что было вчера — не хорошо, и побранить есть за что: два Немца пришли деньги менять, а народ их катать; один чуть не умер. Вздумали, что будто шпионы; а для этого допросить должно: это моё дело. А вы знаете, что я не спущу и своему брату Русскому. И что за диковина! Ста человекам прибить костяного Француза, или в парике окуренного Немца. Охота руки марать! И кто на это пускается, тот при случае за себя не постоит. Когда думаете, что шпион, ну, веди ко мне, а не бей и не делай нарекания Русским; войска-та французские должно закопать, а не шушерам глаза подбивать. Сюда раненых привезено; они лежат в Головинском дворце; я их смотрел, напоил, накормил и спать положил. Вишь, они за вас дрались; не оставьте

их, посетите и поговорите. Вы и колодников кормите, а это государевы верные слуги и наши друзья. Как им не помочь!

20-го августа.

10.

От главнокомандующего в Москве.

Здесь мне поручено от государя было сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят и по ветру, и против ветра; а что от него будет, узнаете и порадуетесь. Если погода будет хороша, то завтра, или после завтра, ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтоб вы, увидя его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и гибели.

Генерал Платов, по приказанию государя и думая, что Его Императорское Величество уже в Москве, приехал сюда ко мне и едет после обеда обратно в армию и поспеет к баталии, чтоб там петь благодарственный молебен и «Тебя, Бога, хвалим!»

22-го августа.

11.

Курьер, отправленный вчера в десять часов вечера из армии, привёз известие, что кроме перестрелки егерей ничего не произошло во весь день.

В субботу Французов хорошо попарили; видно отдыхают! У князя Багратиона на левом фланге перед одной батареею сочтено больше 2000 убитых.

*Августа 26-го дня.
Москва, 1812 года.*

12.

В полночь получил я следующее известие от его светлости, главнокомандующего армиями:

Вчерашнего числа (24-го), во втором часу по полудни неприятель в важных силах атаковал наш левый фланг, под команду князя Багратиона, и не только в чём либо имел поверхность, но потерпел везде сильную потерю. Сражение продолжалось даже в ночи. Вторая кирассирская дивизия преимущественно отличалась своими атаками. Взяты пленные и пять пушек.

Армии наши стоят на том же месте, при деревне Бородине.

*Граф Ростопчин.
26-го августа. Москва.*

13.

Два курьера, отправленные с места сражения, привезли от главнокомандующего армиями следующие известия:

Вчерашний день, 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сражение. С помощью Божиею русское войско не уступило в нём ни шагу, хотя неприятель с отчаянием действовал против его. Завтра надеюсь я, возлагая моё упование на Бога и на Московскую святыню, с новыми силами с ним сразиться.

Потери неприятельские неисчётные. Он отдал в приказе, чтоб в плен не брать (да и брать некого), и что Французам должно победить или погибнуть. Когда сего дня, с помощью Божиею, он отражён ещё раз будет, то злодей и злодеи его погибнут от голода, огня и меча.

Я посылаю в армию 4000 человек здешних новых солдат, на 250 пушек снаряды, провианта. Православные, будте спокойны! Кровь наших проливается за спасение отечества. Наша готова, и если придёт время, то мы подкрепим войска. Бог укрепит силы наши, и злодей положит кости свои в земле Русской.

Граф Ростопчин.
27-го августа. 1812.

14.

Светлейший князь, чтоб скорее соединиться с войсками, которые идут к нему, перешёл Можайск и стал на крепком месте, где неприятель не вдруг на него пойдёт. К нему идут отсюда 48 пушек, с снарядами, а светлейший говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет, и готов хоть в улицах драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственные места закрыли; дела прибрать надобно, а мы своим судом с злодеем разберёмся! Когда до чего дойдёт, мне надобно молодцов городских, и деревенских; я клич кликну дня за два; а теперь не надо, и я молчу. Хорошо с топором, не дурно с рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; Француз не тяжелее снопа ржаного. Завтра после обеда я поднимаю Иверскую в Екатерининский госпиталь к раненым. Там воду освятим: они скоро выздоровеют; и я теперь здоров: у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба.

Подписал граф Ростопчин.
30-го августа 1812 года.

15.

Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая отечество, не впустить злодея в Москву. Но должно пособить, и нам своё дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать: Москва наша мать. Она вас поила, кормила и богатила. Я вас призываю именем Божией Мате-

ри на защиту храмов Господних, Москвы, замли Русской. Вооружитесь, кто чем может и конные, и пешие; возьмите только на три дня хлеба; идите со крестом; возьмите хоругви из церквей и с сим знаменем соби-райтесь тотчас на Трёх Горах; я буду с вами и вместе истребим злодея. Слава в вышних, кто не отстанет! Вечная память, кто мёртвый ляжет! Горе на страшном суде, кто отговариться станет!

30-го августа.

16.

Я завтра рано еду к светлейшему князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев. Станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к чорту отправлять. Я приеду назад к обеду, и примемся за дело: отделаем, доделаем и злодеев отделаем.

31-го августа, 1812.

Суббота.

17.

К крестьянам, жителям Московской губернии: Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское навождение, злой Француз, вошёл в Москву; предал её мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмещищем; надевал ризы вместо попон; сорвал оклады, венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей, разграбил дома, имущества; наругался над жёнами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища, и до второго пришествия, тронул из земли покойников, предков наших родителей; заловил кого мог, заставил таскать, вместо лошадей, им краденое; морить наших с голоду; а теперь, как самому пришлось есть нечего, то пустил своих ратников, как лютых зверей, пожирать и вокруг Москвы, и вздумал ласкою сзывать вас на торги, мастеров на промысел, обещая порядок, защиту всякому. Ужели вы, православные, верные слуги царя нашего, кормилицы матушки, каменной Москвы, на его слова положитесь и дадите в обман врагу лютому, злодею кровожадному? Отымет он у вас и последнюю кроху и придёт вам умирать голодною смертью; проведёт он вас посулами, а коли деньги даст, то фальшивые; с ними-ж будет вам беда. Оставайтесь, братцы, покорными христианскими воинами Божией Матери, не слушайте пустых слов! Почитайте начальников и помощников; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, кормить и поить. Истребим достальную силу неприятельскую, погребём их на Святой Руси, станем бить, где ни встретятся. Уж мало их и осталось, а нас сорок миллионов людей, слетаются со всех сторон, как стада орлиные. Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, вороньям; а Москва опять украсится; покажутся золотые верхи, дома каменные; повалит народ со всех сторон. Пожалеет ли отец

наш, Александр Павлович, миллионов рублей на выстройку каменной Москвы, где Он миром помазался, короновался царским венцом? Он надеется на Бога Всесильного, на Бога Русской земли, на народ Ему подданный, богатырского сердца молодецкого. Он один помазанник Его, и мы присягали Ему в верности. Он Отец, мы дети Его, а злодей Француз — некрещённый враг. Он готов продать и душу свою; уж был и Туркою, в Египте обусурманился, ограбил Москву, пустил нагих, босых, а теперь ласкается и говорит, что не быть грабежу, а всё взято им, собакою, и всё в прок не пойдёт. Отольются волку лютому слёзы горькие. Ещё недельки две, закричит п а р д о н, а вы, будто, не слышите. Уж им один конец: съедят всё, как саранча, и станут тенью, мертвецами непогребёнными; куда ни придут, тут и вали их живых и мёртвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам; который побежит, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина Московская, и где удасться по близости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда к царю в Москву явитесь и делами похвалитесь. Он вас опять восстановит по прежнему, и вы будете прилеваючи жить по старому. А кто злодея послушается и к Французу преклонится, тот недостойный сын отеческой, отступник Закона Божия, преступник государя своего, отдаст себя на суд и поругание; а душе его быть в аду с злодеями и гореть в огне, как горела наша мать Москва.

*20-го сентября.
Красная Пахра.*

18.

Крестьянам Московской губернии. По возвращении моём в Москву узнал я, что вы, недовольны быв тем, что ездили и таскали, что попалося на пепелище, ещё вздумали грабить дома господ своих по деревням и выходить из послушания. Уже многих зачинщиков привезли сюда. Неужели вам хочется попасть в беду? Славное сделали вы дело, что не поддались Бонапарте, и от этого он околевал с голоду в Москве, а теперь околевает с голоду на дороге, бежит не оглядываясь, и армии его живой не приходит; покойников французских никто не подвезёт до их дому. Ну, так Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашнего вора. Ведь опять и капитан-исправники и заседатели везде есть на месте. Гэй, ребята! Живите смирно, да честно; а то дураки, забиячные головы, кричат: «Батюшка, не будем!»

20-го октября 1812 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Столетие победы при Асландузе (19 — 20 октября 1812 г.)

При наступлении Отечественной войны, вместо маркиза Паулуччи, поступившего в состав войск, действовавших против Наполеона, главнокомандующим в Грузии назначен был генерал Ртищев, человек почтенный, но по своему возрасту уже мало соответствовавший той трудной задаче, которая выпадала на его долю. В Кахетии после мятежа, усмирённого в 1811 году, продолжался ещё глухой ропот и неудовольствие в опасной степени. Персияне, побуждаемые, враждебным нам, царевичем Александром и надеявшиеся на помощь магометанских наших подданных, готовились напасть на нас, несмотря на известие о заключении мира с Турцией, тем более, что вполне основательно рассчитывали на отвлечение наших сил для действия против Наполеона. У нас было тогда на кавказской линии 6600 человек пехоты и около 10 тыс. конницы, включая казаков, а в Закавказье 17 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы. К различным затруднениям присоединились ещё заразительные болезни во многих областях края.

Получив Высочайшее повеление постараться заключить мир с Персией, Ртищев двинулся из Тифлиса с 3000 чел. В Карабах, где присоединил к себе небольшой отряд генерал-майора Котлярёвского; 9-го сентября стал лагерем в одном переходе от Аракса и отправил генерал-майора Ахвердова к перситскому принцу Аббас-мирзе — просить свидания. Последний между тем ещё в начале августа подошёл к Султан-Шесар, в 60 верстах от Аракса, с многочисленным войском, в состав которого входили и регулярные части с английскими офицерами, а также артиллерия с орудиями, доставленными из Англии. В это самое время англичане были в открытом союзе с нами и английский генерал Вильсон состоял при кн. Кутузове.

Из Султан-Шесара Аббас-мирза повернул к границам Талышинского ханства, находившегося под покровительством России. Узнав о приближении 10 тыс. персиян, при 8 орудиях, талышинцы перешли на их сторону и местный хан бежал в русский отряд.

Хотя выступление Ртищева обуславливалось предварительным приглашением Аббас-мирзы с обещанием выехать на границу, но Ахвердову через английского посланника персидский принц заявил, что Ртищев должен поехать к

нему за Аракс. Ртищев не согласился и назначил уполномоченным Ахвердова и своего правителя канцелярии Могилевского; со стороны Персии были мир-за Абдул-Кассим и англичанин Мориер (секретарь английского посольства в Тегеране и автор известного романа «Хаджи-баба»); для переговоров избран был Асландуз, на правом берегу Аракса; срок перемирия — 20 дней.

Несмотря на неоднократные настояния Котляревского на необходимость напасть на персиян, дерзость и вероломство которых увеличивались ежедневно и с которыми принуждены были прервать переговоры (они требовали возвращения ханств карабахского, ширванского и шекинского, а равно Кубы, Дербента, Елизаветполя (Гянджа) и Шурагеля), — Ртищев не соглашался, опасаясь неудачи. Однажды за столом он счёл необходимым сделать Котляревскому столь внушительный выговор, что последний подал в отставку, но Ахвердов уладил дело. Ртищев извинился и отправился с войсками, приведёнными из Тифлиса туда обратно, в виду получения известия об опасности угрожавшей самой столице Грузии: близ Военно-Грузинской дороги восстали различные племена и отрезали сообщение с Россией; прекратилась высылка денег, столь необходимых, особенно в такое время; лезгины гарцовали в предместье Тифлиса; к чуме присоединился голод, за пуд муки платили около рубля серебром. Прощаясь, Ртищев предоставил Котляревскому полную свободу действий, запретив однако-же переходить через Аракс.

Оставшись лишь с небольшим своим отрядом, Котляревский решил одним ударом разрушить все замыслы персиян, несмотря на огромное численное превосходство их. Оставив очень небольшую часть отряда в Ат-Угланском лагере при обозе, 18-го октября утром, он выступил с 1500 чел. пехоты и 500 казаками при 6 орудиях, налегке, без шинелей, с 4-х дневным запасом сухарей и по 40 патронов на человека. Перед выступлением он сказал солдатам: «Братцы! Нам должно идти за Аракс и разбить персиян. Их на одного десять, но каждый из вас стоит десяти; а чем более врагов, тем славнее победа. Идём, братцы и разобьём!» На случай своей смерти, Котляревский оставил старшему по себе штаб-офицеру предписание; «если первая атака будет неудачна, непременно атаковать другой раз и разбить неприятеля, а без того не возвращаться и отнюдь не отступать; а когда неприятель будет разбит, перевести на левую сторону Аракса кочующие вблизи народы и потом возвратиться».

Для нападения пехота должна была, переправившись через Аракс, построить три продолговатых каре; по сторонам передних фасов — стать гренадёрским и стрелковым взводам так, чтобы для штукового удара эти фасы состояли из четырёх взводов, каждый; 6 орудий — по 2 в переднем фасы каждого каре; казаки наравне с задними фасыми; приказано было нападать как можно быстрее и стрелять как можно меньше, так как для обхода персидской сторожевой цепи приходилось пройти около 70 вёрст и переправляться в 15 верстах выше лагеря, то наши войска подошли к неприятелю лишь в 8 ч. Утра 19-го октября. Заметив, что господствующая над лагерем высота занята одной конницей, Котляревский немедленно атаковал и отбросил её к Араксу. Аббас-мирза, выведя все войска из лагеря, стал обходить высоту справа, надеясь этим движени-

ем заставить нас отступить, но Котляревский, оставив лишь передние фасы кареев с орудиями на высоте, — с остальной пехотой и казаками стремительно атаковал и опрокинул неприятеля в величайшем беспорядке за речку Драурт, приток Аракса, взяв 35 фальконетов, множество артиллерийских снарядов и персидский лагерь со всеми в нём сокровищами. Однако же Аббас-мирза стал собирать свою рассеянную армию близ укрепления Асландуз, при устье Дарурта и весь вечер беспокоил нас своими партиями. У него было некоторое число наших пленных Троицкого полка, батальон которого в одном из предшествовавших дел очень пострадал. К ночи несколькими из этих пленных удалось бежать; они донесли Котляревскому, что Аббас-мирза послал приказание всем своим отрядам присоединиться к нему; тогда, чтобы не дать персиянам времени опомниться, Котляревский решился безотлагательно довершить их поражение. Наши гренадёры, ещё до рассвета 20 октября, тихо подошли к неприятельскому расположению и ударили в штыки; ошеломлённый неприятель надеялся ещё спастись в укреплении, но всё было тщетно; разъярённые гренадёры взяли его приступом, перекололи почти все 4 батальона регулярных войск, всё прочее бежало в беспорядке, оставив на поле сражения до 1000 убитых, 565 пленных, 3 знамени и 11 орудий (все кроме одного). Котляревский с трудом спас жизнь храброму Арслан-хану, командиру пешей гвардии; сам Аббас-мирза ускакал с 20 всадниками. Наши потери заключались в 1 обер-офицере и 27 нижних чинах убитых, 2 штаб-офицерах и 97 нижних чинах раненых. После победы к Котляревскому явились 57 унт.-офицеров и рядовых Троицкого полка, освободившихся из плена.

Последствия описанной победы были весьма значительны, особенно в нравственном отношении. Ртищев не мог не признать, что заслуга Котляревского далеко выходит из ряда обыкновенных и, хотя во всеподданнейшем донесении своём, он упомянул, что Котляревский действовал, «Следуя наставлениям ему данным», однако же подчеркнул выдающееся значение обоих выигранных сражений и ходатайствовал о награждении героя орденом Св. Георгия 3 степени и чином генерал-лейтенанта; обе награды были пожалованы, а Ртищеву — орден Св. Александра Невского.

С. Бутурлинъ («Русский Инвалид» №229 от 20.10.1912 г.)

Какие памятники Отечественной войны имеются в Москве

Кроме Храма Христа Спасителя, в память Отечественной войны возведены в Москве Триумфальные ворота у Тверской заставы, и в Кремле, у здания арсенала, возобновлённого в 1817 году, хранятся 875 орудий, отбитых у неприятеля. Затем, в Москве имеется целый ряд могил выдающихся деятелей 1812 года: Растопчина, Дениса Давыдова, Тимофеева, Львова, Туголмина и Палена. Кроме того, близ Москвы находится Кутузовская изба и Дорогомилевский мост, который в память Бородинского сражения носит название Бородинского моста.

(«Виленский Военный Листок» №503 от 05.02.1911 г.)

Памятники войны 1812 года

Под Витебском предполагено поставить памятник в честь воинов погибших в 1812 г. в бою на р. Лучесе.

Такой же памятник предполагается ставить недалеко от Быхова (Могилёвской губ.) в сел. Буйничи, владелец имения Родкевич, в районе которого сражались казаки Сысоева.

(«Виленский Военный Листок» №513 от 12.03.1911 г.)

К столетию Отечественной войны

На Пятницком кладбище гласный Московской думы Шамин розыскал могилу бывшего московского генерал-губернатора в 1812 г. гр. Растопчина. Могила находится в полном запустении, надмогильный памятник еле держится, надпись выветрилась. Гласный Шамин полагает, что дума должна привести могилу в порядок, если этого не сделают родственники графа Растопчина.

(«Н. В.» («Русский Инвалид» №52 от 06.03.1912 г.)

Кутузовская изба

Как памятник Отечественной войны, сохранилась около Москвы Кутузовская изба. В церковной летописи имеются подробные описания Кутузовской избы, находившейся на горе Поклонной в расстоянии одной версты от села Филю. Изба принадлежала крестьянину деревни Филю — Фролову и представляла собою небольшой домик с красными окошками, обведённый рвом и обнесённый валом. В этом-то домике и происходил в 1812 году военный совет фельдмаршала кн. Кутузова о сдаче Москвы французам без боя. Этот домик сгорел в 1869 году. 21 июня 1887 года заложена и 3 августа освящена новая изба, как копия в память прежней Кутузовской избы. Построена она на средства и стараниями общества хоругвеносцев московского храма Христа Спасителя. Новая Кутузовская изба представляет собою довольно большой, выстроенный в русском стиле деревянный дом, в одной половине которого находится собственно изба, посвящённая историческим воспоминаниям, а в другой устроены помещения для инвалидов и сторожа. Инвалиды призываются на средства того же общества хоругвеносцев. В правом углу избы находится божница, уставленная иконами и большой простой стол со скамьями, из которых одна — та самая, на которой сидел Кутузов во время военного совета 1 сентября 1812 г. На стенах висят портреты участников военного совета; тут же находится бюст кн. Кутузова.

(«Виленский Военный Листок» №564 от 14.09.1911 г.)

ОБО ВСЁМ ПОНЕМНОГУ

Армия римского папы

По поводу недавних волнений вспыхнувших среди папской гвардии, небезинтересно напомнить читателям об этой единственной в своём роде армии, совсем не предназначенной для сражения.

Всё войско папы включает около 600 человек, из них самая живописная часть сотня «алебардистов». Алебардисты (1) это пережиток средних веков, похожие в своём старинном одеянии на вальтеров карточной колоды, дожили благополучно до 20 века ... Эта форма имеет свою историю: в 1505 году её нарисовал, по просьбе папы Рафаэль, и с тех пор века пронесли над Ватиканом, а у ворот его стоят те же, по внешности Воины. Алебардисты стоят на часах у всех входов в Ватикан, в корридорах его, и никто не может переступить бронзовых ворот дворца без их пропуска.

Далее идут «папские жандармы» — около 120 человек, охраняющие двор и сады Ватикана. Третий отряд — «папская гвардия», набирается среди мелкой буржуазии Рима; это самый многочисленный отряд: четыре роты по 60 человек в каждой.

Наконец, основанная папой Пием седьмым «благородная гвардия», исключительно из дворян, составляет личную гвардию папы. В этот отряд довольно трудно попасть. Во-первых необходимо доказать своё дворянство не менее, как за 60 лет, обладать хорошим здоровьем и капиталом не менее 20 000 лир. Помимо этого гвардейцы не имеют права жениться без особого на то разрешения коменданта дворца.

К числу их привилегий относится миссия отвозить вновь назначенным кардиналам, живущим за пределами Италии, красную шляпу, символ их высокого звания.

Такова армия Ватикана, самая представительная, эффектная, декоративная и ... невоинственная во всём мире!

(«Виленский Военный Листок» №765 от 18.09.1913 г.)

Примечание: Блаженный Августин оставил свои историко-религиозно-философские труды, наверное единственно в которых осталось упоминание о том, что «В Пантеоне римских божеств было одно, скромное. ... бог, отвечающий за первый крик новорожденного. Его звали ... Ватикан». (Ю. Воробьёвский «Шаг Змея», Москва, 2002 г.)

(1) Форма Алебардистов сшита из широких полос материи жёлтого и синего цвета. Цветная фотография алебардистов-швейцарцев, охраняющих Ватикан, имеется в журнале «Вокруг Света» № 3 (2762) март 2004 г.

Поле Полтавской битвы

В том месте, где перед Полтавской битвой Петром Великим был разбит русский лагерь, теперь находится лагерь Полтавского кадетского корпуса. Лагерь этот был укреплен полевыми окопами незначительного для тепе-

решного времени профиля. Здесь была первая стычка со шведами, потерпевшими неудачу.

Валы от времени сравнялись с окружающей местностью, но часть из них восстановлена руками кадет и поддерживается в том виде, как это в действительности было двести лет тому назад.

На месте теперешнего кадетского лагеря была и Царская ставка.

На Полтавском поле битвы, имеющем крупнейшее историческое значение, нет могучему Императору достойного памятника.

К двухсотлетнему юбилею по плану отыскивали место бывших 6 редутов, построенных Петром, — тех укреплений, на которых разбилось сердце шведской армии. Здесь ныне поставлены скромныеobelisks.

Наиболее интересным пунктом Полтавского поля сражения является тот холм, который 28 июня 1709 года был насыпан над могилою наших павших воинов, собранных со всего поля — в количестве 1345 человек. На этом холме Пётр Великий собственноручно водрузил деревянный крест с известною историческою надписью. За двести лет успело сминиться над могилою русских воинов, которую почему-то принято называть «Шведскою могилою», много деревянных же крестов, и лишь в 1895 г. поставлен огромных размеров крест из серого гранита.

Заботливые руки поддерживают нашу святыню в должном порядке.

«Р. В.» («Виленский Военный Листок» №579 от 05.11.1911 г.)

Иван Мазепа

(очерк)

Вокруг этого имени создавалось немало романтических легенд, из которых трудно сказать, где фантазия.

Мазепа по происхождению — поляк. Рос при дворе Иоанна Казимира. Уже в молодых годах он заставил о себе говорить, как о герое любовного романа. У него, говорят, завёлся роман с женой богатого старика — помещика. В один прекрасный день, помещик узнал об отношениях жены к Мазепе и, глубоко оскорблённый приказал привязать Мазепу, предварительно раздетого, к спине дикой лошади, которая затем была отпущена на свободу. Предание говорит, что испуганный конь дико нёсся по степям Малороссии, пока не упал полумёртвый среди толпы казаков, собравшихся для выбора гетмана. Появление Мазепы было принято казаками, как указание с неба, на ком должен был бы остановиться их выбор. Без дальнейших рассуждений Мазепа был избран гетманом.

История о Мазепе говорит следующее: Малороссы, исповедуя греческую религию, были преследуемы польскими помещиками, и во времена крепостного права многие бежали в степи у Чёрного моря, к казакам. Вместе с осёдлым населением Малороссии они в 1650 г. восстали против Польши, имея предводителем Хмельницкого. В это время ворвался в Польшу шведский король Карл

десятый Густав, и русским пришлось сражаться с поляками и со шведами. Претерпев неудачи в войне со шведами, Польша по миру 1667 г. должна была уступить всю западную часть Малороссии с г. Киевом русскому царю Алексею Михайловичу, и с этого началось распадение Польши. Вскоре цари русские перестали смотреть на Малороссию, как на независимое государство, как это было вначале, но мечта увидеть свою страну независимой не покидала малороссов.

Пётр Великий, (1) начав Северную войну, притянул и малороссийские войска, которые в сущности должны были защищать только свою страну. Это вызвало недовольство народа — малороссов, которые не считали шведов своими врагами, и когда Карл двенадцатый победил в Польше Августа и направил своё оружие против России, у малороссов воскресла мысль о независимом малоросском государстве. Предводителем восстания был выбран Мазепа, несмотря на его польское происхождение. Честолюбивая мечта о княжеской короне заставила его примкнуть к Карлу двенадцатому, шедшему на Москву, Мазепа, обещал Карлу помощь в 40 000 человек солдат, не мог набрать и четвёртой доли, благодаря неурядицам и известному недоверию со стороны населения к нему. Вскоре и эта часть разбежалась, и он прибыл в шведский лагерь не как могущественный союзник, а как ищущий помощи беглец. Идея Карла двенадцатого основать самостоятельное малороссийское государство между Россией, Польшей и Турцией не осуществилось благодаря тому, что он поверил словам и переговорам союзника — Мазепы. Результат войны всем известен.

Мазепа был полезен своему союзнику только как путеводитель. Живя затем в Бендерах у турецкого паши, он сильно дрожал за свою жизнь и свободу, узнав, что Пётр предложил большую сумму денег за него, и думая, что паша не устоит против русских денег.

(«Виленский Военный Листок» № 463 от 15.09.1910 г.)

Примечание: (1) «В 1118 г. Гуго де Пейн и Годфруа де Сент-Омер совместно с семью рыцарями основали воинское братство бедных рыцарей Христа, для охраны дорог и паломников в святую землю. ... Менее чем через 70 лет, «бедные рыцари» Храма Соломона — Тамплиеры, владели состоянием превышающее богатство королей. ... 13 октября 1307 г. по всей Франции были одновременно схвачены и заключены в тюрьму пять тысяч тамплиеров, по приказу Французского короля Филипа четвёртого по прозвищу Красивый, (внук Анны Ярославны, дочери Киевского князя Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля Генриха первого), осуществлённое не смотря на первоначальное упорство Папы Клементя пятого. ... после завершающего акта трагедии, сожжения на костре Жака де Моле и Жоффрау де Шарне 18 марта 1324 года на Еврейском острове в Париже, шевалье д'Омон (d'Aumont), магистр провинции Овернь, и семеро тамплиеров, «переодетых масонами» (т.е. рабочими), собрали пепел своих мученически погибших вождей и отвезли его в разные европейские столицы: Неаполь, Эдинбург, Стокгольм и Париж. И именно в этих городах в следующем году были якобы основаны первые масонские ложи». (Дж. Легман, Г.Ч. Ли, «История Тамплиеров», Москва, 2002 г.) (В Евангелии от Матфея 9:7-10:3 говорится о том, что Иисус создал двенадцать своих учеников — Апостолов, пятого из них по порядку звали Филипп).

«Во время путешествия Петра 1 по Европе произошло одно знаменатель-

ное событие. В собрание французского города Реймса, где с незапамятных времён венчалась на царство франкские короли, русскому Государю показали старинное Евангелие. Именно на нём присягали монархи древности. Однако прочесть священную книгу, написанную на «неизвестном языке», во Франции давно уже никто не мог. Велико же было удивление присутствующих, когда Пётр легко разобрал этот текст. Евангелие оказалось славянским....

Исследователь истории «вольных каменщиков» Г. Вернадский писал, что среди рукописей масона Ланского есть обрывок серой бумаги, на котором записано: «Император Пётр I и Лефорт были в Голландии приняты в Тампиеры». Согласно другой версии, Петра посвятил Великий Мастер британского масонства Христофор Рен. ... всешугейшие собрания Петра в Сухаревакской башне Москвы на самом деле были заседаниями ложи.» (Ю. Воробьёвский, «Шаг Змея», Москва, 2002 г.)

Основной заслугой Петра I, кроме распространения грамотности, было уничтожение местничества и создание табели о рангах, в результате чего лица имеющие способности, могли выдвинуться на высокие государственные посты. Непосредственным результатом преобразований Петра, было обретение Россией гения Михаила Ломоносова. Поморский крестьянин пришедший в столицу пешком, в дальнейшем мог, благодаря своим дарованиям и преобразованиям Петра, реализовать себя и получить генеральский чин. (Прим. составителя.)

«Проходи мимо Галилейского озера, Он увидел двух братьев: Симона, по прозванию Пётр, и брата его Андрея. Они были рыбаками и в это время забрасывали в озеро сеть. Он сказал им: «Следуйте за Мною, и Я сделаю вас ловцами душ. И они сразу же оставили свои сети и последовали за Ним. (4:15 — 5:18) Евангелие от Матфея.

Иисус сказал ему: «Блажен будь, Симон, сын Ионы, ибо ты узнал это не от людей, а от Моего Небесного Отца. Я говорю тебе так же, что ты — Пётр, и на камне этом Я создам Церковь Мою, и силы смертные не одолеют её.

Пётр по гречески значит камень». Евангелие от Матфея 16:17 — 17:2

400-летний юбилей табаку

По некоторым данным, табак был привезён из Америки в Европу в 1511 году. Таким образом, в текущем году исполнилось 400-летие знакомства европейцев с этим зельем, ядовитым дымом которого отравляется добрая половина человечества.

В Россию табак проник из Западной Европы нескоро. В те времена на Руси не очень жаловали иностранцев и их выдумки. Только через сто лет русские познакомились с табаком, и вскоре же началось гонение против его любителей.

В начале семнадцатого века за курение и нюханье «Чортова зелья» отрезали носы. Прошло ещё два века. Курение распространилось, несмотря на суровые кары. Последние, впрочем, существовали не долго, хотя даже в половине прошлого века курение табаку ещё подвергалось значительным ограничениям.

Так, при императоре Павле I и Николае I курение табаку строго воспрещалось на улицах. Подобное запрещение существовало не только в России, но и на западе.

(«Виленский Военный Листок» №547 от 16.07.1911 г.)

6-го ноября, годовщина взятия штурмом крепости Карса.

Многие, многие годы гордо и величаво покоилась турецкая твердыня на костях народов, которые вели вековую борьбу между собою за обладание ею. Среди диких и мрачных высот Кавказа, окружающих эту неприступную восточную красавицу, ещё мрачнее вырисовывается цитадель крепости, возведённая турками в 1579 году. Её многовековая древность без слов свидетельствовала о несокрушимости её подножия, её основания.

Ряд сильных укреплений, возведённых впоследствии: как-то, Карадаг, Хафрис-Паша, Араб, Канлы и другие, соединённых между собою траншеями и расположенных на высотах, самою природою как бы нарочно для этой цели приспособленных, составлял непреодолимую преграду впереди Карса; а всё вместе взятое представляло грозные ворота в азиатские владения Турции.

О таком предназначении свидетельствовало и самое наименование Карса, от грузинского кари и армянского каруц, что значит в переводе на русский язык — ворота. На то же самое значение указывало и географическое положение Карса на границах Грузии и Армении.

С 1807-го года начались попытки русских войск к овладению крепостью; попытки эти повторялись в 1828 и 1855 годах. Но как свидетельствуют военно-исторические данные, открытою силою, штурмом, взять крепость не представлялось никакой возможности. Наконец в 1877 году кавказская армия, во главе с Главнокомандующим Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Николаевичем, вновь обложила крепость Карс, с твёрдым решением взять её во что бы то ни стало.

С момента обложения крепости начались морозы, выпал снег; войска не имея укрытых помещений, сильно страдали от непогоды. Недостаток продовольствия и затруднительная его доставка изнуряли силы войск и развивали болезненность.

Все с нетерпением ожидали штурма крепости, как единственного выхода из гяжёлого положения, в котором могли очутиться войска Кавказской армии в виду надвигающейся зимы.

Не легко было решиться на штурм, как на крайнее средство, тем более, что в памяти жила неудача 1855 года. Кроме того, иностранные агенты, бывшие при нашей армии, как например французский генерал де-Курси, высказывали как свои взгляды нашим военачальникам: «Русские войска», говорили они: «заслуживают любовь и уважение: они не раз изумляли нас своими подвигами и, конечно, с радостью пойдут на эти неприступные скалы, — но вы положите их всех до единого перед фортами, которые мы осматривали, и не возьмёте ни одного из них».

Принимая во внимание мнение иностранных военных авторитетов, можно было судить о силе укреплений, воздвигнутых под Карсом, и предрешить заранее исход штурма. Но всё-таки штурм крепости был решён, и в ночь с 5-го на 6-е ноября русские войска, силою в 15 тысяч штыков, пятью колоннами одно-

временно двинулись на штурм неприступной крепости с 25-ти тысячным гарнизоном.

Грянул бой ... Как грома небесные заговорили турецкие орудия. Гранаты бороздили землю, картечь вырывала ряды, а пули с воем проносились над головами наступающих и градом сыпались на них. Не было живого места, куда бы не попал снаряд. Там и тут падают раненые; раздаются жалобные стоны; осколки рвущихся гранат, точно стая ворон, летают в воздухе ища добычи.

Наступила решительная минута.

Со всех сторон неслись неутешительные вести; Пятигорцы были отбиты с большими потерями, — у Канлы шёл не равный кровавый бой, — соседняя колонна одного за другим лишается своих начальников, — в пятой колонне ранен генерал Алхазов, главный вожатый колонны, — отовсюду требования подкреплений, которых не оказалось; колонна, удачно демонстрировавшая перед Араб-Табия, стала отходить в ожидании рассвета. Словом, положение штурмующих было критическое. Необходимо было чудо, которое спасло бы беззаветных храбрецов и верных сынов России от гибели.

И чудо свершилось. Свершили его Кутаисцы.

Приняв твёрдое решение и воодушевляя солдат, полковник Фадеев с частью Кутаисцев, приблизительно 8 рот, направился на Карадаг. Натолкнувшись на турецкую колонну, направлявшуюся для удара во фланг штурмующих войск, он опрокинул её молодецким натиском и обратил в бегство. Часть турок побежала в город, а часть устремилась на Карадаг. В 10 часов вечера грозное, неприступное укрепление находилось в руках Кутаисцев. Донесение о взятии Карадага получилось сравнительно поздно, потому что посланный с донесением долго не мог найти генерала Алхалозова.

В то время, как полковник Фадеев брал Карадаг, первому батальону Кутаисского полка приказано было двинуться на Хафис-Паша.

Знакомые с этими укреплениями по 24-му октября, Кутаисцы ринулись на слабый фас укрепления и к великому изумлению и радости Владикавказцев, отброшенных турками от Хафиса, лихо овладели укреплениями.

С падением Карадага и Хависа, штурм крепости принял другой оборот и закончился падением турецкой твердыни на удивление всему миру, оповещённому своими представителями с театра военных действий.

Гордо развеивалось русское знамя над поверженной ниц восточной владычицей и лучезарным венком славы озаряло оно виновников падения твердыни — Кутаисцев, показавших дорогу к штурму Карса, как говорилось в обращении к Кутаисцам Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича. За штурм Карса полковник Фадеев получил Георгия 3-й степени, помимо 4-й степени. Такая особая Монаршая милость сама собою оценивается подвигом Кутаисцев, отводя ему почётное место в ряду блестящих дел славной Кавказской армии.

Чтите Кутаисцы память своих отцов, стяжавших вам неувядаемую славу! Помните — незабвенные слова Государя Императора: «Кутаисцам Моё особое спасибо за молодецкое дело»!

Стремитесь же упорчить за собой славу навсегда всеми силами своей души, сердца и разума. Ажакинъ.

(«Виленский Военный Листок» №479 от 10.11.1910 г.)

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Боровский уезд

Служа много лет волостным писарем в Кривской волости, мне приходилось часто слышать рассказы местных крестьян из эпохи Отечественной войны 1812 года.

Чтобы восстановить в памяти слышанные мною рассказы, я недавно решил побывать в этой волости, благо недалеко от настоящего места моего служения, рассчитывая встретить тех немногих оставшихся стариков, которым были известны некоторые эпизоды из двенадцатого года — и не ошибся.

Прежде чем приступить к передаче рассказов, я должен сказать, что на пути следования Наполеона от г. Боровска на большой дороге расположились три селения: с. Уваровское, с. Тимашево и д. Городня и, Наполеон, отступая к Малоярославцу, лежащему на пути отступления его на г. Калугу, в край нетронутый ещё войною, должен был с главной массой своей армии проходить через эти три селения, а потому в памяти крестьян сохранилось многое, относящееся к памятного году.

Село Тимашево, отстоящее от Боровска в 7 верстах, в настоящее время насчитывает около 60 дворов, в этом селе я встретил крестьянина Семёна Акимова, старожилу, который рассказывает, что Наполеон переночевав в г. Боровске, рано утром двинулся на Малоярославец и проходил через село Тимашево в порядке. Жилищ крестьян на этот раз не трогал не смотря на то, что все избы были народом оставлены, но после, когда Наполеон под Малоярославцем был разбит, часть его солдат вернулась в Тимашево и село было ими сожжено. В 3 верстах от села при большой дороге, на древнем кладбище, была в 1812 году старинная церковь, деревянная, в которой раз в год служились обедни, французы сожгли её до тла. После на этом месте была построена часовня, сохранившаяся и до наших дней и каждый год, крестьяне совершая на полях своих молебствия, заходят на это старинное кладбище и в часовне служатся панихида и молебны.

Говорят, что в Тимашеве, при проходе армии Наполеона через мост, пролегающий через речку Городёнку, провалилась и затонула в воде фура, которую достать не удалось.

В 6 верстах от Тимашева, находится д. Городня, расположенная частью на горе и частью под горою при речке этого же названия. Замечательною подробностью отличается рассказ крестьянина Дмитрия Фирсова Орлова, старика, слышанный им в молодости от давно умершего своего дяди Михаила Алексева — очевидца отступления Наполеона. Вот что рассказывает Орлов:

В пасмурное осеннее утро 1812 года, по дер. Городне распространился слух о том, что Наполеон с своим войском находится в Боровске и скоро должен появиться в деревне. Было решено селение очистить, а жителям скрыться со всем имуществом в лес, со всех сторон облежавший деревню на значительное расстояние.

Некоторые крестьяне, рассказывает Орлов, с утра пошли караулить появление передовых колонн неприятеля.

Около 11 час. Утра от караульщиков, выдвинувшихся далеко вперёд деревни, получено было сообщение, что Наполеон идёт по большаку и уже прошёл Тимашево. Оставшиеся в селении крестьяне, собрав последние остатки своего имущества, ушли в лес к д. Писковой, который заблаговременно выбрали себе убежищем и расположились в большом глухом овраге, туда же ещё с утра был согнан скот. В деревне остались одни пустые хаты. Дядя Орлова, означенный Михаил Алексеев, проводив семью с имуществом в лес, горя любопытством, сел на лошадь и верхом отправился навстречу французам. Поднявшись на гору и проехав затем с версту по направлению в Тимашеву, Алексеев увидел массу войска, всех родов оружия, тянувшегося нескончаемою лентою по большаку, испугавшись вернулся в деревню и объявил о виденном тем не многим жителям, которые ещё оставались и вместе с ними ускакал в лес. Между тем французы отступая по избранному пути, приблизились наконец к деревне и подойдя к горе, внизу которой расположена большая часть деревни, остановились.

Наполеон простоял на этом месте целых три часа и затем стал спускаться с войском под гору, прошёл деревню и не причинив ей вреда, направился далее.

Жители дер. Городни, находясь в лесном овраге около д. Писковой, не далее ... вёрст от своей деревни, из своего убежища имели возможность видеть картину движения Наполеона по горе, а когда убедились, что французы прошли, осторожно стали возвращаться домой. Вслед за ушедшим неприятелем появились и наши казаки.

Крестьянин Иван Герасимов, тоже старожил, письмом присланным мне, дополняет, что Наполеон пришёл в Боровск в базарный день и приказал стрелять из орудий холостыми зарядами. Бывший на базаре народ, испугавшись, немедленно разъехался по домам. Приезжали затем в Городню казаки и выгоняли народ и приказывали убирать хлеб и всё имущество. Наполеон, дойдя до Городни, остановился в избе на том самом месте, где он живёт сам (на горе).

Городенская остановка верна и исторически. Она вдохновила художника В.В. Верещагина. На выставке 1900 года в Москве была между прочим картина этого художника — мыслителя, под названием «В Городне. — Пробиваться или отступать».

Есть основание полагать, что между Городнёй и с. Тимашевым, на походе французской армии нашим разездом (забыл фамилию начальника) был выхвачен французский солдат, через которого и было открыто, что Наполеон находится в полном отступлении, со всею армией, о чём в ту же ночь было донесено Кутузову, находящемуся в с. Тарутине, в расстоянии 30 вёрст от Тимашева.

Заканчивая эту корреспонденцию я заблаговременно извиняюсь в том, что допустил некоторые рассуждения, может быть и не вполне согласные с историческим ходом событий, в чём меня читатели простят. Волостн.

Писарь П. Тяпугинъ («Калужские губернские ведомости» №43 от 26.04.1911 г. статья дана с сокращением)

Примечание: «По словам бывшего директора Института военной истории Министерства обороны СССР П.А. Жилина, при отступлении от Малоярославца, на участке между Боровском и Можайском командовавший арьегардом генерал Жерар потребовал от колонны отстававших, сдерживавших темп марша солдат разгрузить ранцы, выкинув их содержимое в реку Протву. В возможности отдаления такого приказа сомневаться не приходится: на плечах Жерара, подгонявшего отступающих, уже висели полки донских казаков». (Н.Н. Непомнящий, А.Ю. Низовский, «ТАЙНЫ КЛАДОВ», Москва, 1999 г.)

Могила ветерана наполеоновской армии *(По телефону из Кронштадта)*

В Кронштадте на римско-католическом кладбище нашли могилу одного из ветеранов наполеоновской армии, участника Бородинского боя, Иосифа Гочковского.

Поляк Гочковский в составе польского отряда присоединился к великой армии Наполеона после вступления её в пределы России.

Он принимал участие во всех боях против русских вплоть до Москвы.

Когда великая армия была разгромлена, Гочковскому удалось бежать.

Прошло 19 лет, в Польше вспыхнуло восстание, Гочковский становится в рядах повстанцев.

Когда восстание было подавлено, он бежит в Пруссию. Отсюда его выдают России.

Тут в воззрениях Гочковского происходит перелом и он, как милости, просит разрешения загладить свою вину против России службою в русских войсках.

Ему разрешают и назначают его во флот.

26 лет Гочковский служил в Балтийском флоте и жил в Кронштадте.

Потом он вышел в отставку и остался в Кронштадте.

84 лет от роду Гочковский умер и был похоронен на кронштадском римско-католическом кладбище.

(«Петербургский Листок» №234 от 25.08.1912 г.)

ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ. В Шуше на окраине, в армянской части, найдена зарытой в землю пушка. В целях обнаружения другого оружия производится раскопки. (Виленский Вестник № 1983 от 27.01.1910 г.) (ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ — Гянджа. Прим. составителя).

Новый кружок

18 июня, в здании Штаба Округа, состоялось открытие Виленского кружка «ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года», возникшего по инициативе Командующего войсками Округа генерал-лейтенанта Гершельмана.

Цель кружка — восстановление на местах следов этой эпохи и собирание всякого рода уцелевших памятников.

Территория Виленского военного Округа служила ареною большей части важнейших событий Отечественной войны. Естественно, что этот район сохранил и большую часть памятников исторической борьбы народов, из которой Россия вышла славной победительницей. Для Виленского кружка открывается широкое поле для деятельности.

Устав кружка опубликован в приказании по войскам Округа 26 марта № 65. За короткий промежуток времени — два с половиной месяца, — несмотря на неблагоприятный период, когда все войска заняты уже полевыми занятиями, кружок насчитывает уже 50 человек действительных членов.

На первом организационном собрании кружка, председателем избран военный судья Виленского военного окружного суда генерал-майор Бернацкий, горячо взявшийся за труд проведения в жизнь идеи кружка.

Вице председателем генерал. Шт.подп. Буняковский, секретарём ген. шт. кап. Буров и казначеем шт.-кап. Драверт.

На этом же собрании решено было просить генерал-лейтенанта Гершельмана принять звание почетного председателя кружка, Вр —командующего войсками генерал-лейтенанта Мартсона и Виленского губернатора почетными членами. Были посланы следующие телеграммы: 1) Командующему войсками ген. —Гершельману: «Виленский кружок ревнителей памяти отечественной войны, организованный по инициативе вашего превосходительства, открыл первое собрание, почтительно просит принять звание почетного председателя кружка и искреннее пожелание скорейшего выздоровления».

Председателю Комитета по сооружению в Москве музея 1812 г. ген. от инф. Глазову: «Виленский кружок ревнителей памяти Отечественной войны, организованный с целью принести посильную помощь в деле Высочайшею волею порученного Вашему высокопревосходительству восстановления памяти исторической эпохи, открывши первое собрание, почтительно просит Вашего покровительства в дальнейшей своей деятельности».

От ген. л. Гершельмана на другой же день на имя председателя получена следующая ответная телеграмма:

«С удовольствием принимаю предложенное мне почетное звание и благодарю за пожелания. Со своей стороны уверен, что новый кружок своей плодотворной деятельностью облегчит выяснение всех подвигов двенадцатого года. Гершельман».

Нельзя не пожелать кружку успеха в достижении поставленных для его деятельности задач.

(«Виленский Воен. Листок» №440 от 23.06.1910 г.)

Памяти первого павшего русского офицера в Отечественной войне

На днях в Оранском лагерном сборе 171-м пехотным полком была почтена память прапорщика Николая Ивановича Ившина, первого русского офицера, сто лет тому назад павшего в перестрелке с французами при уничтожении плавучего моста через Неман в городе Гродне. Прапорщик Ившин служил в Гродненском полубатальоне внутренней стражи, который является родоначальником нынешнему Кобринскому полку. В 8 часов вечера 18 июня Кобринцы были построены впереди своего лагеря на поляне, где полковым священником была отслужена панихида по павшем герое. Отцом Гончаровым было произнесено слово, посвящённое событиям Отечественной войны и памяти прапорщика Ившина. После панихиды начальник лагерного сбора — н.к. 43 п. дивизии генерал-лейтенант Слюсаренко — обратился к полку с горячей краткой речью, закончив пожеланием Кобринцам свято и честно выполнить свой долг воина на пользу Царю и Родине.

«Кобринцы свято должны чтить память этого ветерана Суворовских походов, первым кровью своею запечатлевшего верность Царю и Родине, передаваемую от предков к потомкам.

*(«Виленский Военный Листок» №644 от 04.07.1912 г.
статья дана с сокращ.)*

Пребывание французского военного агента в Вильне

25 апреля ранним утром прибыл в Вильну военный агент при французском посольстве в Петербурге полковник Матон., командированный французским правительством для решения на месте вопроса о постановке памятника в Вильне французским воинам, павшим в войну 1812 года...

(«Виленский Военный Листок» № 626 от 02.05.1912 г.)

Памятник французам на Бородинском поле

Полковник французской армии Матон получил разрешение поставить памятник-obelisk павшим во время Бородинского сражения французам. Местом для постановки обелиска выбран пункт, где была расположена масса французской артиллерии.

(«Виленский Военный Листок» № 627 от 05.05.1912 г.)

Наполеон I и его мамелюк

Гектор Флейшман издал книгу, озаглавленную именем любимого мамелюка императора Наполеона I, Руста́на (Rustan, мамелюк de Napoleon). В основу

этой книги легли, главным образом, устные рассказы Рустана, собранные капитаном артиллерии старой гвардии, Анри Биллионом и затем проверенные и дополненные по другим источникам.

Оказывается, Рустан был в некотором роде нашим соотечественником, так как родился в Тифлисе, где отец его занимался торговлей. Украденный татарами и пять раз перепроданный, Рустан, наконец, попадает, уже юношей, к каирскому бею. Здесь его зачисляют в отряд мамелюков, главная особенность которого заключалась в том, что он рекрутировался преимущественно кавказской молодежью. По свидетельству генерала Баве, среди каирских мамелюков было также немало немцев, французов, русских... Любопытно, что кроме этих иностранцев в Каире находились ещё французские якобинцы, задачей которых было проникнуть в самые секретные комнаты пирамид и там открыть тайну Пирама, будто бы записанную символическими знаками на могиле этого основателя всемирного франкмасонства...

Все это было накануне египетской экспедиции Бонапарта, который, как известно, недолго пробыл в стране пирамид и, сдав командование французскими войсками генералу Клеберу, сам возвратился в Париж, для того, чтобы «разогнать адвокатов», как он выразился о директории, а также для отражения иностранной коалиции...

О пребывании генерала Бонапарта в Египте рассказываются интересные вещи. Между прочим обнаруживается, что для вящего успеха своей экспедиции он, действительно, принял в Каире мусульманство и вообще усвоил себе там много восточного. К книге приложен снимок со старой гравюры, на котором Али-Бонапарт изображен в восточном костюме и, конечно, в чалме. Здесь же находится изображение Рустана в необычайно эффектном военном костюме мамелюка. Красивый, веселый и представительный Рустан очень понравился Наполеону и сделался его верным слугою и телохранителем. Появление его в Париже произвело настоящий фурор. Повсюду только и было разговора, что о наполеоновском мамелюке. И сейчас же, конечно у французов появились модные костюмы и прически *a la Roustan*. В таких именно костюмах и прическах изображены на приложенных к книге портретах М-ме Бонапарт и прусская королева.

В Париже у многих знатных и богатых лиц было в обычае держать в штате присягу негров и мулатов; теперь эта мода прошла. У Бонапарта был даже китаец, но первый консул выслал его из Европы после того, как этот сын неба выкрал у него из погреба две тысячи бутылок бургунского и продал их в свою пользу. Теперь, по примеру Бонапарта, стали заводить собственных мамелюков, между прочим Мюрат организовал целый полк из Мамелюков и негров, принимавший в последствии участие и в походе 1812 года. Конечно, большая часть этого полка погибла в снегах России и только немногие уцелели. Известный сержант наполеоновской гвардии Бургонь видел потом этих несчастных в Эмбинге, как они, оборванные, голодные и обмороженные, стоя на снегу перед дворцом неаполитанского короля, «клацали зубами». Это малороссийское выражение вполне передает французское *«claguaient des dents»* ...

Рассказы Рустана очень любопытны и рисуют все мельчайшие детали, домашней жизни Наполеона и ближайших к нему лиц. Но напрасно было бы искать в его воспоминаниях известий о событиях высшего разряда. Точно также о походе 1812 года он почти ничего не сообщает, кроме того разве, что все время безотлучно находился при императоре. Между прочим мы узнаем, что в Москве он торговал кашемировыми шальями, приобретенными, конечно из разграбленных русских лавок, и затем во время отступления отморозил нос. По прибытии в Дрезден ему посоветовали намазать нос каким-то лекарством и — о- ужас! — Нос совсем пожелтел. Рустан был в отчаянии. И только в Париже лейб-медик Корвизар успокоил его. — «Есть ли какая-нибудь опасность? — заботливо спросил Наполеон доктора, указывая на нос мамелюка. — «Нет, ваше величество, — отвечал Корвизар;» — впрочем, если нос у Рустана отвалится, мы его пришьём»...

Между прочим, глубоким драматизмом веет от воспоминаний Рустана о том, как «бедный император, охраняемый священным баталионом», принужден был идти к Березине пешком, с палкой в руке и в лохмотьях под меховой шубой (*en logues et en fourtures*), и какими страшными пятнами чернели в это время на снегу вороны стаи, неотступно следовавшие за несчастной «великой армией»...

Утром 10 декабря Наполеон прибыл в Варшаву в сопровождении Коленкура, капитана долматинца Вукасовича и Рустана и остановился в Английской гостинице, на Вербовой улице (*rue des Saules*)...

Рустан почти ничего не говорит об этом пребывании Наполеона в Варшаве. Но в книге Флейшмана приложены записки аббата де-Прадта, в которых последний довольно подробно повествует об этом эпизоде.

«10 декабря, — говорит де-Прадт, — я был занят составлением спешной депеши к герцогу де-Бассано, когда вдруг в мой кабинет вошел какой то фантом, опираясь на одного из секретарей посольства.

Скорее идите со мной, — сказал фантом, голова которого была обвязана черным платком и тонула в меховом воротнике шубы. Походка его, вследствие бывших на нём меховых сапог, была тяжелая и неуклюжая. Схватившись с места и пристально взглянув в лицо незнакомца, я, наконец, узнал его. — «Это вы, Коленкур? Где император?» — «В Английской гостинице; он ждет вас». — «Почему же он не остановился в Замке?» — «Он не желает быть узанным». — «Все ли вы имеете, что нужно?» — «Дайте бургунского и малаги». «Мой погреб, дом и всё к вашим услугам. Но куда вы направляетесь теперь?» — «В Париж» — «А армия?» — «Её уже нет», — печально проговорил Коленкур, — поднимая глаза к небу...»

«Было полчаса второго, — продолжает де-Прадт, когда я подошел к Английской гостинице. — У ворот стоял польский жандарм. Хозяин гостиницы испытующе взглянул на меня и, после минутного колебания, впустил во двор. Здесь я увидел маленькую каретку, установленную на четырёх сосновых полозьях, которые были на половину обломаны в дороге. Далее стояло двое открытых саней, на которых приехали генерал Лефевр с полковником Вонсовичем, Рустан

и Лакей. Вот что осталось от прежнего великодепия! Я вошел в помещение гостиницы. Маленькая дверь таинственно открылась и я увидел Рустана, который сейчас же узнал меня. Видно было, что собирались обедать. Коленкур доложил обо мне императору и затем ввел меня к нему.

Я очутился в низкой, грязной и холодной комнате, с полузакрытыми ставнями. Грязная служанка возилась около печки и изо всей мочи раздувала накладываемые ею в печь сырые сосновые ветки, которые не хотели гореть и только трещали и шипели...

«Император ходил взад и вперед по комнате в меховой шапке и в шубе, крытой зеленым бархатом, с золотыми бранденбургами. Оказывается, что он в таком виде прошел пешком от пражского моста до Английской гостиницы.

А. Господин посланник! — сказал вдруг Наполеон и засмеялся ...

Я почтительно подошел к нему и стал выражать своё удовольствие по поводу того, что вижу его в добром здоровье. При этом прибавил, что «уже начал беспокоиться о нём...»

Затем между императором и его посланником началась продолжительная беседа.

По словам де-Прадта, Наполеон произвел на него ужасно тяжёлое впечатление. Он много говорил о Франции, России и Польше; но у де-Прадта составилось такое убеждение, что он беседует прямо-таки с безумным человеком ...

Впрочем, к рассказам де-Прадта следует относиться критически, так как и сам он произвел на Наполеона дурное впечатление. По крайней мере, на другой же день Наполеон послал своему министру иностранных дел повеление о немедленном отзывании де-Прадта из Варшавы. Впоследствии же, находясь на острове св. Елены и читая записки де-Прадта, Наполеон ужасно возмущался той ложью, какую бывший его посланник вложил ему в уста во время беседы в Английской гостинице в Варшаве. Он не отвергает только знаменитой фразы: «*Du sublime au ridicule il ny a qu'un pas*»...

На другой день Наполеон выехал из Варшавы на Кутно и дальше...

Обращаясь к Рустану, следует сказать, что он очень дурно заплатил Наполеону за его доброту к нему и расположение. Скопив на службе императору довольно крупный капиталец он, к большому огорчению Наполеона, не последовал за ним в изгнание ... («В.Д.»)

(«Виленский Вестник» №2585 от 28.01.1912 г.)

Примечание: О религиозности Наполеона имеется несколько интересных свидетельств: «Первый консул оживил церковные колокола, и их звон раздавался над всей страной. Был ли он сам религиозным, верующим человеком? Нет, конечно. Искренний почитатель в юности Вольтера и материалистов, поклонник Руссо должен был относиться к церкви, к религии крайне скептически...Вероятнее всего, его натолкнул на мысль о необходимости пересмотра церковной политики опыт Италии и Египта.» («Наполеон Бонапарт» А.З. Манфред Москва 1989 г.)

Мармон — «Однажды в Фонтенбло кардинал Феш (1) позволил себе колкости, которые стали для него обычным делом. Император рассердился и сказал, что ему идёт этот лицемерный тон, ему — такому свободомыслящему, неверующему и т.д.

- Возможно, возможно, -- ответил Феш, -- но это не мешает вам совершать несправедливости, у вас нет ни здравого смысла, ни прав, ни благовидных предлогов; вы — самый несправедливый из людей.

Тогда Император взял его за руку, открыл окно и вывел на балкон.

- Посмотрите вверх, — сказал он, -- видите там что-нибудь?

- Нет, — ответил Феш, — я там ничего не вижу.

- Ну тогда молчите. А я вижу там свою звезду, это она ведёт меня за собой. И не смейте больше сравнивать свои ничтожные и ограниченные способности с моей высшей организацией.

Множество раз мы наблюдали, как я уже замечал и ещё не раз замечу, потребность, которую испытывал Наполеон, выискивая связь неба и своего рождения.»

(1) Феш Жозеф (1763 – 1839) Дядя Наполеона сводный брат его матери. В 1803 году стал кардиналом, вёл переговоры с Римским папой о коронации Наполеона. («МЕМОАРЫ МАРШАЛА МАРМОНА О НАПОЛЕОНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ» Москва, Рейтар, 2003 г.)

Художник-баталист В.В. Верещагин, приводит рассказ очевидца — офицера Молодой гвардии: «Мы шли большою дорогою, по направлению к Борису. До города было уже не очень далеко. Бонапарт шёл, как и все мы, с палкою, он был одет в меховую шубу и шапку и шёл по середине дороги в нескольких шагах от меня, следом за князем Невшательским (Бертье).

Кругом было как-то тоскливо тихо и покойно — когда мы увидели шедшего нам навстречу офицера. Это был состоящий при главном штабе полковник de F. Он остановился перед князем и отпортировал ему что-то, — я расслышал только слова «Березина» и «русские». Все остановились, также и Бонапарт, который был в шагах шести от начальника штаба и от полковника. Я придвинулся немного, чтобы разузнать в чём дело. Слышу, Бонапарт спрашивает сердито: «Что он там толкует? Что он толкует? — князь приказал полковнику повторить донесение Бонапарту, как теперь слышу:

de F — господин маршал поручил мне уведомить о том, что русская Молдавская армия пришла к Березине и завладела всеми переправами.

Бонапарт — Это неправда, это неправда, это неправда!

de F — что две неприятельские дивизии завладели мостом и занимают берег, так же, что река замёрзла недостаточно для переправы по льду.

Бонапарт (с гневом) — Вы лжёте, вы лжёте, это неправда!

de F — (хладнокровно и тоном повыше) — меня не посылали проверять положение неприятеля; господин маршал послал меня с этим донесением, и я исполняю свой долг.

Видя, что Бонапарт стал шевелить своей палкой, я подумал, что он хочет ударить ею полковника: но в эту минуту он, с широко расставленными ногами, откинулся назад и, опираясь левой рукою о палку, со скрежетом зубов, кинул к небу свирепый взгляд и поднял кулак! Настоящий крик бешенства вырвался из его груди, он повторил свой жест угрозы и прибавил короткое и выразительное слово... само по себе составляющее богохульство! Уверю вас, что в жизнь мою я не видел более ужасного выражения лица и всей фигуры! Он, очевидно, совсем забыл о старании, с которым скрывал до сих пор перед нами свои ощущения и старался казаться весёлым, чему конечно никто не верил. Мы так внимательно следили за всеми его движениями и были до такой степени поражены виденным, что опомнились только тогда, когда он приказал продолжать путь». (И.Н. Васильев «НЕСКОЛЬКО ГРОМКИХ УДАРОВ ПО ХВОСТУ ТИГРА» Москва, Рейтар 2001 г.)

«25-го июня русский император Манифестом объявил своему народу о предстоящей войне, поручая ему спасать отечество и свободу и призывая Бога, заступника православия.

Я заметил, что Наполеон, хотя и христианин, однако при объявлении войны взывал к судьбе».

(«Поход Наполеона в Россию в 1812 году», ДЕ ЛА ФЛИЗ, Москва, 2003 г.)

«Россия увлечена роком. Судьба её должна свершиться...» Наполеон Обращение к «Великой армии» (1812 г.)

Основные мировые религии получили своё начало в Индии и произошли из Брахманизма и Буддизма, (Веды, Упанишады). Брахманизм дал рождение Зендской религии — Зороастризму (Зенд-Авеста). Из Брахманизма и Зороастризма возник Иудаизм (Талмуд). Из Иудаизма произошли Христианство (Библия) и Ислам (Коран), кроме иудаизма в Христианстве большие тенденции имеют Брахманизм и Буддизм. (Прим. составителя.)

Наполеон и Апокалипсис

Всем хорошо известно, что в 1812 году не только среди населения, но и среди интеллигентных слоёв общества получила широкое распространение мысль, что Наполеон является прообразом антихриста. Об этом толковали крестьяне в деревне, об этом громко говорило духовенство с церковных амвонов, наконец об этом вполне серьёзно говорили в светских гостиных и кабинетах учёных. Насколько эта мысль прочно укоренилась и была популярна в обществе, доказательством служит письмо профессора Дерптского университета Вильгельма Гецеля, адресованное в 1812 году командирующему первой армией Барклаю де Толли.

В этом письме он пишет: «Если бы можно было вселить в Императорское Российское воинство то уверение, что оно Провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812 году тех бедствий, кои Наполеон навлек на всю Европу, то сие бы усугубило бодрость духа и облегчило бы одержание победы. Такое уверение может быть произведено в действие через прилагаемое при сём каблистическое «изъяснение двух мест Апокалипсиса св. Апостола Иоанна, т.е. главы 13 ст.5 и 18, если полковые священники благоразумно разгласят его».

Содержание этих стихов следующее:

Ст. 5 «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца...»

Ст. 18 «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое: число его шестьсот шестьдесят шесть».

И вот, переложив буквы, составляющие имя Наполеона, в цифру (по способу еврейского числоизложения), профессор Гецель получил число «666» т.е. именно то число, которым выше определён зверь, под каковым в Апокалипсисе разумеется антихрист. Предел славы зверя определён цифрою 42. Отсюда Гецель и делает выводы, что 1812 год, в котором антихристу Наполеону шёл 43-й год, и будет пределом славы и существования его.

«А каким образом сие всячески достопамятное изъяснение должно быть в войске разглашено», продолжает профессор Гецель, — «раздачей ли печатных листов, или только изустным от духовенства внушением, то представляю вашему благоусмотрению».

Низвержение Наполеоном всего того, что до сих пор казалось незыблемым, превращение монархии в республику; его непобедимость и успех русского оружия в борьбе с ним с самого начала её, т.е. с 1806 г., а затем его нашествие,

повлекшее за собой новую рекрутчину, всегда сопровождавшуюся воплем и гоним населения, считавшего её за народное бедствие; фанатические проповеди духовенства, призывавшего так пламенно население на борьбу с грозным врагом; воззвание Синода, разосланное вслед за манифестом Государя о сборе ополчения и, наконец, специально составленная и разосланная Синодом по епархиям молитва об избавлении от супостатов и спасения веры православной, — всё это способствовало тому, что население начало воспринимать отождествление Наполеона с антихристом за реальный факт. Мысль эта, начавшая мерцать ещё в 1806 г., в 1812 году зажглась ярким пламенем особенно после того, когда на небе появилась комета, признанная всеми за грозное предзнаменование того, что наступает царство врага христианства и Спасителя. Народу казалось, что надвигающийся враг угрожает не только его свободе, самобытности, но и самому дорогому, что у него при его бедном духовном развитии было — православной религии. Борьба с народом и его воодушевлением, как показывает история всегда приводит к победе такового. Неудивительно, что впоследствии Наполеон, вспоминая о походе в Россию, говорил: «Нам предстояла война с новой Испанией, но Испанией без границ, без городов и с «бесчисленным количеством защитников».

Владимировъ («Виленский Вестник» №2761 от 28.08.1912 г.)

Примечание: М.Б. Барклай де Толли распространил («для надлежашего употребления») среди полковых священников 1-й Западной армии полученное им в начале войны от дерптского профессора В.Ф. Гещеля письмо, содержащее каббалистическое изъяснение двух мест Апокалипсиса Святого Апостола Иоанна, где в имени императора Наполеона высчитывалось «звериное число 666» и предсказывалось его падение в 1812 г. (Об этом свидетельствует рапорт полевого обер-священника 1-й Западной армии протоиерея Алексея Торопогрицкого обер-священнику армии и флота И.С. Державину). РГИА. Ф.806, оп.1, д.2156, л.1.

(«ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА Источники. Памятники. Проблемы», Можайск-Терра, 2000 г.)

«Цифра 6 — одна из самых противоречивых и сложных в нумерологической системе. ...

Если вы внимательно просмотрите все цифры, то заметите, что цифры 6 и 9 очень похожи в написании, и это не случайно. Цифра 9 отвечает за память человека и его ум, который всегда предназначался для накопления знаний, помогающих человеку выжить. Если так, то цифра 6 должна была сохранить основное значение цифры 9 (ум, знания), но должна «перевернуть» их цели, а именно: человек становится забывчивым по отношению к своим близким, ум работает для накопления тех знаний, которые помогут ему продвигаться к власти с целью подавления, унижения и в конечном счёте истребления другой личности. ... Накапливать знания, которые позволяли воздействовать на человека, его психику, здоровье, имелись способы устранения людей (вплоть до убийства). Такие знания получили название чёрные, а люди, обладающие ими, — «чернокнижники». ...

Знак заземления «666 и более». Большое число шестёрок в психоматрице человека можно назвать «числом колдуна или ведьмы». (А.Ф. Александров, «ДАТЫ И СУДЬБЫ тайна дня рождения», Москва, 2004 г.)

«Шестёрка — знак незаконченности творения. Три шестёрки — дурная бесконечность материализма». (Ю. Воробьёвский, «Шаг Змеи», Москва, 2002 г.)

Празднование новолетия в России

Историческая справка

Древняя Русь, приняв христианство из Византии с церковным её законодательством, вела своё летоисчисление от сотворения мира, полагая началом индикта или нового года, по установленной пасхалии, март месяц: «зане как говорится в следованной псалтири, Е он началобытний свет бысть»...

«В сей месяц Бог сошел за человеколюбие на землю... В сей месяц вольною страстию Его плотокою клятва потребится, смертию Его смерть умертвиться ... Его воскресением из мертвых Адам и весь род человек от ада возведен ...сего ради от первого числа его начало приемлют все круги солнечные и лунные и вруцелe то и висектос (високос), и равенденствие составляется в нем и прочая».

...В 1343 году, в княжение Симеона Гордого, сына Ивана Калиты, первого собирателя русской земли под властью Москвы, Митрополит Феогност (грек) постановил праздновать индикт, или начало нового года с 1 сентября по примеру Александрийской церкви, руководствовавшейся следующими соображениями: в этот день, когда иудеи праздновали наступление нового года, И. Христос, пришел в Назарет — место своего воспитания — и, войдя в синагогу в день субботний прочитал слово пророка Исаи: «Дух господен на мне, ибо Он помазал меня благовествовать нищим и послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятно» (Лук. 4, 18-19)...

Составлена была особая церковная служба с воследованием индикта и празднуемого в первый день сентября пр. Симеона Столпника. Домовитые устроители московского княжества весьма благосклонно отнеслись к календарному изменению уже по одному тому, что к этому времени (1 сентября) завершались полевые работы, и можно было сделать подсчет «изобилию плодов земных». И простой народ не без удовольствия принял распоряжение праздновать новолетие не в день пр. Евдокии — весновки (1 марта), а в день пр. Симеона летопроводца (1 сентября), назвав последний началом бабьего лета в виду наступления легкѣх днѣх женщин занятий, как то: мочение льна, конопля, трепание их и проч.

Триста с лишком лет Россия святילה день 1 сентября, как день новолетия, и навсегда оставила грядущим поколениям память о нём, как о начале церковного года. Последнее торжественное празднование этого дня было совершено в Москве в 1699 году, когда Пётр I, справляя старый обычай своих предков в присутствии патриарха Адриана, приветствовал народ на Ивановской площади своим милостивым словом.

На его царские речи народ восклицал: «Здравствуй, здоров будь на многия лета, надежа государь».

19 декабря 1699 года царь издал повеление начинать счет годов не от сотворения мира, а от Рождества Христова. Декабря же того же года он приказал об-

народовать следующий свой именной указ: «Великий Государь указал сказать: известно Ему, Великому Государю, не только, что во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые Его Великаго Государя подданные Черкассы и все греки, от которых вера наша православная принята, все те народы согласно лета свои исчисляют от Рождества Христова осемь дней спустя, то есть Генваря с 1 числа, а не от сотворения мира, за многую рознь и считание в тех летах и ныне от Р.Х. доходит 1699 год, а будущего Генваря с 1 числа настанет 1700 год купно и новый столетний век; и для того доброго и полезного дела указал Великий Государь впредь лета счислять в приказах и во всяких делах и крепостях писать с 1 числа от Р.Х. 1700 года. А в знак того доброго «начинания и нового столетнего века в царствующем граде Москве, после должного благодарения к Богу и молебного пения в церкви, и кому случится и в дому своём, по большим и проезжим знатым улицам, знатым людям и у домов нарочитых духовного и мирского чина перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, елевых и можжевеловых против образцов, каковы сделаны на гостинном дворе и у нижней аптеки, или кому как удобнее и пристойнее, смотря по месту и воротам, учинить возможно; а людям скудным каждому хотя по древцу или ветве на вороты или над храминою своею поставить; и то б наспемо ныне будущего Генваря к 1 числу сего года, а стоять тому украшению Генваря по 7 день того де 1700 года. Да Генваря же в 1 день в знак веселия, друг друга поздравляя новым годом и столетним веком, учинить сие: когда на большой Красной площади огненные потехи зажгут и стрельба будет, потом по знатым дворам и боярам и окольниковым и думным ближним и знатым людям палатного, воинского и купецкого чина знаменитым людям каждому на своём дворе из небольших пушек, буде у кого есть, и из несколько мушкетов или иного мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится, и по улицам большим, где пространство есть, Генваря с 1 по 7 число по ночам огни зажигать из дров или хворосту или соломы, а где мелкие дворы, собрався пять или шесть дворов такой огонь класть или, кто похочет на столбинах поставить по одной или по 2 или по 3 смоляные и худые бочки, и наполняя соломою или хворостом, зажигать; а перед Бурмистрскою Ратушею стрельбе и таким огням и украшению по их рассмотрению быть же».

(П.С.З.Р.И.№1736).

К календарной реформе Петра народ отнесся крайне неодобрительно, а духовенство, во главе с патриархом Адрианом, — и совсем враждебно. Надо заметить, что христианские церкви — восточная и западная — долгое время не хотели святить день 1 января, как день новолетия, в виду того, что римляне, начав праздновать этот день за 45 лет до Р.Х. (юлианский календарь), «предавались роскоши, сладострастию и разным бесчинствам». Январь месяц стал считаться первым месяцем в году лишь со второй половины 16 столетия. Почин в этом отношении принадлежит французскому королю Ккарлу Девятому (1560-1574).

В России в настоящее время идет речь о замене старого стиля (юлианского календаря) новым введенным папою Григорием тринадцатым в 1582 г. по Р.Х. и известном под названием григорианского календаря, так как разница между названными счислениями времени в нынешнем столетии достигло уже 13 дней. Высочайше утвержденная по сему поводу особая комиссия отнеслась, однако, отрицательно к такому нововведению и остановилась, как сообщают газеты, на мысли о создании единого мирового календаря, бесспорно необходимо для всех стран старого и нового света.

(«Виленский Вестник» № 2565 от 04.01.1912 г.)

Примечание: В России, вернее в СССР, григорианский календарь введен с 14 февраля 1918 года.

Первый раз ёлка была наряжена в Лотарингии в Страсбурге в 1525 году как символ райского древа, была украшена красными яблоками, т.е. ёлочные игрушки, которыми ныне украшают ёлку символизируют библейский запретный плод познания добра и зла — яблоко. (Прим. составителя.)

Сказание об А. Гордоне из семейных преданий

На старом еврейском кладбище в Вильне сохранилась могила доктора и ученого рабби Аарона Гордона.

Старые евреи, проходя мимо этой могилы, останавливаются, долго смотрят на старинный заросший холм и шепчут про себя «Благословен судья праведный».

Интересное предание передается о докторе р. Аароне, жившем в середине 17-го столетия.

Р. Аарон сын очень богатых родителей в Вильне в молодости прошел курс наук в Италии в Падуанском университете. Получив образование, молодой человек отправился обратно на родину в Вильну морем.

У берегов Испании поднялась сильная буря, корабль налетел на подводный камень и разбился. Спасшийся молодой человек, без всяких средств к жизни, без вещей очутился в чужой стране. К тому же это была Испания, откуда инквизиция изгнала всех евреев из провинций, а оставшимся она под угрозой смерти запретила выполнять обряды их религии.

И молодой Аарон должен был принять все меры, чтобы во время своих скитаний по Испании в нем не заподозрили еврея. Из города в город ходил он и летом и зимой и в дождь и в град пешком, с трудом добывая себе дневное пропитание, скрывал свою национальность.

Время шло. Приближалась Пасха и уставшему Аарону захотелось отдохнуть и по традиции отпраздновать эту неделю, раздобыв мацу. Без нее пришлось бы умереть с голоду.

Вспомнил он, что часть испанских евреев, которые по каким либо причи-

нам не смогли оставить Испанию, приняли христианство оставаясь в тайне евреями и решил разыскать хоть одного из этих «марранов» или «анусим».

Накануне Пасхи, когда евреи закупают овощи и зелень для пасхальной вечера «седер», Аарон отправился на овощной рынок и стал зорко следить за покупателями.

Вдруг видит он, что к продавцам зелени подъезжает карета. Дверцы раскрылись и из кареты вышел представительный господин, по виду и одеянию принадлежащий к знатному роду.

Господин что-то сказал своему лакею, тот соскочил с козел и накупил зелени и овощей, употребляемых евреями в первые пасхальные вечера.

Р. Аарон погнался за каретой, скоро она остановилась возле богатого замка. Он подошел к парадному крыльцу и обратился к господину, только что вышедшему из кареты, с просьбой выслушать его наедине. Господин пригласил его в отдельную комнату и молодой доктор, когда они остались вдвоем сказал :

«Я хочу быть с вами откровенным. Я передаю судьбу свою в ваши руки с тем, чтобы и вы в свою очередь были со мною откровенны : — я еврей, и вы тоже еврей, как я, соблюдаете и почитаете завет нашего Бога, владыки неба и земли. Сегодня, канун Пасхи, умоляю вас, ради Господа примите меня на эти 8 дней в дом свой, дабы я не умер с голода в предстоящие пасхальные дни, так как у меня нет возможности приобрести мацы».

Р. Аарон кончил. Владелец замка, опасаясь не шпион ли перед ним, заговорил с юношей строго и даже грубо, но юноша поклялся Господом Богом, что сумеет сохранить тайну человека простершего ему в минуту отчаяния руку, что он этой тайны никому не выдаст.

Господин перестал таиться перед ним.

После захода солнца добрый хозяин повел своего юного гостя через потайной вход в подземелье роскошно убранное и освещенное тысячами огней. Посреди подземелья стоял стол, на котором были разложены в порядке все символы пасхального вечера. У стола восседала жена «гранда» и старший сын его, — все в белых одеждах. В благоговейном внимании выслушали «агоду» (пасхальное чтение).

Аарон Гордон пробыл у хозяина целый месяц и потом снабженный деньгами и благословениями хозяев отправился на родину, куда благополучно прибыл.

В Вильне р. Аарон Гордон стал заниматься медицинской практикой и впоследствии стал придворным врачом у Польских королей.

Он умер в глубокой старости. Перед смертью р. Аарон поведал своим детям об этом происшествии. Б. Невельский.

(«Наша копейка» №963 от 21.03.1912 г.)

П.А. Лаптев **(ветеран 1812 года)**

В агентских телеграммах, помещенных в газетах 20 августа, уже сообщалось, что на Бородинском поле Государю Императору представлялись пять участников Отечественной войны и в числе их Петр Артемьевич Лаптев.

Сообщаем некоторые подробности из жизни этого редкого для нашего времени человека.

Петр Артемьевич родился 29 июня 1794 года. Таким образом в настоящее время ему 118 лет. Отец его происходил из донских казаков — старообрядцев, переселенных Екатериной Великой в Виленскую губернию для усиления русских во вновь присоединенном тогда крае.

П.А. Лаптев кажется во всем мире теперь единственный человек, который лично видел Наполеона I. Об этом событии передаем рассказ самого старика, записанный этим летом его внуком, С.М. Лаптевым.

«Когда мы узнали, что в Свенцяны (Вил. Губ.) идет француз, то все семейство наше, захватив что попало, ушло в Цыркминский лес (в 5 верстах от Свенцяны) прятаться. Там мы пробыли суток трое. Я не утерпел. Захотелось посмотреть на француза. И я лесом пробрался к Екатерининскому большаку (дороге). Думаю, влзу на дерево и посмотрю. Но французы меня заметили, схватили и привели в Свенцяны. На другое утро повели к дому, в котором остановился сам Наполеон (дом Гируця, на Виленской улице). Французский император сидел на балконе и пил кофе. Через поляка — переводчика он спросил меня, хорошо ли я знаю дорогу на Динабург (теперь Двинск). Я сказал, что знаю. Наполеон приказал мне вести передовой отряд. Шли мы с небольшими передышками 35 часов. На одном привале, когда надзор за мной был ослаблен, я убежал в лес и там блуждал около недели, пока около Свенцяны не разыскал отца».

Позже в Отечественной войне П.А. Лаптев принимал участие в качестве ратника, государственного ополчения.

Кроме Отечественной войны П. Лаптев принимал участие в Крымской кампании и в подавлении польского мятежа 1863-64 годов. Польский мятеж он усмирал уже со своими сыновьями, за что ему и был генерал-губернатором Муравьевым подарен кирпичный завод, отобранный от повстанца поляка. Управлять этим заводом старик перестал всего лет 12 назад.

До настоящего времени, несмотря на возраст, он сохранил необычайно ясную память.

Сын ветерана Михайл П. Лаптев служит по общественным выборам в Свенцянах Виленской губ., и вокруг него, а также их родственников Пименовых, группируется все северо-западное старообрядчество, являющееся единственным оплотом русской государственности на этой окраине.

(«Виленский вестник» №2763 от 30.08.1912 г.)

Число 12 в жизни Александра I

Император Александр I в течение всей своей жизни очень страдал от суевренных предчувствий и не мог заставить себя отделаться от разных преследовавших его числовых комбинаций.

Роковым числом в его жизни было число 12. Эта цифра играла какую-то таинственную роль

Самая цифра 1812 — год Отечественной войны — даёт в сумме 12.

12 декабря 1777 г. родился Александр Павлович. Родился он в 12 месяце — декабре.

12 марта 1801 г. Александр Павлович вступил на престол, имея от роду 24 года, т.е. дважды повторенные 12 лет.

Отечественная война происходила в 1812 г., когда императору было трижды 12, т.е. 36 лет.

Болея перед смертью Александр I 12 дней.

Царствовал 24 года, т.е. дважды 12 лет.

Скончался на 48 году от рождения, а 48 — тоже четыре раза повторенное 12.

(«Виленский вестник» №2768 06.09.1912 г.)

Если следовать логике этой статьи, то можно заметить ряд совпадений и у Наполеона:

18 мая 1804 г. Наполеон провозгласил себя императором, сумма всех цифр $(18+5+13) = 36$, три раза по 12, но сумма цифр года составляет число 13.

26.10.1797 г. Наполеон назначен командующим Английской армии вторжения, (экспедиция не состоялась) сумма всех цифр $(26+10+24) = 60$, что составляет 5 раз по 12. Забегая вперёд скажу, что это наивысшее количество, найденное мною в событиях наполеоновских войн. Стоит ли это расценивать как промысел проведения?

Наполеон перешёл Неман — границу России 12 июня 1812 года, что трижды даёт цифру 12, число, сумму цифр года и 12-й год.

Перешёл обратно границу России 25 ноября 1812 года, что составляет число 48, четыре раза по 12.

На престол Наполеон вступил 2 декабря 1804 года, если учитывать месяц то он 12-й, а если сумму цифр года, то получается число 13.

Невольно вспоминается в связи с этим Иисус Христос и его двенадцать учеников — апостолов, сам Иисус был 13-й, его пригвоздили к кресту, по настоянию первосвященников, видимо поэтому цифра 13 считается в христианских странах не счастливой.

В 12 лет Иисусу Христу было даровано откровение, и он сказал в храме своим родителям, что должен участвовать в трудах Отца Своего, (Евангелие

от Луки 2:24-3:3). Так же в 12 лет и Мани — основатель религиозного культа или религиозного течения Манихейство (1), получил откровение свыше.

Легенда, создававшаяся с 2637 г. до н. э. гласит, что Будда (просветлённый) перед уходом с Земли созвал к себе всех животных. Однако проститься с Буддой пришли лишь 12 из них. Расставаясь с ними, Будда вручил каждому по одному году правления. 12 мифологических животных восточного календаря представляют собой, согласно восточной космогонической теории, 12 космических влияний, действующих в год рождения человека, формирующих его характер и во многом определяющих его судьбу.

Обращаясь к числовым комбинациям, можно найти ещё несколько совпадений:

11(23) марта 1801 года убит император Павел первый, сумма всех цифр 24 (36) соответственно, по словам генерала Бенексена убийц было 12 человек.

12 декабря 1812 года, после изгнания Наполеона из России, в Вильно император Александр первый наградил М.И. Голенищева-Кутузова высшей российской наградой — орденом Святого Георгия 1-го класса (Кутузов первый из четырёх человек, удостоенных всех степеней этого ордена), 12-е число, двенадцатый месяц и год и сумма цифр года составляет число 12, т.е. 4 раза.

05.03.1798 года Наполеон назначен командующим Египетской армии, сумма всех цифр 33, на двенадцать не делится, Сумма всех цифр даты смерти П.А. Столыпина также составляет число 26, умершего от ран 05.09.1911 г.).

19.05.1798 года Наполеон с армией отплыл в Египет, сумма всех цифр — 49, три раза по 12 и один раз 13.

30.06.1798 года после захвата Мальты суда Египетской армии подошли к северному побережью Африки, сумма всех цифр — 61, четыре раза по 12 и один раз 13 (всего пять, как при назначении Наполеона командующим Английской армией вторжения, только в том случае все по 12), результаты экспедиции в Египет всем известны, Наполеон оттуда бежал, остатки его армии капитулировали.

12.05.1803 года порваны дипломатические отношения Англии и Франции, 12-е число и сумма цифр года — 12.

21.03.1804 года по приказу Наполеона расстрелян герцог Энгиенский, принц французского королевского дома Энгиенский Луи Антуан Анри, ближайший родственник Бурбонов, последний из дома Кондэ, сумма всех цифр 37, два раза по 12 и один раз 13.

08.02.1807 года сражение при Прейсиш-Эйлау, здесь русская армия нанесла первый сильный удар по непобедимой армии Наполеона, русскими войсками командовал генерал Бенексен, ганноверский барон на русской службе с 1773 г. (Ганновер в ту пору владения Английского короля в Европе, захваченные Наполеоном), сумма всех цифр 26, два раза по 13.

14.06.1807 года сражение с русскими при Фриланде, победа Наполеона, сумма всех цифр 36, три раза по 12.

12.08.1812 года герцог Веллингтон, с английским экспедиционным корпусом в Испании вошёл в Мадрид, число 12-е, сумма цифр года 12 и 12-й год.

12.10.1812 года бой в Малоярославце, Наполеон считал своей победой, т. к. Кутузов отступил, 12-е число, сумма цифр года 12 и 12-й год.

13.10.1812 года утром рекогносцировка под Малоярославцем, Наполеон чуть не попал в плен, от нападения казаков его защищали и свитские генералы, число 13-е, сумма цифр года 12 и 12-й год.

15.11.1812 года старая гвардия и Наполеон перешли через р. Березину, сумма всех цифр 38, один раз 12 и два раза по 13.

6 апреля 1814 года Наполеон созвал маршалов и объявил об отречении от престола, сумма всех цифр 24, два раза по 12.

30 мая 1814 года по возвращении Бурбонов, подписан Парижский мирный договор, сумма всех цифр 49, три раза по 12 и один раз 13.

13 марта 1815 года, после возвращения Наполеона с острова Эльба, главы европейских правительств, приняли декларацию, объявившую Наполеона вне закона, само число 13-е.

16 июня 1815 года сражение при Линьи, Наполеон одержал последнюю победу над прусскими войсками Блюхера (оставалось два дня до окончательного поражения Наполеона), сумма всех цифр 37, два раза по 12 и один раз 13.

18 июня 1815 года сражение при Ватерлоо (окончательное поражение Наполеона), сумма всех цифр 39, три раза по 13.

Тридцать девять — число канонических книг в Ветхом завете (всего их 50).

Чтобы не попасть в плен к Бурбонам, Наполеон отправился к морю в Рошфор, 15 июля 1815 года, в субботу утром на бриге «Ястреб» добрался до английского корабля «Беллерофонт», стоявшего на рейде, сумма всех цифр 37, два раза по 12 и один раз 13.

Наполеон говорил: «Наша родословная идёт от Монтеноте».

Первая крупная победа Наполеона у Монтеноте, в итальянской кампании была 12 апреля 1796 года, (5 апреля Наполеон впервые вступил в командование армией, а 12 апреля одержал первую победу при Монтеноте), число 12-е, но сумма всех цифр 39, т.е. три раза по 13, как и в битве при Ватерлоо. Ещё одно знаменательное событие произошло 12 апреля только уже в 1961 году, Ю.А. Гагарин впервые совершил полёт в космос, но тут сумма всех цифр 33.

Герцог Веллингтон, победитель в битве при Ватерлоо, при содействии Блюхера, первых успехов добился в 1808 году, на 39 году своей жизни.

5 мая 1821 года в 18 ч. скончался Наполеон, ему был 51 год, сумма цифр года составляет число 12.

В 1840 году с острова Св. Елены перевезены во Францию останки Наполеона и помещены в Париже в доме инвалидов, сумма цифр года составляет число 13., между прочим так же как и в годовщину его коронации.

13 августа 1912 года из Антверпена в Петербург вышел пароход «Курск», который затонул в немецком море. Пароход вёз из Франции памятник скульптора Поля Бесенваля, пирамидальную колонну высотой в три сажени, из бургундского гранита увенчанную бронзовым орлом для установки на Бородинском поле солдатам великой армии. Пароход затонул в 100-летний юбилей Отечественной войны в 12-й год.

12 августа 2000 года в 9 ч. 32 м., а по другим данным в 11 ч. 32 м. в Баренцевом море погибла Атомная подводная лодка «Курск», памятника наполеоновским войскам на ней, как известно не было, но атомоход погиб именно 12 числа, имел такое же название как и пароход, утонувший в августе 1912 года. С датой рождения Наполеона совпадений нет (15.08.1769 г.).

05.09.1812 года в арьергардном бою у Колоцкого монастыря (в 12 верстах от с. Бородино) французское ядро раздробило ногу генералу-майору И.К. Краснову, командовавшему казачьими полками, на следующий день он скончался. Сумма всех цифр 26, два раза по 13, 08.05.1606 года в Москве Лжедмитрий 1-й обвенчался с Мариной Мнишек (оба в дальнейшем погибли), сумма всех цифр — 26, два раза по 13, так же как и в годовщины смерти Столыпина.

Примечательные совпадения.

15.07.1199 года в первом крестовом походе взят Иерусалим сумма всех цифр — 42, а 18.05.1291 года мусульмане ворвались в Акру и перебили большинство оставшихся защитников, этого последнего оплота христиан на востоке, сумма всех цифр — 36, три раза по 12.

После неудачной осады крепости Сен-Жан д'Акр, 21 мая 1799 г. вся французская армия снялась с позиций и двинулась вдоль побережья в обратный путь. 14 июня на рассвете армия увидела минареты Каира. 7 октября 1812 года Наполеон покинул Москву. От первого до второго отступления прошло 13 лет.

14 июня 1799 года французская армия вернулась в Каир, из Сирийского похода. Через год в этот же день — 14.06.1800 года, погибли: генерал Клебер, оставленный Наполеоном командовать французскими войсками в Египте, а так же дивизионный генерал Дезе, в сражении при Маренго. Сражение с австрийцами при Маренго началось утром и к 15 часам, по существу было проиграно, в последний момент подошла дивизия Дезе и проигранная первоначально Бонапартом битва превратилась в полную, сокрушительную победу. В самом начале атаки, генерал Дезе был убит вражеской пулей в сердце.

16.11.1581 года Иван Грозный убил своего сына Ивана Ивановича, трон достался слабоумному Фёдору Ивановичу, в дальнейшем род рюриковичей, на Российском троне, пресёкся сумма всех цифр — 42.

21.01.1598 года Борис Годунов избран на царство сумма всех цифр — 42.

21.01.1793 года в Париже казнён Людовик шестнадцатый, сумма всех цифр — 42.

17.10.1905 года Манифест Николая второго «Об усовершенствовании государственного порядка», сам Николай считал что этим Манифестом дарует России конституцию, сумма всех цифр — 42.

16.07.1918 года расстрел царской семьи Романовых, сумма всех цифр — 42.

18.12.1812 года Наполеон, после похода в Россию прибыл в Тюильрийский дворец, сумма всех цифр — 42.

25.02.1815 года Наполеон в сопровождении 1100 человек покинул остров Эльбу, сумма всех цифр — 42.

05.05.1821 года скончался Наполеон, сумма всех цифр — 22, а 01.03.1881 года убит император Александр второй, освободитель, отменил крепостное право в России, сумма всех цифр — 22. (Кровавая карьера Наполеона, от Тулона до Ватерлоо составила 22 года).

24.08.1572 года Варфоломеевская ночь (в Париже было убито свыше 6 тыс. гугенотов), сумма всех цифр — 47.

24.06.1718 года царевичу Алексею (сыну Петра Великого) сенатом и высшими чинами был вынесен смертный приговор (родился 18.02.1690 г. — 36, три раза по 12), сумма всех цифр — 47.

21.11.1806 года Наполеоном была введена континентальная блокада, направленная против Англии, сумма всех цифр — 47.

23.08.1799 г. Бонапарт бежал из Египта, на борту фрегата «Мюирон», названного так, в честь адъютанта Наполеона, погибшего в бою у аркольского моста. Проскользнув мимо английских сторожевых судов, он ступил на землю Франции, пробыв в пути — 47 дней.

22.12.1813 года учреждена серебряная медаль на андreeвской ленте для награждения всех строевых чинов, принимавших участие в Отечественной войне 1812 года, сумма всех цифр — 47.

14.11.1894 года Николай второй обвенчался с дочерью великого герцога Гессен-Дармштадского Людвиг четвертого — Алисой Викторией Еленой Бригиттой Беатрисой Гессенской, после принятия православия Александра Фёдоровна, сумма всех цифр — 47.

18.05.1896 года «Ходынка». В Москве на Ходынском поле, (в начале современного Ленинградского проспекта), во время раздачи царских подарков, по случаю коронации Николая второго, произошла давка, по официальным данным погибло 1389 чел., изувечено 1300, сумма всех цифр — 47.

30.01.1805 года во Франции Наполеоном была учреждена высшая степень ордена почётного легиона, а месяц спустя т.е. 01.02.1805 года были удостоены этой награды — 47 человек.

Памятник изготовленный во Франции в 1912 году, пирамидальная колонна из бургунского гранита, для установки на Бородинском поле воинам «Великой армии», весил — 47 тон. Ещё один знаменательный памятник — статуя Свободы, стоящая в Нью-Йоркской гавани, была спроектирована и сделана во Франции, её частями перевезли на французском корабле в Нью-Йорк, в 1886 г. торжественно открыли, идею статуи подал впервые Эдуард де Лабулайе, а воплотил в жизнь скульптор Фредерик Бартольди. Высота памятника вместе с пьедесталом 92 метра, высота самой статуи, по одним данным 47 метров, по другим 46.

15.10.1815 года Наполеон со своей свитой на борту английского военного

корабля «Нортурберленда» прибыл на остров Святой Елены на 47 году своей жизни, 15 августа ему исполнилось 46 лет.

07.09.1812 года в Бородинском бою бригадный генерал Бонами предводительствуя 30-м линейным полком ворвался на центральный редут — батарею Раевского, где израненный штыками был взят в плен и представлен Кутузову. В дальнейшем на этом же редуте, так же израненный был взят в плен генерал Лихачёв, который во время Бородинского боя, по сообщениям очевидца — генерал-адъютанта Коленкура, был представлен Наполеону.

(Статья составлена в 2005 г.)

(1) Мани (216 — 276 гг. н.э.) — иранский проповедник именовал себя «печатью пророков», «последним Христом», «Иисусом обновлённым», объявлял себя Параклетом, появление которого было возведено Иисусом, считал себя обладателем абсолютной истины, это тип восточного чудотворца, харизматика. Новая религия представляла собой попытку соединить все мировые религии. Мани выступает как основатель новой религии, но он признаёт своих предшественников: единственная истинная религия возвещалась Буддой в Индии, Заратуштрой в Иране и Христом на Западе. Развитие идеи Мани приводило к поклонению одновременно Богу и Сатане, а идея об очистительном огне привела к созданию целого направления в манихействе, человеческие пороки следует выжигать самими же пороками. Очистительному огню противопоставлялся Святой Огонь зажигающийся в Великую Субботу на Гробе Господнем. Евангелие Мани было разделено по количеству букв сирийского алфавита на 22 главы. («МАНИ и манихейство» Гео Виденгрэн С-Петербург 2001)

Примечание: «Все известные вещи имеют число, без этого ничего нельзя было бы ни мыслить, ни знать — Филолай, ученик Пифагора 5 в. д. н. э...

Египтяне определили по дню, в который кто родился, судьбу человека: как он умрёт и каков он будет — Геродот 5 в. д.н.э....

Нумерология поможет прийти к истине, которая не зависит от политики или желания отдельных людей. Как сказал когда-то ученик Пифагора Филолай: «Когда-нибудь ложь умрёт через число». («ДАТЫ И СУДЬБЫ Тайна дня рождения», А.Ф. Александров, Москва, 2004 г.)

Погибший памятник 1812 года

В Петербурге ожидали французский памятник, который должен был быть воздвигнут на Бородинском поле, вблизи Шевардинского редута. Об этом был осведомлён военный атташе при французском посольстве полковник Матон, на которого послом возложена обязанность руководить предстоящими юбилейными торжествами в Бородине.

Французское посольство получило 10 августа от автора памятника скульптора Поля Бесенваля телеграмму, в которой он сообщал, что через день на пароходе «Курск» он вместе с памятником отправляется в Россию.

Памятник солдатам великой армии был сооружён на средства собранные во Франции, и в начале этого месяца был отправлен из Сэн-Морис-ле-Шатонёф, в департаменте Сены и Луары, в Антверпен. Первоначально его предполага-

лось перевезти по железным дорогам, на что было согласно французское министерство путей сообщения. В июне месяце строительный французский комитет обратился с запросом в русское министерство путей сообщения: возможно ли будет перевезти памятник в Москву? В Петербурге была созвана специальная комиссия, обсуждавшая в нескольких заседаниях этот вопрос и пришедшая к выводу, что русские железные дороги не в состоянии взять на себя ответственность за перевозку памятника.

Решение инженерного совета было телеграфно передано французскому строительному комитету и, по предложению скульптора Поля Бесенваля, памятник решили распилить на две части.

Памятник солдатам великой французской армии представляет собой пирамидальную колонну, высотой в три сажени, увенчанную бронзовым орлом. Памятник высечен из бургундского гранита и весит 47 тысяч килограммов.

На пьедестале, поддерживающем колонну, была высечена золотыми буквами надпись: «Aux morts de la Grande Armee. 7 septembre, 1812».

Памятник предполагалось поставить недалеко от только что воздвигнутого памятника, погибшим чинам л. гв. Измайловского полка, который выдержал в Бородинском бою сильнейшие атаки французов.

(«Виленский Вестник» №2756 от 23.08.1912 г.)

К гибели «Курска»

Копенгаген, 20 августа. Предполагают, что погиб пароход «Курск», вышедший 13 августа из Антверпена в Петербург. Со времени его ухода о нём ничего не было слышно. Возле Броузсгавена и Оуддорна к берегу были прибиты лодка, несколько спасательных поясов и обломки корабля. Лоцман, ведший корабль, не вернулся во Флигссинген. Пароход принадлежал «Объединённой компании парашодства» в Копенгагене. Экипаж состоял из 20 человек.

Аг. Ритцау. («Ведомости С-Петербургского градоначальства» №184 от 22.08.1912 г.)

Французский памятник и барон де-Бэй

Трогательная мысль почтить одновременно память русских и французских участников славной войны нашла сочувственный отклик во Франции. На народные пожертвования, собранные комитетом «Souvenir français» был сооружен памятник, который предполагалось поставить на Бородинском поле.

Исполнение памятника было поручено скульптору Бесвильвальду. Ходят тревожные слухи, что памятник был послан из Франции на злополучном пароходе «Курск». На пароходе находился также и скульптор Бесенваль.

Барон де-Бэй, знаменитый французский археолог и знаток русской истории, в особенности кампании 1812 года, много потрудился над составлением московского музея в память 1812 г., открытие которого предстоит на днях.

Благодаря трудам барона де Бэй и его друзей для музея прислано 103 жертвователями около трёх тысяч реликвий со стороны французов.

Барон де-Бэй большой друг и знаток России; в продолжении 25 лет он ежегодно посещал наше отечество и написал о нём много ценных сочинений.

(«Петербургский Листок» №234 от 25.08.1912 г.)

Хроника

13-го августа отправлен из Петербурга в Киев для установки на месте могилы в Киево-Печёрской лавре памятник покойному Председателю Совета Министров, статс-секретарю Петру Аркадьевичу Столыпину. Памятник, из чёрного гранита, изготовлен в скульптурных мастерских К.О.Гвиди. Памятник в древне-византийском стиле. Отделка Памятника будет продолжаться. На грандиозном кресте будет изображён Спаситель. Это изображение — мозаичной работы — пишет художник Нестеров, а выполнит мозаику по картону художник Фролов. На плите памятника будет бронзовая доска, на которой будет начертана надпись:

5-го сентября 1911 года.

Пётр Аркадьевич Столыпин.

На памятнике будет бронзовая неугасимая лампада. Как памятник, так и лампаду, сооружают националисты на свои средства. Скульптор К.О. Гвиди выезжает около 15-го августа в Киев, где под его руководством будут произведены работы по установке памятника.

*(«Ведомости С-Петербургского градоначальства» №178
от 14.08.1912 г.)*

Примечание: до назначения Председателем Совета Министров России, П.А. Столыпин был губернатором в Саратове. (Прим. составителя.)

КИЕВ

К сооружению памятника статс-секретарю П.А. Столыпину

В состоявшемся на днях под председательством начальника края генерал-адъютанта Трепова заседании комитета по сооружению памятника была доложена телеграмма Председателя Совета Министров статс-секретаря Коковцева о желательности приурочить торжество окропления св. водой и открытия памятника статс-секретарю Столыпину в Киеве к 28 — 29 августа. Комитет, обсудив вопрос о времени открытия памятника, постановил определить днём этого торжества — 28 августа. В этот день, в 1 час, будет отслужена панихида на могиле П.А. Столыпина, а в 2 часа состоится окропление св. водой и открытие памятника ему. Далее комитет признал необходимым ускорить работы по подго-

товке и доставке из-за границы (Италии) частей памятника, как гранитных так и бронзовых.

(«Киев») («Русский Инвалид» №141 от 04.07.1913 г.
ст. дана с сокращением)

Ст. Батраки Волжские оползни

Оползни на Волге продолжают. После обвала Соколовой горы в Саратове, оползней в Царицыне и Уфе, произошёл обвал горы на берегу р. Волги, около ст. Батраки. В этом месте оба полотна казённой дороги Сызрано-Вяземской и частной Московско-Казанской проходят параллельно, очень близко друг к другу. Первый провал произошёл в ночь на 21-е июня тотчас после того, как прошёл пассажирский поезд. Полотно Московско-Казанской железной дороги осталось совершенно невредимо, тогда как полотно Сызрано-Вяземской железной дороги в некоторых местах осело сажени на полтора...

При подробном осмотре склона горы обнаруживается ещё масса значительных трещин, образовавшихся как бы от землетрясения.

(«С. Н.») («Русский Инвалид» №141 от 04.07.1913 г.
ст. дана с сокращением.)

На Бородинском поле (От собственного корреспондента)

Обыкновенно безлюдная, спокойная станция Бородино резко изменила свою физиономию.

Теперь это шумный вокзал большого города, в котором жизнь бьёт ключом.

Везде копошатся люди, куда-то спешащие, чем-то озабоченные, по рельсам снующие туда и сюда дрезины и товарные площадки, доставляющие к разным пунктам «юбилейного округа» рабочих и строительный материал.

Эффектно выглядит только что законченное постройкой Бородинское шоссе, протирающееся от станции до Бородинского дворца.

По сторонам шоссе расставлены белые деревянные обелиски, чередующиеся с длинными разноцветными мачтами.

И обелиски и мачты украшаются флагами и зеленью.

Спешные работы по установке военных памятников в местах расположения различных частей войск, принимавших участие в Бородинском сражении, близятся к концу.

В деревне Горки, недалеко от реки Колочи, высится величественный памятник Кутузову.

На одной стороне памятника высечен большой меч, а на задней стороне — надпись: «Отсюда фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов руководил войсками в сражении при с. Бородине 26-го августа 1812 года».

Обелиск заканчивается наверху знаменитым в предании «северным орлом».

Проект памятника принадлежит полковнику Воронцову-Вельяминову.

Против Шевардинского редута поставлена в натуральную величину деревянная модель французского памятника, сооруженного французским военным министерством.

Модель облеплена гипсом и окрашена серой краской, при чём сделано это так искусно, что деревянный памятник производит впечатление настоящей гранитной глыбы.

На лицевой стороне модели надпись

- «Aux morts de la grande armee».

*(«Петербургский Листок» №231 от 23.08.1912 г.
статья дана с сокращением).*

К гибели «Эстонии»

Погибший в красном море, вблизи Адена, вследствие пожара пароход «Эстония», о котором сообщалось в телеграммах, принадлежит русскому восточно-азиатскому пароходству. Свой последний злополучный рейс «Эстония» совершала с транспортом разных товаров из Петербурга на Дальний Восток. «Эстония» — довольно большой пароход: длина его — 388 футов, ширина — 45 фут., а глубина осадки — 25 фут. Грузоподъёмность — 360 тыс. пуд. Классные эмигрантские помещения заключали в себе 1164 пассажирских места. Скорость хода «Эстонии» достигала 13 узлов в час. В состав судового экипажа входило 53 человека (15 офицеров и 38 лиц низшей команды); из них согласно телеграфным сообщениям, около 30 человек погибло. Почти все лица экипажа принадлежали к уроженцам Севера. Пассажиров на «Эстонии» в её последний рейс не было.

(«Наша копейка» №1257 от 15.01.1913 г.)

Кабалистика

Когда в прошлом году сторел городской зал, кто-то обратил внимание на странную игру чисел:

Пожар произошёл в доме номер десятый в десятом месяце (октябрь) десятого года и на десятом году от сотворения зала.

Особенно суеверные люди, — азартные игроки — нашли в этой комбинации с числами десять явный намёк на злосчастную судьбу. В макао «десять» — это так называемый чистый жир, т.е. верный проигрыш.

Вчерашний пожарик приключился опять с кабалистикой: горело в одиннадцатом году в одиннадцатом месяце.

Очередного пожара следовательно, надо ожидать в декабре 1912 года.

Если быть суеверным, надо в декабре 1912 года держать наготове пожарную

кишку. Если быть просто благоразумным — следует охранять общественное здание пуще глаза во все дни всех годов. Оно будет вернее, чем расчёты на ка-
балистику. А.Н.

(«Наша копейка» №847 от 23.11.1911 г.)

САРАТОВ. Васильев на моноплане Блерио при неблагоприятной погоде перелетел через Волгу в слободу Покровскую и обратно.

(«Виленский вестник» №2188 от 05.10.1910 г.)

Лонгвуд и могила Наполеона

Милях в четырёх от Джеймс-Тоуна и в 1762 футах высоты над поверхностью моря лежит Лонгвуд-Гоуз, последнее жилище человека, у которого некогда было столько же дворцов, сколько столиц в Европе. До сих пор, кажется, нет ни одного подробного описания этого здания; и потому я сообщу здесь то, что видел на месте собственными своими глазами. Оно простирается на 70 футов в длину от востока к западу; ширина его составляет около 20 футов; в нём, собственно говоря, один только этаж. Когда это здание было назначено для жительства Наполеона, к нему сделали с северного фаса пристройку, которая служит бильярдною. Эта пристройка стоит на террасе в три фута вышиною. Так как бильярдная была больше и веселее других комнат, то Наполеон часто проводил здесь время в разговорах со спутниками своими в изгнании. Нынче она почти разрушена. Бильярд оттуда вынесен, и белые стены комнаты покрыты именами и надписями, большею частью французских путешественников. Чтобы почтить память своего героя, французы ругают здесь в стихах англичан, и уносят с собою на память кусочки мрамора от камина и щепки от пола. Остальные покои в доме находятся в таком разрушенном состоянии, что с трудом можно угадать их прежнее назначение. Большею частью комнаты завладела мыши и другие домашние гадины, а комната, в которой гигантская душа Наполеона отделилась от тела, превращена в хлев! Наружность всего здания соответствует внутреннему его состоянию. Многие окна местами заколочены: а в остальных торчат осколки; потому что разбитые стекла так и оставили, или затыкали отверстие рогожею. Стены так давно не были обметены и подвержены действию воздуха, что невозможно распознать, какого цвета они были, а зеленая плесень, идущая до самого потолка, в тех местах, где находятся желобы; показывает, что они совершенно бесполезны, потому что дождь пробивается сквозь крышу. Лонгвуд, как кажется, всегда был плохое строение, а теперь оно скоро развалится.

Позади дома и параллельно с ним идёт большой сарай для коров и телят. Пространство между ними занято курами и разными другими домашними птицами. Локтях в шестидесяти от Лонгвуда находится новый дом, выстроенный для Наполеона. Этот дом, с принадлежащею к нему землёю, нанимают один отставной капитан и башмачник из Джеймс-Тоуна, и желающие осмотреть внутренность дома должны заплатить им два или три шиллинга.

Место, где находится Лонгвуд, принадлежит к самым ровным частям острова, и хорошо застроено. От дома идёт к северо-западу долина, простирающаяся до самого моря. Однажды Наполеон, переодетый, хотел убежать через эту долину, и благополучно миновал несколько постов; наконец, один караульный унтер-офицер узнал его, и пошёл за ним в некотором расстоянии с двумя солдатами. Заместив, что его узнали, Бонапарт тотчас повернул и медленно пошёл назад. Это рассказывал мне инвалид 66-го полка, который теперь управляет маяком, построенным близ Лонгвуда, а тогда стоял у дома на часах.

Расстояние от Лонгвуда до Джеймс-Тоуна по прямой линии составляет не более полутора мили; но между ними лежит дикая, почти не проходима́я долина, которая начинается у моря и простирается мили на две во внутренность острова. Бока этой долины состоят из серого, пористого камня, очевидно, вулканического происхождения. В конце её страна становится ровнее и имеет не столь суровый вид. Взоры с удовольствием покоятся на прекрасных садах, огороженных нивах и тучных пожитях. Невольно останавливаешься и любуешься этою тихою приятною картиною, удалённою от светского шума; но аркадские воспоминания, которые она возбуждает, скоро исчезают и заменяются мыслями совсем другого рода, потому что на краю долины, за небольшим отлогим возвышением, находится тесное убежище, в котором Наполеон отдыхал от своих подвигов, потрясавших весь мир. Тут нет ни колоссального бюста, ни пирамиды; но тем лучше. Могила лежит почти в востоко-западном направлении, и означена тремя стоящими один подле другого флагами из грубой материи. По сторонам этих флагов находится дёрн шириною фута в полтора; всё это обнесено простою железною решёткою фута в четыре вышиною; в юго-западном углу её растёт плакучая ива. Она очень искривлена и, конечно, не принадлежит к самым красивым деревьям в своём роде; но её положение и одиночество придают этой романтической картине ещё большую поразительность: ствол её покоится на решётке, а ветви меланхолически повисшие, осеняют своею тенью могилу Наполеона, и составляют резкую противоположность с растущими на ней пёстрыми, весёлыми цветками.

Вокруг могилы огорожено деревянным палисадом эллиптическое пространство, футов в тридцать пять в самом большом своём поперечнике. Дёрн внутри этой загородки содержится во всегдашней свежести, и туда никого не впускают без особенного позволения губернатора, потому что многие путешественники, из какого-то фанатизма, обламывают иву. Для желающих иметь частичку этого дерева, один сметливый мальчик держит в горшках отпрыски от него и продаёт их за сходную цену. Недалеко от палисада, с западной стороны, бьёт ключ, который в летние месяцы привлекал сюда Наполеона. Предполагается, что каждый посетитель, чувствует ли он жажду или нет, напьётся из этого источника, и потому здесь всегда готов ковш. С северной стороны палисадника, и тоже недалеко от него, выстроен род будки, где выставлены правила для посетителей и книга, в которой они могут записывать свои имена и что им угодно. У кого достанет терпенья разбирать иногда очень нечёткие руки, тот с удовольствием просмотрит эту книгу, в которой в бесчисленном множестве стихов

на всех возможных языках высказывается странность, самонадеянность и бездарность путешественников. Так как всё касающееся да Наполеона интересует публику, то не худо бы кому-нибудь списать всё это. Притом, к прежнему, уже многочисленному собранию произведений в стихах и прозе, в этой книге ежегодно прибавляются новые, и потому это могло бы составить периодическое издание, под названием Наполеоновского альбома.

Могила и всё принадлежащее к ней состоит в заведывании унтер-офицера который, в надежде, что ему дадут на водку, рассказывает посетителям множество всем известных анекдотов и мешает им мечтать; потому что кто не погрузился бы здесь в размышления о судьбе завоевателя, который, как комета, пронёсся по всемирному горизонту!

*С. Нем. («Русский Инвалид» №274 от 08.11.1839 г.
Статья дана с сокращением.)*

Примечание: в 1769 году остров Корсика был завоёван французами, Бонапарт в возрасте 10 лет был определён в Бриенское военное училище. Корсиканец волею судьбы заброшенный во Францию, подписывал в те годы свои письма Наполеоне ди Буонапарте — подчёркивая своё корсиканское происхождение. В дальнейшем, чтобы не вызывать подозрений в своём итальянском происхождении, перед первой своей компанией в Италии, он изменил свою фамилию с Буонапарте на Бонапарт. (Прим. составителя.)

НАПОЛЕОН

Родился в Аяччо 15 августа 1769 года.

Скончался на острове Святой Елены 5 мая 1821 года.

Серебряную дощечку с этой надписью, которую предназначалось прикрепить на гроб императора Наполеона, граф де Монтолон поручил изготовить г-ну Дарлингу. Губернатор острова Святой Елены, будучи проинформированным об этом, заявил графу де Монтолону, что он против этого и что в соответствии с указаниями своего правительства в том случае, если предполагается прикрепить какую-либо надпись на гроб покойного, то она должна начинаться словами: «генерал Буонапарте».

*Граф де Монтолон,
Лондон, 2 октября 1821
(Барри О'Мира, «ГОЛОС С ОСТРОВА СВЯТОЙ ЕЛЕНЬ», Москва, 2004 г.)*

Вилла Наполеона

Так называемая «Вилла Наполеона» на острове Эльба, в которой жил великий воевода во время своего первого изгнания, продана с аукциона за 300 000 лир за долги бывшего её владыки.

Новому владельцу поставлено условие сохранять виллу в её прежнем виде.
(«Наша копейка» № 117 от 25.08.1912 г.)

Оригинальное наказание

В военных сферах Англии происходит одно маленькое торжество, относящееся к жизни 12 английского уланского полка. Этот полк во время войны с великим корсиканцем в Испании запятнал себя рядом некрасивых поступков при разграблении женского католического монастыря.

Винные были расстреляны по приказанию главнокомандующего, руководившего действиями обеих армий — английской и испанской.

Но кроме того, на 12 уланский полк было наложено и другое, долженствующее выполняться в течении целого столетия, взыскание.

Оно заключалось в том, что ежедневно в 10 часов вечера весь полк должен был выстраиваться под ружьё. В это время происходила вечерняя молитва и исполнялись различные гимны.

Наказанию, наложенному в 1812 году, истекает срок в нынешнем году.

(«Наша конейка» № 1122 от 30.08.1912 г.).

У Могилы Наполеона I

Париж, 14-го августа

(1 августа) 1908 г.

Отправился сегодня в 1-м часу осматривать могилу Наполеона. После Эйфелевой башни, которая привлекает прежде всего всякого иностранца в Париже, второю достопримечательностью, привлекающей особенно военного, является могила величайшего полководца.

Могила помещается в Отеле Инвалидов, Hotel des Invalides. Отель Инвалидов находится недалеко от Эйфелевой башни, и его позолоченный купол виден далеко. Особенно красивый вид на отель открывается с моста Императора Александра третьего.

Под этим позолоченным куполом, dome, и помещается могила императора.

Какое-то особенное чувство овладевает вами, когда приближаетесь к могиле. Входя с эспланады Инвалидов, вы проходите мимо громадных галерей артиллерийского музея, но вы не обращаете на него внимания. Вас интересует теперь одно: могила императора. Вы поминутно при виде лабиринта проходов обращаетесь то к прохожим, то к чинам республиканской гвардии с вопросом, где вам пройти к могиле императора. Наконец вы проходите длинную галерею слева и выходите к церкви. Но и здесь, видя только высокие стены церкви, вы обращаетесь к прохожим с вопросом, как вам пройти к могиле императора. Вы не знаете, что все эти массы народа и идут именно от могилы императора. Вы огибаете левую сторону церкви и очутитесь у входа в церковь, где помещается могила. Вы подымаетесь по лестнице и очутитесь в середине церкви на краю крипта, на дне которого находится гроб императора. Гроб выдолблен из одного куска красного финляндского гранита, подарок Императора Николая. Гроб, помещённый на пьедестале, расположен посредине круглого крипта, открытого сверху.

Здесь наверху и стоят, облооченные на ограду крипта, посетители, в раздумье созерцают эту гранитную массу, хранящую в себе останки того великого человека, деяния которого уже с детства так сильно действовали на их воображение. Кругом тишина и полумрак.

Гроб окружают 12 статуй, символизирующих главные победы императора, и 60 знамён, взятых Наполеоном в битве при Аустерлице. Знамёна эти были спрятаны, при взятии Парижа союзниками, в Люксембурге.

Около же 1500 знамён, трофеи побед Наполеона I, были сожжены, на дворе Отеля Инвалидов накануне вступления союзников в Париж, то есть 30-го марта 1814 года.

На полу крипта, кругом пьедестала гроба гравированы названия восьми сражений: Rivoli, Piramides, Marengo, Austerlitz, Jena, Fridland, Wagram, Moskowa, (Бородино).

Вход в крипту, помещается за алтарём, закрыт и охраняется часовым-инвалидом.

Над входом гравированы слова Наполеона, которые были записаны им в духовное завешание на острове Сент-Елене:

«Je desire que mes cendres reposent sur les bords de la Seine, au milieu de ce peuple francais que j'ai tant aime». (Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, посреди того французского народа, который я так любил).

По сторонам церкви, кругом крипта, вмещающего гроб императора, помещаются: в вестибюле гробы генералов Дюрока и Бертрана, верных помощников императора, как бы охраняющих своего императора и после его смерти.

Далее помещаются гробы Жерома Бонапарта, короля Вестфальского, Жозефа Бонапарта короля Испанского.

Рядом с гробом Жерома Бонапарта помещается небольшой гроб, заключающий в себе останки старшего сына Жерома Бонапарта. Против же помещается гроб, хранящий в себе сердце королевы вестфальской Фредерики-Екатерины, супруги Жерома Бонапарта. По сторонам церкви по обе стороны крипта императора помещаются гробы, налево Вобана, направо Тюрення.

Лучи солнца, проникая через оранжевые стёкла рядом с алтарём, окутывают последний в восхитительный оранжевый блеск; белый же мраморный край крипта императора весьма живописно освещается бледными лучами солнца.

Налево, против мавзолея Вобана, группа англичанок человек в 20, воспитательниц какой-нибудь высшей женской школы, внимательно слушают своего проводника, довольно громким голосом рассказывающим им по-английски историю постройки памятника Вобана Этексом.

От могилы императора отправляюсь в музей осматривать вещи Наполеона, оставшиеся потомству в воспоминание от великого императора.

Впечатление, производимое пребыванием у могилы императора, настолько сильное, что вы забываете, кто вы, зачем вы приехали в Париж и когда вы выходите из церкви и перед вашими глазами открывается площадь Вобана, вы с удивлением смотрите на толпы народа, проезжающие омнибусы и автомобили. Понемногу внешние впечатления вас опять охватывают в ту глубину стран-

ной суеты, из которой вас на несколько минут вынесло пребывание у могилы великого человека.

Отделение музея, где размещены *Let woocuir de Napoleon*, находится с левой стороны артиллерийского музея.

У входа с правой стороны в стеклянном шкафу находится походная кровать императора, обыкновенная, низкая, железная, складная кровать с подушкой, простынями одеялом. На этой кровати спал император во всех своих походах.

Далее видна, также в стеклянном шкафу мебель, которая принадлежала Наполеону тогда, когда он был ещё поручиком артиллерии в Оксоне. Мебель состоит из стола и двух стульев. На столе находятся две книги, взятые из библиотеки военного училища. Одна книга открыта. «*Les elements de l'histoire de Grance (1778 — 1783)*». На первой странице написано рукой Наполеона *Buona parte*, причём слова *Buona* и *parte* несколько разделены. Наполеон тогда ещё распевался по итальянски *Buonaparte* вместо принятого им в последствии *Bonaparte*. *Buona* по-итальянски значит хорошая, *parte* — часть, сторона.

Интересно какие были мысли и заботы Наполеона, когда он был ещё поручиком. Не думал ли он тогда, как это делают все поручики, сколько заплатит по получении жалованья портному, сколько сапожнику, сколько за столование, сколько останется себе или вообще останется ли что-нибудь себе.

Далее находится кресло, в котором любил сидеть император во время заточения своего на острове св. Елены, а так же любимая скамейка его из сада на острове св. Елены.

В одном шкафу находится традиционная треугольная шляпа императора и мундир, который Наполеон нёс в качестве дивизионного генерала в битве при Маренго.

В другом шкафу находится пучёк волос императора и императрицы Жозефины, столовый звонок императора и носовые платки императора с инициалами и гербом.

В середине залы находится под стеклом седло императора. Далее видны полевой телескоп императора, изготовленный для него одной парижской фирмой, и шпоры императора. В одном месте выставлены под стеклом обои из комнаты, где родился Наполеон. В другом месте видны вещи из дома; в котором император обитал на острове св. Елены, и некоторые предметы, окружавшие могилу Наполеона на острове св. Елены. Кроме того, в зале видны ещё разные воспоминания от многих Наполеоновских генералов. Д. Янсонъ

(«*Виленский Военный Листок*» №258 от 20.08.1908 г.)

Примечание: после переворота 18 брюмера: «Новое правительство проявило внимание и заботу к ветеранам войны. Великолепный Версальский дворец — резиденция «короля-солнца» и его преемников на троне — был отдан солдатам — инвалидам, сражавшимся под знамёнами Республики. В постановлении трёх консулов 28 ноября 1799 года подчёркивался республиканский характер этой меры: «Бывшая обитель королей ... должна стать спальней солдат, проливавших свою кровь, чтобы низвергнуть монархов».

Не следует забывать, что французская армия в те годы была на девять десятых крестьянской. Жак-простак с деревянной ногой в покоях Марии-Ан-

танкетты или в зеркальной галерее французских королей — что могло быть популярнее подобной правительственной меры в крестьянской стране? И армия и деревня рукоплескали «маленькому капралу», приписывая ему одному закон, так лъстивший наивному тщеславию крестьян». («Наполеон Бонапарт», А. З. Манфред, Москва, 1989 г.)

«Император ... велел обобрать церкви в Кремле и взять оттуда всё, что может служить трофеем для его великой армии. Эти предметы, обречённые на гибель самими русскими, говорил он, принадлежат теперь победителям на основании двойного права: благодаря победе и в особенности из-за пожара!

Пришлось приложить очень большие усилия, чтобы снять с колокольни Ивана Великого гигантский крест. Император хотел украсить им в Париже Дом Инвалидов». («Поход в Россию. Мемуары адъютанта», граф де-Сегюр, Москва, 2002)

«Император ... хотел во всяком случае отметить в Париже своё пребывание в Москве какими-нибудь трофеями и осведомился, какие предметы можно было бы, по его выражению, послать во Францию на память об успехах нашего оружия.... Поляки всё время говорили ... церковь Ивана Великого высоко почитается русскими и с нею связаны даже различные суеверия. Железный крест на колокольне церкви, говорили императору, служит предметом почитания всех православных. В результате этих разговоров император приказал снять крест.... Император повторил свой приказ и поручил его выполнение гвардейским сапёрам.... крест был частично отделён от колокольни, но не был спущен и упал с неё. К этому железному кресту присоединили ещё некоторые предметы, которые, как предполагалось, употреблялись при коронации русских императоров ...» (Арман де Коленкур «Мемуары ПОХОДА НАПОЛЕОНА В РОССИЮ» Таллин, Москва, 1994 г.)

«Офицеры французской армии свидетельствовали, что часть трофейных изделий из драгоценных металлов была переплавлена в слитки с помощью гравильных печей, оборудованных непосредственно в Успенском соборе Кремля. После ухода французов из Кремля, на одной из колонн Успенского собора была обнаружена чёткая надпись пунктуальных грабителей и мародёров, из которой следовало, что только здесь было взвешено и расплавлено 18 пудов церковного золота и 325 пудов серебра. Выяснилось потом, что печи и горны по заказу прочих армейских чинов были сооружены и круглосуточно работали во многих местах Москвы». (А.Н. Бубенников «Можайские чудо. Тайны Руси святой», Москва, 2000 г.)

Русская жизнь Военный налог

Совет министров, в заседании 2 июня, представил министру финансов внести в законодательные учреждения разработанный, согласно выраженным пожеланиям Гос. Думы, законопроект о военном налоге. К платежу налога предполагается привлечь всех лиц, не отбывающих воинской повинности, кроме неспособных. Размер налога 6 руб. в год. Продолжительность платежа налога 4 года.

По предварительному подсчету, общая сумма налога выразится в 17 миллионов руб. ежегодно. Эту сумму предполагается обратить на восполнение казны для расходов по обеспечению пенсиями нижних чинов и их семейств.

(«Виленский Военный Листок» №537 от 11.06.1911 г.)

Кулачные бои

Масленая неделя ознаменовалась возобновлением кулачных боёв в некоторых городах. В Зубцове, например, кулачные бои происходили за городом на льду р. Вазузы. Дрались «стенка на стенку», обыватели города против обывателей, живущих за р. Вазузой. В боях принимало участие несколько тысяч человек. Река чернела на большом пространстве от массы людей.

Глухой гул стоял над рекой от ударов.

Отдавало допетровской Русью.

В боях участвовало много именитых купцов. Старики вспоминали «доброе старое время» и сами бросались в бой.

На один из боёв приехал на лошадях старик-купец Н-в, который когда-то считался одним из лучших бойцов в городе. Теперь он настолько ослаб, что даже не может ходить. Вспомнив старину, старик победил хворость и поехал.

Он из саней наблюдал картину боя. Лошади были поставлены так, чтобы можно было быстро уехать, если бы дерущиеся вспомнили об его былых победах...

В первый день победили за-вазузские.

На следующий день по всем окрестным деревням были отправлены гонцы, звать крестьян на помощь побежденным. «Победители» узнали об этом и в свою очередь устроили «мобилизацию».

Бои закончились удивительно благополучно, — об увечных не было слышно, зато очень и очень многие жители украсились белыми повязками, ссадинами и синяками. Бились «на совесть».

(«Вилинский Военный Листок» №414 от 13.03.1910 г.)

Карикатуры времён 1812 года

Карикатура никогда, кажется не достигала такого развития и распространения, как в период войн и царствование Наполеона I.

Впервые юмористические рисунки Наполеона появились в Англии. Национальная неприязнь, ряд политических выпадов против англичан, наконец самая внешность великого императора заставили британских юмористов-художников ополчиться на «корсиканское чудовище».

В каких только положениях и позах — смешных, трагических — не изображался «глава французского правительства»?

В то же время заражённые примером англичан, прусские, французские, итальянские и испанские художники так же подняли кисть и перо на «коронованного корсиканца».

Но это подражание было быстро подавлено, — Наполеон декретом повелел карать рисовальщиков — юмористов (наравне с убийцами). Карикатура на материке была подавлена на долгое время. По крайней мере, до падения Наполеона — 1812 года — нигде, кроме Англии и России, не появлялось ни одной карикатуры на Наполеона.

И в России до нашего двенадцатого языка, карикатур на императора Франции было мало.

За несколько лет до Отечественной войны знаменитый живописец Венецианов начал издавать юмористический журнал. Издание это по желанию Императора Александра I, было закрыто за карикатуры на Наполеона. Так европейские, а в частности и русские, карикатуристы были обезоружены до заката счастливой звезды Наполеона.

Одного из итальянских художников, Пасквино, кто-то спросил в связи с наложением запрета на карикатуры:

— Правда ли, Пасквино, что все французы разбойники?

Негодующий карикатурист ответил:

— Нет, но большая часть.

С момента начала компании, русские художники получили возможность «уязвить» врага кистью. Сначала появились картинки патриотического характера.

На этих картинках изображались:

— «Ратник Иван Гвоздило, да милицейский мужик Данило Решетило».

В то время, как в Москве появились эти афишки, в Петербурге стали выходить карикатуры, в большинстве заимствованные с лондонских образцов. Так пришла в Россию западная карикатура и заняла первенствующее место в тогдашнем художественно-юмористическом движении.

Появились в период Отечественной войны карикатура обличительная; пионером её был Венецианов. Рисунки этого характера воздвигали гонение на всё французское, боролись с людьми по меткой юмористической подписи, к иллюстрации в одном из журналов того времени:

— «Отечество — Кузнецкий мост, а рай — Париж».

В России появилась тогда особая азбука: «Подарок детям в память 1812 года».

В этой азбуке на каждую букву был рисунок с двумя строками; например Бонапарт, влезавший в сани, чтобы бежать, приходится на букву П. Следует написать:

Постой-ка, не в свои сани, брат садишься,

Ты править нашею лошадкой не годишься.

На букву М:

Москва, ведь, не Берлин, не Вена, не Мадрид;

В ней гроб всей армии французской был открыт.

Или на букву Ю:

Юлит француз всегда и горы обещает,

Но что он делает? — Лишь юность развращает.

Так народилась в России политическая карикатура, занесённая с запада.

(«Виленский Военный Листок» № 573 от 15.10.1911 г.)

Праздник героев

Более полутора тысяч лет тому назад служил в войсках римского императора Диоклитиана чудный воин Георгий. За свою беспримерную храбрость и выдающиеся подвиги на полях битв он был сделан генералом и приближенным советником царя. Георгий был христианином, а так как в те времена на христиан устраивались жестокие гонения, он выступил со смелым словом на защиту учения Христа. Ни просьбы, ни ласки, ни обещания новых почестей, ни угроза страшными мучениями, ничто не повлияло на могучую душу юного генерала, ничто не вернуло его к язычеству. С той же беззаветной храбростью, которой он сражался с врагами родной земли, перенёс Георгий самые нечеловеческие страдания, пока взбешенные язычники, испробовав самые мучительные пытки, не отрубили ему голову.

Богу угодно было сделать храбрейшего воина-страдальца святым и причислить его к сонму небесных сил. Слава о чудесах св. Георгия быстро распространилась по всему свету, заставляя преклоняться перед ним даже магометан и язычников. Особенно поразило современников то из чудес, когда он явился в образе юноши на белом коне и победил страшного змея, наводившего ужас на всю окрестную страну. Св. Георгия стали именовать Победоносцем, он сделался образцом для всех христианских воинов, которые старались подражать ему в храбрости, верности долгу, и молятся ему перед сражениями о даровании победы над врагами.

Образ св. Георгия на белом коне, поражающего копьём страшного змея, украшает наш отечественный герб. Как носитель победы, сопровождает этот образ русское воинство, сияя на груди русского двуглавого орла и вдохновляя храбрых на геройское и славное служение Царю и Родине. Но чтобы ещё больше поощрить героев, чтобы влить в их сердца ещё больше могучей отваги, Императрица Екатерина Великая учредила георгиевский крест. Она хотела, чтобы подобно тому, как он сияет на груди русского орла, образ победоносного всадника сиял на груди храбрейших, не ведающих страха перед опасностями. Это было 26 ноября 1769 года. Орден, учрежденный Императрицей Екатериной, предназначался только для офицеров, но император Александр I в 1807 году признал необходимым награждать особым знаком за выдающиеся боевые подвиги и нижних чинов, отмечая их блестящую воинскую доблесть. С этого времени знак отличия Военного Ордена, украшала грудь солдат — героев, заблестел золотом и серебром в славных рядах нашей армии рядом с белым крестом на груди героев — офицеров.

... Вот и в этом году 26-го ноября в разных уголках матушки — России собрались к родным знаменам счастливцы — георгиевские кавалеры, чтобы праздновать свой праздник героев ... Они как бы показывали новым бойцам путь к истинной славе, к истинному геройскому, самоотверженному служению Государю и Отечеству ... Св. Георгий Победоносец зажигает наши души могучим стремлением победить или умереть. (ст. Дана с сокращением.) Николай Руденко.

(«Виленский Военный Листок» №686 от 28.11.1912 г.)

Русская жизнь К столетию Отечественной войны

Московский кружок ревнителей Отечественной войны 1812 года составил карту станций Московско-Брестской жел. дор. Которые желательнее было бы переименовать, связав их наименования с событиями или участниками Отечественной войны. Проект прежде всего рекомендует переименовать Кунцево, находящееся против Поклонной горы, с которой Наполеон смотрел на Москву, в Поклонную гору. Далее предполагается переименовать станции: Одинцово — в Раstopчинскую, Тучково — в Воронцово, Шелковскую — в Кутайсовскую и т.д. Все эти новые названия стремятся воскресить память событий 1812 г. Фили, Голицыно, Гжатск и Бородино должны сохранить свои нынешние названия, так как эти названия сами по себе исторические. По пути от Смоленска к Минску также предполагается переименовать несколько станций.

(«Виленский Военный Листок» №542 от 28.06.1911 г.)

Обо всем понемногу Военные расходы

Национальная защита в франках (1) обошлась в минувшем 1910 году: Англии — 1816 милл. фр., России — 1607 милл. фр., Германии — 1574 милл. фр., С.А. Штатам — 1368 милл. фр., Франции — 1315 милл. фр., Австро-Венгрии — 686 милл. фр., Италии — 591 милл. фр., Японии — 484 милл. фр.

На одного жителя приходится в России 8,52 фр. на армию и 1,94 фр. на флот; во Франции — на армию 22,67 фр. и на флот 10,52 фр. ; в Германии — 15,39 фр. на армию и 8,56 фр. на флот ; в Англии — 15,12 фр. на армию и 25,05 фр. на флот. Таким образом, Франция расходует больше всех на армию, а Англия на флот.

Франк — 37 к.

(«Виленский Военный Листок» №562 от 07.09.1911 г.)

На Нижегородской ярмарке продавался, как редкая древняя одежда, сарафан Марфы Посадницы. Одним любителем старины сарафан куплен за 700 р. По внешнему сходству сарафана — он говорит за подлинник.

(«Виленский Военный Листок» № 526 от 07.09.1911 г.)

Мудрое замечанием Наполеона о детских умственных способностях

Один французский министр подал Наполеону предложение, чтоб неспособных к наукам учеников выгонять из учебных заведений до окончания их курса. «Это худая мысль», заметил Наполеон: никто не имеет права марать таким образом честь юноши, которая должна быть всегдашней спутницей его

жизни. Многие дети до 12-ти и даже 14 лет кажутся глупыми и бесталанными, между тем как у других развиваются ум и способности уже на десятом году. Не надо никогда сомневаться в уме молодого человека до его совершеннолетия, ибо тогда только развиваются вполне способности и мы можем судить о них верно и без предубеждений. Подобное замечание конечно, сделало бы честь всякому отличному педагогу.

(«Русский Инвалид» № 52 от 26.02.1839 г.)

Две армии: штыков и грифельных досок

Европа больше заботится о создании армии штыков, чем армии учителей, — борющихся с народною тьмой.

Народная тьма — вот тот враг, против которого должны быть направлены соединённые усилия всего человечества. Всеобщее народное образование — вот клич, который должен раздаваться от края до края земли, и этот вопрос особенно должен быть выдвинут у нас.

Какие громадные средства расходуют современные государства на содержание войска штыков и сколько это отнимает у них сил!! Так, войско России в мирное время считается 1. 100 000, во Франции почти 600 тыс., то же самое в Германии; в Англии же всего 270 тыс., в Соединённых штатах — 100 тыс.

Но другая армия, армия мирная, в чёрных пиджаках, с грифельными досками, вместо штыков, борющаяся с внутренним врагом — народным невежеством, значительно малочисленнее, на неё меньше тратятся средств: так, в России, по данным 1903 года, эта армия для начальных школ без Финляндии исчислялась в 209 тыс.; в Австро-Венгрии в 113,5 тыс.; во Франции в 159 тыс. (1902-1903 г.), в Германии — 144,5 (1901 г.). Малограмотная Италия всего насчитывает 57 тыс. Но зато колосс, встающий там, за океаном, Соединённые Штаты, прекрасно поняли значение этой армии, и если войско у них незначительно, как мы видели, то они выставили колоссальную армию для борьбы с народным невежеством; эта армия делает там чудеса. В рядах её насчитывается 578 164 человека, притом в начальных классах числится свыше 515 тыс. Сверх того, существуют особые правительственные школы для индейского населения, школы при детских садах и т.д. В упомянутую цифру 578 тыс. входят преподаватели и высших, и средних учебных заведений; за исключением их можно считать армию учителей в начальных школах никак не меньше 530 или даже 535 тыс.

Вот какую колоссальную армию выставили Соединённые Штаты; если они жалеют средства на армию штыков, то они не жалеют средств на содержание этой огромной армии, и она-то и прокладывает путь к колоссальным успехам Соединённых Штатов: эта армия победоносно ведёт американские штаты к мировой победе в области промышленности.

Нельзя не заметить; что цифру, выражающую общее количество учителей у нас — 209 тыс. — входят преподаватели школ Святейшего Синода в количестве 97-ми тыс.

В России так много войска и так мало учителей, в Соединённых Штатах — совершенно обратное. И если мы хотим идти вперёд, хотим развивать свои производственные силы, уменьшить у нас нищету, сделать население более обеспеченным, мы должны пойти по стопам Соединённых Штатов. («Р. С.»)
(«Виленский Военный Листок» №289 от 06.12.1908 г.)

Закладка памятника у д. Брили

К 16 ноября 1812 г., Великий французский полководец император Наполеон, подойдя к г. Борисову, при отступлении из Москвы, своими маневрами ввел адмирала Чичагова в заблуждение и, распустив ложные слухи и вдобавок направив безоружные массы к югу от Борисова, быстро навёл два моста к северу от этого города у д. Студянка и переправил часть своих войск — ещё сохранивших в себе воинский дух, под начальством маршала Удино, через р. Березину. Эти войска, переправившись, заняли д. Брили — напротив Студянки и встали фронтом к Стаховскому лесу, прикрывая собою переправу других войск. Переправа эта произошла столь неожиданно, что только часть наших войск, под начальством генерала Чаплица, направилась от Борисова к д. Брили, но здесь уже встретила дружный отпор со стороны французов. На помощь нашим, адмирал Чичагов выделил 9 и 18 дивизии, под начальством генерала Сабанеева. И вот 16 ноября целый день наши войска делали невероятные усилия сломить упорство французов. Был момент, когда казалось, что французы подались назад, но в это время вся их кавалерия бросилась на наши полки, прорвала нашу стрелковую цепь и направилась было дальше в глубину, но генерал Чаплиц, видя тяжелое положение своих, лично берет два эскадрона Павлоградских гусар, бросается на встречу французской кавалерии и заставляет её отступить. Сражение тянулось до самой глубокой ночи, когда к нашим передовым частям стала подходить и остальная армия адмир. Чичагова. Пользуясь темнотою, французы начали отступление на м. Плащаницы — Молодечно — Вильна. С рассветом 17 ноября наша армия продолжала преследовать неприятеля.

Вот в этот достопамятный день 16 ноября, в присутствии депутатов: 93, 108 и 112 пех. полков, местных гражданских властей, жителей д. Брили, учеников Бычанской народной школы, была произведена закладка памятника на одном из сохранившихся курганов, где похоронены славные предки — герои 8, 10 и 12-го Егерских полков.

Перед началом панихиды, местным священником с. Бычи было произнесено прочувственное слово, потом перед 12-ю сохранившимися курганами отслужена литургия, а затем у места закладки памятника молебен, по окончании коего старшим из присутствующих штаб-офицером было сказано соответствующее событию слово и здравица в честь нашего Верховного Державного Вождя — Государя Императора. И вот ровно через 100 лет поля близ д. Брили и Стаховский лес огласились снова могучим и дружным русским ура!

Начало положено. Но чтобы сохранить могилы наших предков Егерей (здесь же похоронены чины и других участвовавших частей), кости и черепа которых крестьянский плуг начал извлекать на свет Божий, а следы курганов — сравнивать с окрестностью, необходимо теперь же огородить изгородью (живою), установить охрану и ежегодно в этот день совершать поминание местным духовенством.

Местные жители находят массу вещей, которые, конечно если бы их собирать, служили бы памятью о великом событии.

Время и небрежное отношение окружающих даже к черепам погребенных, со временем уничтожит всякие следы столь дорогого священного места. Памятник мало говорит темному человеку, а церковь, или часовня, с ежегодным молением в ней и живое слово, которое будет произноситься тогда, послужит вечным напоминанием о тех, которые не страшась непобедимого грозного врага, веря во Всемогущество Бога и со словами — «С нами Бог!» — бросались на врага, разили его и выгнали из пределов Отечества.

Ив. Коротков.
(«Виленский Военный Листок» №685 от 24.11.1912 г.)

Русская жизнь **Подлинные приказы Неверовского**

В одном из захолустных управлений воинского начальника среди архивного хлама найдены два документа чрезвычайной исторической важности.

Это две книги, представляющие собой журнал исходящих бумаг начальника 27-й пехотной дивизии ген.- майора Неверовского и подлинники его приказов с 1 февраля по 31 декабря 1812 г.

Серые рукописные книги, переплетенные в почти уже полусгнившие теперь переплеты, грубая синяя бумага, выцветшие чернища, неуклюжий старинный почерк ... Все приказы подписаны рукой ген. Неверовского.

Эти документы, пролежавшие свыше ста лет, каждой строчкой своих ветхих листов опровергают утвердившееся в истории 1812 г. мнение относительно одного из эпизодов Бородинского боя, относительно победы французов над дивизией ген. Неверовского.

Оказывается, что левый наш фланг вовсе не был разбит и, французы никакой победы здесь не одержали. А наоборот, к вечеру, после неудачных попыток, колонны французов отступили и представили в наше распоряжение все пространство до опушки леса, и левый фланг русской армии, по свидетельству ген. Неверовского, считал себя победителем.

К вечеру вся 27 пехотная дивизия продвинулась вперед к холму Шевардинского редута, там Неверовский, контуженный в руку, был до конца сражения на линии фронтовых стрелковых цепей.

Обнаружение этих документов вызывает удивление, почему Неверовский не считал нужным опровергнуть утверждения, противоречащие всем его при-

казам. Это, очевидно, объясняется смертью храброго генерала, который погиб под Лейпцигом.

И только найденные почти через 100 л. книги служат прославлением памяти одного из храбрых военачальников Отечественной войны. Теперь уже решено перевезти в Россию останки ген. Неверовского, который похоронен на чужбине, вблизи Лейпцига.

(«Виленский Военный Листок» №562 от 07.09.1911 г.)

Храм — памятник над могилой русских воинов

Под председательством Великого Князя Михаила Александровича учреждён комитет по сбору пожертвований на сооружение храма — памятника над могилой 22 000 русских воинов, павших в бою под Лейпцигом 4—7 октября 1813 г. Для постройки храма на могиле русских воинов необходимо около 200 000 рублей, а пока собрано около 46 000 рублей. Для усиления средств комитета с. Синодом разрешен сбор пожертвований в церквях Империи в 1911 г. — 26 сентября и в 1912 году — 8 января. Национальный памятник над могилой германских воинов почти закончен, и открытие его последует в 100-летний юбилей битвы.

(«Виленский Военный Листок» №561 от 03.09.1911 г.)

Клад около Десятинной церкви

При раскопках в усадьбе Десятинной церкви в Киеве обнаружен в обложенной кирпичем яме чрезвычайно ценный клад, относящийся к 12 веку и состоящий из двух больших золотых шейных колп, обручей, украшенных перегородчатой эмалью с орнаментами и фигурами мучеников с крестом в руках, 7 золотых серег и 6 серебряных черниговских гривен.

(«Виленский Военный Листок» №560 от 31.08.1911 г.)

Прах Платова

19 августа под председательством митрополита Владимира состоялось заседание Св. Синода. Синод обсуждал между прочим ходатайство о перенесении праха героя Отечественной войны Платова в Новочеркасск. Ходатайство это имеет свою историю: прах Платова первоначально был погребен под соборной церковью в Новочеркаске. На месте старого собора стали строить новый; но он два раза обрушивался. Тогда гроб Платова был перенесен в загородную церковь. Между тем, на месте старого был воздвигнут новый великолепный собор. Ныне, в виду приближения столетнего юбилея Отечественной войны, возбуждено было ходатайство о перенесении вновь под своды кафедрального собора дорогого для донских казаков праха. Св. Синод ходатайство это удовлетворил.

(«Виленский Военный Листок» №556 от 27.08.1911 г.)

Усадьба Кутузова

На Волыни в местечке Горошки, имеется до сих пор усадьба с ветхим домом, принадлежавшим фельдмаршалу Кутузову — герою Отечественной войны. Дом, в котором жил Кутузов, построен из дубовых балок, сохранившихся довольно хорошо. Внутри дома все дышит седой стариной: величина комнат огромная, печи вмещают в себя чуть не по возу дров ... При усадьбе имеется церковь со старинным дубовым иконостасом ... В усадьбе очень много исторических реликвий, тем более ценных, что приближается столетний юбилей войны 1812 года. Усадьба эта принадлежала г-же Трубецкой, а теперь продана какому-то немцу — колонисту.

(«Виленский Военный Листок» № 557 от 20.08.1911 г.)

Наполеона никогда не существовало

Сто слишком лет тому назад произвела большое впечатление книга английского епископа Уэтли, учёное доказательство мифичности Наполеона. Миф о Наполеоне «обрастал интересными подробностями, расцветивался яркими красками необузданной фантазии»... «Миф разрастался — Наполеон облекался бронёй сказочного героя...», его находили в таинственных символах Апокалипсиса, за ним признавали сверхчеловечность.

В 1827 году появилось сочинение профессора математики и физики в Лионе Ж.Б. Переса, бывшего затем прокурором королевского суда в Ажане, под заглавием «Comme quoi Napoleon n'a jamais existé»; она переиздавалась несколько раз и была переведена на некоторые языки; но на русском языке она появилась только теперь, в переводе В. Васютиной, под редакцией и с послесловием А.М. Васютинского.

В переводе книге дано два заглавия: 1-е на обложке: «О том, что Наполеона никогда не было», и 2-е на фастовом (заглавном) листе: «Почему Наполеона никогда не существовало, или Великая ошибка, источник бесконечного числа ошибок, которые следует отметить в истории девятнадцатого века». (Москва, 1912) (издательство «Задруга»; цена 25 коп.).

Вполне справедливо мнение г. Васютинского, что помимо общего интереса, как одно из воплощений мифа о Наполеоне, книжечка (Ж.Б. Переса) представляет и большой интерес для всякого интересующегося вопросами исторической методологии и исторического анализа, как пример доведения до абсурда метода аналогии и анализа мифа, как пример лженаучного беспорядочного пользования литературными источниками вне всякой хронологической последовательности.

Труд Ж.Б. Переса являет собою попытку путём кажущейся доказательности астрономических, математических, физических и исторических данных предать заблуждение человечества о существовании когда-либо Наполеона.

Автор начинает свой труд с утверждения, что «Наполеона Бонапарта, о котором столько писали и говорили, даже (sic) не существовало. Он ничтожное,

как лицо алегорическое — олицетворение солнца» и т.д. — всего десять доказательств несуществования Наполеона.

Между прочим доказывается, что на самом деле не было «похода Наполеона на север к Москве», как не было «и унижительного отступления» ... Все сказания об этом походе в сущности иносказание — о весеннем равноденствии и повороте солнца к знаку Рака ...

Для пущей, так сказать, убедительности книги приведён посскриптум автора: «Мы могли бы ещё подкрепить своё утверждение массой королевских указов, доподлинные даты которых находятся в ясном противоречии с царствованием мнимого Наполеона, но у нас есть свои основания не прибегать к этому».

Л.В. Евдокимовъ

(«Русский Инвалид» №92 от 30.04.1913 г. ст. с сокращен.)

Рыцарская Честь

*«Для понимания всякого поступка нужно
знать его мотив ...*

*Кубический сантиметр умысла значит
более, нежели кубический метр
разумения...*

*Давно уже замечено, мир лежит во
зле — дикие пожирают друг друга, а
культурные друг друга обманывают,
и это называется порядком вещей».*

Артур Шопенгауэр.

Отдельный человек собственными силами может сделать лишь очень немного и предоставлен на произвол судьбы, подобно Робинзону; лишь в обществе с другими представляет он собою нечто могущественное. Он подмечает этот факт, как только начнет сколько-нибудь развиваться его сознание, и в нём возникает тогда стремление считаться дельным членом человеческого общества, который способен внести свою долю работы в общее дело и потому имеет право участвовать в выгодах человеческого общежития. А этого он достигнет в том случае, если он, во-первых, делает то, чего требуют и ожидают от всех вообще, затем — то, чего требуют и ожидают от этого человека в том особом положении, какое он занимает. Однако он столь же скоро узнает, что здесь дело не в том, чтобы быть таким в своём собственном мнении, а в том, чтобы быть таким во мнении других. Отсюда и получается его ревнивая забота о благоприятном мнении других и та высокая ценность, какую он этому мнению придает: то и другое обнаруживается с исконностью врожденного чувства, которое называют чувством чести и, в подобающем случае, чувством стыда.

Честь, это, объективно, мнение других о нашем достоинстве, а субъективно — наш страх перед их мнением. Мнение о нас других лишь постольку может

быть для нас важно, поскольку оно определяет или может при случае определить их поведение относительно нас.

Чем важнее и обширнее круг деятельности человека в государстве, иными словами — чем выше и влиятельнее занимаемый им пост, тем выше должно быть и мнение об интеллектуальных способностях и нравственных качествах, делающих его годным для этого поста; тем большею, стало быть, обладает он степенью чести, выражением которой являются его титулы, ордена и т.д., а также подчиняющиеся ему поведение других.

Солдатская честь состоит в том, чтобы тот, кто принял на себя долг защищать общее отечество, действительно обладал нужным для этого качествами, т.е. прежде всего мужеством, храбростью и силою, и был серьезно готов с опасностью для жизни защищать свою родину и вообще ни за что на свете не оставил знамени, которому он раз присягнул.

Ордена, это — векселя, выданные на общественное мнение: их ценность основана на доверии к тому, кто их дарует. Во всяком случае, даже совершенно независимо от того, что, заменяя собою материальное вознаграждение, они сохраняют государству много денег, это — вполне целесообразное учреждение, при том условии, что они раздаются осмотрительно и справедливо. При несправедливой, необдуманной или чрезмерно щедрой раздаче ордена теряют эту ценность, и потому государь должен быть столь же осторожен с этой наградой, как купец с подписанием векселей.

Рыцарская честь — порождение высокомерия и глупости. Происхождение его надо приписать феодальному строю, при котором каждый благородно рожденный смотрел на себя как на маленького государя, не признавая над собою никакого человеческого судьи, и потому привыкал считать свою личность совершенно неприкосновенной и священной, всякое посягательство на неё, всякий удар и всякое ругательство, представлялось как заслуживающее смерти преступление. Таким образом, принцип этот и дуэли первоначально применялись лишь у дворянства, а в позднейшие времена у офицеров и других высших сословий.

Беспристрастный человек сразу увидит, что этот странный, варварский и смешной кодекс чести берёт своё начало не в сущности человеческой природы и не в здравом понимании человеческих отношений. Это подтверждается, к тому же крайне ограниченной сферою его действия: именно, он применяется исключительно в Европе, притом лишь со времени средних веков. Ибо ни грекам, ни римлянам, ни высококультурным азиатским народам древнего и нового времени совсем не известно об этой чести и её принципах. Что древние были чужды такого предрассудка, об этом свидетельствуют множество дошедших до нас указаний. Когда например один тевтонский вождь вызвал Мариа на единоборство, этот герой послал ему ответ, что «если ему надоела жизнь, он может повеситься», но на всякий случай предложил ему для поединка бывшего гладиатора.

Мы избежали бы очень многих реальных несчастий, в какие повергает нас это чисто идеальное стремление подняться во мнении других, эта пагубная глу-

пость проявляется главным образом в трёх формах: в виде честолюбия, тщеславия и гордости. Разница между двумя последними состоит в том, что гордость, это — уже установившееся сознание собственного превосходства, в каком-либо отношении; тщеславие же — это попытка вселить подобное убеждение в других, сопровождающееся скрытой надеждой, что оно таким путём может обратиться и в наше собственное. (Гордость, гордыня, согласно канонам Русской Православной Церкви — первый смертный грех.) Честолюбие — жажда известности, почестей, стремление к почётному положению. Без этой заботы и погони, роскошь едва ли достигла бы и десятой доли того, что мы видим теперь.

Придавать чрезмерно большое значение мнению других, — эта мания владеет всеми; коренится ли она в самой нашей натуре или возникла в результате общественной жизни и цивилизации, во всяком случае она оказывает на все наши поступки и отношения совсем неподобающее и враждебное нашему счастью влияние. Люди готовы жертвовать ради последующей славы покоем, богатством и здоровьем, даже самой жизнью. Вообще основой нашего существа и нашего счастья служит наша животная природа — здоровье, а затем средства к существованию. Вследствие этого для нашего счастья важно заранее прийти к той простой мысли, что каждый прежде всего и на деле живёт в своей собственной коже, а не во мнении других, и что поэтому наше реальное и личное состояние, как оно определяется здоровьем, характером, способностями, доходами, женою, детьми, друзьями, жилищем и т.д., стократ важнее того, что угодно делать из нас другим. Противоположный взгляд ошибочен и ведёт к несчастью, это великое заблуждение. Правда это заблуждение даёт удобное оружие тем, кому надо повелевать людьми или как-нибудь иначе руководить ими, почему во всех отделах искусства дрессировки людей на первом месте и значится правило поддерживать и изощрять чувство чести.

Благодаря Суду Божию (поединку), на судейское кресло была посажена собственно, вместо разума, физическая сила и ловкость, т.е. животная природа, и вопрос о правом и неправом решало не то, что человек сделал, а то, что его постигло, — совершенно как и по теперь ещё действующему принципу рыцарской чести (на дуэли погибли: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие).

Принцип рыцарской чести вовсе нельзя считать за что-либо исконное, коренящееся в самой человеческой природе, это нечто искусственное. Принцип этот порождён той эпохой, когда больше применялись кулаки, чем головы. Так как фальшь и абсурд рано или поздно обнаруживают себя большею частью тем, что, достигнув крайних пределов, завершаются противоречием, то и здесь в конце концов мы находим последнее в форме самой резкой антиномии: именно, офицеру запрещена дуэль, но если в подобающем случае к ней не прибегнет, его карают отставкой.

Духовное превосходство не имеет в обществе подобающего ему первого места, которое теперь, хотя и скрыто, принадлежит физическим преимуществам и гусарской лихости. Личная храбрость получает перевес над всяким другим качеством. А между тем ведь это собственно очень второстепенная, чисто унтер-офицерская добродетель.

Подлинное основание, почему нравительству лишь с виду стараются уничтожить дуэль и, хотя, очевидно, это было бы очень легко сделать, особенно в университетах, притворяются, будто их усилия в этом отношении терпят фиаско, состоит кажется мне, в следующем: государство не в состоянии вполне оплачивать услуги своих офицеров и гражданских чиновников деньгами; поэтому другая половина его платы заключается в чести, которая представлена титулами, мундирами и орденами. Но чтобы граждане высоко ценили это идеальное вознаграждение их услуг, для этого надлежит всячески воспитывать и поощрять чувство чести, вообще поддерживать его несколько взвинченным; а так как для цели недостаточно одной гражданской чести, уже потому, что мы разделяем её со всеми другими людьми, то призывают на помощь и указанным образом стараются поощрять честь рыцарскую. В Англии, где жалование на военной и гражданской службе гораздо выше, нежели на континенте, нет нужды в подобного рода приеме: вот почему там, особенно за последние двадцать лет, дуэль почти совершенно вывелась, происходит в настоящее время крайне редко и высмеивается как глупость; конечно, этому много способствовало большое «антидуэльное общество», считающее в числе своих членов множество лордов, адмиралов и генералов, — так что Молоху приходится расстаться со своими жертвами.

Полноты ради здесь надо упомянуть ещё о национальной чести. Это — честь целого народа, как отдельной единицы, в обществе народов. Так как в обществе этом нет иного суда, кроме суда силы, и оттого каждому его члену приходится самому отстаивать свои права, то честь нации состоит не только в том, чтобы считаться заслуживающей доверия (кредита), но и в том, чтобы её боялись: отсюда, посягательства на её права никогда не должны оставаться безнаказанными.

*(А. Шопенгауэр — 1786-1861 г. «Афоризмы житейской мудрости»
Москва изд. просвещение 1993 г.) — Статья составлена в 2005 г.*

Примечание: Куприн в своих произведениях, а также Пикуль в романах «Баязет» и «Крейсера» описали дуэли русских офицеров. В романе «Крейсера» Пикуль отмечает: «Когда в странах Европы дуэли вышли из моды, в монархической России поединки были искусственно возрождены, закреплённые в быту офицерского сословия особым указом от 18 мая 1894 года. Русское законодательство продолжало считать дуэли преступлением, но было вынуждено оправдывать офицеров, тем более что отказавшиеся от поединка удалялись в отставку без прошения ...» (т.е. отказавшиеся от поединка тут же увольнялись со службы как трусы).

Ещё Платон (род. в 427 г. до н.э.) утверждал: «Качество души каждого определяет степень свободы человека, которой он должен пользоваться «умеренно»...Поскольку справедливость — это мудрость и добродетель, она оказывается сильнее несправедливости даже в тех человеческих отношениях, которые на первый взгляд весьма далеки от какой бы то ни было справедливости. И наоборот, деструктивный характер несправедливости, в конечном счете уничтожает основания её бытия». (Москва, Мысль, 1998 г.)

Во всех основных философских учениях Справедливость — высшая добродетель, тогда как Свобода может рассматриваться только как одно из её проявлений, одна из составляющих, первой и всеобъемлющей добродетели

— Справедливости. В современном мире всячески восхваляется Свобода, в ущерб Справедливости, чем несомненно наносится колоссальный вред, вносятся ложные понятия в сознание людей, а ложь как известно разрушает (Прим. составителя.)

Наполеон: «Военные — они словно вольные камешники, масоны, а я — великий магистр их ложи». «Из всех народов мира я должен сделать единый народ, а из Парижа — столицу мира». «На поле боя полагается сражаться, а тот, кто вместо этого капитулирует, заслуживает расстрела... Солдат должен уметь умирать». «Миллион жизней — это пустяк для такого человека, как я!»

Наполеон много заботился о «духе» своей армии, он решительно подтвердил изгнание телесных наказаний, разговаривая с англичанами всегда недоумевал, как они не гнушались пускать плеть в войсках. «Чего же можно ожидать от людей обесчещенных? Как может быть чуток к чести тот, кого в присутствии товарищей подвергают телесным наказаниям? Вместо плети я управлял честью...». За серьёзные провинности Наполеон расстреливал беспорядно, но, вообще говоря, он гораздо больше полагался на награды, чем на наказания. В 1813 г. в письме Метерниху он писал: «Ваши государи, рождённые на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побеждёнными в свои столицы, и для них это всё равно. А я солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, вызывать восхищение». («Шестьдесят сражений Наполеона», В.В. Бешанов, Минск, Харвест, 2000 г.)

Итальянская компания: «Бонапарт понимал, что приказами уважения армии не добьёшься, потому резко повёл борьбу с воровством и за восстановление дисциплины. «Приходится часто расстреливать», — доносил он в Париж Директории». (В.В. Бешанов, «Шестьдесят сражений наполеона», Минск, Харвест, 2000 г.)

Врач Вюртембергского кавалерийского полка: «Наполеон, про которого говорили, что он занят в Вильне организационной работой, политикой и военными делами, хотел показать полякам всю строгость дисциплины в своей армии. Так как постоя на квартирах не было и в магазинах припасов не оказалось, солдаты должны были поддерживать свою жизнь воровством и грабёжом. Этого не должно было быть, под строгим запрещением, нарушителям которого грозила смертная казнь, — и потому вскоре в Вильне и вокруг неё начались расстрелы. На третий или четвёртый день после того, как мы покинули этот город, нам попала кирасирская дивизия, построения четырёхугольником; посредине его мы увидели четырёх солдат, рывших землю. На наш вопрос, что это такое, нам отвечали, что военный суд за насилие приговорил их к смертной казни; их расстреляют, но перед смертью они должны сами вырыть себе могилу. Холодный ужас охватил нас... Позднее мы узнали, что в Вильне многие были расстреляны, однако кое-кому удалось уйти от угрожающей пули». («С Наполеоном в Россию», Генрих Роос, Москва, 2003 г.)

Врач французской императорской гвардии: «О Наполеоне говорили, что он очень занят, что он постоянно работает. Но дело в том, как стало известно, что цель его была издать как можно более декретов из столицы Русской империи в доказательство французам, что он и на дальнем рубеже Европы не перестаёт заботиться о своём государстве, касались самых ничтожных частей внутренней администрации Франции. Например, он составил правила театрального управления, разных промыслов, как-то: булочного, аптекарского и т.д. Этими мелочами он хотел выказать всеобъемлющий гений свой. Между тем, всё это, в сравнении с прежней деятельностью Наполеона, делало его неузнаваемым». («Поход Наполеона в Россию в 1812 году», Д.Е. ЛА ФЛИЗ, Москва, 2003 г.)

Герман Раушнинг свидетельствует, что сам Гитлер прекрасно осознавал магию фантазирования: «Эти умники считают, будто наша задача — успокоить массу и содержать её в тупой апатии... Только взбужденная моими

фантазиями, масса становится управляемой». («Шаг змеи» Ю. Воробьевский Москва 2002 г.)

В своих мемуарах маршал Мармон приводит разговор с Наполеоном, состоявшийся 11 октября 1813 г.: «Он жаловался, что союзники его покинули. Он говорил, что они нарушили данное слово. По этому поводу он сделал различие между тем, что он называл «человеком чести» и «человеком сознательным», отдавая предпочтение первому, потому что с тем, кто держит своё слово и взяты на себя обязательства, знаешь, на что рассчитывать, в то время, как со вторым, всегда зависишь от его познаний и суждений.

— Второй, — сказал он, — делает то, что считает необходимым делать, что считает наилучшим.

Потом он добавил:

— Мой тесть, император Австрии, сделал то, что считал полезным в интересах своего народа. Это человек сознательный, но я не назвал бы его человеком чести. Предположим, что завтра противник оккупирует Францию и будет стоять на холмах Монмартра, и вы сочтёте, что правильным будет покинуть меня ради спасения страны, и вы это сделаете и будете хорошим французом, достойным человеком, но не будете человеком чести». («МЕМУАРЫ МАРШАЛА МАРМОНА О НАПОЛЕОНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ», Москва, Рейтар, 2003 г.)

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ И ЗЕМЛИ ВО ФРАНЦИИ

Количество обработанной земли во Франции составляло в 1783 году 52 659 тыс. гектаров, а ныне 52 760 тыс. Число жителей тогда было 25 ? миллионов; после того погибло в битвах до миллиона, и разорилось от губительных последствий войн десять миллионов. Не смотря на то, ныне во Франции считается жителей 33 ? миллиона.

(«Русский Инвалид» №123 от 18.05.1839 г.)

Иноземные вести Перепроизводство орденов

В Пруссии имеется орденов и медалей 81, причем в расчет не приняты степени орденов, мечи, банты и проч. Подсчитав же все ордена королевств и княжеств Германской империи, получим почтенную цифру 406.

Больше всего орденов и медалей имеют : фельдмаршал Плессен — 60 ; у военного же министра только 26 орденов.

(«Виленский Военный Листок» №557 от 20.08.1911 г.)

Дуэль

Три дня назад в Вене состоялась дуэль между двумя запасными офицерами, представителями высших кругов. Личность одного из дуэлянтов до сих пор не установлена, другой — сын покойного лейб-медика и известного профессора по детским болезням, барона Видергофера. Дуэль состоялась на пистолетах на тяжёлых условиях (обмен тремя выстрелами). После выстрела барон Видерго-

фер упал тяжело раненый. По дороге домой он скончался. Повод к дуэли романтический. Покойному было около 30 лет. Дуэль произвела в Вене сильное впечатление.

(«Наша копейка» №210 от 10.02.1910 г.)

РИГА. На дуэли между студентами баронами Бугсгевденом и Бергом, последний убит.

(«Наша копейка» №673 от 02.06.1911 г.)

В дополнение ко вчерашней телеграмме о дуэли в Риге сообщаем, что дуэлянты бар. Буксгевден и Берг студенты Петербургского университета. Дуэль происходила на пистолетах. Секундантов было 5 человек.

(«Наша копейка» №674 от 03.06.1911 г.)

В Кронях

30 июля — Високоторжественный день рождения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, застал 112 пех. Уральский полк на походе у м Кроне, Виленской губ., где полк, двигаясь из м. Олита на общие подвижные сборы в муравьевский лагерь, расположился накануне на дневку.

К 10 ч. Утра площадь перед местною православною церковью была заполнена рядами Уральцев и 1-й батареи 28 артиллерийской бригады, присоединившейся к полку для участия в предполагавшемся на походе маневре. По отношению знамени в церковь, в последнюю были введены войска. Составился импровизированный хор певчих из любителей офицеров и нижних чинов полка.

После литургии церковная процессия, вышедшая из церкви, была встречена звуками хора музыки, игравшей «Коль славен», и сопровождалась трезвонном колоколов; на площади, где 100 лет тому назад неистовствовали «нехристи» (как выразился местный старожил) — французы, раздалось моление творцу о даровании здравия Царствующему Дому, мирного процветания стране и победы христоролюбивому воинству ...

После здравицы в честь Державного Вождя, Императриц и Наследника Цесаревича, все присутствовавшие своим громким — задушевым «ура» заставили вздрогнуть окружающие горы и долины, а также те руины — развалины замка, остатки коего еще, казалось, напоминали о былом могуществе бывших когда то их хозяев.

Хозяева же этого местечка и храма были князья Огинские-Козельские. Самый храм существует уже четвертое столетие.

Вот что гласит надпись над склепом, где был похоронен основатель этого храма (1) : « 1625 года ... от роду 74 года ... Огинский-де-Козельский. Муж был храбрый, достойный воин, бил заморских шведов, финнов, полчища немцев, гордых москалей, взял в плен дерзких и непокорных Наливайко и Лободу, освобождал пленных ... Душа в небе, слава бессмертная на веки в памяти останется ...

Брат этого Огинского принял православие, основал монастырь и стал настоятелем его.

Имя этого первого настоятеля, говорят, по документам известно, но на жестяной небольшой дощечке, прибитой под его склепом, только : «Первый настоятель Кронеvского мужского монастыря 16-17 века».

Через м. Кроне в 12 году проходили французы, и старожилы говорят, что французы вынули из склепа труп старика Огинского и, желая доказать, что «ваш святой ничего нам не сделает» ... сделали в него несколько выстрелов.

Желая найти какие-нибудь точные справки вообще о 12 годе, мы перебрали несколько тюков старых дел, валяющихся над сводом церкви, где они подвержены ,всем случайностям быть окончательно уничтоженными временем и мышами. За неимением свободного времени, желание своё мы не могли выполнить, но судя по тем документам, которые были перебраны, можно предположить, что документы, касающиеся 12 года, извлечены и хранятся где-нибудь в другом месте.

Затем мы, случайно оказавшиеся на дневке в Кронях, обратили внимание на три небольших холма, которые расположены не доходя самого местечка, вправо от шоссе — к югу от его окраины. Самое место расположения их и очертание как бы указывают на искусственное их происхождение ...

Храмы, подобные Кронеvскому, в западном крае, как оазисы в пустыне, должны бы отличаться своим великолепием и привлекать к себе православных ... Однако за последние годы Кронеvская паства потеряла около 200 своих членов, перешедших из православия в католичество.

(1) Перевод подписи не дословный. Многие буквы не ясны, а другие замаскированы известкой. Ив. Коротков.

(Виленский Военный Листок №557 от 20.08.1911 г.) Типография Штаба Виленского военного Округа.

Примечание: Огинские и Пузына — русские княжеские роды. Происходят от Св. князя Михаила Всеволодовича Черниговского (ум. 1246), правнук которого князь Тит-Юрий Фёдорович Козельский (пятнадцатое колено от Рюрика) имел двух сыновей: князя Григория Титовича (Юрьевича), по прозвищу Огонь, ставшего родоначальником Огинских, и князя Владимира Титовича (Юрьевича), по прозвищу Пузырь, ставшего родоначальником Пузына. Огинский Богдан Матвеевич в 1581 г. отличился в сражении под Великими Луками, в 1557 г. под Гданьском. В 1587 г. был послом в Москву от короля Стефана Батория. С 1580 г. был подкоморием трокским. С 1586 г. — державца Дорсунишский, основатель монастыря, школы и типографии под Вильно, ктитор церкви св. Духа в Вильно и староста Православного братства. Участвовал в подавлении казацкого восстания под руководством Наливайко. Депутат сеймов 1609, 1611 и 1613 г. умер в 1625 г.

Другой представитель этого рода Огинский Михаил-Клеофас Андреевич (1764-1833), мечник литовский, подскарбий великий литовский, в 1794 г. принимал участие в польском восстании, после поражения бежал, сенатор и тайный советник Российской Империи с 1810 г. С 1815 г. жил во Флоренции, получил известность как композитор, написал «Полонез Огинского», который назвал «Прощание с Родиной».

(П. Гребельский, С.Думин, А. Мирвис, А.Шумков, М. Катин-Ярцев,

«Дворянские роды Российской Империи» СПб. 1993 г.)
Из времен пребывания Наполеона в пределах нынешнего
Виленского военного Округа
(Из Парижских журналов, издававшихся в 1812 году).

Ковна, 26-го июня 1812 г.

23 июня в 2 часа утра Император прибыл на аванпосты у Ковны, взял плащ и шапку одного польского шеволежера и осматривал берега Немана в сопровождении только одного генерала инженера Гаксо.

В 8 часов вечера армия начала двигаться. В 10 часов дивизионный генерал граф Моран отправил на тот берег три роты вольтижеров, и вместе с тем были переброшены 3 моста через Неман. В 11 часов французские колонны выступили по трем мостам...

В 12 часу дня генерал барон Пажоль отбросил находившуюся впереди его лаву казаков и занял Ковну одним батальоном.

24-го Император прибыл в Ковну. Ковна, называемая также Каусн, куда перешла главная квартира Императора 26 июня, расположена на месте впадения Вилии в Неман. Этот город ведет довольно большую торговлю.

Вильна, 30 июня 1812 года.

27 июня Император прибыл на аванпосты и приказал армии начать движение на Вильну и атаковать на рассвете 28-го русскую армию, если она решится защищать Вильну или затянуть взятие её, с целью спасти громадные магазины, которые в ней помещаются.

Одна дивизия русских занимала Троки, а другая дивизия была на высотах Ваки.

На рассвете, 28 июня, король Неаполитанский начал движение со своим авангардом и легкой кавалерией генерала графа Брюйера. Маршал принц Экмюльский поддерживал его со своим корпусом. Русские отступили. Давши несколько пушечных выстрелов, они торопливо переправились через Вилию, сожгли деревянный мост Вильны и громадные магазины, вмещавшие в себе продукты на несколько миллионов рублей; было сожжено более 150 000 четвертей муки, громадное количество фуража и овса и большое количество предметов снаряжения. Большое количество оружия было испорчено и брошено в Вилию.

В 12 часов дня император выехал в Вильну. В 3 часа дня мост через Вилию был снова наведен: все плотники города были собраны для наводки старого моста, между тем как понтонеры в это время строили новый мост.

Вильна — город с 25-30 000 жителей, с большим числом монастырей и красивых зданий. Четыреста или пятьсот молодых людей университета, имеющих больше 18 лет от роду и принадлежащих к лучшим семействам испросили разрешение на формирование полка. Янсонь.

(«Виленский Военный Листок» №528 от 11.05.1911 г.)

Рапорт одного офицера французской армии

6 июля 1812 г. г. Поневеж

«Господин полковник! Поручик де-Равен и я отправились, согласно полученных приказаний, с бивака перед Бейсатолой и перед тем, как прибыть в Новомясто, мы согласно Ваших приказаний, свернули с большой дороги и продолжали путь по обоим сторонам её. Счастливый случай привел нас на встречу одного молодого человека, чиновника русской административной комиссии. Будучи спрошенным, он нам дал превосходные сведения относительно расположения различных магазинов; от него мы также узнали, что 40 казаков разместились в большом постоялом дворе в середине города, что магазины охраняются невооруженными инвалидами, и что кругом их расставлены быстро воспламеняющиеся вещества, для сожжения магазинов при первом известии о движении великой армии на Поневеж.

Мы отправились дальше и спрятались в небольшом лесу за деревней Новый Двор. Один крестьянин, которого мы разбудили, сообщил нам, что в этой самой деревне размещены 5 казаков, высланных сюда из Поневежа. Они были без выстрела застигнуты и отправлены сейчас же в наш тыл. Прибывши к Поневежу, мы дали несколько отдохнуть лошадям; поручик де-Равен, согласно Ваших приказаний не упускал из виду главной цели действий — спасти магазины, — разделил свой отряд на небольшие части, чтобы напасть одновременно на все магазины, зарубить часовых и помешать сжечь магазины. Я был назначен вместе с 20 людьми, уничтожить казаков, расположившихся в постоялом дворе. Как только голова колонны достигла входа в город, мы пустились в карьер.

Весь город был погружен в первый сон, за исключением русского комиссара, игравшего с компанией в фараон. Не обращая на него внимания, я доскакал со своими гусарами до постоялого двора и занял выходы. Казаки, разбуженные топотом лошадей, открыли по нас стрельбу из пистолетов; я приказал им ответить, и заметив, что несколько казаков воспользовались темнотой и спустились в конюшню, я командовал слезать. В это время поручик де-Равен получил три удара ножом в бедро и нижнюю часть живота; но почти все казаки, которым удалось выйти, были ранены гусарами, оставшимися в резерве. Их офицер получил пистолетную пулю в бедро, от которой он как я потом узнал, умер в двух милях отсюда. Слезши, я приказал моему трубачу держать лошадей и, с обнаженной саблей и пистолетом в руках вошел в комнату. 18 казаков держались в одном углу комнаты и бились с отчаянием. Они поражали своими пиками все, что было впереди их. Я громким голосом приказал принести огонь; несколько жителей поспешили принести нам свечей, но они были потушены и разбросаны ударами пик. Я бросился к казакам, в следствии того, что не знал, что казаки находятся на лестнице, спускающейся в погреб. Все выстрелы и удары были направлены чересчур высоко и достигли только пик казаков, которые и были изрешечены пулями и саблями.

Этот бой длился до рассвета. Тогда унтер-офицер Вернер, схвативший одно русское ружьё, бросился вперед атаковать казаков в штывки в их подземном убежище. Унтер-офицер Поммере и бригадир Грабовский следовали за ним с обнаженными саблями. Гусар Сток, потерявший свою саблю от удара казачьей пики, схватил одну пику и кричал своим товарищам. «Давайте рубить по рукам казаков!»... По этому крику казаки сдались (1). Двое из них были убиты, несколько ранены, остальные были взяты в плен. Инвалиды, сторожа продовольственных магазинов были без оружия, но некоторые из них, которым удалось добыть ружья, стреляли по моим людям. Я им простил это заблуждение и приказал не трогать их. Они все взяты в плен, в числе около 120.

Представляю к награде этих двух унтер-офицеров, бригадира и гусара.

(Здесь идет дело, о гусарах прусского гусарского полка смерти, с изображением черепа на шапках, входивших в состав отряда генерала Рикаро. Им удалось захватить магазин с 30 000 винтов муки. Наполеон за это дело дал орден Почетного Легиона командиру полка, Поручику де-Равену, унтер-офицеру Вернеру и Пеммерейту и бригадиру Грабовскому).

(1) Не надо забывать, что рассказывая о своём подвиге и не рассчитывая на свидетелей, француз, конечно, многое приврал в своём рапорте. Янсонъ (Виленьский Военный Листок №538 от 16.06.1911 г.)

Запрещение продажи игрушек, представляющих копии обмундирования русской армии

За последнее время в продаже появились детские игрушки, представляющие собой точные копии предметов обмундирования частей русской армии. Признавая недопустимым изготовление и продажу подобных игрушек, министерство торговли и промышленности предписало ремесленным управам, в районе которых сосредоточено производство игрушек, поставить в известность занимающихся изготовлением их, что производство таких игрушек не разрешается, и таковые к продаже допущены быть не могут. По московскому градоначальству в столичной полиции предписано распорядится принятием мер, чтоб игрушки, представляющие собой точные копии обмундирования русской армии, были изъяты из продажи. В Петербурге уже изъяты появившиеся в обращении шапки л.-гв. гусарского Его Величества полка с форменной офицерской кокардой и отличием за взятие Телиша. Вопрос об изъятии их возник по почину военного министерства.

(«Виленьский Военный Листок» №539 от 18.06.1911 г.)

Раскопки на Бородинском поле

На бородинском поле произведены раскопки трёх курганов. Найдены 6 человеческих скелетов, три скелета лошадей, хорошо сохранившиеся куски сол-

датской шинели и мундира, две различные пары подков и некоторые другие предметы. Все эти вещи препровождены в музей 1812 года в Москве.

(«Виленский Военный Листок» №446 от 14.07.1910 г.)

Памятник Отечественной войны

Ещё 14-го ноября 1812 года Император Александр I, указом на имя главнокомандующего русской армией графа Растопчина, повелел «всю отбитую у него (неприятеля) в разных сражениях артиллерию препровождать в Москву, где, на память многократных побед и совершенного истребления всех дерзнувших вступить в Россию неприятельских сил, имеет из отнятых у них орудий воздвигнут быть увенчанный лаврами столп. Да свидетельствует сей памятник не постыдные и хищные дела презренных зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храброго народа и войск, умеющих на полях брани «карать врагов и наказывать злодеев».

Отбитые у неприятеля орудия собраны в Москву, а памятник из них до сих пор, по каким-то неведомым причинам, не воздвигнут. И только недавно, в виду предстоящего юбилея 1812 г., заговорили о памятнике.

Высочайше утвержденный комитет по устройству в Москве музея 1812 года предлагает соорудить из орудий к предстоящему столетнему юбилею Отечественной войны две колонны, вышиною в 20 сажен, по 10.000 пудов каждая. Колонны предлагается поставить у подножия храма Христа Спасителя, со стороны реки Москвы. Вопрос о сооружении памятника из орудий возбудил оживленный обмен мнений. Решено выждать решение по этому вопросу военно-исторического общества. Постановлено произвести исследование Семлевского озера, Вяземского уезда, Смоленской губернии. В озере предполагается найти много воинских доспехов из московского арсенала, взятых Наполеоном и брошенных им туда по пути бегства из России. Любопытно, между прочим, отметить, что сведение об этом впервые получено не из сочинений русских писателей — Данилевского и Михайловского, а из романов Вальтера-Скотта. Кружок решил открыть отделение в Минске, Гродне и Калуге, где ожидается много интересных материалов по характеристике эпохи 1812 года. Намечен ряд лекций из эпохи Отечественной войны.

(«Виленский Военный Листок» №412 от 06.03.1910 г.)

Сокровище на дне озера

В центре Казани врезается громадное озеро Кабан.

Среди казанских старожилов, особенно мусульман, упорно держится легенда о хранящихся на дне Кабана сокровищах, опущенных туда татарами ещё при взятии Казани царём Иоанном Грозным в предупреждении захвата их победителями.

Нужно заметить, что в Казани при земляных работах на прилегающих к кремлю улицах не раз находили клады и подземные ходы, прорытые осажден-

ными татарами. Но главным хранителем кладов молва считает тихие воды Кабана.

Несколько времени тому назад бельгийское общество казанских трамваев обратилось к городу с предложением бесплатно расчистить дно озера (7 верст в длину и 1 верста в ширину) с тем, чтобы всё найденное на дне отошло в собственность бельгийцев. Город отказал и решил сам поискать счастья на дне Кабана.

(«Виленский Военный Листок» №413 от 10.03.1910 г.)

Что находится на дне Березины?

Приближается празднование юбилея двенадцатого года и, как во Франции, так и в России снова воскрес интерес к Наполеону и его отступлению из России.

Один из сотрудников «Temps» посетил недавно некоторые места при Березине и описывает свои впечатления. В двух местечках — Борисове и Студянке — французская армия 26-го и 29-го ноября потерпела почти полный разгром. Борисов лежит на левом берегу Березины и представляет собою маленькое местечко с низенькими домишками, среди которых в глаза бросаются только два каменных здания, — тюрьма и церковь. Деревянный домишко, в котором Наполеон провёл 25 ноября часа два, уже больше не существует.

Так как переход через Березину в этом месте был неудобен, то император решил поискать для переправы какое-нибудь другое место. Выбор пал на то место, возле которого находится Студянка. Император французов прибыл сюда 25-го ноября и в ночь на 26-е число остановился в доме барона Корзаха, где ещё долго после того показывали имена лиц, сопровождавших Наполеона, вырезанные на перилах балкона. Наполеон, по-видимому, не мог заснуть и часто выходил из дома, справляясь у часовых, скороли наступит день. На рассвете он отправился на берег реки, где в течение всей ночи наводили мосты. Материал для постройки моста брали из Студянки, где солдаты срывали доски и балки прямо с домов. Как затем состоялась переправа, знает каждый, так как о ней говорится во всех учебниках истории.

По словам французского журналиста, крестьяне окрестных деревень до сих пор ещё находят разные обломки оружия и даже заржавевшие снаряды. Однако, все эти находки особого интереса не представляют. Более богатая добыча досталась в руки русских на правом берегу у Старо-Борисова, где была забрана в плен большая часть французских войск. У барона Корзаха, например, имеется целая шкатулка с французскими орденами и знаками отличия.

Но если бы теперь было решено отыскать ещё более интересные реликвии наполеоновской эпохи, то нужно было бы произвести исследование dna реки Березины. Когда-то подобная попытка была уже сделана и имела большой успех. Со dna реки были извлечены разные ящики и мешки, в которых были найдены одежды французов, нисколько к тому же не испорченные от долговременного пребывания в воде. Кроме того, удалось вытащить несколько пушек,

карет, больших снарядов и проч. Один из немецких врачей, бывший свидетелем этих работ, говорит, что видел целые кучи золота, серебра, драгоценностей и часов. Окрестные помещики покупали эти вещи прямо за бесценок. Вещей было такая масса, что, в конце концов, они потеряли всякую ценность и интерес, и работы были прекращены.

В 1896 году работы эти были возобновлены снова, хотя и совершенно случайно. Как-то весной стали очищать дно верхнего течения Березины и нашли слой грязи, в которой признали разложившийся порох. Слой этот лежал на дне реки толщиной в 35 сантиметров. Были найдены так же кости людей, лошадей, ружья, пушки, сабли, латы и другие предметы наполеоновской эпохи. Все они были отправлены в Петербург и помещены в музей. Тем не менее, часть из них и даже пожалуй, самая большая, была припрятана местными жителями. Если работы не были продолжены, то объясняется это тем, что на другой год после этого Березина обмелела и во многих местах почти совершенно высохла.

От этого в русле реки образовалась несколько твердая кора, что её не в состоянии были пробуровать землечерпальные машины. Есть предположение, что под нею именно и покоятся в настоящее время все драгоценные реликвии наполеоновской эпохи.

Французский журналист в заключение статьи выражает пожелание, чтобы эти работы были возобновлены теперь, когда имеются более усовершенствованные машины для исследования речного дна.

(«Виленский Вестник» №2686 от 30.05.1912 г.)

Молодечно

Недавно сюда приезжали два француза с планами селения Мотыголь и имения Селище и делали вновь попытку восстановить картину местности в 1812 году. Жители по словам известного корреспондента «Саб. Ввд.», видят в этом приезде желание французов отыскать закопанный здесь клад.

Таких попыток за последние годы было много, но все они оканчивались неудачами. Такая же неудача постигла и приезжавших на этих днях.

Осмотрев местность и найдя её совершенно не соответствующей имеющемуся у них на руках плану, французы попытались нащупать во многих местах почву, заостренным железным шестом и уехали ни с чем.

История закопанного клада, по местным источникам такова. Во время известного отступления французов в 1812 году, часть армии Наполеона двинулась из Борисова на Молодечно по широкой дороге, сохранившейся поныне. В виду сильных морозов и недостатка фуража, лошади французов устлали всю дорогу трупами. По этой же дороге ехал и сам Наполеон, а при нем находилась и казна — несколько бочонков золота, которые везли в фургонах. У селения Мотыголь Наполеон со своим штабом заехал в имение Селище, где и остался ночевать. Наполеон поместился в старом господском доме, шагах более ста от большой дороги. Здесь по преданию, ему было доложено, что больше везти золото невозможно, так как все лошади пали, а найти свежих нельзя. Тогда На-

полеон приказал зарыть золото в землю, что его приближенные и исполнили в ночное время.

До 1840 года жители не знали об имеющемся в их местности кладе. В этом году в имении строился новый господский дом; для фундамента свозили камни с полей; в числе их был один с высеченной подковой. Этот камень и теперь можно видеть по правой стороне от крыльца в угловом фундаменте дома. Но откуда он взят никто не знает. Между тем, приезжавшие французы утверждают, что под этим камнем и были закопаны бочки с золотом. Наконец, местность совершенно изменилась; дорога, которая в 1812 году вела из имения на большую дорогу, теперь запахана и вместо неё проложена другая. Весь район так изменился, что стал невозможным для обследования.

(«Виленский Вестник» №2678 от 20.05.1912 г.)

Примечание: в своих мемуарах А. Коленкур писал — «1 декабря ставка была в Стойках; такого скверного ночлега мы ещё никогда не имели. Мы прозвали эту деревню Мизеро. У императора и начальника штаба были маленькие ниши в 7-8 квадратных футов каждая. В другой комнате набились все остальные чины штаба... 2 декабря ставка была в Селищах, причём помещение было почти такое же плохое, как и накануне; но зато мы нашли здесь много картофеля. Нельзя описать радость, испытанную всеми, когда оказалось, что можно наесться досыта. Мороз был такой, что оставаться на бивуаках было невыносимо... 3-го мы были в Молодечне...».

Против д'Анунцио

Вена. Общее собрание городской центральной библиотеки постановило изъять из каталога библиотеки сочинения Габриеля д'Анунцио, издавшего недавно по поводу войны агитационное стихотворение против Австро-Венгрии.

(«Наша копейка» №925 12.02.1912 г.)

Памятник и могилы воинов Отечественной войны

На площади в гор. Ковне поставлен монумент в ознаменование изгнания остатков армии императора Наполеона в 1812 году из пределов Отечества. В памятник вделан образ Св. Великомученика Георгия Победоносца высоко художественной работы.

В Рижском уезде, Лифляндской губернии, в Даленской волости, в горах Одескальн и Клавгекальн сохранились братские могилы убитых в 1812 году. Местные старожилы знают, что в одной из могил погребено 80 убитых 9 и 10 августа при мест. Кекау, где неприятель потерпел поражение и потерял пленными более шестисот человек.

Другой оставленный след дела при Кекау — 4 бомбы, замурованные в стене местной лютеранской церкви.

(«Виленский Военный Листок» №508 от 23.02.1911 г.)

Обучение фехтованию в пехоте

Согласно параграфов 51-60 устава строевой пехотной службы издания 1900 года, обучение фехтованию на ружьях в войсках сведено к приёмам, не удовлетворяющим самым примитивным требованиям, которые могут быть предъявлены к этому делу со стороны искусства фехтования, а между тем правильная постановка его принесла бы несомненную пользу в смысле развития в солдате ловкости, быстроты соображения и находчивости, столь необходимых каждому одиночному бойцу при современных условиях ведения боя.

Одной храбрости, меткости стрельбы и твёрдого знания словесности, на которую, кстати сказать, направлены главные усилия при обучении, применительно к требованиям начальства, ещё далеко не достаточно для того, чтобы солдат представлял из себя хороший боевой материал, и они далеко не могут восполнить собою недостаток находчивости и способности проявлять личную инициативу в боевой обстановке, а опыт войны с Японией особенно ярко подчеркнул недостаток в нашем солдате именно этих драгоценных качеств. Следовательно, необходимо, во что бы то ни стало, стараться развить их в нём, а одним и, при том, самым верным средством к достижению этого может служить правильная постановка фехтования.

Мне на это могут возразить, что современное огнестрельное оружие свело на нет значение штыка и бой решается почти исключительно ружейным и артиллерийским огнём. С этим можно согласиться, но не вполне. Правда огнестрельное оружие приобрело, как фактор боя неизмеримо большее значение, но как показал опыт последней войны и штык не потерял своего решающего на поле сражения значения, и как мы, так и японцы постоянно стремились завершить огнестрельный период боя, решительным штыковым ударом.

Так как наступление до последней стрелковой позиции производится в настоящее время иногда очень редкими цепями, то, естественно, что и штыковой удар наносится теми же цепями, скучивающимися к начальникам и редкими в остальных местах, так что можно смело утверждать, что штыковой удар в настоящее время сводится к столкновению небольших групп и одиночных людей, в котором победит, безусловно, та сторона, которая лучше владеет своим оружием. Наши западные соседи, относятся к этому вопросу вполне сознательно и потому фехтование у них поставлено на твёрдую почву. Мы же, напротив, учим наших солдат, вместо всех фехтовальных приёмов, искусству сначала толкнуть противника животом, а потом уже нанести ему удар штыком. Ясно на чьей стороне будет успех в случае рукопашного столкновения нашей и германской или австро-венгерской цепи.

Последняя война показала, что даже японцы значительно уступающие нам в силе и росте, почти всегда, если не были застигнуты врасплох, одерживали над нами успех в рукопашном бою, что может быть объяснено исключительно тем, что обучению фехтованию в японской армии отведено надлежащее место.

Конечно фехтованию нельзя уделить такое количество времени, которое позволило бы обучить солдат всем тонкостям этого дела, но при правильной

постановке можно достичь и в сравнительно незначительное время весьма солидных результатов, не принося этим никакого ущерба остальным не менее важным отраслям обучения.

Попробуем выяснить чему следует обучать, а также порядок самого обучения, без чего, конечно желательные успешные результаты не могут быть достигнуты.

Успешен удар штыком может быть только тогда, когда он нанесён с достаточной силой, метко и совершенно неожиданно для противника, — последнее условие требует нанесения его с известного расстояния и быстроты соответствующего приёма. Последние два качества совершенно игнорируются при той системе обучения этому делу, которая принята у нас в настоящее время: как известно, требуется подход к чучелу почти вплотную и нанесение удара с размаха, на что, тратится и притом совершенно непроизводительно известный промежуток времени.

Мне кажется, что наиболее правильной постановкой этого дела явилось бы следующее: нанесение удара с выпада, выставляя левую ногу на шаг вперёд и посылая винтовку правой рукой вперёд, причём левая рука остаётся на прежнем месте, выше нижнего раздвижного кольца.

На выпаде положение корпуса должно быть устойчивым, после удара выдёргивать штык и быстро принимать прежнее положение на руку.

Дальнейшее обучение должно заключаться в нанесении удара с шагом, с двумя шагами вперёд и служить подготовительным упражнением к обучению удару с подхода шагом и бегом, причём опять-таки, следует добиваться нанесения удара с известного расстояния, а не подхода к чучелу вплотную.

Удар должен быть метким и достаточно сильным, но требование всаживать штык обязательно по шейку совершеннейший абсурд, потому что колотые и рваные раны обессиливают человека, если оружие проникло всего на несколько сантиметров, напротив, такое требование может повести к нежелательному застреванию штыка в ране.

Когда обучаемые достаточно усвоят эти первые главные приёмы искусства боя штыком, можно перейти к другим приёмам, требующим не только быстроты и ловкости, но и сметливости: обучению отбивать, соединяя их каждый раз с предшествующим или последующим уколом чучела, поворотами направо, налево и кругом, опять-таки с нанесением каждого укола по новому направлению.

Венцом же обучения фехтованию должен быть вольный бой на фехтовальных ружьях. На каждую роту вполне достаточно только одного комплекта снаряжения 2 бойцов, что обойдётся при самой щедрой оценке не более 30 р. Такой расход не может быть тяжёлым бременем даже для ротных сумм, а ещё лучше, если это обзаведение будет сделано на счёт экономических сумм войсковых частей. Право же они от этого понесут ущерб, а польза принесённая такой поставкой фехтовального дела, сторицей окупит расход.

В качестве инструкторов может быть с успехом использован офицерский состав нашей пехоты, особенно младшие офицеры, у которых свежо ещё в па-

мяти занятия фехтованием в военных и юнкерских училищах, поставленное там на очень прочную почву. Постоянное же соприкосновение с ним на службе заставит их не запускать его и по выпуске из училищ, как это бывает в действительности в настоящее время.

Будем надеяться, что во вновь разрабатываемом уставе строевой пехотной службы фехтованию будет отведено подобающее место в ряду прочих отделов обучения нашего пехотного солдата.

С. Барановъ.

(«Виленский Военный Листок» №123 от 18.04.1907 г.)

Розысканные могилы павших воинов в 1812 году в районе Виленского военного Округа

В м. Деречине, Слонимского уезда полуразрушенный памятник неизвестному генерал-майору — участнику войны 1812 г.

В урочище Телековщина, в 2 верстах от м. Деречины, сохранилась в виде кургана братская могила.

В 1 версте к ю. в. от Вольковичей — братская могила под названием «Сморише».

В гор. Слоним, на городском кладбище, имеется памятник из гранита на могиле генерала от инфантерии Левицкого, участника Отечественной войны.

(«Виленский Военный Листок» №521 от 16.04.1911 г.)

Монета — сокровище

После своего восшествия на престол в 1804 году Наполеон приказал отчеканить и выпустить в обращение значительное число монет. Все эти монеты быстро разошлись среди населения. Но в числе этих монет были выпущены и пятифранковики, которые по своим размерам не понравились публике; злополучные монеты застряли в казначействах, никто их не брал. Надо было их перечекаивать, но Наполеон придумал другую уловку, чтоб пустить в ход эти монеты. В одну из них он приказал вложить и вчеканить чек, им собственноручно подписанный; обладатель этого чека мог, по предъявлении его в государственный банк, получить пять миллионов франков. Таким образом была устроена лотерея, повлекшая за собою азартную погоню за новыми пятифранковиками. И в наполеоновское время и после него, до сего дня, люди разыскивают этот счастливый пятифранковик, но никому не удалось его найти.

Ныне французское правительство признало эту монету и подтвердило, что предъявитель её отнюдь не утратил, за древностью, дарованного Наполеоном права на получение пяти миллионов. Правительство заранее предупреждает счастливого находчика монеты — клада, что ему будет выдан только капитал без процентов, т.е. только обещанные Наполеоном пять миллионов. А вместе с

наросшими за это время процентами пришлось бы выдать тридцать шесть с половиною миллионов.

(«Виленский Военный Листок» №616 от 21.03.1912 г.)

«Французские» могилы 1812 года в районе Виленского военного Округа

В с. Руссиневичи, в 1 версте к северо-западу от м. Самохваловичи, у ворот имения Униховских погребено около 300 французов, умерших в замке.

У дер. Харевичи, близ м. Дукора, на месте погребения замерзших французов стоит часовня.

В имении Аннополь, близ дер. Крупицы на р. Птичи, при отступлении остатков Великой армии умерло и погребено 300 французов.

У дер. Гричино, по тракту из Минска на м. Койдоново, погребено до 5000 французов; там же погребены частью и русские. Места погребения определены лишь предположительно, на старом кладбище, где ныне «Заезд» у тракта.

(«Виленский Военный Листок» №522 от 20.04.1911 г.)

По краю Минск

В настоящее время среди местной русской служилой интеллигенции возник вопрос о подготовке празднования столетия освобождения России от нашествия французов в 1812 году.

Порядок празднования еще не определен: по всей вероятности, для выработки его будет образован специальный комитет.

Местные археологи предлагают сосредоточить празднование в исторической деревне Студянка, в 12-ти верстах от г. Борисова, где последние остатки наполеоновской армии совершили неудачный переход через Березину. В связи с этим поднимается вопрос о постановке какого-либо памятника на месте этого перехода.

Недавно корр. «Пет. Вед.» привелось побывать в этой исторической деревне, расположенной на правом берегу Березины. В деревне — четыре десятка домов и она ничем решительно не выделяется от других деревень Белоруссии. Но, тем не менее, жители её отлично осведомлены о том значении, какое неволью их деревушка имела для истории России и Европы. О неудачной переправе здесь Наполеона и остатков его армии можно услышать много интересных рассказов, среди которых немало мифического и гиперболического. Так, крестьяне из Студянки уверяют, что Наполеон здесь где-то закопал двенадцать бочонков с золотом. Уверенность в этом особенно укрепилась с тех пор, как сюда и в окрестности приезжали какие-то французы и длинными заостренными шестами «Шупали почву». Все их поиски золота не увенчались успехом, что жители приписывают исключительно изменившемуся фарватеру реки. Не-

сколько лет тому назад в Студянке работал караван землечерпальных машин для углубления фарватера. При этом из баланд машины выбрасывались на берега различные предметы: шпаги, части орудий, рукоятки, табачницы, иконки, крестики, старинные монеты и проч. Все это собиралось путейцами и отправлялось в Петербург в исторический музей. Некоторые мелкие монеты хранятся у местных крестьян, предлагающих проезжим покупать таковые, причем запрашивают по рублю и больше за каждую монету.

Единственный памятник, сохранившийся в деревне на месте переправы Наполеона — это большой камень на берегу Березины. Как известно, здесь Наполеоном был сооружен мост для переправы своей армии, который не выдержал, провалился и проглотил с собою всё, что было на нем. Вследствие этого дно реки содержит в себе много чего, что может увековечить это историческое событие. Почти сто лет прошло, а до сих пор ни разу не было попытки исследовать дно Березины в этом месте. Может быть, к столетнему юбилею об этом подумают.

Местные старики помнят посещение Студянки Императором Александром вторым. В имении «Старый Борисов», принадлежащем Виликим Князьям Николаю и Петру Николаевичам, указывают и тот дом, где останавливался Государь. От «Старого Борисова», до Студянки 5-6 верст, и Государь совершал туда частые прогулки, интересуясь, очевидно, местом, где провалился Наполеон.

Наконец, уже за городом Борисовым представляют чрезвычайно интересное место так-называемые Чичаговские батареи на левом берегу Березины, где ожидали Наполеона русские войска под начальством адмирала Чичагова. Наполеон прошел в сторону от Чичагова. Эти батареи своим расположением и устройством дают понять о том, как русская армия готовилась достойно встретить здесь «завоевателя мира».

Словом, можно сказать, заключает корр. названной газеты, что мысль перенести празднование столетнего юбилея в Борисов диктуется самою постановкой исторического события.

(«Виленский Вестник» №2222 от 13.11.1910 г.)

К столетию Отечественной войны

В кругах, интересующихся эпохой 1812 г., передают любопытные сведения об озере вблизи местечка Бобра, Сенинского уезда, Могилёвской губ. Определенно говорят, что в этом озере французами во время бегства были затоплены награбленные сокровища московских церквей. Существуют свидетельства многих военных лиц, что в этом озере на дне хранятся трофеи 1812 г. и великого бегства французов. Нужно думать, что кружок ревнителей памяти 1812 г. займется вопросом об этом озере и будет ходатайствовать о расследовании его при участии специалистов. Для москвичей этот вопрос имеет исключительный интерес, так как известно, что значительная часть из того, что было похищено

в памятный 1812 г. из многочисленных московских храмов, остается еще до сих пор не разысканной.

(«Виленский Военный Листок» №528 от 11.05.1911 г.)

Памятники 1812 года

К виленскому уездному исправнику поступило дополнительное заявление владелицы имения «Крыжаки», виленского уезда, вдовы д.с.с. Е.К. Бобровской по поводу нахождения в озере «Болтис», или «Крыжацкое» ценных памятников войны 1812 года.

Г-жа Бобровская заявляет следующее: к ней явился житель соседнего застенка Катковский и рассказал, что дед его, переживший войну 1812 г., передал ему, что Наполеон, теснимый русскими войсками, расположился в горах против имения «Крыжаки». Когда показались русские войска, французы обратились в бегство, причем бросили в озеро «Крыжацкое» весь обоз и денежные ящики. По словам Катковского, глубина озера достигает 30 саж.

О заявлении г-жи Бобровской исправник г. Зафиропуло сделал доклад в Высочайше учрежденную комиссию по описанию боевых трофеев и старых русских знамен, состоящую при военно-походной канцелярии Его Величества.

(«Наша копейка» №922 от 09.02.1912 г.)

Слишком незначительные следы

Владелица имения «Крыжаки» Виленского у., расположенного в 12 верстах от г. Вильны, Бобровская подала виленскому уездному исправнику заявление о нахождении в её имении озера, имеющего историческое значение и отношение к Отечественной войне 1812 г. По сохранившемуся преданию, Наполеон I, отступая, приказал затопить в этом горном озере пушки, разное вооружение, ценности и даже кассу с деньгами. Так рыбак со своими рабочими извлек из этого озера дубовое колесо от пушки; брошенный в озеро корабельный якорь зацепился за какой то тяжелый металлический предмет, но вытащить его не удалось, так как веревка оборвалась, и якорь с предметом упали на дно. Бобровская просит прислать водолазов для исследования озера.

(«Виленский Военный Листок» №597 от 11.01.1912 г.)

Крест Ивана Великого

В ряду мер для уничтожения Москвы в 1812 году, Наполеон, перед самым уходом своим отсюда, когда уже были вырыты подкопы для взрыва Кремля,

его дворцов, соборов и колокольни Ивана Великого, приказал снять с последней высившийся над нашей первопрестольной крест, чтобы повелиться им, как трофеем, в Париже. Громадный крест был сделан ещё в начале 17 века, при царе Борисе Годунове. Когда его сняли, он оказался вызолоченным через огонь. Наполеон приказал везти его из Москвы за собою, вместе с другою своей Московской добычей, как личное своё приобретение, как памятник победоносного разгрома Москвы.

Тяжкий крест Ивана Великого, после поражения, «великой армии» под Тарутиным и Малым Ярославцем, при быстром её бегстве к границам России, составлял страшную обузу, и так как французам при нападениях народно-партизанских отрядов приходилось бросать даже награбленное золото и другие драгоценности в реки и озёра, то как можно было увезти из России стопудовый Крест? Его пришлось бросить в пределах России. Историк похода Наполеона в 1812 году граф Сегюр говорит, что этот крест, вместе с значительным количеством золота и серебра, брошен был в Смоленской губернии в озеро близ «села Землева». Другой историк, француз утверждает, что этот трофей, несмотря на прогрессивно увеличивавшиеся трудности бегства погибавшей разноязычной армии, брошен был только близ Вязьмы.

К предстоящему юбилею необходимо отыскать этот крест. Эта находка, в историческом отношении была бы стократ драгоценнее выкапываемых каменных топоров и бронзовых стрел. «Русская Земля».

(«Виленский Военный Листок» №449 от 24.07.1910 г.)

Примечание: в своих мемуарах граф де-Сегюр писал: «От Гжатска до Михайловской, деревни между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонне не случилось ничего замечательного, если не считать того, что пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: здесь были потоплены пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого.

Трофеи, слава и те блага, ради которых мы пожертвовали всем, стали нам в тягость; теперь речь шла не о том, каким образом украсить свою жизнь, а о том, как спасти её». (Граф де-Сегюр, «ПОХОД В РОССИЮ». «Мемуары адъютанта», Москва, 2002 г.)

К столетию Отечественной войны

В Москве получено известие, что в Вяземском уезде, в селе Семлеве, на месте бывшего в старину озера начались раскопки с целью обнаружить золотой крест с Ивана Великого. По преданию, крест был брошен в это озеро отступавшими французами, похитившими его с колокольни. Раскопки организованы по почину вяземского комитета по увековечению памяти 1812 г.

(«Виленский Военный Листок» №551 от 30.07.1911 г.)

Примечание: с. Семлево находится километрах в 30-ти от Вязьмы по дороге к Смоленску. (Прим. составителя).

«Сегодня я видел сцену ужаса, которую редко можно встретить в новейших войнах. — записывал Вильсон 5 ноября, в 40 верстах от Вязьмы по дороге к Смоленску, — 2 тысячи человек, нагих, мёртвых или умирающих, и несколько тысяч мёртвых лошадей, которые по большей части пали от голола. Сотни несчастных раненых, ползущих из лесов ...200 фур, взорванных на воздух, каждое жилище по дороге — в пламени...». К этому периоду относятся первые свидетельства о случаях людоедства среди французов. («Шестьдесят сражений Наполеона» В.В. Бешанов, Минск, Харвест, 2000 г.)

Результат раскопок

Раскопки на дне Семлевского озера, в котором Наполеон отступая затопил обоз, дали незначительные результаты. Найдены остатки сбруи и обуви, ружейные замки, много человеческих черепов и лошадиных костей.

(«Виленский Военный Листок» №553 от 06.08.1911 г.)

Примечание: в своих мемуарах офицер итальянской гвардии Цезарь Ложье писал: «Мы покидаем окрестности Вязьмы, чтобы направиться по почтовой дороге, которая ведёт в Новосёлки (с. Новосёлки между г. Вязьмой и с. Семлево). Мы встречаем обоз больных и раненых. Несчастные, лишённые в продолжении нескольких дней всякой помощи, стояли в лесу. Проводники, которые нигде не могут достать корму лошадям решились, наконец, всё бросить». (Цезарь Ложье, «ДНЕВНИК ОФИЦЕРА ВЕЛИКОЙ АРМИИ в 1812 году», Москва, 1912 г.)

«9 января 1836 года российский подполковник, чья фамилия канула в лету, написал такой рапорт: «В бытность мою в Вяземском уезде, где находится Семлевское озеро, желая собрать на месте сколь можно ближайšie об означенном событии сведения, мне удалось узнать, что действительно после общего отступления французской армии помещик села Семлево г-н Бирюков отправил в земской суд 40 лафетов, но пушек от них за всеми тогдашними разведываниями не найдено, из чего следовало заключить, что означенные орудия не были везены дальше Семлева и плачевное положение ретировавшихся от Вязьмы французской армии заставило бы воспользоваться Семлевским озером, чтобы укрыть в нём добычу и бесполезные в то время орудия.

(В. Бацалёв, А. Варакин, «ТАЙНЫ АРХЕОЛОГИИ», Москва, 1998 г.)

Косвенное подтверждение вышеприведённого рапорта мы находим в мемуарах Сегюра: «В Вязьме Ней стал прикрывать наше отступление ... он покраснел от стыда при виде первых пушек, брошенных под Дорогобужем». То есть пушек, не потопленных в водоёмах и не зарытых в землю, а просто брошенных на дороге. Из этого можно сделать вывод, что начиная с Дорогобужа, только, пушки стали бросать на дороге, которые не было возможности вести дальше. В начале отступления их топили или зарывали в землю в обязательном порядке. Коленкур оставил точное указание дат и совершение переходов главной квартирой: 31 и 1 ноября гвардия и ставка в Вязьме, 2-го в Семлеве, 3 и 4-го в Славкове, 5-го возобновлено движение и 5-го ночевали в Дорогобуже.

Клад на дне Невы

В 42-х верстах от Петербурга, вверх по течению Невы и в 30 верстах от Шлиссельбурга, находится место близ с. Ивановского, где, по преданию, во время боя со шведами затонула шведская галера с крупной суммой денег.

Что тут действительно было сражение, указывает то, что здесь до сих пор по берегам Невы находят пуговицы от шведских и русских мундиров и другие металлургические вещи.

Текущей осенью компанией частных лиц предполагается обследовать в этой местности дно реки, при помощи водолазов, на значительном протяжении.

(«Виленский Военный Листок» №568 от 28.09.1911 г.)

3000 р. за редкую монету

В Ялте месяца два-три тому назад найдена под небольшим камнем серебряная монета величиною в русский четвертак, но значительно толще. Монета была иностранная. Предъявленная знатокам антикварам, монета эта оказалась редким и чуть ли ни единственным экземпляром этого рода монет, времен царя Понтийского Митридата. За монету эту предложили три тысячи рублей.

(«Виленский Военный Листок» №572 от 12.10.1911 г.)

Номерованные места в вагонах

В недалеком будущем ожидается установление в вагонах пассажирских поездов номерованных мест с платою по 5 к. в 3 кл., 10 коп. — во 2 кл. и 15 к. в 1 кл. Новой мерой имеется в виду доставить удобства публике и достигнуть порядка при посадке пассажиров.

(«Виленский Военный Листок» № 551 от 30.07.1911 г.)

«Французские» могилы 1812 года в районе Виленского военного Округа

Выше дер. Студянки и на месте старого кладбища при ней на р. Березине могильные холмы; на одном из них большой деревянный крест; по преданию, здесь погребен в присутствии императора Наполеона один из французских генералов.

У дер. Брили, Борисовского уезда, группами по 4,5 холмов расположены могилы французов, погибших 16 ноября.

К северу от дер. Ухолоды находится 4 «копца» (холма) больших размеров, где похоронены французы.

По дороге от сел. Бытчи к р. Березине (береговая дорога из с. Бытчи в м. Стахов) и по берегу реки есть курганы, частью заросшие большим лесом, частью обнаженные, представляющие собой, по сведениям от старожилов могилы французев.

В м. Воложин, Ошмянского уезда Виленской губ. На бывшем у дороги на д. д. Бакиши и Птицы кладбище погребены французы.

К югу в 1 версте от дер. Микуличи, Игуменского уезда в 25 вер. К с.з. от гор. Игумена, на месте боя следы братских могил.

(«Виленский Военный Листок» №523 от 23.04.1911 г.)

Государственная эмблема

В Петербурге в настоящее время работает комиссия над вопросом: какие цвета следует считать русскими национальными.

«Россия» напечатала по этому вопросу целое исследование в ряде статей.

Заемствуем из этих статей следующие сведения.

Основной нашей государственной эмблемой является чёрный двуглавый орёл на жёлтом поле.

Эмблема эта — древне-римского происхождения. Известно, что государственным и военным символом Рима был одноглавый орёл, сидящий на венке, под венком дощечка с начальными буквами S.P.Q.R. (Senatus Populisque Romanus). С разделением империи в 395 г. по Р.Х. на две половины Византия усвоила чёрного двуглавого орла с коронами на обоих головах. Герб этот перешёл к московским царям с приездом Софьи Палеолог, привезший с собой в Москву из Константинополя трон, на спинке которого был вышит этот орёл. Крылья его, как и у римского орла были опущены вниз. Женившись на Софье, Иоанн третий усвоил этот герб на правах приемника угасшей византийской династии. Первая печать московских государей, в которой встречается этот герб, находится при документе 1497 г. на печати Ивана четвёртого, приложенной к акту первого Лжедмитрия от 5 ноября 1605 года, находится такой же византийский орёл, у которого на груди щиток с гербом московским — Св. Георгием Победоносцем, поражающем змея. С рисунком этого герба сходна была государственная хоругвь. Она на золотом поле; по середине вышеописанный орёл, между головами которого, несколько выше, помещена третья корона (Императорская, русская) — с регалиями в золотых когтях (у австрийского такого же двуглавого орла бывшей священной римской империи — в первой лапе, две регалии, на груди габсбургский герб), по рамке в лаврах и пальмах, шесть щитков — по три с каждого бока, с гербами земель и царств, входящих в состав Российской империи, и седьмой внизу по середине с собственным родовым гербом Государя Императора.

С течением времени положение крыльев двуглавого орла и даже его цвет изменялись, и уже на Архангельском стандарте 1693 года орёл этот изображён с поднятыми в верх крыльями. Со времени царя Алексея Михайловича официально на груди двуглавого орла стали помещать щиток с гербом московским, с регалиями в лапах и тремя коронами, составляющими символ Св. Троицы, и эмблемы трёх царств, вошедших в состав Московского царства — казанского, астраханского и сибирского.

До Михаила Федоровича между двумя коронами, украшавшими головы орла, помещался православный лазурный крест; третья корона введена вместо него в 1625 году.

С 1699 года т.е. со времени учреждения ордена Св. Андрея Первозванного, орёл окружён цепью этого ордена на подобие иностранных образцов.

В 1800 году Император Павел первый прибавил под щитком герба москов-

ского мальтийский крест (после избрания Императора Павла первого гроссмейстером ордена).

Однако, это украшение не удержалось после смерти Императора Павла первого и было отменено.

В 1825 году в изображение орла вкралась чужеземная фантазия и геральдическая неправильность, а именно: на выписанной из Франции для Императорского Двора серебрянной посуде двуглавый орёл был изображён с распущенными крыльями с перевитыми андреевскими лентами, громовыми стрелами и факелом в одной и с венком в другой лапе; на груди — московский щиток с изображением Св. Георгия Победоносца «влево» (по геральдически).

В 1830 году при Николае первом вернулись к прежним образцам, и крыльям придан был вид распущенных концами вниз; на них впервые размещены щиты областей и царств.

До половины шестидесятых годов Св. Георгий был обращён «влево» (правой стороной считается в геральдике сторона, приходящаяся против левого нашего глаза) щита что составляло, однако, ошибку, почему с тех пор он был обращён «вправо», т.е. по-церковному.

Последний образец государственного герба утверждён 2 ноября 1882 г. вместе с особой сенью и варяжским шеломом.

При Николае первом установлены цвета герба и щита, т.е. чёрно-жёлто-белые, которые в 1883 году заменены бело-сине-красными.

Интересно отметить при этом следующее обстоятельство. В конце шестидесятых годов при въезде в Варшаву Императора Александра второго весь город украшался национальными флагами двух видов — чёрно-жёлто-белыми и трёхцветными бело-сине-красными, почему то считавшимися польскими, вывешенными только из окон жителей — поляков, тогда как первые были вывешены одними русскими жителями города (это был первый въезд Императора после мятежа 1863 года).

Следовало бы остановиться на одном типе флага с одной срединной гербовой эмблемой. Приняв за образец Императорский штандарт и возвращаясь лишь в отношении самого рисунка двуглавого орла к форме, установленной Императором Николаем первым (т.е. с опущенными крыльями, каким он впервые появился на Руси), национальными, едиными для остальных государственных флагов всех ведомств и учреждений является — жёлтый, чёрный и белый, а самый рисунок флага выразится в виде жёлтого поля с чёрным, «уменьшенной» формы, (т.е. меньше Императорского на 1/3) двуглавым коронованным (тремя коронами) византийским орлом (со щитком московским и проч.) по середине, при чём отдельным флагам: военно морскому, таможенному, карантинному и иным, если таковые понадобятся, будут прибавлены соответственные геральдические углы или квадраты.

В правом — верхнем «углу» (т.е. в части площади поля, так как середину займёт эмблема) таком образом, военный флаг удержит Георгиевский крест, военно-морской — в белом таком же углу — лазуревый «скошенный» (Андреев-

ский) крест, железнодорожный — два скрещенных лазуревых якоря, почтово-телеграфный — свои, чёрные эмблемы (молния и трубы) и т.д.

Одновременно с этим пришлось бы раз навсегда устранить все другие цвета гербовых щитов и двуглавого орла (мы видим что в настоящее время на каждом шагу: на вывесках поставщиков Императорского Двора, на свидетельствах, дипломах, железнодорожных вагонах и проч.), ибо этим, несомненно, нарушается единство изображения государственных эмблем и цветов.

(«Виленский Вестник» №2104 от 23.06.1910 г.)

Примечание: сочетание тех или иных цветов уходит корнями в глубокую древность. Барон Унгерн фон Штернберг (1887 — 1921) объявил себя защитником жёлтой веры, освободил императора Богдо Гэгена из китайского плена и вернул ему власть над Монголией. Благодарный властитель пожаловал генералу титул вана, а вместе с ним четыре высшие привилегии: право иметь жёлтые поводы на лошади, носить такого же цвета халат и сапоги, ездить в зелёном паланкине и прикалывать к фуражке трёхточковое павлинье перо.

Жёлтый цвет — это солнце. Зелёный — земля, пробуждающаяся весенняя степь. Три очка в радужных перьях означают третью степень земного могущества — власть, имеющую третий глаз, чтобы читать в душах людей.

(А. Непомнящий, А. Низовский, «Тайны кладов», Москва, 1999 г.)

Мани — появлялся перед людьми в широких развевающихся штанах жёлто-зелёного и зелёного цвета, в небесно-голубом плаще, в традиционном облачении жрецов Митры. Пользовался поддержкой в северо-западном Иране, в пограничных с Арменией областях, где так же упоминается крепость Арабион — Ереван. (Гео Видентрен, «МАНИ И МАНИХЕЙСТВО», С-Петербург, 2001 г.)

В четвёртом тысячелетии до н.э. на р. Ниле был основан г. Мемфис, который стал центром государственного образования Нижний Египет, фараон которого носил корону красного цвета. В том же тысячелетии на Ниле образовался Южный или Верхний Египет, со столицей в г. Фивы, фараон которого носил корону белого цвета, после соединения этих государств фараон стал носить корону красно-белого цвета.

В верховьях реки имеется два больших притока: Голубой и Белый Нил, а так же в системе реки Нил на границе Заира и Уганды находится озеро Эдуард 2.1 тыс. квадратных километров, глубиной свыше 100 метров.

(Оскар Егер Всемирная история «Древний мир» С-Петербург, АСТ Москва, 2001 г.)

Могила 1812 года

Если ехать по Екатерининскому тракту из г. Могилёва губернского в местечко Пропойск, (ныне Славгород) то, проехав бывшую почтовую станцию Белица и поднявшись с моста через реку Реста по проселочной дороге влево, по направлению в село Грезивец, встретится по обе стороны этой дороги много холмов-могил.

По сведениям от местных жителей, там в 1812 году был бой русских с французами.

В настоящее время холмы те вероятно распаханы крестьянами (Я был там в 50 годах), но полагаю, что места их нахождения еще есть. В 50 годах прошлого

столетия при распашках крестьяне вырывали различные предметы военных успехов. Место бывшего боя находится от г. Могилева в 40 верстах.

Нужные сведения, полагаю, возможно добыть в селе Грезинце и деревне Сутоках. Л.Л.

(«Виленский Военный Листок» №525 от 30.04.1911 г.)

Военная реликвия

Л.-гв. Финляндский полк 6-го ноября праздновал столетнюю годовщину своей победной славы — овладения (штабс-капитаном Байбаковым) жезлом маршала Даву. Жезл этот ныне выставлен для обозрения публики на юбилейной выставке 1812 года в Москве, в Историческом музее. Восхищаясь художественною отделкою этого трофея, мне невольно пришли на память и другие реликвии, имеющие связь с означенным жезлом, виденные мною в Новгороде в июле 1911 года на выставке 15 археологического съезда.

Князь П.П. Голицын доставил на археологическую выставку множество семейных, исторических памятников своих знаменитых предков, между которыми меня особенно заинтересовала витрина с военными трофеями, отбитыми 24-го мая 1807 года графом Павлом Александровичем Строгановым у того же маршала Даву близ деревни Квец, около прусского города Гутштадта, а именно: золотом шитый мундир, треугольная шляпа с золотым плюмажем и фу�ляр от маршальского жезла Даву, с французскими одноглавыми орлами. Аншлаг на витрине, за подписью графини Софии Строгановой, урождённой княжны Голицыной, гласил следующее: «В сём шкафу лежит шитый золотом мундир, шляпа и фу�ляр от жезла французского маршала Даву, хранимые мною на память подвига, коим ознаменовалось вступление покойного супруга моего графа Павла Александровича на поприще военной службы. В начале прусской войны 1807 года покойный граф, в чине тайного советника, находясь с Государем Императором Александром Павловичем в армии и чувствуя своё призвание, стал в рядах воинских, как простой волонтер. В этом качестве поступил он в авангард атамана Платова и 24-го мая, получив в команду Атаманский полк, переправился с ним вплавь через р. Алле от Верхфрида, между Гутштадтом и Аленштейном, и присовокупив к своему полку ещё Казачий Иловайского 5-го полк, близ деревни Квец, напал на обоз маршала Даву, тянувшийся из Гутштадта под сильным прикрытием и совершенно разбил сей последний. Более 300 чел. было убито и ранено, в плен взяты Гутштедский комендант полковник Мурье, подполковник и 45 офицеров и 491 нижних чинов. Весь обоз, даже экипаж маршала Даву, гардероб и канцелярия его(1) были добычею, из которой граф для себя на память события оставил вышеозначенную униформу маршала: мундир, шляпу и фу�ляр от маршальского жезла его, испещрённые орлами. За сие дело граф, состоя в чине тайного советника, пожалован военным орденом Георгия Победоносца третьего класса.

Помимо важности для истории упомянутых полков описанного выше эпизода, было бы желательно приобщить эту реликвию в общую сокровищницу

отечественной славы — московский музей 1812 года. Таким предметам нет цены, а потому немисливо приобрести покупкою подобные исторические раритеты; остаётся один путь привлечения подобных пожертвований музею — пожалование золотых медалей с портретами Царствующего Государя Императора и Александра Благословенного и с надписью на обороте: «За любовь к отечеству» 1812 — 1912 г. Такая медаль, серебрянная с надписью «За любовь к отечеству» 1812 г., была жалуема Императором Александром I ополченцам 1812 года, редкий экземпляр которой хранится в библиотеке Главного управления генерального штаба. Таким же путём могли быть приобретены музеем 1812 года и прочие редкие предметы, ныне выставленные частными лицами в Историческом музее в Москве, так как для каждого патриота знак Монаршей милости всегда был и будет дороже денег.

Трофеи эти связаны с именем Павла Александровича Строгонова — потомка знаменитых и богатейших новгородских бояр Строгоновых, когда-то не пожалевших всех своих сокровищ на выкуп у татар из плена Великого князя Московского Василия Тёмного и позже, при Царе Иоанне Грозном, снарядивших на собственный счёт экспедицию Ермака для завоевания Сибири; затем в период междуцарствия и при Царе Михаиле Фёдоровиче Романове, они пожертвовали на жалование русской рати два с половиной миллиона рублей.

Граф Павел Александрович, крестник Императора Павла Петровича, был другом детства Императора Александра Благословенного. Роду Строгановых, при массе заслуг гражданских перед Царями и Россией, недоставало одной славы — воинской, и вот единственный сын первого вельможи государства, состоя уже в звании сенатора, камергера, в чине тайного советника, переименовывается в генерал-майоры и 27-го января 1808 года назначается командиром Лейб-Гренадёрского полка, участвует в Финляндской, Турецкой и Отечественной войнах, за геройские подвиги во время этих войн удостоивается награждения орденом Св. Георгия 2-го класса, чином генерал-лейтенанта и званием генерал-адъютанта.

Затем граф отходит в 1817 году в лучший мир 43 лет от роду, надломленный тяготами военных походов(2), предварительно лишившись убитым в сражении под Краоном 23 февраля 1814 года своего единственного девятнадцатилетнего сына Александра. Жизнь и деяния графа Строганова, этого величайшего русского патриота и героя-воина, должны быть светильником самоотверженного исполнения долга перед Царём и отечеством, как священный завет графа для грядущих поколений в долготу веков, а потому связанные с именем графа трофеи надлежит приобрести от частного лица тем или другим путём в национальную сокровищницу русской, военной славы.

М. Полянский.

1) Добычею казаков в обозе маршала Даву были 25 француженок — жён офицеров наполеоновской армии, спасённых от обид казаков гуманным графом Строгановым.

2) Во время завоевания Финляндии, на походе к Аландским островам, граф Строганов вместе с князем Багратионом вынужден был бивакировать на льду Ботанического залива в зимнюю стужу, при морских ветрах, грожающих глыбы изломанного льда. («Русский Инвалид» №270 от 11.12.1912 г.)

«Французские» могилы 1812 года в районе Виленского в. Округа

В Свенцяном уезде: при дер. Петребичах, Свирской волости, на опушке сосновой рощи, на земле владельца имения Ольшово-Хоминского, имеются три братские могилы, в коих похоронены французские воины.

В Виленском уезде: а) При дер. Золавки, Норицкой волости, в лесу имения Гулидова имеется около 78 холмиков французских могил 1812 года, на пространстве одной десятины. При раскопке четырех холмиков 30 апреля 1910 года обнаружен был французский топор и часть сердоликового крестика. Памятников на могилах никаких нет.

б) В двух верстах от м. Молодечно, по дороге в гор. Вилейку, находится кладбище, именуемое французским, на котором, по преданию, похоронены только французские солдаты.

(«Виленский Военный Листок» №527 от 07.05.1911 г.)

Могилы воинов 1812 года

В 3-х верстах к юго-западу от м. Хотимска Могилевской губ., Климовичского уезда, около с. Беседовичи есть много насыпных могильных курганов. Некоторые из них разрывались местными крестьянами и любителями древностей. Было найдено много оружия Наполеоновской эпохи, небольшое количество монет и др. вещи. По преданию местных старожилов, курганы эти — результат боя отдельного отряда французов с русскими, после боя под Красным, Смоленской губ., во время отступления французов.

Кроме этого, так сказать скученного количества могильных курганов, в дали есть и др., но последние малочисленны. Подробные и точные данные по делу розыска могил 1812 года можно узнать у местных Хотимских и Беседовичских стариков, а также и у местных любителей археологии.

Ф.Г. («Виленский Военный Листок» №530 от 18.05.1911 г.)

К юбилею Отечественной войны

В память юбилея Отечественной войны будут выпущены медали для раздачи военным и служащим в губерниях, по которым прошла Наполеоновская армия, — в Московской, Смоленской и Калужской. На этих медалях, светло-бронзовых, по примеру выпущенных в память 1812 г., на одной стороне будет изображено «Всевидящее Око», а на другой — надпись: «Не нам,

не нам, а имени Твоему». Для дворян будут выпущены особые медали, при чем право ношения их будет передаваться и потомству по наследству.

(«Виленский Военный Листок» №576 от 26.10.1911 г.)

На Бородинском поле

Окопы на Бородинском поле, на которых Семеновский полк отражал атаки французов, военным министерством решено восстановить в том виде, в каком они были во время войны. Предполагающийся памятник гренадерским полкам, принимавшим участие в Бородинском сражении, решено перенести в другое место.

(«Виленский Военный Листок» №578 от 02.11.1911 г.)

Русская жизнь Памятник герою Отечественной войны

В г. Верее предполагается сооружение памятника одному из героев Отечественной войны — ген.-лейт. И.С.Дорохову.

Комитет по сбору пожертвований на сооружение памятника обратился с воззванием в губернскую земскую управу.

Воззвание напоминает, что Дорохов освободил Верею в 1812 году от неприятеля и первым известил о движении отступающих из Москвы французов на Калугу.

В бою под Малоярославцем Дорохов был ранен пулей в ногу и оставил военную службу. В 1815 году, живя в Туле и чувствуя приближение смерти, большой генерал написал жителям Вереи завещание:

«Если Вы слышали о ген. Дорохове, который освободил ваш город от врагов Отечества, то я прошу Вас в воздаяние за то дать мне три аршина земли для вечного успокоения при той церкви, где я приступом взял укрепления неприятеля, истребив его наголову».

(«Виленский Военный Листок» № 456 от 18.08.1910 г.)

Рузвельт. Некоторые американские газеты не только пророчат экс-президенту Рузвельту скорое возвращение к власти, но даже находят, что ради такого замечательного администратора, как Теодор Рузвельт, следовало бы переменить представительный образ правления в Соединенных Штатах на монархический.

Автор одной статьи говорит, что пора американцам взглянуть на Рузвельта другими глазами, чем они до сих пор на него смотрели; пора отнестись к нему более серьезно и признать, что это самый замечательный человек в истории, после Наполеона. И если, — говорит он далее, — мы намерены вернуть его к власти, то нужно заранее безошибочно определить, на какой срок мы бы желали это сделать. История учит нас, что самый лучший образ правления — мудрый и благожелательный деспотизм. С другой стороны, не разочаровались ли

мы уже в нашем представительном строе? Не утомилась ли нация медленным ходом конституционной жизни и не делее ли она надежду на место нынешнего правительства, погрязшего в лицемерии и продажности, поставить власть одного человека, сильного, неподкупного, привыкшего слова претворять в дело, бесстрашного, в высшей степени работоспособного, — словом такого, каким может быть один Рузвельт.

*Так пишет республиканец. «Русская Земля».
(«Виленский Военный Листок» №436 от 09.06. 1910 г.)*

Из Времен пребывания Наполеона в пределах нынешнего Виленского военного Округа

Корреспонденция из Вильны в парижский журнал

Вильна 6-го июля 1812 г.

Потоки дождя непрерывно лились в течении 36 часов.

Чрезмерная жара перешла в довольно сильный холод. Несколько тысяч лошадей погибло от такой быстрой перемены температуры. Артиллерийские обозы завязли в грязи.

Эта ужасная гроза, утомившая людей и лошадей, поневоле замедлила наше движение.

Солнце в продолжение 4-го июля снова поправило дороги. Вильна понемногу устраивается. Предместья сильно пострадали от большого количества народа, который поспешил сюда искать убежища во время грозы.

Нет, кажется другой страны в мире, где можно было бы жить так дешево, как в Литве; мясо жирное и сочное, при чем ягненок, например стоит только 3 или 4 флорина (польский это почти 12 французских су), напиток вроде пива стоит два гроша (лиарда) кувшин; так же дешевы дичь и домашняя птица; утки лучшие, чем где-нибудь в другом месте.

Вильна 11 июля 1812 г.

Согласно приказанию Его Величества в Вильне сформируется национальная гвардия, составленная из двух батальонов. Каждый батальон будет состоять из 6 рот. Всего в гвардии будет 1450 человек.

Вильна 15-го июля 1812 г.

Мы продолжаем наслаждаться присутствием Его Величества, которого мы видим каждый день катающимся верхом в сопровождении многочисленной свиты.

Никогда наш город не был таким блестящим, как теперь, уже в продолжение 15 дней. Он видит между своими стенами великого императора; сюда же собрались все славные граждане нашего края.

Вильна 16-го июля 1812 г.

Его Величество приказал построить на правом берегу Вилии укрепленный лагерь с редутами. На горе где находился древний замок Ягеллонов,

строится цитадель. Производятся работы по наводке двух мостов на устоях через реку Вилию. Три моста на плотках уже существуют на этой реке.

Император произвел смотр части своей гвардии, составленной из дивизий Лаборда и Рогэ, под командой маршала герцога Тревизского и старой гвардии, которой командует маршал герцог Данцигский. Смотр был произведен в районе укрепленного лагеря на правом берегу Вилии.

Бодрый вид этих войск вызвал всеобщий восторг. Янсонь.
(«Виленский Военный Листок» №529 от 14.05.1911 г.)

Была ли французская армия в 1812 году религиозна ?

*(Выдержки из письма аббата Сюрюга,
жившего в Москве во время пребывания в ней французов
в 1812 году)*

Вот что пишет аббат Сюрюг, по выходе французов из Москвы, своему другу:

«В продолжении шестинедельного здесь пребывания французов, я не видел даже тени Наполеона и не искал случая увидеть его. Мне говорили, что он позовет меня, и это известие меня ужасало; но, к счастью, оно не оправдалось. Он не посетил нашего храма (католическая церковь Св. Людовика в Москве) и, вероятно, не думал об этом. Четыре или пять офицеров старых французских фамилий посетили богослужение; двое или трое исповедовались. Впрочем, Вам будут понятны отношения к христианской вере этих войск, когда вы узнаете, что при 400 тысячах человек, перешедших через Неман, не было ни одного священника. Во время их пребывания здесь, из них умерло до 12-ти тысяч, и я похоронил, по обрядам церкви только одного офицера и слугу генерала Груши. Всех других офицеров и солдат зарывали их товарищи в ближайших садах. В них нет и тени верования в загробную жизнь. Однажды я посетил больницу раненых; все говорили мне об их телесных нуждах и никто — о нуждах души, несмотря на то, что над третью частью из них уже носилась смерть. Вера для них составляет лишь слово, лишенное смысла».

Вот характеристика «великой армии», сделанная верующим католиком — французом ... Отсюда становится понятным неистовства, проявленные французами при осквернении наших московских святынь. Солдат, воспитанный в вере в Бога, не позволит себе ни малейшего кощунства над святынями неприятеля: будь то христианский храм, мечеть или даже языческая кумирня.

В письме аббат определенно говорит: «при 400 — тысячной армии Наполеона не было ни одного священника».

Михаил Румянцев .
(«Виленский Военный Листок» № 534 от 01.06.1911 г.)

Когда французские войска отправляются на войну, их не сопровождают священники.

Один французский депутат обратился к своему министру с требованием, чтобы священники сопровождали экспедиционный корпус, отправляемый в Марокко. На это военный министр ответил следующим письмом: «Господин депутат, Вы обращаете моё внимание на ту духовную помощь, в которой могут нуждаться войска, но в войсках никто не высказывает этой надобности. К тому же, правительство вовсе не обязано заботиться об этой службе».

Не хочется верить, чтобы это была правда, но между тем, это печальный факт. Спрашивается, что же принесли Франции её пресловутые «свободы»? — «свобода совести», «свобода вероисповедания» ... — какие громкие слова! И в то же время французу, служащему под знаменами, нет ни малейшей возможности удовлетворить запросам своей духовной жизни. Французский солдат христианин, принужденный для защиты своей родины, умирая в далеком Марокко, в войне с полудикими племенами, не имеет ни малейшей надежды на то, что он перед смертью облегчит свою душу исповедью, что тело его будет погребено по христианскому обряду. Ведь Франция культурная страна. Где же — спрашивается — её культурность, когда на духовные стороны жизни не уделяется ни малейшего внимания? Даже языческие, страны смотрят на этот вопрос иначе: — японскую армию в её походах сопровождали бонзы.

Раз правительство отнимает прихожанина от его прихода для службы Отечеству, посылает его на войну, то должно же оно позаботиться, чтобы солдат — христианин и в боевой обстановке, когда вследствие близости смерти более всего выдвигаются перед человеком духовные нужды, имел возможность удовлетворить их. Когда представишь себе положение иного французского солдата, быть может верующего, верного сына церкви, умирающим вдали от родины и тщетно требующим перед смертью священника, то поневоле становится обидно за ложную «культурность». Избави нас Бог от такой «культурности!» Слава Богу, мы ещё далеки от неё.

У нас ещё церковь и государство составляют одно целое, и русский солдат, умирая за Веру, Царя и Родину, видит с собою вместе, близ ратного поля и на нем, служителей церкви — полковых священников. Он уверен, что не придется ему умереть без покаяния от раны в госпитале или на перевязочном пункте. К нему и там явится, как ангел-утешитель, полковой «батюшка» с Св. Дарами. Он уверен, что после боя, раз поле битвы осталось за нами, тело его, если Бог судит ему умереть в бою, — будет погребено по обряду св. Церкви. Даже в тяжелые минуты войны, когда военное счастье не благоприятствовало нам, было много примеров, когда добрые пастыри под огнём неприятеля исполняли свой христианский долг. Этого русский солдат никогда не забудет!

Вот что рассказал мне один раненый унтер-офицер: «В Мукденском бою, когда наш полк переживал самые тяжелые минуты, когда нам приходилось отступать под натиском врага, теряя на пути массу людей, наш полковой священник все время был с нами под огнём. Убитых, оставленных на поле битвы, он от-

певал на ходу, бросая на них горсть земли, нас же всё время ободрял, благословляя крестом» (священник, бывший в Манчжурии при 161-м Александропольском полку — фамилии его, к сожалению, рассказчик не знает, так как он прибыл из запаса в полк в самый разгар его боевой службы и выбыл из полка будучи ранен под Мукденом). Многие, уже исторически засвидетельствованные факты, говорят о совместной службе Родине на бранном поле священника и солдата. Нужно только вспомнить Севастопольского о. Анику и священника Щербаковского в Тюренченском бою, а также о. Георгия Щавельского, ныне назначенного протопресвитером армии и флота, чтобы стало ясно для нас, каким влиянием пользуется полковой священник у солдат. А молебны, отправляемые нашим духовенством на бранном поле перед боем, а общая там же, исповедь и причащение солдат, готовящихся к бою ... — вспомнишь это и воздашь благодарение Богу за то, что у нас церковь, армия и государство составляют одно целое. Присутствие духовенства при нашей армии есть её насущная потребность. Выражение военного министра Франции, что в «войсках никто не высказывает этой надобности», к нашей армии, слава Богу, не применимо. Не хочется, однако, верить, чтобы и доблестная французская армия не имела необходимости в духовенстве, — ведь есть же в её рядах немало верующих людей.

М. Румянцев
(«Виленский Военный Листок» №533 от 29.05.1911 г.)

Немецкий памятник на могиле русских воинов

Верстах в тридцати от г. Данцига, в местечке Большом Гольмкау, в июле происходило торжественное открытие и освящение памятника, воздвигнутого местным военно-солдатским фереином на могилах павших здесь в боях с французами в 1813-1814 гг. русских солдат.

В записях одного русского офицера об операциях союзных русско-прусских войск под Данцигом в 1813 году, написанных вскоре после самих событий (в 1821 г.), между прочим, говорится, что в 1813 г. Данциг был занят французскими войсками, под начальством генерала Раппа. Вероятно, это были остатки великой наполеоновской армии, бежавшей из России. Выбивать отсюда французов было поручено союзным русско-прусским войскам, под командой герцога Александра Вюртембергского. Осада, по видимому, была продолжительна и упорна. В это время, по свидетельству того же автора, в русских войсках развелась жестокая эпидемия, унесшая свыше 3000 солдат в могилу. Большинство этих могил и находится именно у Гольмкау.

С несомненностью был установлен факт погребения в «русской рощице» русских солдат, погибших частью от ран, а главное от эпидемии при блокаде гор. Данцига в 1813 году, когда русско-прусская войска обратно отнимала его у французов.

Удостоверившись в этом факте, местный военный фереин решил почтить память погибших здесь русских героев, защищавших вместе с немецкими войсками чужую для русских, но родную для немцев страну.

С этой целью на средства председателя ферейна, г. Линка, одного из богатейших помещиков края и бывшего гусара, и воздвигнут теперь памятник. Памятник этот имеет форму пирамиды, до 13 аршин вышины. Он сделан из твердого, цементированного гранита и поставлен на широком цоколе. К холму, на котором высится этот памятник, ведет широкая красивая лестница, в два подъема, по 40 ступенек в каждом. На лицевой стороне памятника высечена сначала немецкая надпись : «Покоящимся здесь русским воинам, достойно заслужившим почетную память. Памятник прусского братства по оружию в 1813-1814 г.г. Воздвигнут соббовическим военным ферейном в 1911 году». А внизу лаконическая надпись : «В память русско-прусского ратного союза 1813-1814 годов». Место для памятника выбрано очень удачно, так как от его подножия открывается живописный и широкий вид на далёкую окрестность, над которой он господствует.

Самое торжество открытия памятника происходило в присутствии всех членов и многих почетных гостей. Метр — 1,4 аршина.

(«Виленский Военный Листок» №553 от 06.08.1911 г.)

Русская жизнь Памятник Мышецкому

Высочайше соизволено, по Всеподданнейшему докладу министр внутренних дел, на открытие подписки на сооружение в Вильне памятника виленскому воеводе князю Даниилу Мышецкому.

(«Виленский Военный Листок» №625 от 28.04.1912 г.)

Перенесение праха героя

Из склепа Харьковского Покровского монастыря извлечен гроб с останками героя Отечественной войны Орлова-Денисова для перенесения в Новочеркасск.

(«Виленский Военный Листок» №561 от 03.09.1911 г.)

Место вечного упокоения героя славного Двенадцатого года

В 16 верстах от гор. Режицы находится бывшее имение Кульневых — ныне село Ильзенберг. В бедной церкви этого села в южной нише её покоится прах Я. П. Кульнева. Над могилой героя скромная гробница, обнесенная низкой железной оградой. Обращает внимание прикрепленное к левой головной стороне гробницы бронзированный ядро. Говорят, что Кульнев этим 7-фунтовым ядром был убит. В ногах героя, у гробницы, в металлической раме с крышкой помещен его портрет, гравюра, слегка тронутая акварелью. На крышке портрета надпись : «Отъ Клясти(н)цевъ Грод(н)цевъ и почетателю незабвенному герою

1812» Наверху гробницы надпись : «Генераль-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ род. 1764 г. іюля 25 дня, со славою погибъ подъ Клястицами 1812 года, іюля 20 дня». Над гробницей лампада у образа св. Апостола Иакова. Образ, скорее картина, хорошей кисти, как и большинство других в храме, но более католический, нежели православный образ. Церковь бедная, неотложно нуждающаяся в капитальном ремонте. Пол церкви крашеный, деревянный, совсем прогнил. Подходишь к гробнице героя и чувствуешь, как трещит пол, — того и гляди, провалишься. Стены церкви сырые, церковь холодная. Обидно смотреть, в каком небрежении находится эта полузабытая белая церковь в полурусском краю, давшая вечный приют незабвенному герою.

(«Виленский Военный Листок» №597 от 11.01.1912 г.)

Русская жизнь К 100-летию Отечественной войны

Святейший Синод постановил, чтобы в тех краях империи, в которых ежедневно совершаются богослужения, были отправлены утром 25 августа 1912 года заупокойные литургии и после них торжественные панихиды.

26 августа во всех храмах будут совершены торжественные литургии, после них — благодарственные молебствия.

К празднованию юбилея Отечественной войны

Вяземский комитет по увековечению памяти Отечественной войны открыл музей военных доспехов и предметов, относящихся к 1812 г.

(«Виленский Военный Листок» №597 от 11.01.1912 г.)

Первая служба в Москве при французах

Когда Москва была во власти французов, нигде не слышно было колокольного звона. Храмы стояли пустые и заброшенные, службы не совершались. Французы разграбили храмы. Но вот 15 сентября 1812 г. с колокольни церкви св. Евпла, раздался звон, призывающий русских, оставшихся волею судеб в Москве, к молитве. В этот день — годовщину венчания на царство Русского Монарха служил литургию протоиерей о. Михаил Грагинский. Он первый выпросил у французов дозволение совершать службу при условии, помянуть Русского Царя и Царствующий дом. Он выбрал для богослужения церковь св. Евпла, как едва ли не единственную, уцелевшую от всеобщего разорения. Окруженный неприятелями неустрашимый пастырь возглашал молитвы о покорении под ноги Православного Царя всех Его врагов и просил о даровании Ему победы. При большом стечении оставшихся в Москве русских он отправил молебен о здравии Императора и Царской Фамилии. В продолжении целого часа народ прикладывался ко кресту при пении многолетия. Французские сол-

даты в касках стояли в храме и наблюдали за внешним порядком. Этот торжественный момент увековечен одним рисунком, с 15 сентября служба в Евпловской церкви, как разрешённая самим французским правительством, продолжалась невозбранно до самого очищения Москвы от неприятелей, то есть до 11 октября.

(«Виленский Военный Листок» №491 от 22.12.1910 г.)

Почетный караул на Косовом поле

На гробницах Мурада 1-го и сербского Князя Лазаря на Косовом поле сербами поставлен почетный караул.

После исторического сражения на Косовом поле, происходившего 27-го июня 1389 года, когда пало великосербское государство, впервые на этом месте развевается победоносный сербский флаг. Мурад 1, как известно, был убит после сражения, в котором он разбил сербов, одним из сербов, явившемся к султану будто бы для изъявления покорности. Стоя на коленях и целуя ногу султана, серб воткнул султану нож в сердце.

Предание говорит, что убийца был Милош, зять князя Лазаря. Победитель Мурад намеревался даровать жизнь пленному князю Лазарю и его свите, но коварное убийство Мурада стоило пленникам жизни. Сыновья Мурада, Якуб и Баязет, велели обезглавить Лазаря и его приближенных перед шатром убитого султана. После Косовской битвы сербы потеряли самостоятельность. Мурад 1 избрал своей резиденцией Адрианополь (Константинополь ещё не был тогда в турецких руках). Таким образом, через 5 веков сербы взяли реванш у турок.

На могиле Мурада 1 в прошлом году молился султан Махмуд 5. Албанский мятеж был подавлен, и Махмуд 5, первый из турецких султанов, отправился в путешествие по Македонии и Албании. Конституционный монарх оставил столицу и поехал знакомиться со своим народом. Торжественная молитва, прочитанная на Косовом поле султаном Махмудом, должна была объединить весь мусульманский мир под главенством халифа. Прошел год, и на Косовом поле стоят почетные караулы сербов, а в Ускупье, прежней великосербской столице, находится главная квартира сербского наследного королевича.

(«Виленский Вестник» №2805 от 20.10.1912 г.)

Варшава в цифрах

Варшавский магистрат произвел статистический обзор города к 1 января 1911 года: население Варшавы (кроме войск и приезжих) составляло 797.093 челов. По вероисповеданиям больше всего римско-католиков — 443.138, затем иудеев — 301.268; православных всего 31.752. Церквей православных 30, храмов других христианских исповеданий — 45; синагог — 26, фабрик и заводов 573; ремеслен. заведений 2.936. Городских доходов 9 ? миллионов. По количеству народонаселения Варшава ровно в два раза меньше Москвы (1.579.420 ч.)

О лотереях Царства Польского

Вывоз из губерний Царства Польского билетов варшавской классической лотереи воспрещен, при чем печатание объявлений об этой лотереи во всех повременных изданиях вне губерний Царства Польского также воспрещено.

Кроме того, в случае, если выигрыш падет на билет приобретенный лицом жительствующим вне района Ц.П., то выигрыш конфискуется.

(«Виленский Военный Листок» №616 от 21.03.1912 г.)

Русская жизнь **Изменение счета времени**

Министерством путей сообщения окончательно решен вопрос о введении на всех русских железных дорогах 24 часового исчисления суток. Для удобства публики, в афишах и всех публикациях будет на первое время указываться двойное время, — ныне существующее 12-часовое исчисление, а рядом, отдельной рубрикой, 24-часовое. Таким образом часы с полуночи до полудня будут пронумерованы, кроме существующего, ещё раз от 0 до 12 без упоминания слова «утра», а время между полуднем и полуночью с 13 до 24 — без упоминания слова «вечера»...

(«Виленский Военный Листок» №511 от 05.03.1911 г.)

Количество людей съдаемых ежегодно хищными зверями в России

В Витебской губ. — 117 ч., Самарской — 138, Тверской области — 242, Томской губ. — 428.

В Московской и Петербургской губ. — 4 чел. в год.

Меньше всего гибнет людей от диких зверей в Харьковской и Полтавской губ. — по одному в год.

(«Виленский Военный Листок» №524 от 27.04.1911 г.)

Японский патриотизм

Патриотизм японцев известен всему миру: вот один из примеров:

Недавно микадо совершал путешествие по своей стране. Прибыв на одну из станций, императорский поезд был задержан на целый час, вследствие схода с рельс перед тем товарного поезда, шедшего по тому же пути. Крушение произошло по вине стрелочника, неправильно переведшего стрелку. Когда через час императорский поезд тронулся в путь, виновный стрелочник бросился под локомотив и был разрезан пополам. При нем нашли записку следующего содержания: «Недостоин жизни тот, кто причиняет огорчение своему Императору».

(«Виленский Военный Листок» №686 от 28.11.1912 г.)

ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ К самоубийству Ноги

БЕРЛИН. «Лос. Анз.» Получил телеграмму из Токио следующего содержания:

«Генерал граф Ноги и его жена покончили с собой после обряда над микадо в связи с кончиной монарха. Смерть супругов Ноги есть жертва останкам микадо, в делах царствования которого Ноги принимал ближайшее участие. В Японии добровольная смерть генерала и его жены понята как выражение безграничной привязанности, которую супруги Ноги питали к микадо Мусухито».

Ноги вёл необыкновенно суровый образ жизни и был человеком невероятной энергии, также как и его жена. В войне 1904 г. они потеряли обоих сыновей, но никто не видел на их лицах слезы. Генералу было 63 года, его жене около 60.

О самом самоубийстве передают: Ноги перерезал себе горло короткой саблей, а жена его поразила себя в грудь кинжалом в ту самую минуту, когда раздалась пушечные выстрелы, возвещавшие о выносе тела микадо из дворца. Перед самоубийством супруги отпили национального напитка из чашек, подаренных им Матсухито. Поражали они себя перед его портретом. Возле трупов найдено письмо их к нынешнему микадо.

(«Наша Конейка» №1126 от 03.09.1912 г.)

Золотой шарик смерти

Телеграф принес известие, что король Сычуана, Туэн-Фан, окончил жизнь при помощи «тинза-йяль», т. е. золотого шарика. Такой способ самоубийства является древнейшей, почти ритуальной привилегией высших степеней класса мандаринов. Древние «Сы-кай», т. е. защитники трона — мандарины, умирали от золотого шарика не только в годину лихой беды, но и в часы величайшего торжества. Высокая награда, полученная от богдыхана, триумф, устроенный Пекином победителю, все это заставляло знатных мандаринов отправляться в дворцовые сады и здесь около павильона «преданности властителю» протолкнуть золотой шарик себе в горло и умереть.

По преданию, душа умершего в таком случае витает около богдыхана, охраняет его во всех случаях жизни.

И, наоборот, окончивший жизнь вследствие какой-нибудь беды посылал свой мстительный дух к обидчику или оскорбителю. Процедура самоубийства — очень торжественна.

В доме будущего собираются все родственники и друзья. После многочисленных речей слуги, одетые в белые одеяния, приносили самый древний золотой предмет, от которого с заклинаниями и молитвами отделялся небольшой кусок металла, идущего затем в плавку.

Когда шарик сделан, его на мгновение опускают в кровь только что убитого животного, а затем в воду, взятую с ключа на Нга-Ра, священном холме Шин-

То. Когда все это проделано, самоубийца одевается в предсмертный плащ с изображением белых ибисов — послов смерти, и, сделав поклон на все четыре стороны, с воплями:

«Приди, приди, мой смертный час!» — удаляется в комнату «великого часа».

Здесь он должен покончить с собою, и не может покинуть этого последнего в его жизни помещения.

Если бы он вышел из этой комнаты, первый встретивший его человек должен немедленно убить его, если только не желает, чтобы мстительные духи не убили его самого.

Когда из этой комнаты вынесут труп самоубийцы, все присутствующие возвращаются обратно и произносят заклинание души умершего, посылая её на охрану жизни Богдыхана или на жестокую кровавую месть лихим врагам ушедшего из жизни мандарина.

(«Виленский Вестник» №2545 от 10.12.1911 г.)

Забывтая историческая личность *(По поводу 250-летия со дня смерти кн. Мышецкого)*

Обычай вспоминать исторические заслуги давно умерших лиц через определенные периоды времени имеет дурные и хорошие стороны. Дурные заключаются в неизбежности повторения банальных и очень известных человеческих истин; хорошие заключаются в напоминании о необходимости поддерживать связь с прошлым, воспитывать историческое самосознание и т.п. ...

Вообще юбилейные напоминания заставляют читателей обратить внимание на забытую личность и перенестись в область научных или эстетических переживаний, смотря по характеру вспоминаемой личности.

Ещё Стоюнин в своё время отметил оторванность нашу от истории такими типичными словами:

«Мы беспомощны со стороны истории ... Мы не чувствуем крепкой связи между своим настоящим и прошлым. Мы не знаем основательно, как продолжаем жизнь своих предков. Мы не видим света перед собой ... Мы идем ошупью ... Нам кажется, будто мы вносим свои идеалы в жизнь и не знаем, чем они лучше прежних. Мы не развили в себе исторического взгляда на жизнь ... Мы не понимаем ответственности перед потомством за свои деяния, потому что сами никого не судим историческим судом. Хотя часто и браним всех без разбору»...

История Северо-Западного края, вообще, и Вильны в частности связана с личностью князя Мышецкого, окруженного большим ореолом героизма. Приближается 250-летие со дня его трагической смерти на самой главной площади города Вильны, и однако кто знает у нас о Мышецком, за исключением «историков» и книжных «гробокопателей»?...

В 1665 г. Москва воевала с Польшей. Царь Алексей Михайлович отбросил 29 июля польские и литовские войска за Вилию у Зеленого моста. Это было одно

из крупных исторических сражений. В битве пало более 25 000 человек. Город был отдан пламени.

31 июля московский царь вошел в Вильну и, по заключении мира, оставил здесь гарнизон из 4000 человек под командою воеводы Михаила Шаховского.

Впечатление войны стало проходить. Шаховский завоевал доверие местного населения. Последнее стало возвращаться к своим мирным занятиям и приводить в порядок разрушенные дома. Жизнь города снова закипела.

Не прошло однако и трёх лет; как вследствие столь частых тогда политических недоразумений, снова возобновилась война между Польшей и Россией. Вначале русские войска под предводительством Юрия Долгорукого имели перевес. Случилось так, что главные силы должны были вернуться в Москву. В Вильне был оставлен незначительный гарнизон под начальством князя Мышецкого.

Князь укрепился в виленском замке и в течение восьми месяцев с необыкновенным героизмом защищался. Но, конечно, в конце концов, почти весь его отряд был перебит. Осталось всего 78 человек. Находя напрасным дальнейшее сопротивление, он решил взорвать замок и умереть, не сдаваясь неприятелям.

Случилось однако иначе. Среди солдат оказались изменники, связавшие Мышецкого и выдавшие его осаждавшим. Конечно, его приговорили к смертной казни. Сам Мышецкий перед смертью писал: «Пришли ко мне начальные люди и солдаты, взяли меня и связали, заковали в железа, ружья мою ограбили всю без остатка, впустили польских людей в замок, а меня выдали королю и просили казнить смертью, а сами все, кроме пяти человек, приняли службу королевскую. Король, мстя мне за побитие многих польских людей и за казнь изменников, велел казнить меня смертью»...

И действительно, Мышецкий был казнен 30 ноября 1661 г. в Вильне, на площади около городской ратуши, которая обращена в настоящее время в театр.

Как ни смотреть на личность Князя, — далеко не обследованного в историческом отношении (из печатных трудов о князе Мышецком известна только небольшая статья Татищева, помещенная в «Виленском Календаре» за 1911 г.), во всяком случае на основании бесспорных данных о его смерти можно заключить о необыкновенной силе мужества этого человека. Если взять во внимание, что это мужество опиралось на любовь к своему отечеству, то личность Мышецкого в истории Вильны вырастает во весь рост.

Многие исторические лица, как напр., кн. Мышецкий и многие другие, с которыми связаны совершенно взвешенные историческим судом воспоминания, сплошь и рядом забываются нами. Мы как будто отмахиваемся от них. А между тем они имеют полное право на воспоминание.

Следовало бы русской Вильне хоть чем-нибудь почтить память русского воина 17 в. Устройство научного заседания с соответствующими речами мне казалось бы вполне достойной данью исторического уважения к этой личности. Вильна не столь бедна теперь людьми, интересующимися наукой, чтобы не собралось для такого чествования достаточного количества людей. Инициативу в этом деле могло бы взять на себя хотя бы «Северо-Запад-

ное географическое общество», в программу которого входит разработка вопросов местной истории.

Не говорю уже о том, что местное военное училище вполне уместно было бы связать с памятью Мышецкого и назвать «Виленским военным князя Мышецкого училищем». Этот эпитет училища постоянно напоминал бы воспитанникам училища о русском герое и заставлял бы поинтересоваться этой личностью даже и тех, кому чужды вопросы истории. Ведь существует же у нас кадетский корпус имени гр. Аракчеева в Нижнем Новгороде (Куда он перенесен из Новгорода). Почему бы не связать с нашим училищем имени военного героя, заслуживающего бесспорные права на историческую память.

Б. Степанцев.

(«Виленский Вестник» № 2492 от 08.10.1911 г.)

Примечание: князья Мышецкие — Рюриковичи потомки Св. Михаила Всеволодовича Черниговского, князь Андрей (в крещении Фёдор), в 1409 г. пожалован вотчиной близ Тарусы, которая называлась «Мышегда». В летописях о князьях Мышецких сказано: «А князя Михаила (Всеволодовича) сын князь Юрий остался и оставил отчину свою пусту, и пришёл в Тарусу, и в Тарусе правил и произвёл 5 сыновей. Старшего звали Орехва, а прозвище ему было Всеволод, а другой был Семён, а третий Михайло, а четвёртый Иван, а пятый Константин. И разделил им после живота своего отчину: старшему Всеволоду — Тарусу, Семёну — Канин, Михайлу — Мышагу и Ивану — Волкону, а Константину — Оболенск».

(Дворянские роды Российской Империи Спб. 1993 г.)

Горе от привилегий

Недавно, вследствие страшной нужды, застрелился в Туле сын довольно крупного чиновника Шаховцов. Незадолго до смерти несчастный пошел было в дворники, скрыв своё «привилегированное положение», но едва домохозяин узнал, что к нему нанялся «барин», — поспешил уволить его. Нанимался бедняга носильщиком, — та же история; делался извозчиком, — повсюду и везде ярлычок привилегированности являлся запретом. Положение женщин, из числа привилегированных, — ещё хуже. Недавно здесь покончила с собой вдова дворянина, не имевшая никаких средств к жизни и не могла найти также никакой работы. Она умоляла дать ей место кухарки или судомойки, но никто не соглашался взять служанкой барыню.

(«Виленский Военный Листок» №413 от 10.03.1910 г.)

Русская жизнь Население Российской империи

К 1-му января 1909 года численность населения России определялась в 160 миллионов душ обоого пола.

Россия в 34 раза менее густо заселена, чем Бельгия, в 20, чем Англия, в 16, чем Германия, и в 10 менее, чем Франция.

Сельское население в Империи значительно преобладает над городским. Из общего числа жителей, в городах живет 21 мил., т.е. всего лишь 13%.

Русские составляют 2/3 всего населения.

За русскими по численности следуют турецко-татарские племена, составляющие в общем 10.6% всего населения.

Затем следуют поляки, составляющие 5,8% всего населения государства.

Численность финнов доходит до 6-ти миллионов; евреев насчитывается тоже до 6 миллионов.

Следующими по численности является литовско-латвийское племя, — свыше 3 миллионов.

Грамотность в России развита довольно слабо: на 1.000 душ населения грамотных всего лишь 21%.

(«Виленский Военный Листок» №447 от 17.07.1910 г.)

Род Шереметевых

Род бояр Шереметевых ведет своё начало от Андрея Кобылы, бывшего родоначальником и других знатных русских боярских родов.

Потомки Андрея Кобылы, по обычаю того времени, получили прозвища, соответствующие отличавшим их физическим и нравственным качествам. Один из братьев, получивший прозвище Кошки, был родоначальником Захарьиных-Юрьевых-Кошкиных, из рода которых впоследствии была любимая супруга Грозного Анастасия Романовна. Другой брат был прозван Шеремет (по татарски «ловкий») и был родоначальником боярского рода Шереметевых. Любимец и соратник великого Царя, Борис Петрович Шереметев, впоследствии фельдмаршал и граф, отличался своими доблестями среди славных подвижников Петра и за свои подвиги в Полтавском бою был щедро осыпан милостями царя, окончательное благоволение которого заслужил завоеванием Риги и всей Лифляндии.

Основание колоссальному богатству графов Шереметевых было положено браком потомка фельдмаршала с богатейшей в тогдашней России невестой княжной Черкасской. С тех пор богатства эти все умножались, особенно потому, что в роде графов Шереметевых бывал большею частью до последнего времени единственный сын и наследник.

Один из Шереметевых, отец ныне здравствующих потомков фельдмаршала, был известен своею щедростью на дела благотворения и заботливостью о благосостоянии своих многочисленных (тогда ещё крепостных) крестьян. Слава о его щедрости была так распространена, что сложилась даже поговорка : «на шереметевский счёт», так как известно было, что граф Д.Н. Шереметев, умирая, оставил громадное состояние.

В настоящее время существует многочисленное потомство Шереметевых, при чем некоторые носящие эту фамилию не являются даже потомками знаменитого покорителя Риги графа Бориса Петровича Шереметева.

(«Виленский Военный Листок» №447 от 17.07.1910 г.)

К 300-летию дома Романовых

Постановлено поставить памятник в гор. Костроме, на берегу реки Волги, в местности, именуемой «маленьким бульваром»; вокруг памятника устроить сквер.

По своей идее памятник должен ясно выражать факт 300-летия царствования дома Романовых.

Кроме памятника, в гор. Костроме ко дню юбилея сооружается здание музея, которому с Высочайшего соизволения присвоено наименование «Романовского». В музее будут собраны исторические памятники и документы, произведения искусства, литературы и т.п., относящиеся к царствующему дому Романовых.

(«Виленский Военный Листок» №446 от 14.07.1910 г.)

Грамоты 1613 года

По постановлению московского общества истории и древностей, российских, воспроизведена фототипией в точной копии подлинная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова, хранящаяся в Московском архиве министерства иностранных дел. Грамота представляет из себя длинную, почти в шесть аршин, полосу александрийской бумаги, свернутую в трубку. Даль веков придала чернилам рыжеватый цвет. На лицевой стороне обширный текст грамоты; на оборотной — «рукоприкладства»: бояр, окольничих, князей, воевод, дворян, всякого приказного и выборного люда. Прекрасно сохранилась бумага, на которой писана грамота, — все ещё крепкая и свежая. Из всех десяти печатей, привешенных к грамоте, первая — епископская печать каким-то чудом сохранилась вся, другие потерпели незначительные повреждения и только от третьей печати не осталось и следа.

(«Виленский Военный Листок» №470 от 09.10.1910 г.)

Местопребывание первого Романова

Сохранились точные записи о пребывании восьмилетнего Михаила Федоровича вместе с теткой, княгиней Черкасской, в с. Клоны, Костр. Г.. Среди жителей села до сих пор сохранилось предание об этом. Место где был, по преданию дом, в котором проживал Михайл Федорович сфотографировано. В настоящее время крестьяне, чтобы увековечить событие, собирают деньги для постройки часовни, которая и будет сооружена на месте дома.

(«Виленский Военный Листок» №610 от 29.02.1912 г.)

Русская жизнь

Место ссылки отрока

Михаила Федоровича Романова

В нескольких верстах от уездного города Юрьевца находится село Клоны, это село знаменательно, тем, что здесь в старину находились в ссылке Михаил Федорович Романов со своей теткою, княгиней Черкасской, сосланные сюда Борисом Годуновым.

В настоящее время при местной церкви села Клонов сохранились точные записи о пребывании здесь восьмилетнего Михаила Федоровича Романова с княгиней Черкасской; в то время село Клоны было самым глухим необитаемым уголком Костромской губернии.

(«Виленский Военный Листок» №620 от 11.04.1912 г.)

День юбилея

День 21 февраля 1913 года, — всероссийского празднования 300-летия царствования Дома Романовых, — согласно Высочайшему одобрению, объявлен неприсутственным.

(«Виленский Военный Листок» №625 от 28.04.1912 г.)

Потомки Сусанина

Как пишет «Земщина», в одном из заседаний нижегородской архивной комиссии было сделано интересное сообщение о потомках Ивана Сусанина — жителей села Коробова, Костромской губ., которые известны в истории под именем «белопашцев».

Почти на границе костромского и кинешемского уездов расположено село Коробово, населенное «белопашцами» или по народному выражению «беляками». Белопашцы — потомки Богдана Сабина, зятя Ивана Сусанина.

В 1619 году Михаил Федорович Романов отдал во владение Богдана («Богдашки» — по выражению дарственной грамоты) Сабинина половину деревни Деревнищи, составлявшей часть Романовской вотчины — Домнина, в которой Сусанин был старостой. Как сам Сабинин, так и все его потомство были освобождены от всякого рода податей, налогов, повинностей и выделены в особое привилегированное сословие.

Таким образом, из белопашцев имелось в виду создать своего рода исторический памятник, связанный с возникновением династии Дома Романовых.

Спустя несколько лет скончалась инокиня Марфа, матушка Михаила Федоровича. По её просьбе вотчина Домнино была отдана лично Царём в особый дар Спасскому монастырю на помин души покойной инокини ...

Таким образом, белопашцы попали в оброк к Спасскому монастырю, но после упорной и долгой борьбы за своё прошлое, им удалось получить от Царя

Михаила Федоровича вторую вольную грамоту. Последней подтверждалась все дарственные особые положения белопащцев, и помимо этого Царь отдавал им в вечное владение сельцо Коробово с 98 дворами.

С дачей второй вольной грамоты обрывается история с. Коробова и его жителей, причем о них совсем позабыли.

В 1835 году на первом представлении оперы «Жизнь за Царя» присутствовал Император Николай I, который заинтересовался крестьянами-белопащцами и выразил желание изучить и исследовать современный быт с. Коробова.

Оказалось, что от белопащцев с. Коробова осталось одно название, ибо в течение 200 лет население его чрезвычайно увеличилось, и вместе с тем количество земельных наделов уменьшилось. По свидетельству современников, сенокосные угодья измерялись верками по отношению всех домовладельцев. Вследствие малоземелья, белопащцы сдали землю в аренду, бросили своё историческое гнездо и ушли «на сторону» заниматься торговлей.

Император Николай Павлович прирезал к владениям белопащцев участок земли в 900 десятин. Затем белопащцы были переданы особым указом в непосредственное ведение министерства двора и уделов. Местная администрация была устранена от управления селом, и даже губернатор имел право въезда исключительно в выдающихся случаях.

Но эта попытка привить белопащцам земледелие осталась лишь добрым историческим пожеланием.

Развращенные «на стороне» торговлей, белопащцы искали более легкого занятия, чем земледелие.

В настоящее время, с. Коробово состоит из 49 дворов с населением в 223 человека. На каждый двор в среднем приходится 25–30 дес. земли, тогда как на каждый двор волости — 15 десятин. Но, несмотря на такое количество земли, настоящие белопащцы запахивают только 20%, другие же сельчане по волости — 40%. Остальная земля под лесом, а луга сдают в аренду.

Белопащцы — народ грамотный: мужчин — 50%, и женщин 20% (по волости же 42% и 7%). Это объясняется тем, что в с. Коробове существует уже 55 лет начальная школа. Черновский.

(«Виленский Военный Листок» №483 от 26.11.1910 г.)

Обо всём понемногу Юбилей аршина

По Уложению царя Алексея Михайловича 1649 года, составленному при участии всех земских людей, решено «в версте учинить по 1.000 сажень, а сажень, чем мерить землю или иное что делать, в три аршина».

Такие железные аршины выдавались из таможни всем приезжим иногородним торговым людям на время их торговли.

При отъезде аршины возвращались обратно в таможню, за пользование же ими взималось по гривне со штуки.

Не таможенные аршины велено было отбирать. При такой недостатке в мере для измерения товаров, московские торговцы отпускали свои товары на локти.

В десятине положено было считать в длину 80, а в поперечнике 30 сажень. Межевщикам давалась мерная трехаршинная сажень.

При императрице Елизавете Петровне установлено считать 500 сажень в версте, а десятины мерить новыми трёхаршинными саженьями.

Можно себе представить, сколько в былые времена наделал бед в торговле этот разномерный аршин.

Но ещё более возникло из-за него споров и судебных дел среди помещиков при обмежевании, размежевании и разделе имений между наследниками.

Наконец 28-го июня 1810 года многогрешный аршин, с его 16 вершками, удостоился быть внесенным в Государственный совет и послужить предметом суждения.

В этот достопамятный день слушалось в Совете мнение департамента государственной экономии о повсеместном введении единообразной аршинной меры и употреблении выручаемых от продажи их сумм на серебряные деньги для начального основания банка на серебре, вместо ассигнационного.

Цена аршину, заклеяменному с обоих концов, назначена была рубль, но непременно серебряной монетой.

Мнение департамента государственной экономики было одобрено Государственным советом и 28-го июня исполнился столетний юбилей русского аршина.

(«Виленский Военный Листок» №446 от 14.07.1910 г.)

Перенесение праха героя

Из склепа Харьковского Покровского монастыря извлечен гроб с останками героя Отечественной войны Орлова-Денисова для перенесения в Новочеркасск.

(«Виленский Военный Листок» №561 от 03.09.1911 г.)

Срамные песни

В Саратове священники нескольких церквей отказали малороссийскому хору в разрешении петь при венчании дочери актрисы, мотивируя свой отказ тем, что «устам, которые поют срамные песни в театре, нельзя хвалить Бога в церкви».

(«Вилениец» №28 от 30.01.1912 г.)

По России Походная икона князя Д.М. Пожарского

В шести верстах от города Коврова находится небольшое село Никольское, бывшая вотчина князя Д.М. Пожарского. В Местный храм этого села князь

«приложил» свой походный образ, охранявший его от смерти во всех боевых опасностях. Эта древняя икона, по словам «Моск. Вед», находится и теперь в храме села Никольского в особом киоте за левым клиросом. Икона — складень имеет изображение Угодника Божия Николая Чудотворца. Наружные стены иконы обложены бархатом, края дверей обложены позолоченным серебром; длина иконы 7 вершков, а ширина 6 вершков. Никаким подновлениям икона не подвергалась и сохраняет свой первоначальный вид.

(«Виленикий Вестник» №2414 от 06.07.1911 г.)

Штраф с населения

Владикавказ. В окончательный расчет по поддержанию экзекуционного отряда, действовавшего после убийства Зелим-ханом князя Андроникова, предписано в десятидневный срок взыскать с населения Назрановского округа 18 000 рублей.

(«Виленец» №114 от 27.04.1912 г.)

Расписание важнейших еврейских, караимских, магометанских и далай-ламских праздников на 1912 год

Наименование праздников	Когда празднуются.
-------------------------	--------------------

Еврейские праздники

Пейсах (Пасха)	20-го, 21-го, 26-го и 27-го марта.
Шувийос (Пятидесятница)	9-го и 10-го мая.
Рошгашуну (Новый год)	30-го и 31-го августа.
Иомкипер (День всепрощения)	8-го сентября.
Сукойс (Кушей)	13-го и 14-го сентября.
Шминиацерес (Заключительный праздник)	20-го сентября.
Симхастойру (Праздник радости о законе)	21-го сентября.

Караимские праздники

Пейсах (Пасха)	первый день 21-го марта, седьмой день 27-го.
Шувийос (Пятидесятница)	13-го мая.
Теруа (Новый год) 3	0-го августа.
Кипур (день всепрощения)	8-го сентября.
Суккот первый день	13-го сентября.
Шимини-ачерет	20-го сентября.

Магометанские праздники

Мавлюда-Наби	17-го февраля.
Рагаиб	7-го июня.
Миградж-Наби (вечер)	29-го июня.
Бараэт (вечер)	17-го июля.
Ляйля-эль-Кадр	26-го августа.
Гайды-Фитр	31-го августа, 1-го сентября, 2-го сентября.
Гарафа	6-го ноября.
Гайды-Курбан	7-го ноября, 8-го ноября, 9-го ноября.
Ганпура	6-го декабря.

Далай-ламские праздники

Цыган-сар	7-го, 8-го и 9-го февраля.
Дючин	21-го февраля.
Урюс	7-го мая.
Ова	8-го мая.
Дючин	20-го мая, 7-го июля, 22-го октября.
Зул	24-го ноября.
Шине-Джил	20-го декабря.

Примечание: в виду того, что празднование еврейских праздников начинается с вечера их кануна, нижние чины еврейского вероисповедания могут быть увольняемы для слушания богослужения, совершаемого по обрядам их веры, с вечера кануна всех поименованных праздников, взамен освобождения указанных нижних чинов в вечера последних дней этих праздников. (Русский Инвалид № 13 от 17.01.1912 г.)

Кремль и Бородино

В двадцатых числах августа исполнится 300 лет с момента славной победы князя Пожарского под стенами Московского Кремля и 100 л. со дня Бородинского боя (24 и 26 августа).

В 1812 году будущее русского государства было брошено на весы борьбы между народами. И это произошло ровно через 200 лет с той грозной эпохи, когда Пожарский и Минин должны были напрячь последние усилия последнего ополчения, чтобы отразить от Москвы свежую польскую армию.

Кремль и Бородино.

Оба эти события на протяжении всей нашей истории не знают себе равных.

Ведь все будущее России было в зависимости от исхода борьбы Пожарского с поляками и Кутузова с Наполеоном.

В наступающем году мы будем переписывать несравненные воспомина-

ния. Будем вспоминать спасение из мертвых и сохранение свободы и независимости.

Это о 1812 годе.

А 1812 год ? ...Борьба со всей Западной Европой, с огнем и мечем, шедшей в самое сердце России!

Перед лицом таких воспоминаний не может быть и не должно быть розни среди граждан, любящих родину.

Пожелаем чтобы слава грядущих торжеств была действительно достойна величия и славы этих пережитых народом событий. Ж.В.

(«Виленский Военный Листок» №594 от 01.01.1912 г.)

Русская жизнь Учебные сборы

Государь Император, 4 февраля 1912 года, Высочайше соизволил повелеть: призвать в 1912 г. в учебные сборы, сроком на четыре недели, ратников Европейской (без Привисленского края) и Азиатской (без Омского военного округа) России, зачисленных в ополчение 1-го разряда при явке к исполнению воинской повинности в 1909 и 1911 годах.

(«Виленский Военный Листок» №606 от 15.12.1912 г.)

В бывших владениях русского князя Всеслава забытые памятники старины

В Прибалтийском крае в местности Кокенгузен, на берегу Западной Двины, при впадении притока Перзы, возвышается высокий крутой каменистый холм. На вершине этого холма, по историческим данным, до 1207 года находился замок русского князя Всеслава. В 1207 году князь Всеслав под напором крестового ополчения, предводительствуемого епископом Альбертом Буксгевденом, (1) принуждён был отступить в Новгород, а свой деревянный замок сжечь. После отступления князя Всеслава на месте сожженного им замка начальником Ливонского Ордена Винно-фон Рорбахом был построен каменный замок. Этот замок впоследствии и сделался сначала центральным пунктом кровавой борьбы за власть между архиепископами и рыцарями Ордена, а затем между русскими, поляками, шведами и немцами. Разумеется, замок каждый раз переходил во власть того, кто оставался победителем. В 1701 году, при наступлении армии Карла двенадцатого, замок был взорван. С тех пор он не восстанавливался

Постепенное разрушение развалин замка и съедение ржавчиной семи пушек, лежащих близ руин, нам русским, не выгодно. Скорее выгодным является забвение прошлого потомками тех побежденных предков, которые ни укрепленные замки в неприступных местах, ни величайшие для того времени орудия, не могли спасти от славного русского оружия и неустрашимых русских

героев, победоносно бравших обратно захваченную пришельцами вотчину русского, князя Всеслава : на протяжении веков девизом нашим было всегда « отторженные возвратишь...».

(1) Епископом Альбертом Буксгевденом был основан духовный рыцарский Орден под именем «Братства Креста Господня» или «Ордена меченосцев», в состав которого и вошло крестоносное ополчение. Н. Радошкевич. (Виленский Воен. Листок №622 от 18.04.1912 г.)

Последние дни французов в Москве *(Отрывки из дневника лейтенанта Дамплу)*

На днях во Франции опубликованы выдержки из дневника лейтенанта наполеоновской армии Дамплу, который благополучно проделал всю тяжелую и злосчастную для французов кампанию 1812 года. Среди этих выдержек в настоящее время особый интерес представляет описание последних дней пребывания Наполеона в Москве. Этот интерес ещё более возрастает потому, что по-видимому, лейтенант Дамплу совершенно не собирался опубликовывать своих записок, вследствие чего высказывался совершенно откровенно, нисколько не прикрашивая ни того печального положения, в котором к этому времени оказалась французская армия, ни той страшной деморализации, которой она постепенно подвергалась.

Выборки из этого дневника мы приводим здесь

« 20 сентября (2 октября). Сегодня я случайно зашел во дворец. Гвардейские егеря и вольтижеры, принадлежащие к личной охране императора, лишены возможности отправляться на грабежи. Поэтому они обложили данью своих, более счастливых в этом отношении товарищей. Они заставляют их уплачивать по 20 франков при отправлении на грабеж и по 5 франков при возвращении обратно. В случае отказа от уплаты этих денег они отбирают от них всю добычу. Маршал Лefевр нашел даже нужным издать суровый приказ по поводу этих безобразий. Императору это все прекрасно известно. Он страшно возмущается, но сознает, что теперь уже ничего сделать не может..

Когда я возвращаясь назад, проходил через маленький дворик, то случайно наткнулся на гренадерский караул. Нижние чины надели поверх своих мундиров дорогие кафтаны и шубы, а вместо пояса опоясались драгоценными кашмирскими шальями. У каждого из них было по большому хрустальному бокалу. Бокалы эти были наполнены вареньем, которое они уничтожали большими деревянными ложками. Вся площадь дворика была сплошь завалена пустыми бутылками с отбитыми горлышками. Увидев меня, один из гренадеров вытянулся и сделал «на караул» ... своей деревянной ложкой. Я хотел было уже пройти мимо, как вдруг другой гренадёр громко крикнул мне:

— Стойте, лейтенант ! Вам необходимо поговорить с караульным начальником.

В первую минуту мне захотелось сурово обругать этих пьяниц, но побоялся ... скандала! ... Поэтому я беспрекословно исполнил требование и отправился к «начальнику караула», который также оказался нижним чином немного более старшим более пьяным, чем его товарищи (1). Этот субъект посмотрел на меня и сказал :

— Товарищ, здесь воспрещается проходить, не выпив предварительно чарки! Таково предписание китайского богдыхана!

С этими словами он протянул мне ложку варенья, а правой рукой огромную бутылку ... Впрочем, ведь эти бедняки не мало выстрадали от тяжестей похода, голода и жажды. Да и кто мог знать, что их ожидает на следующий день! ... В результате мы чокнулись, как будто были старинными друзьями.

28 сентября (10 октября). Не понимаю, что мы делаем в Москве! Все это начинает надоедать и даже изумлять. Что делает император ? Его редко можно видеть. Он безвыходно сидит во дворце, принимая курьеров и управляя империей. Кажется, теперь пропала вся надежда на то, что русский Царь будет просить мира. Потребуется, значит новая компания. Но где зимовать? Город разрушен и наполовину сожжен, а у нас нет ни провианта, ни запасов ... Между тем зима, ведь близка ...

1(13) октября. Сегодня смотрел «Рассеянного» и «Маррон и Фронтен». Представление имело большой успех. Г-жа Л. Замечательно интересна. Лоливье, который знаком с ней, обещал представить меня завтра.

6(18) октября, вечером. Сегодня был назначен смотр первому корпусу. Парад уже начался, как вдруг полным карьером прискакал адъютант с пачкой донесений. Император прочитал их и сейчас же уехал в сопровождении своего штаба. Нам сообщили, что смотр отложен. По всем направлениям были разосланы ординарцы. Маршал Лефевр приказал гвардейской пехоте немедленно двинуться в путь ... но зачем? ... Говорят, что король (Мюрат) был задержан у входа в город.

В 4 часа дня маршал Даву отдает подобный же приказ. Первый корпус выступает завтра на рассвете ... И так, мы уходим ... Да, но ... Впрочем пойдём. Нужно говорить правду, — отступление необходимо и притом должно производиться как можно поспешнее ...

10(22) октября. Бивак при селе Фоминском, — Долго прождав царского курьера с предложением о мире, Наполеон, боясь быть окруженным в Москве русскими войсками, наконец, решился на отступление. Он надеется перезимовать в Вильне, а с началом весны вновь вести наступательную войну.

Первый корпус покинул Москву 19 октября утром. За ним последовала вся армия. Не знаю, какова теперь численность нашей армии. Приблизительно — сто тысяч человек, считая с ними, кто вернулся в строй в течение последнего месяца. Много пропавших без вести! А сколько ещё убитых, раненых, пленных! Войска, расположенные вне города, провели тревожные дни; — сколько было стычек и столкновений за оставшиеся недели! От всего 33-го полка осталось лишь 5 рот! Интересно, сколько наших погибло, со времени перехода через Неман? ... В общем нас сто тысяч человек всех родов оружия, а часть армии

даже ...без всякого оружия! ...Есть ещё несколько тысяч не военных, к которым относятся служащие торговцы, которые проживали в Москве, следуя за нами. Наша армия представляет собою длинную колонну, глубиной 4 или 5 миль. Но ведь, это уже не армия, это — дикое племя, переходящее через пустыню, народные отбросы, ищущие нового отечества ... Были собраны все повозки, лошади, мулы и т.д. В десяти эшелонах, не меньше 10.000-12.000 повозок. У генералов по несколько карет, у старших офицеров по одной, иногда по две, младшие же офицеры действуют в складчину. Я прекрасно устроился, так как у меня с несколькими товарищами имеется большой фургон, запряженный четверкой безобразных, но крайне сильных лошадей.

Кроме взятого нами в Москве добра мы, в виду долгого и трудного пути, захватили кое-какие припасы. У меня например, есть сотня ящиков бисквитов, сорок бутылок вина и десять — рому, три или четыре фунта шоколада, большая голова сахару, цибик чаю и восемь пакетов свечей. Кроме того я везу с собой две прекрасные иконы, из которых образ Казанской Божией Матери, снабженный массивной серебряной ризой дивной работы, — роскошную татарскую саблю и чудную медвежью шубу, которую я купил за 5 наполеондоров у одного старого еврея, ничего за неё не заплатившего ... Машасси является обладателем ящиков с макаронами, кофе, сушеными винными ягодами и вяленой рыбой. Кроме того, у него несколько драгоценных картин, завернутых в толстую клеёнку. Лартинг сделал запасы риса, сахару и варенья, он так же добыл бочонок солонины и большую коробку хины. Помимо этого у него есть два тяжелых серебряных подсвечника, золотая митра, украшенная крупным жемчугом, несколько ящиков дорогих сигар и полное собрание сочинений Вольтера и Руссо, в драгоценных переплетках, на которых виднеется герб князя Г... Травель держит своё имущество в тайне. Что же касается нашего командира, то он сделал грандиозный запас спиртных напитков.

Итак в путь...»

Нептун. («Виленский Вестник» №2778 от 19.09.1912 г.)

(1) О падении дисциплины в наполеоновской армии имеются и другие свидетельства: военный интендант Анри Бейль (Стендаль), подписывавшийся иногда из осторожности ради «капитан Фавье», писал 4 октября из Москвы: «Я пошёл с Луи посмотреть на пожар. Мы увидели, как некий Совуа, конный артиллерист, пьяный, бьёт саблей плашмя гвардейского офицера и ругает его ни за что, ни про что...» И дальше: «Один из его товарищей по грабежу углубился в пылающую улицу, где он, вероятно, изжарился». (А.З. Манфред «Наполеон Бонапарт» Москва 1989 г.)

«Хотя мародёрство в городе запрещено под страхом строгого наказания, но всё же грабёж не прекращается и даже гвардия даёт нам в этом хороший пример, так как она препятствует грабежу, в общем, только для того, чтобы всё оставить себе, благодаря чему происходят частые драки между гвардейцами и армейскими солдатами, а также и союзниками». («ПИСЬМА ВЕСТФАЛЬСКОГО ШТАБ-ОФИЦЕРА» ,Фридрих-Вильгельм фон Лосберг, Москва, 2003 г.)

В начале 1812 года

Все годовщины наиболее знаменательных событий знаменитого 1812 года начнутся с мая, т.е. со времени перехода «великой армии» через реку Неман, но сейчас следует вспомнить, каким образом сложилась та политическая обстановка между Россией и Францией, которая привела к походу величайшего из полководцев мира в неизвестную ему Россию, походу, кончившемуся гибелью беспримерного в мировой истории военного могущества и счастья.

Несмотря на то, что Наполеон собрав на границе России миллионную армию, довел до Москвы (бой при Бородино) только 300 тысяч человек, оставив две трети своей армии на охрану путей сообщения, все-таки его операционная линия была слишком растянута и открыта, что впоследствии и привело французов к гибели.

Наполеон, избалованный военным счастьем, надеялся в начале кампании 1812 года только на лучший исход предпринятого им похода на Восток, т.е. сдачу Москвы и просьбу России о мире.

В начале девятнадцатого века политическое положение в Европе было следующим.

Французская империя владела западной половиной Европы. Такие государства, как Австрия, Пруссия, Швеция, Испания, затем все государства средней Германии и Апенинского полуострова находились под властью императора, начавшего свою легендарную карьеру скромным артиллерийским поручиком республиканских войск Франции.

Главным и наиболее серьезным противником Наполеона был Александр 1-ый, который отлично разгадал замыслы великого полководца, стремившегося к мировому владычеству. Пока Наполеон не переносил своих операций в пределы России, нужно было поддержать во время борьбы с ним наиболее сильное и сплоченное государство западной Европы. Таким государством в 1805 году, как казалось была Австрия, с которой Россия заключила союз, и куда она послала свои войска. Но Наполеон предупредил Александра, разбил при Ульме и взял в плен главные силы австрийцев и затем при Аустерлице разбил наши немногочисленные войска и остатки австрийской армии. Наша попытка поддержать Пруссию в борьбе с Францией также потерпела неудачу, и Наполеон, разбив в 1807 году прусские войска при Йене и Ауерштедте, взял Берлин и нанёс нашим войскам два поражения: при Прейсиш-Эйлау и Фридланде. Но эти сражения с русскими войсками были далеко не блестящими победами; здесь Наполеон встретил такую стойкость русских войск, что не придавая особого значения этим победам, решил войти в мирные переговоры с Россией.

Это желание Наполеона сошлось с решением Александра 1 временно приостановить борьбу и выиграть время. Результатом этих соображений и был Тильзитский мир, скрепивший, как казалось, возникшую дружбу между русским и французским императорами.

Таким образом, получился «худой мир», казавшийся лучше «доброй ссоры», который и продолжился до 1812 года. В это время Россия завоёвывает у Шве-

ции Финляндию и ведет войну с Турцией, не мешая Наполеону устраивать свои дела в Западной Европе.

Но гениальному корсиканцу мало его славы и владения половиной Европы; его постоянный враг, Англия, не сломлен, и он отлично сознает, что пока будет существовать Англия, его власть не будет прочной, но для победы над опасным противником у Наполеона не было флота. Чтобы победить англичан на суше, нужно было нанести удар в ахиллесову пяту разбросавшейся по морям Великобритании, т.е. в Индии, а путь туда лежал через Россию.

Все время 1812 года шла дипломатическая борьба между двумя императорами, в которой Наполеон хотел подчинить своему влиянию Александра I, но это ему плохо удавалось и, наконец, Наполеон решает, что Россию только силой можно заставить подчиниться его влиянию.

В конце 1811 года, пользуясь тем, что Россия была втянута в войну со Швецией и Турцией, французский император начинает сосредотачивать свои силы для нападения на Россию, но на сосредоточение сил нужно время, и за это время Россия успевает кончить войну со Швецией (знаменитый поход через Ботнический залив в Стокгольм) и с Турцией, от которой она приобрела Молдавию.

Вот при какой обстановке начался знаменитый 1812 год, год русской славы, и начало конца Великой Французской империи, поднятой на недостижимую высоту великим завоевателем, человеком низвергавшим королевства и империи, победившим все народы Европы, кроме русского. С мая начнется ряд дней, отмеченных рядом подвигов, совершенных сто лет тому назад русской армией и народом, и нужно желать, чтобы в воспоминаниях о подвигах предков русский народ нашел новые силы в трудной работе для славы, величия и блага своей великой Родины. Бурунь

(«Виленский Вестник» №2595 от 10.02.1912 г.)

Ещё о псковских кирасах

Заметки относительно награждения в 1812 году Псковского драгунского полка французскими кирасами, снятыми на поле битвы с наполеоновских кирасир, появлялись неоднократно.

Напомним вкратце, что А.И. Литвинов относил этот случай к бою у д. Долгомостье 28 (27-го ?) октября, а составитель новой истории полка Т. Земичковский к одной из многочисленных атак во время сражения под Красным 3-го — 6-го ноября.

Первый сослался на Высочайшее повеление 17 декабря 1812 г. (до сих пор в архивах не найденное), а второй «до известной степени» находил подтверждение: 1) в журнале генерал-квартирмейстера Толя (2-го ноября Псковский и Каргопольский драгунские полки атаковали неприятельскую кавалерию и пехоту; в плен взяли 10 офицеров и до 870 ниж. чин. 2) в рапорте барона Корфа от 4-го ноября (Псковский драгунский полк вчерашнего числа три раза атаковал неприятеля и, опрокинув, взял до 500 пленных и 7 офицеров) и 3) в наград-

ных списках офицеров полка за бои 2-го — 6-го ноября. К крайнему сожалению, в этих документах нет определённого указания на атаку и разбитие Псковским драгунским полком именно французских кирасир.

Повествование Михайловского-Данилевского (Отечественная война 1812 г. часть третья стр. 360) о столкновении казаков графа Орлова-Денисова с кирасирами 27-го октября под Ляховым, разбитии последних и снятии казаками кирас с убитых и передаче их впоследствии Псковскому кирасирскому полку, а равно и факт этот, помещённый кн. Урусовым в полковой истории, признаны Т. Земичковским «не вероятными», так как, по его мнению, тяжёлая кавалерия, завязнувшая в болотистых берегах ручья, всё же должна была быть недостижимой для казаков.

Предположение Т. Земичковского, что столкновение Псковских драгун произошло 3-го — 6-го ноября под Красным, нельзя считать, однако скольконибудь веским, пока оно не будет подтверждено первоисточниками, тем более, что в записках Н.Н. Муравьёва-Карского, помещённых в «Русском Архиве» 1885 г. № 11 (стр.368) повествуется следующее:

«В сражении под тарутиным Псковский драгунский полк, опрокинув французских латников, надел неприятельские кирасы, в коих и продолжал бой. В уважение подвигов Псковских драгун Государь назвал их кирасирами, они сохранили также во всю войну приобретённые ими французские желтые и белые латы».

Не имея оснований ни возразить, ни подтвердить «правдивости и точности» рассказа, я всё же вынужден признать его равноценным с приведёнными выше и считать вопрос о награждении Псковского драгунского полка кирасами в 1812 г. ещё не выясненным.

Налицо целый ряд рассказов и догадок, но ... ни одного документа.

А. Гр....чъ.

(«Русский Инвалид» № 94 29.04.1912 г.)

Затерянное наследство Псковичей

Столетняя годовщина Отечественной войны всколыхнула всю Россию. Отдельные лица, войсковые части, учреждения, целые сословия и губернии старательно выясняют свои права на славное наследство доблестных предков, пытаются восстановить родственные связи с деятелями геройской эпохи. К числу ищущих своё славное затерянное наследство надо отнести и Псковский лейб-драгунский полк.

Общеизвестен исторический факт, что в одном из сражений по общепринятой версии у Ляхова 28-го октября 1812 года были разбиты французские кирасиры; псковичи, тогда ещё драгуны, принимавшие деятельное участие в этом бою, сняли с убитых, раненых и пленных французов их кирасы и надели их на себя. Это боевые, в полном смысле «взятые с боя», отличие по представлению начальника 2-й кавалерийской дивизии, бывшего командира Псковского полка, генерал-адъютанта барона Ф. К. Корфа было закреплено за полком повеле-

нием главнокомандующего, каковое впоследствии было утверждено Высочайшею волею Императора Александра I: Псковский полк назван кирасирским с оставлением за ним навсегда права носить взятые с боя французские кирасы.

В этих своих французских кирасах, с этим редкостным боевым отличием, псковичи победоносно прошли всю Европу, в них брали Париж и в них же парадировали во главе всей русской конницы на знаменитом смотре Императора Александра I в столице Франции.

В течении полувека (до 1863 года) псковичи с понятной гордостью носили своё боевое отличие и бережно хранили драгоценную реликвию, а с нею память о доблестных делах своих славных, незабвенных предков.

В нашей армии есть и ещё полки, сохранившие за собой боевые, так сказать, трофейные отличия: Ахтырские гусары навсегда сохранили цвет обмундирования по цвету того сукна, которое они взяли в занятом с боя монастыре и которым обновили своё износившееся за войну обмундирование. Орденцы и Петербургские уланы имеют в составе трубаческих хоров прусские литавры, взятые ими в семилетнюю войну; лейб-гвардии Уланский Её Величества полк выходит в строй с турецкими бамбуковыми пиками, взятыми в войну 1877-78 годов.

Однако ни одно из этих боевых, трофейных отличий не может идти в сравнение с кирасами псковичей, добытыми и присвоенными при условиях, совершенно исключительных.

Несколько лет тому назад, командуя славным лейб-Псковским полком, я сделал попытку вернуть полку знаменитые кирасы, сланные в 1863 г. в киевский арсенал на хранение.

Бесспорность прав полка на его кровное достояние было признано всеми инстанциями и моё ходатайство встретило горячее сочувствие. Вопрос о возвращении полку французских кирас был решен категорически: военный министр, генерал-адъютант Куропаткин, приказал уведомить полк, что «ему будут возвращены его кирасы — пусть он их найдёт».

К великому горю полка в восьмидесятых годах, когда вся наша кавалерия, казалось, навсегда была преобразована в драгунскую, решили освободить арсеналы от ненужного предохранительного вооружения и драгоценный трофей и боевое отличие псковичей, старые свидетели и сотрудники чудесной славы конницы последовательно двух великих народов, тогда врагов — теперь друзей, псковские — французские кирасы, конечно оказались самыми ветхими и пошли в брак в первую голову ...

Погибла драгоценная вещь, но не забылось и никогда не забудется славное деяние, занесённое на скрижали истории. Однако для вящей поучительности и для постоянного наглядного напоминания потомкам о кровью добытой предками славе желательно и безусловно полезно по возможности наглядно же восстановить и саму утраченную вещь.

На этом основании, получив известие о печальной участи кирас, я возбудил ходатайство о возвращении псковскому полку столь знаменательной для него кирасирской формы 1812 года. Но в девяностых годах возвращение нашей

коннице традиционного разнообразия старых форм ещё было только затаённой мечтой.

С возвращением нашей конницы к старой форме псковичи вместе с другими бывшими кирасирскими полками получили новую драгунскую форму, лишь отдалённо напоминающую старую кирасирскую. Только фуражка полку дана старой, кирасирской формы 1812 года.

Эта форма во всяком случае не та, которую кровью добыли и завещали своим потомкам псковичи 12 года. Полк мечтает о настоящей точной форме своих славных предков — кирасир Отечественной войны, той самой, которую знала вся Европа, истоптанная из конца в конец тяжёлыми конями могучих псковских кирасир.

Вместе с формой, конечно, можно было бы восстановить и французские кирасы. Но проще и соответственнее заменить кирасы супервестами цвета кирас с французским тех времён орлом и крупным на нём золотым вензелем драгоценного для полка Имени Августейшего Шефа.

Таковы мечты современных псковичей...

А. Литвиновъ. («Русский Инвалид» № 114 27.05.1912 г.)

Ещё о псковских кирасах

Читатели помнят полемику, разгоревшуюся на страницах «Русского Инвалида» и «Военно-Исторического сборника» о так называемых псковских кирасах, т.е. о кирасах, отбитие которых от французских латников приписывается Псковскому драгунскому полку в сражении 4-го ноября 1812 г. под Красным. В двух словах, полемика заключается в следующем: историограф Псковских драгун полагает, что именно Псковский полк отбил кирасы, надел их на себя и получил затем право на ношение этих кирас, как боевого трофея. Г.А. Гр. — чь, возражая историографу, упорно предлагает полковому историографу отыскать документ, подтверждающий это пожалование чужеземных кирас псковским драгунам.

Оставляю в стороне вопрос, который мог бы быть предложен скептиками: было бы подвигом завладение кирасами, если последние везлись в обозе и не были сняты непосредственно с разгромленных неприятельских латников? Оставляю этот вопрос, повторяю, в стороне, хотя для него имеется некоторое основание, например в записи краткого журнала военных действий от 20-го октября: «кавалерия неприятельская столь в дурном положении, что он (т.е. неприятель) должен прикрывать и вести её по середине своей пехоты, оставляя за собою множество истощённых лошадей, и до 800 кирас уже найдено на дороге».

Я не разделяю предположения, что кирасы были найдены на дороге псковскими драгунами. Я допускаю, что они были отбиты в сражении. А что же дальше? А дальше — то, что слава отбития этих кирас, столь усердно приписываемая одним псковским кирасирам, должна быть в равной мере отнесена и к другому драгунскому полку — Каргопольскому.

Правда, в биографии барона Ф.К. Розена дословно сказано, что Псковский полк в сражении под Красным «уничтожил французских кирасир и снял с них латы, до ныне носимые кирасирским полком Великой Княгини Цесаревны Марии Александровны, переименованным из бывшего Псковского». «Латы сии останутся, добавляет биограф, памятником Корфа, под чьим предводительством были они отняты у Наполеоновских войск». Но в этом же издании, хотя и в другом томе, напечатана биография И.Л. Полля, в которой тоже дословно сказано, что 4-го ноября 1812 г. Каргопольский полк, вместе с двумя эскадронами Псковского драгунского, уничтожил полк французских латников и снятые с них на поле сражения латы носил почти до окончания войны 1812 года. Потом велено было передать латы в Псковский полк, переименованный тогда в кирасирский, который доныне сохраняет сей трофей, приобретённый им вместе с полком Полля». Для каждого очевидно, что разноречие двух биографий — достаточное: по одному источнику выходит, что один Псковский полк снял латы с неприятеля, а по другому, — что эта слава должна быть отнесена к Каргопольскому полку, и даже этому последнему полку в большей степени, ибо при, отбитии лат участвовал весь Каргопольский полк, а от Псковского полка — только два эскадрона; как главный участник победы, Каргопольский полк носил неприятельские кирасы первым, раньше Псковского полка, в который кирасы были переданы лишь при наименовании его кирасирским, т.е. 17-го декабря 1812 г. Подобное разночтение в печатных источниках существует всегда, когда история боится истины и, играет в руку двум лицам, желает быть приятной обоим. История же времён Михайловского-Данилевского такою и была.

Документы Каргопольского полка, к сожалению, не дают прямо указания на то, что полк завладел кирасами. Выдвигается в них овладение неприятельской батареей. В послужных списках подполковников Сталя, Гельда, штабс-капитанов Карташова, Вундерлиха, Кузнецова и пр. сказано, что они в сражении 4-го ноября участвовали «при разбитии неприятельских колонн и отбитии у него орудий». В наградном списке майора Гельда, при описании его подвига, изложено: «во время атаки 4-го и 5-го чисел ноября отличался мужеством и храбростью, с эскадроном 4-го числа овладел неприятельской батареею, причём подавал пример храбрости своим подчинённым». Полковник Полль был награждён орденом Св. Георгия 3 кл. «в награду за отличную храбрость и мужество, оказанное в сражении против французских войск 4-6-го ноября 1812 г. под Красным»; редакция, весьма неясная и неопределённая. Наконец, при описании подвигов нижних чинов, представленных к награждению знаком отличия военного ордена, тоже отмечена их храбрость только при ударе на батарею. В журнале военных действий, от 4-го ноября, занесено, что Каргопольский полк атаковал неприятельское каре корпуса принца Евгения и отбил четыре пушки, а Псковский полк, троекратно атаковал неприятеля, опрокинул его и взял в плен 7 офицеров и 500 рядовых. Наконец, в журнале входящих бумаг штаба главнокомандующего от 5-го ноября занесён рапорт Милорадовича

от 4-го ноября, в котором он доносит о деле с 4 корпусом и упоминает об отличии полковника Поля.

В заключении приведу любопытный документ, открывающий нам причину передачи неприятельских кирас в Псковский полк. Это — не официальный документ, но частный дневник, искренность которого не может быть заподозрена. Писан он бароном Крейцом, командовавшим 3 кавалерийским корпусом. «Сей генерал, пишет Крейц про Корфа, был шефом Псковского драгунского полка, старался только о возвышении славы оногo, и ... отбитые латы у французских кирасир приказал всем полкам сдать в Псковский полк, который в оные оделся и потом переименован в кирасиры». Итак, вот почему кирасы были переданы в Псковский полк!

Ничуть не отрицаю высоких боевых заслуг доблестных Псковских драгун. Чту их храбрость в Бородинском сражении. Однако, славу сражения 4-го ноября 1812 г. Псковские драгуны должны разделить с Каргопольскими драгунами, имевшими такое же право на неприятельские кирасы, как и Псковский полк. Полковой историкъ.

(«Русский Инвалид» № 118 01.06.1912 г.)

Могила героя 1812 года в Вильне

В Свято-Духовом монастыре, в помещении трапезной, которая в 1812 году была церковью, есть могила известного казачьего генерала. В одной из стен выделана белого мрамора плита с надписью:

**«Здесь погребён
войска Донского генерал-майор
Тимофей Дмитриевич
Иловыйский 11-ый
Убитый при городе
Вильне в сражении
1812 года
месяца декабря 29,
от роду имевший 26 лет».**

Итак, перед нашими глазами могила одного из доблестных сынов России, победителей 1812 года.

Двадцатишестилетний генерал, донской казак — он погиб в те дни, когда атаман того же войска Платов уже склонил перед Императором Александром взятые у французов знамёна. Это происходило 24 декабря 1812 года в Виленском дворце. (Виленский Военный Листок № 526 от 04.05.1911 г.)

Казачья печать

Полки летучего корпуса Платова на западной границе ...

В ночь с 11-го на 12-е июня началась переправа головного корпуса Даву.

Итак, война! ... 14-го июня атаман получил сообщение о переходе французами границы у Ковно и Высочайший приказ по армии.

При Платове были: три сотни его, Атаманского полка с подполковником Кирсановым, полки: Иловайского 5, Сысоева 3, Татарский, Башкирский и 2-я рота Донской конной артиллерии.

В ночь на 27-е он получил приказание остановиться у Мира и удержать его, пока превосходными силами французов не будет оттеснён. Сейчас же Платов распределил свои войска так: одну сотню (Пантелеева) он выставил впереди Мира, возложив на неё задачу быть арьергардом отряда, а при наступлении французской кавалерии завлечь её в «кишку» наших частей. Этим атаман рассчитывал унизать свой «вентерь» лишнею задачею.

Для удара на фланги противника он назначил сотни Атаманского полка — Процыкова и Бегидова, выделенные по обе стороны дороги на Кареличи, а главный удар возложил на полк Сысоева 3, поставленный в самом м. Мир.

В эту же ночь к Платову подошли полки Краснова 1-го, Иловайского 10-го и Иловайского 11-го. Предвидя затяжной бой с сильным противником он послал гонцов к генерал-адъютанту Васильчикову с просьбой «успешнейшего препровождения отряда к теперешнему нахождению» Платова.

Стало светать. Едва ночная мгла потонула в утреннем рассвете и на краях далёкого горизонта заалела заря, как со стороны д. Кареличи показалась краса французской кавалерии — 3-й уланский полк поляков (Радзиминского). Он выделил 1-й эскадрон (Суминского) вперёд и осторожно продвигался в сторону расположения казачьих полков.

Уд. Песочна он столкнулся с сотнею Пантелеева. Как бы зарвавшись, атаманы повернули, ловким маневром увлекая улан в погоне за собою, поддались их атаке и те, не заметив страшного «вентерья», влетели в западню. Передовой эскадрон Суминского, а за ним два другие под командой Радзиминского были встречены фланговыми ударами сотен Бегидова и Процыкова, а с фронта на них набросились повернувшаяся сотня Пантелеева и полк Сысоева 3. Уланы были окружены. Синие куртки, манившие поляков в «вентерь», красные лампасы, блеск металлических наконечников пик, дикий топот, рёв коней, крики казаков — всё смешалось в общий гул войны.

Отчаянное положение улан придало им редкую храбрость. Они дрались с ожесточением, пробивая себе путь отступления. И Радзиминский пробился.

Поддержка, присланная Платовым, сделала своё дело: весь путь на Кареличи был усеян трупами людей и лошадей.

Турно, узнав о неудачах 3-го полка, двинулся с 3-мя эскадронами к Миру. Атаман, заметив приближение свежих сил к 3-му полку, бросился с остальными сотнями на французскую кавалерию и опрокинул их.

Атаман далеко не преследовал. Он знал, что болотистая речка Уша слишком серьёзное препятствие, чтобы не считаться с ним, дойдя до Песочной, повернул назад.

Какое значение этой победе придавал Багратион видно из того, что он сейчас же отдал приказ по армии, где писал: «Генерал от кавалерии Платов

гонит их (неприятельские войска) и бьёт «... Нужна была победа, нужно было поднять дух армии: успех Донского атамана это и сделал. (ст. дана с сокращ.)

*И. Курмояровъ.
(«Русский Инвалид» № 123 07.06.1912 г.)*

К столетию победы под Миром 1812 28 июня 1912 г.

Первая крупная победа русских в 1812 году была одержана донским «атаманом — вихрем» графом Платовым, разбившим уланскую дивизию Рожнецкого. Авангард этой дивизии, под командою Турно, был опрокинут и сильно потреплен казаками ещё накануне. Жажда реванша привела запальчивого, храброго Рожнецкого уже к полному поражению; военный талант знаменитого атамана, казачий «вентерь» с лихою лавой, надлежащее использование артиллерии и геройство донцов поддержанных ахтырскими гусарами и киевскими драгунами, сделали своё дело: до 600 польских трупов усеяли громадное поле сражения, а 12 офицеров и 163 улана попали в плен; цифры немалые, особенно если принять во внимание ожесточённость боя и давнишнюю, исторически сложившуюся взаимную ненависть казаков и поляков.

Поляки сражались с мужеством отчаяния: «все пленные переранены, но это от того, что по упорству, пока их не собьют с лошади, не сдавались», писал в своём рапорте Платов. А польская кавалерия наполеоновской армии была достойным противником наших донцов, справедливо стяжав себе завидную боевую славу; одна атака поляков в скалах Испании справа по три неприступной горной кручи считавшейся верхом безумной отваги, когда-либо проявленной кавалерией, и навсегда останется бессмертной в её аналах; что же касается преданности Наполеону этой доблестной кавалерии, то достаточно вспомнить хотя бы картинно описанный Львом Толстым переход вплавь через широкую пограничную реку охваченного радостным энтузиазмом польского уланского полка I. Наполеон же со свойственною ему гениальностью и тонким пониманием психологии народных масс мастерски разжёл фанатизм поляков, начав своё известное воззвание перед переходом через Неман словами: «Солдаты! Началась вторая польская война. Первая закончилась в Фридланде и Тильзите»...

Итак, донцам было с кем померяться и с кем скрестить свою страшную пикку...

Победа Платова под Миром отнюдь не может быть приравнена к обыкновенному кавалерийскому столкновению, так как явилась, повторяем, первым крупным успехом русского оружия в тяжёлую годину Отечественной войны. И измерять результаты этой победы одной лишь временной остановкой наступающего врага и облегчением положения армии князя Багратиона было бы несправедливо. Победа Платова сильно подняла дух всей русской армии и окрылила её надеждой на казавшийся до того времени сомнительным успех: вот где,

по свидетельству современников, центр тяжести этого славного дела, на первый поверхностный взгляд могущего показаться незначительным.

В своих походных записках артиллериста с 1812 г. по 1816 г. 2) подполковник Р. по этому поводу пишет:

«...Между тем в лагере у нас везде служили благодарственные молебны о победах атамана Платова под гор. Миром, где он разбил польскую кавалерию. Кто мог проникнуть в будущее и предузнать тайны судеб? Продолжительная ретирада, столь необычная для русских и воспоминание о непрерывных победах французов в последние кампании невольно колебали твёрдость духа наших солдат. В откровенных беседах их часто назывались незабвенные имена Румянцева, Суворова и немного далее:

«... Победа Матвея Ивановича Платова не только радовала солдат, но и ожидала в них надежду на будущие успехи. Они говорили между собою: вот один молодец, который ещё бьёт французов по-русски! Надобно заметить, что солдаты в знак особого уважения к атаману казаков называли его не по фамилии, а всегда по имени и отчеству».

Таким образом победа 28-го июня под Миром была первым внушительным предостережением запальчиво рвавшейся вперёд коннице Наполеона, сильно избалованной удачами предыдущих компаний, и первым светлым огоньком бодрящей надежды для русских, озарившим хоть немного общий сумеречный тон «продолжительной, столь необычной ретирады!»

Поэт имел полное право воскликнуть:

Привет тебе, день Платовской победы,

Всех окрыливший, первый наш успех,

И слава вам, лихие наши деды,

Не знавшие ни страха, ни помех! П. Ч.

1) «Война и мир», том 3, часть 1 глава 2.

2) Записки эти были напечатаны в «Отечественных записках» за 1823, 1824 и 1826 года, а так же были отдельно изданы в 1835 году.

(«Русский Инвалид» №141 от 28.06.1912 г.)

Примечательный приказ Наполеона

В числе бумаг, любезно предоставленных в моё распоряжение С.А. Драгомировой из собрания её покойного мужа, генерал-дьютанта М.И. Драгомирова, имеется список с совершенно неизвестного приказа, отданного Наполеоном по окончании Бородинской битвы, к вечеру 26-го августа.

Приказ этот был отменён: когда около полуночи Наполеон узнал, что наши войска отступают, приказ был отобран назад и, таким образом, не был объявлен по французской армии. Когда же при Березине карета со всеми вещами и бумагами маршала Бертье досталась в руки казаков, то среди разных документов начальника штаба великой армии найден и экземпляр упомянутого приказа императора французов. Он знаменателен тем, что им са-

мым авторитетным образом удостоверяется наша победа в великий день Бородина на самом поле битвы. Только последующее отступление наших армий позволило французам провозгласить себя победителями. Но и впоследствии, уже на острове Св. Елены, Наполеон писал: «из 50 сражений, мною данных, в битве под Москвою выказано было наиболее дарований и прекрасных качеств, а приобретён наименьший успех».

Вот этот любопытный документ:

Francais !

Vous avez ete battus! Vous vous etes laisses couvrir d,opprobre et d,ignominie!

C,est dans le sang russe seul gue vous pouvez vous laver de gette tache!

Dans deux Jours je donnerai une nouvelle bataille plus sanglante encore gue celle d,hier; gue les laches y perissent, je ne veus commander gu,a des braves!

Napoleon.

Bataille de Moskova 1812.

Французы!

Вы разбиты! Вы позволили себя покрыть бесчестьем и позором! Только одною кровью русскую вы можете смыть это пятно!

Через два дня я вновь дам сражение, ещё более кровопролитное, нежели вчера; пусть погибнут в нём трусы, я хочу командовать только храбрыми!

Наполеон.

Битва под Москвой 1812.

Эти слова рождены тем же клопочущим темпераментом, что и сказанные войскам перед битвою:

«Воины, вот сражение, которого вы так желали! Победа в руках ваших: она нужна нам. Она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Действуйте так, как действовали вы под Аустерлицем, при Фридланде, Витебске и под Смоленском, и позднее потомство вспомнит с гордостью о подвигах ваших в этот день и скажет о вас: и он был в великой битве под стенами Москвы».

Из сопоставления обоих приказов, написанных на расстоянии одних суток, можно понять, как мало Наполеон мог быть удовлетворён днём 26-го августа, и как далеко Бородинская битва было от той победы, которую он хотел внушить своим войскам. Тот, кто говорил, что участь сражения зависит часто от одного лишнего батальона, на отрез отказался под вечер 26-го августа употребить в дело свою 20-тысячную старую гвардию: отвергая просьбы своих маршалов о последнем резерве, Наполеон уже представлял себе исход сражения именно таким, каким он очертил его несколькими сильными словами приведённого выше приказа. С. Добровольский.

(«Русский Инвалид» № 124 08.06.1912 г.)

Возвращение пленного колокола

Осматривавшие военный музей в Лондоне могли видеть в отделе трофеев войны 1854 года довольно большой медный колокол с изображением Пресвятой Богородицы и датую «1352».

Колокол этот был пленён англичанами в 1854 году при осаде Соловецкого монастыря.

В текущем году, в ознаменование тесной дружбы России и Англии, великобританский король Георг пятый повелел возвратить колокол.

На прошлой неделе английский пароход «Hennet» доставил его в Архангельск.

В Архангельске пароходу «Hennet» была оказана торжественная встреча; пристань была украшена флагами и в городской думе состоялся торжественный раут в честь экипажа английского парохода.

С не меньшей торжественностью был перевезён колокол из Архангельска в Словки.

До монастыря колокол сопровождали на пароходе «Вера» архангельский вице-губернатор Брянчанинов, атташе английского посольства Гринфель и архангельский городской голова Лейцингер.

Когда «Вера» остановилась на рейде Соловецкого монастыря, к ней подошёл монастырский гребной бот «Царевич» с гребцами-монахами.

Колокол перенесли на бот, куда перешли и все сопровождавшие колокол лица.

«Царевич» доставил колокол к Царской пристани. От пристани до святых ворот монастыря были выстроены двумя рядами мальчики в белых подрясниках с полевыми цветами в руках.

Когда несли колокол, мальчики осыпали его цветами.

В святых воротах колокол был встречен настоятелем Соловецкой обители архимандритом Иоаникием с братией в торжественном облачении.

Атташе английского посольства прочитал акт о передаче колокола и вручил его отцу настоятелю.

Произнесли речи вице-губернатор Брянчанинов и архимандрит Иоаникий.

При торжественном пении колокол был перенесён в монастырь и водружён в Царской часовне.

От имени всех собравшихся была составлена телеграмма Государю Императору и отправлена на ближайший телеграф в Кемь на пароходе «Вера».

(«Петербургский Листок» № 217 от 09.08.1912 г.)

Гардероб Наполеона

Гардероб Наполеона в 1812 году составляли: два генеральских мундира, гвардии пехотных гренадёров, каждый в 360 франков — 720 фр., два егерские — 720 фр., две пары платья для охоты — 620 фр., два серые сюртука — 400 фр., городской партикулярный наряд — 200 фр., (NB. Военное платье сшито на три

года), 48 белых казимировых исподних платьев и столько же жилетов на 3 года — 3 840 фр., 2 халата, один из пике, другой фланелевый, — 500., 4 шляпы на 1 год — 100 фр., 48 фланелевых фуфаяк на 3 года — 1 440 фр., 4 дюжины рубах на 6 лет — 2 880 фр., 4 дюжины носовых платков — 576 фр., две дюжины галстуков — 720 фр., две дюжины полотенец — 200 фр., 24 пары шелковых чулок — 432 фр., 24 пары носков 72 фр., 1 дюжина мадрасовых платков 144 фр., 24 пары башмаков на 2 года — 312 фр., 6 пар сапогов на 2 года — 600 фр., помада, духи и о-де-колон — 260 фр. Всего на 16 532 франка.

В обратном походе из России, он ходил в зелёной бархатной венгерке с золотыми кистями, на собольем меху.

(«Русский Инвалид» №49 от 25.02.1839 г.)

Происшествия

30 апреля виленский полицмейстер, зайдя в кинематограф на Георгиевском пр., увидел молодого человека одетого в форму корнета Кавалергардского полка. Молодой человек, бывший в нетрезвом виде, находился в компании с каким-то подозрительного вида евреем и женщиной. Полицейстер обратил внимание на неловкость при отдании «офицером» чести и обращении с палашом, но приписал это его опьянению и молодости. Приехав в Ботанический сад, полицмейстер встретил там своих знакомых, которые обратили его внимание на то обстоятельство, что у молодого человека, одетого в кавалергардскую форму, неправильно пристёгнуты шпоры, чего полицмейстер в темноте кинематографа не рассмотрел. Получив подтверждение своих подозрений, полицмейстер тотчас же вернулся в кинематограф, но подозреваемого уже не застал. Выяснилось, что за подозреваемого расплачивался сопровождавший его фактор. Это ещё больше усилило подозрения полицмейстера. Отправившись в полицейское управление, полицмейстер получил сведения, что неизвестный кутит с той же компанией в Охотничьем ресторане. По прибытии туда, полицмейстер застал подозреваемого уже выходящим из ресторана. Не имея времени вызвать комендантского адъютанта, полицмейстер остановил кавалергарда и стал ему задавать вопросы. Неизвестный, несмотря на сильное опьянение, очень бойко и корректно представился полицмейстеру, но назвался не корнетом, а подпоручиком Кавалергардского полка светлейшим князем Салтыковым. Не желая поднимать скандал на улице, полицмейстер посоветовал мнимому офицеру сейчас поехать в гостиницу, в которой он остановился. Послушав совета полицмейстера, молодой человек сев на извозчика с женщиной и фактором, поехал в «Петербургскую» гостиницу на Островоротной ул. Полицейстер совместно с приставом отправился следом за ними туда и приказал швейцару тот час же потребовать от «офицера» паспорт. Возвратившийся швейцар доложил, что «офицер» документа не предъявил, сказав, что уехал из Петербурга без документа, а на клочке бумажки написал своё имя, назвав себя подпоручиком Кавалергардского полка кн. Салтыковым. Полицейстер, не

сомневаясь больше в самозванстве «офицера» поставил охрану в гостинице и вызвал адъютанта комендантского управления, который в 3 часа ночи арестовал неизвестного и отправил его на гауптвахту. 1 мая неизвестный, продолжая называться при опросе кн. Салтыковым, назвал фамилию командира Кавалергардского полка, а когда ему сказали, что командира полка запросят телеграммой, то отклонил это и наконец сознался, что он не окончивши коммерческого училища, Фёдор Лапшин, 20 л., проживает при отце в С-Петербурге, в д. № 30-40 по Старо-Петербургскому проспекту. 25 апреля, похитил у отца 700 руб. из письменного стола, он ушёл из дома и купив за 76 р. форму подпоручика Кавалергардского полка уехал в Ригу, где, гуляя в садах и увеселительных заведениях, представлялся встречным офицерам корнетом Воеводским, гулял с ними, но подозрений не вызывал. Из Риги поехал в Митаву где также подозрений не возбудил и, пробыв там два дня хотел ехать оттуда в Либаву, но на станции Муравьёво столкнулся с каким-то полковником, который сделал ему замечание, что он отдаёт честь, держа во рту папиросу. Не желая ехать с этим полковником, Лапшин пересел на другой поезд и приехал в Вильну в ночь на 30 апреля, где остановился в гостинице «Австрия» в месте с каким-то случайным знакомым из железнодорожных служащих, взял с собой фактора и случайную артистку и ездил с ними по городу до тех пор пока не был задержан полицмейстером. Переоделся он в кавалергардскую форму по его словам для того, чтобы с большим комфортом погулять и провести время. Других же преступных целей у него не было. Года два назад он также обокрал отца, захватив 900 руб., и прогулял эти деньги, но отец никакого дела против него не возбуждал.

(«Виленский Вестник» №2063 от 04.05.1910 г.)

Вычисление, сколько какое животное может прожить без пищи

Многие натуралисты утверждают, что крокодил может жить без пищи два месяца, скорпион три, медведь пять, хамелеон восемь, а ехидна (чёрная змея) десять месяцев; но жаба может, кажется терпеть голод несколько лет.

(«Русский Инвалид» №89 от 13.04.1839 г.)

В старину кареты считались в Европе большою редкостью. В Лондоне первые кареты появились в 1580 году. Во Франции первая карета принадлежала королеве Екатерине Медичи. Генрих четвёртый имел только одну карету для своего семейства. В 1658-м году было в Париже 310 карет, в 1758-м число их увеличилось до 14 000, а ныне считается там до 30 000 карет.

(«Русский Инвалид» № 123 от 18.05.1839 г.)

Лондонский дом Ротшильда

В великолепном доме Лондонского Ротшильда стены от пола до карниза выложены золотыми дощечками. Утверждают, что позолота каждого кресла стоит 50, а позолота каждой двери — 100 гиней.

(«Русский Инвалид» № 73 от 22.03.1839 г.)

Война и денежный сундук Европы

Борьба балканских государств за освобождение своих единоплеменников не встречает сочувственного отклика в Западной Европе. Главным образом это объясняется опасением за те миллионы франков, крон и фунтов стерлингов, которые вложены в турецкие предприятия.

Иностранная печать сообщает, что небольшая и не особенно богатая Швейцария рискует сотнями миллионов. Один Швейцарский банк поместил в Турции 63 миллиона франков. Почти каждое кредитное учреждение Женевы имеет в своём портфеле на 1-2 миллиона франков турецких ценностей.

Финансовая заинтересованность Швейцарии показывает, как велики суммы, помещённые в Турции французскими и английскими капиталистами.

(«Виленский Вестник» №2798 от 12.10.1912 г.)

Одежда Наполеона

В собрании коллекционера д-ра Барбо находится полная книга счетов наполеоновского портного Шевалье.

За знаменитый серый сюртук из луврского сукна было заплачено 200 франков. Тот же Шевалье шил за 160 франков шинель, которую в разгар боя император набросил на смертельно раненого солдата, сказав:

— Постарайся вернуть мне её, а я взамен дам тебе крест, который ты заслужил.

— Государь, — отвечал солдат, саван, который я сейчас получил, стоит креста, — и умер.

Беднягу схоронили, обернув в императорскую шинель.

Легендарную свою шляпу Наполеон часто заказывал у Пурнато и платил за неё по 48 франков до 1806 г., когда цена её повысилась до 60 франков, и она называлась уже не французская шляпа, а «французская касторовая шляпа».

(«Виленский военный листок» № 613 от 10.03.1912 г.)

Трудно нажитое богатство

Однажды посетил маршала Лefевра некто Д, школьный его товарищ и старинный приятель. Д. Не мог довольно надивиться великолепным чертогам герцога Данцигского и, между тем, вздыхал о своей неизвестной и скромной доле простого Парижского гражданина. «Любезный друг, я примечаю, что ты

завидуешь моему богатству?» — сказал маршал, — «Но ты можешь получить это гораздо дешевле, чем я, и вот с каким условием: позволь мне выстрелить в тебя двадцать зарядов на расстоянии тридцати шагов; и если ты останешься жив, то всё моё мнение перейдёт в твои руки.» — Помилуй, как это возможно? — вскричал Д. — «Ты боишься встать на эту бездельную пробу, — заметил ему маршал: — Я подвергался тысячам пуль и ядер на ближайших дистанциях, прежде чем нажил герцогский титул и блестящее состояние.

(«Русский Инвалид» №49 от 25.02.1839 г.)

Письмо. М.И. Кутузов — И.В. Торубаеву

16 октября 1812.

Слобода Полотняные Заводы.

Государь мой Иван Викулич!

Именем моим поручаю Вам успокоить купеческое и мещанское сословия, которые, как я слышал, пустыми слухами приведены в волнение о опасность. Уверьте их, что я ищу дать врагу сражение, но никак не ретируюсь, что цель моя не в том состоит, чтобы выгнать неприятелей из пределов наших, но чтобы, призвав в помощь всемогущего Бога, изрыть им могилы в недрах России. Уповайте на Бога, молитесь ему о поддержании сил и храбрости нашего воинства, исполняйте Ваши обязанности и будьте покойны. Вы есть и будете защищены, в том удостоверяет Вас всегда доброжелательный и усердный.

Князь Голенищев-Кутузов.

М.И. Кутузов — Е.И. Кутузовой

16 октября 1812.

Я, слава Богу, здоров, мой друг. Здесь, ей-Богу, всё хорошо. Наполеон бегает по ночам с места на место, но по сю пору мы его предупреждаем везде. Ему надобно как-нибудь уйти, и вот чего без большой потери своей сделать нельзя.

Детям благословение.

Верный друг Михайла Голенищев-Кутузов.

*(А.В. Шишов «Неизвестный Кутузов
новое прочтение биографии» Моск. 2001 г.)*

Примечание: русской армией в войне с Турцией в 1806-1812 командовал М.И. Голенищев-Кутузов. Число погибших в войне было свыше 100 тыс., из них более двух третей умершие от болезней, причём в летнее время, в стране имеющей более мягкий климат. Кутузов вёл войну за тысячи километров от обеих столиц и несколько сотен километров от баз снабжения. Так же и в предыдущих войнах с Османской Империей до 80% потерь русская армия несла не в бою, эти потери составляли умершие от болезней, о чём в армии хорошо знали.

Ближайшая, крупная база снабжения Наполеона находилась в Смоленске, примерно в 400-х километрах от Москвы. Русские города: Дорогобуж, Вязьма, Гжатск, Можайск да и Москва, а также множество сёл по дороге бы-

ли сожжены не зря. Командование русской армии прекрасно осознавало, что значит, вести военные действия вдали от баз снабжения, да ещё в зимнее время. Исходя из этого Наполеону изначально следовало учитывать то, что в случае затяжной войны до 80% потерь необходимо отнести на болезни, а не на сражения.

Ещё до Бородинского сражения Наполеон понёс огромные потери, заболевшими, умершими, дезертировавшими и наконец погибшими в боях.

О причинах потерь в войнах, не связанных с ведением боевых действий, интересные сведения приводит маршал Мармон, в своих мемуарах. Так о его встрече с Наполеоном 11 октября 1813 г., говорит :

«Наша беседа перешла на события кампании. Я откровенно критиковал её. Я заметил, что наши потери огромны, причём проистекают они не столько из-за сражений, сколько от недостатка заботы, продовольствия и помощи нуждающимся в этом солдатам. Я утверждал, что если бы в Дрездене было бы достаточно продовольствия и госпиталей, оснащённых всем необходимым для ухода за больными и ранеными, то его армия имела бы на пятьдесят тысяч человек больше.

— Итак, — добавил я, — помимо желания спасти пятьдесят тысяч человек, для того, чтобы сохранить боевую силу армии, вам не надо было бы набирать ещё пятьдесят тысяч новобранцев. Вместо надежды получить пятьдесят тысяч человек, вы бы реально имели пятьдесят тысяч старых закалённых солдат, причём непосредственно на театре военных действий. А те пятьдесят тысяч ещё нужно было бы собрать, одеть, вооружить и привести сюда, и это стоило бы, по меньшей мере, пятьдесят миллионов. Предположим, что увеличение расходов на хорошее содержание армии составило бы двадцать пять миллионов, что очень много, но это увеличение позволило бы вам сберечь пятьдесят тысяч человек и двадцать пять миллионов.

Всё это я ему показал с пером в руке. Сначала он ничего не ответил, но затем, уступив очевидности, с раздражением бросил:

— Даже если бы я выделил подобную сумму, у меня бы всё равно её украли, и всё так и осталось бы в том же состоянии.

Мне ничего не оставалось, возражая этому странному ответу, как предложить ему отказаться от управления и администрирования. Наполеон никогда не скупился на создание новых сил, но всегда жалел средства на поддержку и спасение того, что уже имелось, здравый же смысл подсказывал обратное». («МЕМУАРЫ МАРШАЛА МАРМОНА О НАПОЛЕОНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ», Москва, Рейтар, 2003 г.)

Врач французской императорской гвардии свидетельствует: «Со дня вступления в Вильну он не дал нам ни одного сантима звонкой монетой, а раздал жалование какими-то векселями, на которых должны были расписываться получатели; но из них нельзя было сделать никакого употребления, и касса моя с самого начала была пуста, так что когда представлялись случаи закупить что-либо нужное для полка, я не мог ими воспользоваться за неимением звонкой монеты.

Только с боя, да заставляя бежать жителей, успевали мы добывать себе прокормление. Скупость и жадность Наполеона — вот что было причиной этого недостатка в деньгах. Он хотел пополнить кассу жалованием людей, которые будут убиты». (ДЕ ЛА ФЛИЗ, «ПОХОД НАПОЛЕОНА В РОССИЮ В 1812 ГОДУ», Москва, 2003 г.)

В начале своей полководческой деятельности Наполеон иначе относился к выплате жалованья. «20 мая 1796 года командующий итальянской армией объявил подчинённым, что половину жалованья они будут получать в звонкой монете. Ни в одной из армий Республики так не платили. Он решил это единолично, ни у кого не спросив разрешения. В Париже эта чрезмерная самостоятельность вызвала недовольство, но в итальянской армии, естественно, решение командующего было встречено одобрением». (А.З. Манфред «Наполеон Бонапарт», Москва, 1989 г.)

Власть мудрости

Но видел я человека, поступающего в жизни мудро, это мне показалось важным. Великий царь воевал против маленького города с немногочисленными жителями и осадил его со своими войсками. Но в том городе был мудрый человек, который был беден, но мудростью своею спас город. Позже люди забыли об этом бедном человеке. Но всё же я говорю, что мудрость лучше, чем сила. Люди забыли о мудрости того бедняка и перестали слушать его. Но я до сих пор верю, что мудрость лучше.

Намного лучше крика правителя глупцов слова, спокойно сказанные мудрым.

Мудрость лучше меча и копья на войне.

Но погубить способен много хорошего один глупец. ЕККЛЕСИАСТ 8:16-10:3

Возраст полководца

Победа или поражение на войне в значительной степени зависит от управления. Сильная армия, соответствующее обучение и воинственность, затем основательная подготовка войны и т.п. всё это, конечно, увеличивает шансы победы, но в конце концов многое зависит от мастера, которому будет вручён хорошо отточенный меч, что бы он применил его к делу. История даёт нам много примеров, когда небольшая худшая армия, которая далеко не равнялась своему противнику, но предводительствуемая настоящим полководцем, одерживала победу за победой. В то же время много и таких примеров, когда сильные, прекрасно обученные и привыкшие к победам армии, терпели одни поражения, благодаря неудачному управлению.

Искусство войны бесконечно трудно даётся, а потому оно и выдвинуло лишь очень немногих мастеров. Появление такого мастера создавало в истории всегда особую эру.

Наполеон называет великими полководцами следующих семь вождей: Александра Македонского, Аннибала, Юлия Цезаря, Густава Адольфа, Тюренна, Принца Евгения Савойского, Фридриха второго Великого. Своё мнение Император подтверждает следующими цифрами:

Александр Великий сделал 8 походов и завоевал часть Азии и Индии.

Аннибал — 17 походов (1 в Испании, 15 в Италии, и 1 в Африке).

Юлий Цезарь — 13 походов (8 против галлов и 5 против легионов Помпея).

Густав Адольф — 3 похода (1 против русских и 2 в Германии против Австрийского дома)

Тюренн — 18 походов (9 во Франции, 9 в Германии).

Принц Евгений — 13 походов (2 против турок, 5 в Италии, 6 на Рейне и во Фландрии).

Фридрих второй Великий — 11 походов (в Силезии, Богемии и Эльбе).

Про самого себя Наполеон говорил так: «Я руководил в 14 походах: 2 в Ита-

лии, 5 в Германии, 2 в Африке и в Азии, 2 в Польше и России, 1 в Испании и 2 во Франции.

Талант полководца, как и всякий другой, должен быть врождённым. Опыт несомненно необходим, но занимает в этом случае лишь второе место. В доказательство приводим следующую таблицу, где указан возраст названных семи великих полководцев к тому времени, когда они начали самостоятельно руководить операциями.

Имя	Родился	Достиг первого успеха, как самостоятельный начальник.	Скольких лет.	Умер	Скольких лет.
Александр Великий.	356 г. до Р.Х.	В 335 г. (Поражение Балк. нар.).	21 г	323 г. до Р.Х.	32 л.
Аннибал.	247 г. до Р.Х.	219 г. (Завоев. Сагунта).	23,	183,	64,
Ю. Цезарь.	100 г. до Р.Х.	58 г. (Начало зав. Галлии).	42,	44,	55,
Г. Адольф.	1594 г.	1621 г. (Начало войны в Польше).	27,	1675 г. убит.	38,
Тюрени.	1611 г.	1644 г. (Пох. в Германию).	33,	1675 г. убит.	63,
Пр. Евген. Савойский.	1663 г.	1697 г. (сражение у Центы).	34,	1736 г.	72,
Фридрих Великий.	1712 г	1741 г. (Сраж. у Мольвиц).	29,	1786 г.	74,
Наполеон.	1769 г.	1796 г. (Итал. поход).	26,	1824,	51.

Из них только трое перешли 30 лет, остальные были моложе.

Без всякого сомнения Наполеон является величайшим полководцем всех народов, а может быть и всех времён. Из простого поручика артиллерии он достиг высшей власти, бессмертия, императорской короны и господства над половиной Европы. И всем этим он был обязан исключительно своим победоносным походам.

Подчинённые Наполеону маршалы, вышедшие из низших слоёв общества, благодаря способностям, подобно своему вождю, были по большей части молодцы.

В походе 1805 г. их возраст был: Император — 36 лет, его начальник штаба Бертье — 52 года, начальник конницы Мюрат — 34 года, из командиров корпусов: Бернадот — 41 год, Мортье — 37 лет, Ланн, Ней и Сульт — 36 лет, Даву — 35 лет, Мармон — 31 год, наконец командир гвардии Бессьер — 37 лет.

Рядом с Наполеоном должны быть указаны и полководцы последующего времени.

Князь Суворов-Италийский, родился в 1729 году, победитель во многих войнах с Турками, на Кавказе, затем в 1799 году в Италии и Швейцарии против французов.

Как самостоятельный начальник он одержал первую победу в Турецкой войне 1784 года, в возрасте 60 лет.

Умер в 1800 г. Великий Суворов за всё время своей службы в войсках ни разу разбит не был. Его действия и знания человеческой души отводят ему почётное место среди полководцев указанных Наполеоном.

Эрц-герцог Карл (Австрия), родился в 1771 году. Победитель Наполеона у Асперна. Его первые успехи были в войне против французов в 1796 году в возрасте 25 лет. Умер в 1847 году.

Герцог Велингтон (Англия) родился в 1769 году, побеждал войска Наполеона в Португалии и Испании и разбил его при Ватерлоо при содействии Блюхера. Первые успехи в 1808 году, на 39 году жизни. Умер в 1852 году.

Фельдмаршал князь Блюхер, родился в 1742 году. Видный деятель в войне 1813-1815 гг. В 1813 году был 70 лет. Умер в 1819 году.

Фельдмаршал граф Дибич, (Россия) родился в 1785 году, в 44 лет вёл победоносную войну с Турками в 1829 году. В 1831 году начальствовал войсками во время польского мятежа, во время которого и умер.

Фельдмаршал граф Радецкий (Австрия), родился в 1766 году. На 81 году жизни вёл победоносную войну в 1848-1849 гг. Умер в 1858 г.

Эрц-герцог Альбрехт (Австрия), родился в 1817 году. В 1866 году одержал блестящую победу у Кустоца на 49 году своей жизни.

Генерал-фельдмаршал фон Мольтке (Германия), родился в 1800 году. В возрасте 66 лет выиграл войну 1866 г. и затем 1870 г., которая является образцом стратегических и тактических действий.

Генерал М.Д. Скобелев, родился в 1843 г., умер в 1882 г. Участвовал в многих войнах. Первые успехи на ответственной должности достиг на 30 году своей жизни (Хива). В компании 1877 года, где его имя навсегда связано с успехом и победами, ему было 34 года.

Маршал Ойяма (Япония), наш счастливый соперник выиграл войну, имея свыше 65 лет от роду.

Из этого перечня видно, что великие полководцы все были молоды. Из прочих большинство в более старом возрасте. Однако мы не имеем основания предполагать, чтобы Суворов, Мольтке, Радецкий и др. не могли вести самостоятельно свои войска к победам в более молодом возрасте.

Я не имел в виду предрешать вопрос о возрасте полководцев, но приведён-

ные цифры могут дать материал для суждений о целесообразности предельного возраста. А.Н.С.

(«Виленский Военный Листок» № 80 от 11.11.1906 г.)

Примечание: По свидетельствам врача ирландца, на острове Святой Елены: «Наполеон довольно долго говорил о Бурбонах...Вместо того чтобы позволить сыновьям крестьян и рабочих получить право стать генералами, как это было в моё время, они хотят дать это право только старой аристократии, эмигрантам...Я же производил в генералы таких же, как я сам, таких, кто вышел из грязи. Когда я находил в человеке талант и мужество, я воздавал ему должное. Я придерживался принципа: карьера открыта для талантливых, не спрашивая о том, есть ли у них хотя бы четверть аристократизма. Это верно, что я иногда продвигал представителей старой аристократии, придерживаясь принципа политики и справедливости, но я никогда не питал к ним большого доверия». (Баррри О'Мира «Голос с острова Святой Елены», Москва, 2004 г.)

«...стремление к Вратам Истины... Это один из синонимов высшей мудрости. Некоторым типам человеческих существ свойственно это стремление, и когда их путь пролегает вне великого пути, он тернист, кровав и приводит к одному из тупиков, самый невинный из которых — смерть. Смерть в таких случаях даруется почти как награда....»

Мы заимствовали у нарбонских старцев(1) идею мирового правительства, мы стали ассасинами(2) и научились держать весь мир в страхе, как это делали они, а заодно мы внесли раздор и в их муравейник. Мы научились использовать все религии и поклоняться всем богам... А главное — мы научились пользоваться самым лучшим видом оружия. Деньгами».

(1) Нарбонн — город на юге Франции, в своё время являвшийся центром мирового еврейства, где находился еврейский синклит, состоящий из так называемых мудрецов или старцев. (О.Стампас, Тамплиеры, «Рыцарь Христа», Москва, 1996 г.).

(2) Ассасины — тайная организация шиитской секты исмаилитов, использующая метод тайных убийств и террора. (О.Стампас, Тамплиеры, «Великий Магистр», Москва, 1996 г.).

(Октавиан Стампас, Тамплиеры, «Древо Жизора, Проклятие», Москва, 1997 г.)

Черты из общественной жизни древних Египтян

Новейшие открытия в развалинах древнего Египта дают нам возможность несколько определить общественное его состояние; теперь мы знаем отчасти жизнь и семейные нравы Египтян, начиная от Царского Совета до колыбели младенца, и знаем из документов не письменных, но заключающихся в формах живописи и скульптуры, для познания которых не нужно никаких предварительных сведений или глубокого изучения, потому что ни один народ так легко не выражал понятий, определявших внешние формы цивилизации, как Египтяне.

Г. Вилькенсон, проживший много лет в пирамидах Фив и Мемфиса, для того собственно, чтобы снять сохранившуюся в них живопись, передать нам любопытные подробности об искусствах Египта, в самые отдалённые века его существования. В пирамиде Тутмоса третьего, современника Моисея, вероятно того самого, который упоминается в Св. Писании, изображён сапожник с ши-

лом и ножиком такой же формы, как у нас, прикрепляющий ремнём работу свою к ноге. На той же картине представлен столяр, вставляющий красное дерево в доску из Египетской смоковницы; подле него ящичек, испещрённый различными цветами; другой ремесленник prepares клей, которым товарищ его слепляет две дощечки. Искусство Египтян в сплавке и обработке металлов достаточно доказывается множеством вещей, наполняющих европейские музеи. Особенно хорошо знали они секрет придавать бронзовым пластинкам известную степень упругости, как это можно заметить на кинжале, находящемся в Берлинском музее; вероятно, это зависело от особенного способаковки металла и строгого соблюдения пропорции в сплавке. Известные привычки людей одного ремесла встречаются в странах и веках, отдалённых между собою иногда целыми тысячелетиями; так, например: на Египетских картинах часто видите писца, который, вступая в разговор с кем-нибудь, кладёт тростниковое перо за ухо.

Раздувные мехи, также были известны Египтянам. Для этого они употребляли род кожаного мешка с отверстием в конце, когда надобно было раздувать, давили ногою, потом приподнимали бок его привязанною к нему верёвочкой и таким образом снова втягивали воздух. В пирамиде Амунольфа, жившего за 1450 лет до Р.Х., изображён египтянин выкачивающий насосом грязь с того места, где нельзя её было засыпать. Поводом к изобретению этого инструмента, была вероятно вода, которую Нил оставлял после своего разлития.

Множество картин, представляющих пиры и праздники, показывают, что Египтяне были народ общежительный: они не выпускали из виду ничего такого, что могло возбудить или умножить весёлость; у них была музыка, песни, пляски и даже скакуны. Время между приходом собеседников и началом пиршества проходило в азартных играх. Особы высшего звания приносимы были в качалках, в сопровождении многочисленной свиты: тут же показывались иногда скороходы, на которых в прошедших веках была мода в Европе. В первой комнате омывали руки и ноги, как водилось это почти у всех древних народов: потому что они не знали перчаток, а сандали не закрывали ног их совершенно. При известных случаях, приходящим гостям подавалась одежда, и не одеться в неё значило обидеть хозяина. Это обыкновение объясняет известную Евенгельскую притчу, где говорится, что гость с бесчестьем выведен был с пира за то, что не оделся в праздничное платье, обстоятельство, которое возбудило сильные возражения в философях восемнадцатого века, не знавших особенных приличий в пирах древних. Далее изливались на гостей драгоценные благовония: этот обычай, кажется был перенят также у Египтян Иудеями. В упрёках, делаемых Пророком Амосом Иудеям, за роскошь их стола, можно читать описание Египетского пира.

Труппа плясунов по ремеслу состояла из мужчин и женщин; мужчины делали быстрые движения, смелые прыжки, или ходили вверх ногами. В карикатурах Египтяне живописцы выказывают большой талант. В британском музее находится одна картина, где представлено собрание женщин, спорящих с характерной живостью и духом соперничества о красоте своих серёг и уборке волос.

Женщины играли в мяч, и той из них, которой не удалась игра, прочие сидели на спине. Эта игра известна была и у Греков; они называли побеждённых ослиами, потому что, подобно этим животным, они обязаны были повиноваться и служить выигравшим. На праздниках находились и Фигляры. Профессор Розелини издал одну гравюру, на которой изображены четыре опрокинутые чаши; под одной из них спрятан шарлотаном шар; лукавый взгляд фигляра показывает в нём мастера своего дела; между тем представленный тут же один простачок угадывает, под которой чашей находится шар. Трудно найти в наше время какое-нибудь обыкновение или забаву, которая была бы неизвестна во времена Фараонов. Так например, тогда как гости с приветствием поочередно подходили к хозяйке дома, подле неё обыкновенно стояла обезьяна, собачка или газель; детские игрушки в Египте были так же разнообразны, как и у нас. Карлы, бывшие при дворе французских королей назад тому два века, были и при домах египетских вельмож, которые при том, по суеверию, нередко брали к себе творения безобразные или имевшие хоть несколько сходства с одним из главных богов Мемфиса, отвратительным Феа-Сокари-Озирисом. Странно что египтяне, за 3500 лет, имели такой же вкус, какой в последствии царствовал в Риме и Европе.

Не был забыт Египтянами так же и бой быков; только их торреадоры были бесстрашнее Испанских; обыкновенно они нападали на разъярённого животного с одною только свободною рукой, а другую связывали, желая показать тем свою храбрость и ловкость. Место не позволяет нам представить здесь всех сходств, какие можно заметить между обычаями народов древних и новейших. Верность сказаний Моисеевых раскрывается ими во всём блеске. Многие любопытные подробности по этому предмету можно найти в сочинении профессора Розелини, достойного преемника Шампольона. Ж. М. Н. П.

(«Русский Инвалид» №239 от 29.09.1839 г.)

Развалины Карфагена

Сколько воспоминаний пробуждает в уме одно имя Карфагена! Этот знаменитый город был основан за 883 года до Рожд. Христова, колонию Финикиян, удалившихся из отечества своего под предводительством Дидоны, прославленной Вергилием, в поэтическом его рассказе. Окружённые песками и морем, Карфагеняне вполне предали наследственному стремлению к торговле, и вскоре отняли скипетр морей у первобытного своего города Тира. Торговля сделалась божеством их, и для неё жертвовали они всем. Не ищите в истории Карфагена Афинских искусств, или учёных установлений Египта: промышленность, торговля занимали людей, и были единственным источником их богатства и славы. Даже войны их были только торговыми соображениями, и средством к распространению промышленности, для которой они владели Испаниею, Сицилиею, Сардиниею. Корабли их плавали не по одному Средиземному морю, но рыскали и волны Океана, приставали к самым отдалённым берегам, и приносили богатства из всех стран. Неустрашимые мореплаватели

карфагенские, не смотря на несовершенство тогдашних кораблей и вообще кораблеплавания, проникли в неведомые моря, омывающие северную Европу, и торговали на берегах Англии и Галии, так же как на раскалённых побережьях западной и даже южной Африки, где бродящие орды отдавали им за бесценок золото и слоновую кость. Даже есть повод думать, что Америка не была неизвестна Карфагенянам; по крайней мере несомненно, что они каждый год посылали многочисленные флоты к земле отдалённой, которую называли Атлантидой, и которая была далеко за Гибралтарским проливом.

С другой стороны Средиземного моря возвышался могущественный город. Рим покорил все небольшие народы Италии, и весь Итальянский полуостров повиновался его власти. Море было границею его с Карфагеном; но вскоре первым поводом к продолжительной, кровавой расправе между Карфагенянами и Римлянами стала Сицилия, и они сражались на земле её с переменным успехом до 265 года, когда начались решительные войны их, известные под названием Пунических. «Воспоминание об этих войнах», говорит Мишле, не без причины осталось в умах столь народным и живым. Эта борьба должна была решить не только судьбу двух городов или двух государств; дело шло о господстве над миром: кому будет принадлежать оно? Индо-Германскому или Семитическому поколению? Вспомним, что первое из этих двух семейств народов включает в себе, кроме Индийцев и Персов, Греков, Римлян и Германцев; к другому принадлежат Жиды, Арабы, Финикийцы и Карфагеняне. С одной стороны гений героизма, искусства, законодательства; с другой дух промышленности, мореплавания, торговли. Эти два неприязненные поколения везде встречались, везде нападали одно на другое. В первобытной истории Персии и Халдеи, герои беспрестанно поражают своих промышленных и вероломных соседей. Эти соседи ремесленники, кузнецы, минеры, чародеи. Они любят золото, кровь, удовольствия. Они воздвигают башни, достойные Титанического честолюбия, устраивают воздушные сады, волшебные палаты, которые истребляет, изглаживает с лица земли меч воинов. Борьба возобновляется на всех берегах Средиземного моря, между Финикийцами и Греками. На Востоке, греки везде занимают места контор и колоний, как займут их на западе Римляне. За то, с какою яростью Финикийцы нападают на Грецию при Саламине, под покровительством Ксеркса, в тот же год как братья их Карфагеняне высаживают в Сицилии страшную армию, которую Гелон истребил под Пимерой! Греки хотели кончить дело, и в позднейшее время напади на своих вечных врагов у них дома. Александр сделал против Тира больше чем Салманассар или Навоходоносор. Он не только истребил Тир, но и постарался, чтобы он не восставал никогда; он заменил его Александрией, и навсегда переменял путь всемирной торговли. Оставался великий Карфаген, и власть его, больше могущественная, нежели Финикийская; Рим истребил его. Тогда явилось событие, нигде не встречаемое в истории: целая образованность исчезла вдруг, как падающая звезда. Перипл, Ганнона, несколько медалей, двадцать стихов в Плавте: «вот всё, что остаётся от Карфагенского мира!»

Развалины Карфагена

Окончание

Борьба Рима с Карфагеном была отчаянная, смертельная. Африка видела себя униженною после первой войны, продолжавшейся несколько лет. Тяжёлые условия мира стеснили торговлю Карфагена, и он при первой возможности снова взялся за оружие. Тогда восстал человек, вышедший из стен ещё ребёнком, человек, который в Испании превратил в пепел Сагунт, союзный Римлянам, прошёл сквозь леса Галии, посреди свирепых и воинственных народов, перешагнул через Альпы с горстью солдат, кинулся на обширные равнины, орошаемые рекою По, и тремя кровавыми битвами привёл в ужас Рим. Поддерживаемый только смертельной ненавистью, которую поклонялся на алтаре и в объятиях своего отца, к сопернику своего отечества, он пятнадцать лет противился всем усилиям Италии; принужденный отступить, он возвратился в Африку, и там бился с юным и блестящим своим противником, покуда неблагодарность сограждан не заставила его удалиться в Малую Азию, искать новых врагов Риму. Вдали от своего отечества, он умер почти забытый им, но не Римским Сенатом, который вздохнул свободно только после его смерти. Этот человек был Аннибал. Когда могучая рука его не могла более защищать Африки, гибель Карфагена сделалась неизбежна. Несмотря на отчаянную храбрость жителей города, он пал под ударами Спациона, который оставил на месте его только груды дымящихся развалин. На них-то Марий, при лучах западающего солнца, размышлял о непрочности счастья. Последняя Пуническая война была окончанием истории Карфагена. Все три войны продолжались около ста двадцати лет, с промежутками, и оставили в памяти народов многие знаменитые имена, как-то: Регула, Амилькара, Спационов, Фабия, Аннибала и Софонисбы, дочери Асдрубала, которой прелести имели такую власть над Нумидийцем Сифаксом.

Прошло много лет. Рыбаки восстановили город из пепла, и по воле Августа он снова сделался обширным и блестящим. В этом-то новом Карфагене, молодой знаменитый боярин проводил буйную молодость, открывал душу свою всем страстям, и, обращённый к добру молитвами своей матери, прославился святою жизнью и красноречием, когда, называясь уже Святым Августином, (1) слезами описывал историю своих заблуждений.

Как бы в доказательство, что ни века, ни истребление не могли уничтожить ненависти Карфагена к Риму, ещё раз вышли из его гаваней флоты, на истребление цветущих берегов Тибра. Город Цезарей уже не произносил без ужаса имени Карфагена, потому что за стенами его бодрствовали полудикие Готы, предводительствуемые Алариком и Гендзериком. Варварам казалось, что предсмертное страдание Рима слишком продолжительно, и они ускорили минуту падения его ... Наконец Африканский город подпал власти Мавров, а во время крестовых походов в нём скончался Святой Людовик, король Французский. Прошло ещё несколько сот лет, и уже глубокий мрак покрывал историю этого города: варвары и время истребили его совершенно.

Что остаётся, или, по крайней мере, что видим теперь на месте древнего Карфагена? Он был построен на полуострове, и разделялся на три части, на месте которых теперь небольшая деревня Аладкат. Вал, фланкированный башнями, окружал его; подле вала было построено огромное здание, где помещалось 300 слонов и 4 000 лошадей, с запасами корма для них; невдалеке казармы, для 20 000 человек пехоты и 4 000 конницы. Две гавани подле города соединялись небольшим каналом; посреди военной гавани находился островок, занятый, по большей части, дворцом адмирала и окружённый убежищем для галер. Этот островок назывался Кофон. Цитадель Бирса возвышалась на холме, невдалеке от храма Эскулапова, где жена и дети Асдрубала закололи себя, чтобы не пережить гибели отечества и поношения отца своего семейства.

Пунический язык неизвестен почти совершенно: небольшой отрывок о нём, включённый в одну из Латинских комедий, остался единственным его памятником, и, судя по этому отрывку, можно заключить, что Карфагеняне говорили древним Халдейским наречием. Несколько отрывков, сохранившихся в переводах составляют для нас всю литературу Пуническую.

Путешественник, увлечённый бурей к берегам Карфагена, только в воспоминании своём отыщет древний город Дидоны. Несколько следов морских построек, несколько цистерн и обломки водопровода; но уже Римской работы, вот всё, что можно увидеть там, где прежде кипело огромное народонаселение, возвышались великолепные здания, и бесчисленные корабли покрывали гавань! Новейшие разрытия на месте Карфагена доставили несколько ваз, довольно изящно сделанных, медалей и резных камней, с изображением луны, солнца звёзд. Это подтверждает мнение учёных изыскателей, что религией Карфагена была отрасль религии огнепоклонников.

Можно надеяться, что французы утвердившись на берегах Африки, доставят учёному миру какие-нибудь новые сведения о Карфагене. Для описания тамошней местности и для разрытий, уже назначена комиссия, которая вскоре должна приступить к любопытным своим изысканиям.

(«Русский Инвалид» №42 от 13.02.1839 г.)

Примечание: Финикия находилась на восточном побережье Средиземного моря, города Библ, Сидон, Тир.

Завулон. (одно из колен — родов Израилевых).

Завулон будет жить у моря, берег его будет безопасен для кораблей, земля его будет простираться до самого города Сидона. БЫТИЕ 49:8-30.

Открытие в Карфагене

Сир Гринвель Тепль сделал важные открытия в развалинах Карфагена: найдены более 700 монет и разная утварь, стеклянная и глиняная, в остатках храма Ганафы, или Juno celestis, и открыта вилла, на берегу моря, в 15 футах от поверхности земли. В ней найдено много комнат, а в них драгоценные мозаики, в роде геркуланских, также и человеческие скелеты.

(«Русский Инвалид» №112 от 04.05.1839 г.)

Вокруг Золотого Тельца

«Золото» — так озаглавлен новый роман Виктора Маргерита, о котором «Temps» даёт отчёт в связи с другим, сходным по теме романом: «Трость» Поля Адана.

В романе Виктора Маргерита множество действующих лиц, но все они объединены одной и той же страстью: «Даво, Мираль, Лефриз, Можителонны, г-жа Лафайль, Геенарж — все они разбойники под маскою законности и права, говорит Маргерит; другие, с набитыми карманами, равнодушно следят за их работой; те, у кого в кармане пусто, жаждут им подражать и подражают, если хватает смелости; все эти победители в общественной борьбе, сверху донизу, действуют по одному побуждению; единственный бог царит над всеми их верованиями, пороками, добродетелями, притязаниями, порывами и ленью: золото».

Таковы же герои Поля Адана в его «Трости». «Золото в его руках, говорит автор про одного из действующих лиц, всегда будет сверкать скипетром, а не будет лишь доходом рантье, барышом купца... Сила, высшая вещественная и всё возрастающая вслед за новыми выпусками акций, символизируемая последовательным повышением их ценности без всякого определённого соотношения с действительным(1) промышленным или финансовым достоянием — вот, что занимает таких, как Клэморган, Эрикур и Жумильяк. Они умеют довести до энтузиазма доверие толпы, превратить его в кредит и выплатить в качестве жалованья». Золото оказывается теперь орудием всемирного господства как над старой Европой, так и над юной Америкой и даже над землёй фараонов, где заглохло человеческое мышление.

Господствовать над природой и человечеством посредством золота — таково притязание героев «Трости». Предки упомянутого Эрикура, служа в наполеоновских армиях, побеждали железом. Потомки переменили металл. Теперь дело не в том, чтобы искрошить саблями несколько тысяч австрийцев, русских или пруссаков, как это совершалось при Аустерлице или Иене. То была старая игра. Новая состоит в переводе на золото всех ценностей земли, воды и неба. Жажда наживы заменила стремление к завоеванию. Земля была полем битвы, теперь превратилась в базар. Сборище завоевателей в погоне за новыми землями сменились сборищами акционеров в погоне за большими дивидендами.

Полю Адан проявляет удивительную осведомлённость в международной деловой жизни или, вернее, жизни дельцов.

Виктор Маргерит не вдаётся в такое разнообразие и универсальность, обрисовывая адский танец вокруг Золотого Тельца.

Последнее время, замечает «Temps», мы присутствуем при падении военных и религиозных добродетелей. Обет бедности, даваемый некоторыми ради своей личной свободы и возможности деятельного или созерцательного совершенствования, многими теперь принимается за роль признания в недостаточной пригодности для общественной жизни. Грозная «Ликвидация» лишила человеческую душу многих прекрасных качеств, некогда поддерживавших, между двумя таинственными пределами человеческого существования, неуверен-

ное поступление вперёд человечества. Борьба за существование стала игрой, в которой учителя нравственности отныне разрешают игрокам плутовать.

Финансист, который мог бы разбогатеть честно, предпочитая медленности нормального процесса плутовство и заменяет действительные ценности вздутыми бумагами, питая одурачиваемых им бесплодным дымом фантастических приёмов bluffa.

Политик, который мог бы сражаться и бороться со своими противниками в честном бою, также плутов, предпочитая всаживать нож в спину. Он одурачивает своих избирателей и при этом хохочет.

С верхов до низа раздаётся хохот людей, находящих одурачивание друг друга весьма забавным. Но так как одурачиваемые плутуют не меньше одурачивающих их — в этой зловешей и в то же время смехотворной картине плутовства никто не искренен.

*(«Виленский Вестник» №2053 от 22.04.1910 г.
статья дана с сокращением)*

(1) Это принцип финансовой пирамиды — точно так же действовало, всем известное АО «МММ».

Илья Ильф и Евгений Петров написали романы «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок», которые впервые были опубликованы — первый в 1928 и второй в 1931 году.

«32 Народ увидел, что прошло уже много времени, а Моисей всё не спускается с горы. Тогда люди собрались вокруг Аарона и сказали ему: «Моисей вывел нас из Египта, но мы не знаем, что с ним случилось, поэтому сделай нам богов, чтобы они шли впереди и вели нас. Аарон сказал народу: «Принесите мне золотые серьги ваших жён, сыновей и дочерей».

И вот весь народ собрал свои золотые серьги и принёс их Аарону. Аарон взял у народа золото и сделал из него статую тельца, вырезав её резцом. И сказал тогда народ: «Вот боги твои, Израиль! Вот боги, которые вывели тебя из земли Египетской!» ...

И сказал Господь Моисею: «Спустишься с этой горы. Твой народ, который ты вывел из Египетской земли, совершил великий грех! ...

Подожди к стану, Моисей увидал золотого тельца и танцующий народ. В сильном гневе Моисей бросил на землю плоские камни, и они раскололись на куски у подножия горы.

И тогда Моисей уничтожил сделанного людьми тельца: он расплавил его в огне, потом истолок золото в пыль, бросил её в воду и заставил израильский народ выпить эту воду.» ИСХОД 32:21-33:1)

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания сержанта Бургоня

1. Глава первая	3
2. Глава вторая	31
3. Глава третья	37
4. Глава четвертая	44
5. Глава пятая	57
6. Глава шестая	77
7. Глава седьмая	95

Ростопчинскія афиши 1812 года

Предисловие	140
Приложения	153

**Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год.
Воспоминания сержанта Бургоня. – Библиотека мемуаров. –
М.: "Правда–Пресс", 2005. 288 с.**

**Составитель
Сергей Владимирович Кочнов**

Подписано в печать 29 марта 2005 года.
Формат 60x90 1/16. Объем – 18 п.л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ОАО "Щербинская типография"
117623. Москва, ул. Типографская, д. 10.
Зак. 545